

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

Серия

“История и политические науки”

№ 4

Москва
Издательство МГОУ
2009

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

**Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - № 4. -
2009. - М.: Изд-во МГОУ. - 216 с.**

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007, в апреле 2008 г. и в январе 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

Содержание

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ПОПОВ Г.Г. Некоторые города Волго-Окского междуречья в XII – XIV вв. По данным археологических экспедиций 1930 – 1940-х гг., К вопросу о характере развития Северо-Восточной Руси в монгольский период	7
КИПРИЯНОВА Н.В. Экономические и социокультурные аспекты церковного раскола (по материалам Владимирской губернии)	12
БЕЛОВ А.В. Русский провинциальный город в середине XIX века. Формы и функции городского развития ..	19
СУХОВА Н.Ю. Православные духовные академии в 1850–60-х гг. и реформа 1869 г.	23
КОВЫЛИН Д.А. Деятельность кредитных кооперативов в казачьих станицах Южного Урала в конце XIX – начале XX века	28
ТРУХИН М.Д. Российские истоки идеи Учредительного собрания и отношение к ней неонародников в конце XIX – начале XX веков	33

РАЗДЕЛ II.

ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ЛИПАТОВА Н.В. Учитель, общество и власть: взгляд сквозь призму политпросвещения 20-х годов XX века ...	36
КУЛЕШОВ А.С. Судьба Т.А. Аксаковой в контексте политических процессов XX в.	40
ХОДАКОВСКИЙ В.В. Положение иностранных рабочих в Воронеже в годы первой пятилетки	45
ПАВЛОВ С.В. Фронтовая бомбардировочная авиация ВВС РККА накануне Великой Отечественной войны ...	49
ШЕВЧЕНКО В.Н. Планирование военно-промышленного производства в начальный период Великой Отечественной войны	57
ГАЙДИН С.Т. Рациональное использование природных ресурсов как фактор решения экологических проблем Восточной Сибири (1946–1991 гг.)	62
МАРКИН Д.Г. Немцы Калининграда: опыт взаимоотношения с местными властями (1945-1948 гг.)	68
ЛЕТУНОВСКИЙ П.В. О некоторых аспектах деятельности военных комиссариатов Брянской, Калужской и Смоленской областей России по подготовке молодёжи к военной службе в 60 - 70-е годы XX века	71
ХАМИДУЛЛИН Н.Р. Вопросы социальной защиты семей военнослужащих сухопутных войск в 1992-2005 гг.	74
КАМОЛОВ С.Г. Государственная жилищная политика как политический инструмент в строительстве нового общества в России	81
МУКАНОВА А.С. Советская национальная политика и ее роль в формировании взглядов на феномены «нация» и «национализм»	87
БАГУЛИН А.В. Иконографические проблемы территориального герботворчества современной России	91

РАЗДЕЛ III.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

АРЖАНОВ К.А. Административно-политический статус Неаполя Скифского	94
ПУЧКОВ П.А. Церковь и религия в «Сказке бочки» Джонатана Свифта	96
СЫТИН А.Н. Пограничное урегулирование между странами Балтии и Россией	101
СЫТИН А.Н. Энергетический фактор во взаимоотношениях стран Балтии и России в 2005-2008 гг.	107
ЛОМАКИНА И.С. Политика координации Евросоюза: тенденции и особенности развития	114
ШЕЛУДЧЕНКО Н.П. Сотрудничество Германии и России в области науки и образования в начале XXI века	119

РАЗДЕЛ IV.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВОЛОБУЕВ О.В. Феодальная революция в трактовке Н.А. Рожкова	124
НАУМОВ О.Н. Петербургская генеалогическая школа: к проблеме концептуального осмысления истории русской генеалогии	131
СМИРНОВА С.А. Освещение Екатерининской эпохи в школьных учебниках конца XIX – начала XX века	138

АБРАМОВ А.В. Политическая элита как высшая политическая страта общества: подходы и исследовательские стратегии	142
АХВЛЕДИАНИ Н.Р. Влияние СМИ на патриотическое воспитание современной молодежи в России	146
БЕКБОСЫНОВ М.Б. Политические проблемы субъектности регионов в структуре федеративных отношений в РФ	149
ДЕМЕНТЬЕВ В.Е. Условия функционирования гражданского общества в его взаимодействии с государством	152
КИРСАНОВ А.И. Взаимосвязь наркобизнеса с транснациональными преступными организациями	158
КИРСАНОВ А.И. Слияние наркобизнеса с организованной преступностью	165
ЛИСОВА С.Ю. Политико-правовой инструментарий регулирования в СМИ информации о межэтнических отношениях	170
ВОРОНИН С.А. Ислам как средство артикуляции интересов. Религиозный фундаментализм как тип легитимизации политического лидерства	175
ПИРОГОВА Л.И. Социальное управление в информационном обществе	180
ЧУРКИН М.Г. Дискурсивный анализ процесса политической коммуникации в политологическом обосновании политического лидерства в условиях постсоветских трансформаций	185
КРЫЛОВ Д.В. Несформированность политической субъектности предпринимательства как проблема формирования и осуществления государственной политики в отношении предпринимательства в современной России	187
ВОРОНКОВА И.Е. Кадеты о внешнем могуществе государства сквозь призму внутренней политики	193
ПЕЩЕРОВ Г.И., ПЕЩЕРОВ В.Г. Социально-политические проблемы развития региональных образовательных систем в контексте социокультурной трансформации Российской Федерации	198
ЗАХАРОВ В.Ю. Конституционные замыслы участников антипавловского заговора	202
ТАТОЧЕНКО В.В. Восприятие провинциальной периодики в Ярославской губернии в начале XX в.	204
ЧИБИСОВ О.В. Понятие «российская диаспора»: теоретико-политологический анализ	207
НАШИ АВТОРЫ	211

Contents

SECTION I. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

G. POPOV. Some cities of Volgo-Oksk region in XII-XIV centuries according to archeologic expeditions 1930 – 1940 th , to a question on character of development of northeast Russia during the mongolian period	7
N. KIPRIYANOVA. Economic and social-cultural aspects of church split (on materials of the Vladimir province)	12
A. BELOV. Russian Provincial City in the Middle of the XIX Century. The forms and functions of urban development	19
N. SUKHOVA. Orthodox ecclesiastical academies in 1850-60 and reform of 1869	23
D. KOVYLIN. The credit cooperatives activities in Cossack villages of South Ural in the end of the XIX – beginning of the XX century	28
M. TRUKHIN. Russian idea's origins of constituent assembly and relations of neo-narodniks to it in the end of 19 th century and in the beginning of the 20 th century	33

SECTION II. HISTORY OF RUSSIA OF THE NEWEST TIME

N. LIPATOVA. Through a prism of political education: Teachers, Society and the Soviet Regime in 1920s	36
A. KULESHOV. Destiny T.A. Aksakova's in the context of the political processes of xx century	40
V. KHODAKOVSKIY. Position of foreign workers in Voronezh in the period of the first five-year plan	45
S. Pavlov. AIR FORCE FRONT-LINE BOMBER AVIATION OF THE WORKING AND PEASANT RED ARMY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ...	49
V. SHEVCHENKO. War-Industry production planning during the beginning of the Great Patriotic War	57
S. GAIDIN. Efficient use of natural resources as factor of environmental problem solving in Eastern Siberia (1946–1991)	62
D. MARKIN. Germans in Kaliningrad: experience in relations with local government (1945-1948)	68
P. LETUNOVSKIY. About some aspects of activity of soldiery commissariats of Bryansk, Kaluzhskoy and Smolenskoy areas of Russia on preparation of young people to military service in 60 are 70-e years of XX age	71
N. HAMIDULLIN. Items of the social protection of families of military men of the ground forces in 1992 – 2005	74
S. KAMOLOV. The state housing policy as the political tool in building of the new society in Russia	81
A. MUKANOVA. The Soviet nationality policies and its influence on understanding the phenomena «nation» and «nationalism»	87
A. BAGULIN. Iconographical problems of the territorial creation of the arms in modern Russia	91

SECTION III. GENERAL HISTORY

K. ARZHANOV. Administration and political status that Scythian Neapol	94
P. PUCHKOV. Church and religion in Swift's "Tale of a tube"	96
A. SYTIN. Boundary settlement between the Baltic States and Russia	101
A. SYTIN. Energy factor in the relations between Baltic States and Russia in the 2005-2008	107
I. LOMAKINA. EU policy coordination: tendencies and peculiarities of its development	114
N. SHELUDCHENKO. German-Russian collaboration in scientific and educational field at the beginning of the 21 st century	119

SECTION IV. HISTORIOGRAPHY

O. VOLOBUEV. Feudal revolution in N.A. Rozhkova's treatment	124
O. NAUMOV. Petersburg Genealogical School: to the problem of conceptualization of history of Russian genealogy	131
S. SMIRNOVA. Lighting of Ekaterina epoch in the school textbooks on Russian history of the end of the XIX century and beginning of the XX century	138

SECTION V.
POLITOLOGY

A. ABRAMOV. Political elite as the supreme political group of society: approaches and research strategy	142
N. AKHVLEDIANI. Influence of mass-media on patriotic education of modern youth in Russia	146
M. BEKBOSYNOV. Political problems of subjectum regions in structure of federal relations in the Russian Federation	149
V. DEMENTYEV. Conditions of functioning of the civil society in its interaction with the state	152
A. KIRSANOV. Interrelation of narcobusiness with the transnational the criminal organizations	158
A. KIRSANOV. Merge of narcobusiness to the organized crime	165
S. LISOVA. Politico-legal toolkit of regulation in mass-media of the information on interethnic relations	170
S. VORONIN. Islam as a means of articulation of interests. Religious fundamentalism as a kind of legitimization of political leadership	175
L. PIROGOVA. Social management in the information society	180
M. CHURKIN. The diskursivnyj analysis of process Political communications in the politological Substantiation of political leadership in conditions Post-Soviet transformations	185
D. KRYLOV. Non-formation political subjectivity businesses as a problem of formation and realisation of a state policy concerning business in modern Russia	187
I. VORONKOVA. Cadets about foreign power of the state in the light of home policy	193
G. PESHEROV, V. PESHEROV. Social and political problem evolution the regional education system is context social and cultural transform of Russia	198
V. ZAKHAROV. Constitutional projects of the participators of the conspiracy against Paul I	202
V. TATOCHENKO. Perception of the provincial periodical press In the Yaroslavl province in the beginning of XX century	204
O. CHIBISOV. Concept «the Russian diaspora»: the teoretiko-politological analysis	210
OUR AUTHORS	211

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47+57).03+904(47+57)“11/13”

Попов Г.Г.

НЕКОТОРЫЕ ГОРОДА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В XII – XIV ВВ. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1930 – 1940-х гг., К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД*

Аннотация. Статья посвящена проблемам последствия монгольского завоевания на ход развития Владимиро-Суздальской Руси и генезиса Московского государства. В исследовании отставляется точка зрения, что возвышение Москвы произошло не за счет социально-экономических причин, а в основном за счет хороших политических отношений с Золотой Ордой. Данная точка зрения аргументируется обобщенными в статье результатами археологических экспедиций.

Ключевые слова: Владимиро-Суздальская Русь, Московское государство, монгольское завоевание, археология средневековой Руси.

В последние двадцать лет характер монгольского завоевания Руси подвергся в российской исторической науке пересмотру в пользу теории даннической зависимости русских земель от Золотой Орды. Л.Н. Гумилевым была даже выдвинута концепция союза Северо-восточной Руси и Орды против латинского Запада, что в общих чертах является продолжением исторической концепции евразийцев [Попов Г.Г.: с. 3 – 8]. Многие исследователи сегодня придерживаются концепции «мягкого» завоевания Руси монголами, в результате которого русский народ понес незначительные потери, не подвергшись при этом серьезному культурному влиянию Востока [9]. Как аргумент концепции «мягкого» завоевания, выступают данные археологии, которые, якобы, подтверждают бурный рост городского строительства на Руси в монгольский период. Правда, не всегда в исследованиях делается подробный анализ археологических данных, вместе с тем, последний дает нам информацию о состоянии городов Волго-Окского междуречья – колыбели Московского государства и царской Руси – которая противоречит концепции «мягкого» завоевания.

В статье дается обзорный анализ развития

Северо-восточной Руси по археологическим данным, собранным некоторыми экспедициями в нескольких городах Волго-Окского междуречья. Целью анализа, насколько это возможно в рамках столь краткого исследования, является выявить характер политических и социально-экономических процессов на территории центра будущего Московского царства в XII – XIV вв.

Русская история содержит немало парадоксов, одним из них является генезис Московского государства в наименее экономически и культурно развитом регионе средневековой Руси. Если колыбели английского и французского государств – долины Темзы и Сены – обладали в Средневековье значительным потенциалом развития, доставшимся как наследие от римского прошлого, то Волго-Окское междуречье таким потенциалом не обладало, и мы увидим это ниже, рассмотрев результаты нескольких ранних археологических экспедиций. Но любой парадокс должен иметь научное объяснение, и мы попытаемся его дать в настоящем исследовании.

Для анализа взяты несколько городов Волго-Окского междуречья: Москва, Суздаль, Дмитров, Звенигород, Коломна, Перемышль, – кратко затронуты также Владимир и некоторые другие города. Начнем с Коломны, поскольку данные строительства укреплений этой важной в средние века крепости дают нам хороший повод для размышлений.

По Коломне мы имеем относительно точные и важные археологические данные по созданию деревянных оборонительных сооружений, они говорят о следующем. Во-первых, все коломенские деревянные оборонительные сооружения датируются культурными слоями XIII – первой половины XV вв., это указывает на то, что Коломна к моменту нашествия Батыя была молодой крепостью, а масштабная славянская колонизация этого района бассейна Оки началась довольно-таки поздно (восточные славяне при освоении нового

---

* © Попов Г.Г.

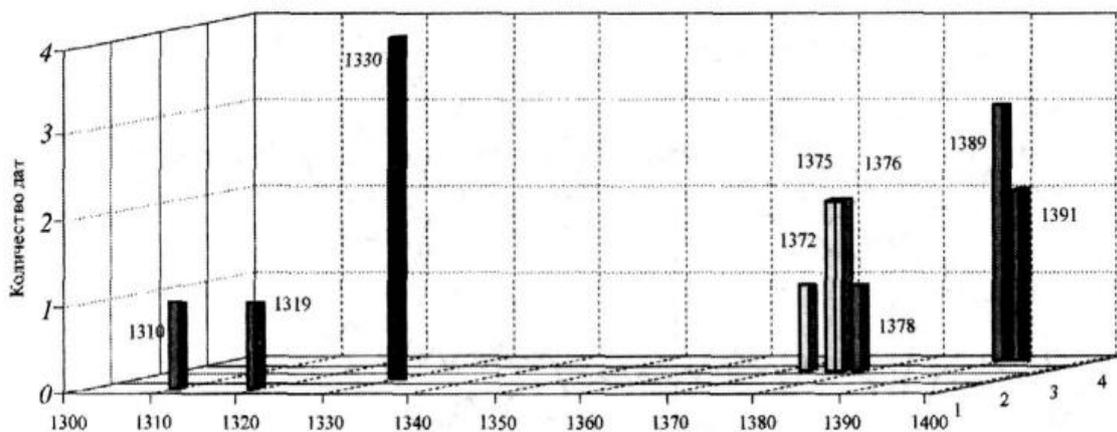

Рис. 1. Хронологическое распределение порубочных дат дерева из коломенских внутривальных конструкций [Н. Б. Черных, А. А. Карпунин]

места обычно первым делом сооружали деревянную крепость, она становилась опорным пунктом для продвижения вглубь осваиваемой территории). Во-вторых, оборонительные сооружения Коломны достраивались на протяжении двухсот лет, а хронологические всплески строительства (определены по возрасту использовавшейся при строительстве древесины) приходятся на 1330 и 1370 – 1390 гг. (см. рис. 1).

В-третьих, около 1380 г. деревянные укрепления Коломны сгорели, а потом восстанавливались, чем и объясняется отраженный на рис. 1 всплеск их строительства в конце XIV в.

В-четвертых, очевидно, что рост строительства укреплений Коломны приходится на правления Ивана Калиты и Дмитрия Донского, а спад на правления Симеона Гордого и Ивана Красного, когда Русь была поражена эпидемией и долгое время в результате данного обстоятельства находилась в экономическом упадке.

Теперь посмотрим на результаты исследования другого города – Перемышля Московского. Здесь мы встречаем схожие с Коломной особенности. Во-первых, этот город образуется не ранее 1340 г., к XII – XIII вв. относится крайне малое число археологических находок (13 из 223 за весь средневековый период существования данного поселения [Шполянский С.В.], и не факт, что все эти 13 находок принадлежат славянам). Во-вторых, важная деталь, площадь городища Перемышля составляет 6 га уже к концу XIV в., то есть это была самая большая крепость к югу от Москвы [Шполянский С.В.]. Эта крепость, судя по размерам и летописным данным, служила местом сбора удельных князей, но заметим, она строится сравнительно поздно, уже после смерти Ивана Калиты (вероятно, что идея постройки Перемышля Московского принадлежала этому князю). Смыс-

ла сооружать такую крепость, если в этом районе уже имелись равнозначные ей или пусть даже немного меньшие укрепленные районы, не было, поэтому мы с большой степенью уверенности можем сказать, что территория между Серпуховым и Москвой в XIII – первой трети XIV вв. была еще слабо освоена, а колонизировалась она славянами тоже достаточно поздно, в XII – XIII вв., но, вероятнее всего, в первой половине XIII в.

Археологические данные по Суздалью тоже дают нам повод полагать, что славянская колонизация Волго-Окского междуречья была поздней, до середины XII в. поселения вокруг детинца этого древнерусского города носят гнездовой характер, но Суздаль был княжеской резиденцией. Наиболее тонкие культурные слои относятся к XIII – XIV вв. [Седова М.В., Беленькая Д.А.: с. 97], к этому же периоду относится обеднение суздальской керамики, появление в больших масштабах, так называемой, серой керамики [Седова М.В., Беленькая Д.А.: с. 113] (плохо обожженные керамические изделия), что говорит о хозяйственном упадке города в монгольский период. Топография Суздаля, как установил А. Д. Варгалов, почти не менялась с XIII до XVII в. [Варгалов А.Д.: с. 134], что говорит о слабом хозяйственном развитии города в монгольский период и Новое время. А. Д. Варгалов установил, что монгольские завоеватели сожгли во время нашествия Батыя не только сам Суздаль, но и все окрестные к нему села, на их месте впоследствии возникли монастыри со своими слободами [Варгалов А.Д.: с. 134] (монголы не трогали владения Православной церкви, поэтому строить поселения вокруг Суздаля могли, по всей видимости, только монастыри).

Раскопки древнего Владимира показывают то же самое, что и раскопки Суздаля, это рост застройки в XII – первой трети XIII вв. и сужение

культурного слоя вплоть до XV в., например, исследования «Мономахова городища», то есть исторического ядра Владимира, в 2001 г. показали отсутствие культурных слоев второй половины XIII – XIV в., а культурные слои XV – XVI вв. имеют толщину почти аналогичную культурным слоям XII – первой трети XIII вв.

Бедность культурных слоев Суздаля и Владимира в монгольский период подтверждает выводы А.Н. Насонова, что от монгольского нашествия главным образом пострадали именно эти города, из них и их окрестностей, по его мнению, произошел перелив населения на запад, к Валдайской возвышенности и к верховьям Оки. За счет этой миграции усилилось Тверское княжество, долгое время претендовавшее на господство над русскими землями от Финского залива до Ниж. Новгорода.

Особенностью развития Москвы в монгольский период является то, что основные культовые каменные постройки, созданные Иваном Калитой, были возведены за пределами стен Кремля после 1327 г. Это обстоятельство указывает на следующее, – московские князья опасались Тверь, а не татар, потому что только после 1327 г. (год монголо-московской карательной экспедиции против восставшей Твери) начинают возводиться масштабные культовые постройки Москвы. Кроме того, посад Москвы не обносился укреплениями, в отличие от Пскова, Новгорода, Суздаля и Владимира, то есть вечевых центров Руси, данное обстоятельство указывает на то, что Москва была манором.

Даты основания городов непосредственно в пределах Московского княжества также указывают нам на позднее освоение южной части Волго-Окского междуречья. Примечательно, что Перемышль и Серпухов были построены в период замирения с Ордой, мотивацией их постройки было противостояние Твери и, возможно, Литве. События московско-литовских войн показывают, что Перемышль и Серпухов сыграли важное значение в обороне Москвы от литовско-тверской рати.

Звенигород также был возведен в монгольский период, не исключено, что по приказу Ивана Калиты (этот князь упоминает Звенигород в своей духовной грамоте вслед за Москвой), хотя прямых археологических данных на этот счет нет. Советские археологи в 1940 гг. тщетно пытались найти что-либо, указывающее на происхождение Звенигорода в киевский период, занимался этим вопросом непосредственно Б.А. Рыбаков, но все попытки его археологической экспедиции обнаружить укрепления Звенигорода, относящиеся к эпохам ранее XIII в., не увенчались успехом. Б.А. Рыбаков записал по этому поводу: «Время постройки существующих звенигородских укреплений может определяться только эпохой Юрия Дмитриевича.

Укрепления могли, разумеется, быть воздвигнуты и при Долгоруком, но они раскопками не обнаружены (курсив – Попов Г.Г.), а исследованный вал с красной керамикой в подошве и курганной керамикой в нижнем горизонте погребенного культурного слоя может относиться только к эпохе послемонгольской, когда на смену старым, хорошо известным керамическим типам появилась новая (красная) керамика неизвестного точно времени [7]».

Вероятно, что при Иване Калите Звенигород был еще просто крупным селом, то обстоятельство, что Звенигород идет в духовной грамоте этого князя вслед за Москвой, может указывать на высокое хозяйственное значение вотчинных сел в Северо-восточной Руси первой половины XIV в.

Результаты экспедиции Б.А. Рыбакова интересны еще и в другом, в Звенигороде было найдено много керамики золотоордынских образцов, относящихся к XIV в. Вот уж интересный поворот, – Б.А. Рыбаков поехал искать в Звенигород «древних русичей», но вместо них нашел следы татарского влияния, но также не исключено, что присутствия в этом городе и самих татар.

Дело в том, что прямого технического мотива заимствовать у ордынцев приемы изготовления керамики у русских не было. Спрашивается, зачем им это делать, когда в Киевской Руси существовала отличная школа изготовления керамики. Еще Г.В. Вернадский заметил, что в Восточной Руси после нашествия Батыя наблюдался кризис ремесел, что он связывал с массовым угоном древнерусских ремесленников в Орду. Но, вероятно, дело даже не только в этом, всех угнать было невозможно, да и оставались городские центры, не тронутые монголами, мотивом могли служить привычки знати, которая подверглась изрядному воздействию тюрко-монгольской культуры. Может быть, причиной распространения татарской керамики в Московском княжестве было присутствие на его территории немалого количества татар (ордынская керамика была найдена также археологами и в Москве, причем, изготавливали ее на месте).

Можайск хоть и возник в домонгольское время, однако являлся молодым городом для XIV столетия. Первое летописное упоминание Можайска относится к 1231 г., а в 1303 г. Можайск был присоединен к Москве. Строительство каменных церквей в Можайске началось не ранее 1350 г.

Руза однозначно возникла в монгольский период, так как город упоминается в летописях впервые в 1371 г.

Не менее, чем со Звенигородом, сложилась непростая исследовательская ситуация с Дмитровым. Общеизвестно, что этот подмосковный город был основан в 1154 г. Юрием Долгоруким. Впервые проводившиеся в 1933-34 гг. раскопки

кремля Дмитрова показали, что культурные слои средних веков этого города очень тонкие (2 м), причем, культурных отложений XI в. в Дмитрове не обнаружено на протяжении всех археологических экспедиций [8], то есть славянской колонизации этого места до основания города Юрием Долгоруким не было. Глава первой археологической экспедиции Н. П. Милонов в 1930 г., по всей видимости, не решился полностью опубликовать результаты исследований, напротив, он их искажил (например, некоторые вещи XIV в. относились Милоновым к XII в. [8]).

Значительное количество найденных в раскопах Дмитрова предметов, относящихся к киевскому периоду, являются сельскохозяйственными орудиями. Из всех найденных вещей, которые можно датировать XII – XV вв., нет оружия или его фрагментов, а также нет доспехов. Такое впечатление, что в Дмитровском кремле жили одни крестьяне и ремесленники. Орудия сельскохозяйственного инвентаря схожи с тем, что использовали крестьяне Русского Севера в Новое и Новейшее время, это подтверждает версию о том, что вокруг Дмитрова в XII – XIII вв. был дикий лес.

Одна немаловажная деталь, – в Дмитрове не было найдено монет, которые можно было бы отнести к киевскому периоду или к ранним эпохам монгольского периода, все обнаруженные монеты датируются концом XIV – XV вв. Не исключено, что отсутствие монет ранних эпох русской истории и небольшое количество найденных (всего три) явилось результатом демонетизации Северо-восточной Руси в монгольский период.

В 1360 – 1380 гг. вокруг Москвы выросло несколько монастырей, это было грандиозное строительство, но, заметим, монастыри образуют что-то вроде оборонительного кольца Кремля, Н.Н. Воронин предположил по этому поводу, что пос-

тройка при Дмитрии Донском такого количества монастырей на подступах к Кремлю имела военные цели [5]. Ранее такое же примерно окружение из монастырей возникло вокруг Суздаля.

Едва ли монастыри могли иметь существенное оборонительное значение, это показали московско-литовские войны, а затем и нашествие Тохтамыша. Скорее всего, монастырское строительство было обусловлено хозяйственными целями, а также соображениями безопасности, но другого рода, монголы не трогали монастырские владения (население могло искать спасения в монастырских слободах, этим, вероятно, и объясняется быстрое восстановление Москвы после нашествия Тохтамыша и других монгольских набегов). Православные воины Ольгерда тоже старались не трогать владения монастырей, это не было политически выгодно их князю, претендовавшего на роль объединителя русских земель.

На то, что монастыри выполняли роль юридической защиты той или иной территории от монголов, указывает одно обстоятельство, наибольшее их количество возникает во второй половине XIII в. вокруг Ростова [6], а этот город, как считал А.Н. Насонов, в наибольшей степени среди городов Северо-восточной Руси пострадал от ордынских карательных экспедиций, которые в основном приходятся именно на вторую половину XIII в. В таблице 1 приводится список летописных упоминаний монастырей в Ростове, в таблицах 2 и 3 – летописные упоминания по Рязани и Владимиру. Заметим важную деталь, – на Владимир монгольского периода приходится наименьшее количество упоминаний, на Рязань – еще меньшее, объяснить это можно тем, что данные города пережили наибольшие разорения и хозяйственный упадок, А.Н. Насонов считал, что Владимир стал главным объектом разграбления войсками Батыя.

Вполне вероятно, что монголы не трогали

Таблица 1.

Летописные упоминания монастырей Ростова [Белхова М.И.: с. 29]

1. Ростовский Петровский	- упом. Под 1214 и 1216 гг.
2. Авраамиев Богоявленский	- упом. Под 1119 и 1261 гг.
3. Спасский на Песках, Княгинин – жен.	- упом. Под 1271 и 1280 гг.
4. Иоанно-Богословский, кремлевский	- упом. Под 1288 г.
5. Ростовский Козмодемьянский	- упом. Под 1296 и 1304 гг.
6. Петровский	- упом. ?
7. Ярославский Спасо-Преображенский	- упом. С 1216 по 1345 гг.
8. Нижегородский Спасо-Благовещенский	- упом. Под 1288 и 1239 гг.

Таблица 2.

Летописные упоминания монастырей Рязани [Белхова М.И.]

1. Ольгов	- упом. Около 1219 г.
2. Борисоглебский на Ушне, Муром	- упом. Под 1345 г.

Летописные упоминания монастырей Владимира [Белхова М.И.]

1. Иоанновский в Переяславле	- упом. С 1126 г., под 1146 и 1289 гг.
2. Переяславский св. Саввы	- упом. Под 1133 г.
3. Переяславский Борисоглебский	- упом. Под 1133 г.
4. Переяславский Рождества Богородицы	- упом. Под 1133 г.
5. Владимирский Спасский-Златовратский	- упом. Под 1164 и 1237 гг.
6. Владимирский Козмодемьянский	- упом. Под 1175 г.
7. Владимирский Рождественский	- упом. С 1175 по 1263 г
8. Владимирский Вознесенский	- упом. Под 1187, 1218 гг.
9. Владимирский Ньягинин Новый, Успенский	- упом. С 1200 по 1237г.
10. Владимирский Царево-Константино-Еленовский	- упом. Под 1276 г.
11. Суздальский Козмодемьянский	- упом. Под 1213 г.
12. Суздальский Дмитриевский	- упом. С 1216по 1237г.

монастыри не всех княжеств, к тому же, едва ли неприкосновенность церкви соблюдалась в периоды смут в Орде, когда дисциплина в монгольском войске была не на должной высоте, а дружины русских князей тем более не были склонны исполнять предписаний Ясы. Поэтому православные монахи старались возводить обители в землях наиболее близких Орде князей или же на приличном отдалении от границы со степью. Владимир отцы церкви избегали по вполне понятной причине, этот стольный город несколько поколений являлся яблоком раздора между князьями, которые приводили с собой татарские отряды, часто не имевшие непосредственного подчинения хану. А.Н. Насонов отмечает, что во Владимире во второй половине XIII в. опасался находиться даже епископ. Словом, на хана надеяться, а сам не плошай.

Интересная особенность географии жен-

ских монастырей Руси, большая их часть в монгольский период располагалась в Новгородской республике, во Владимиро-Суздальской Руси в период с нашествия орд Батыя до 1350 г. упоминается лишь один женский монастырь, он располагался в Ростове [6], летописные сведения о нем относятся к концу XIII в. Новгород не был затронут ордынскими набегами и меньше всего страдал от княжеских междоусобиц. Видать, Яса Чингисхана не соблюдалась, в первую очередь, по отношению к женским монастырям...

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы, во-первых, территория будущего Московского княжества к XIII в. была слабо освоена славянскими колонистами и не могла долгое время самостоятельно служить основой для роста нового государства и новой нации – великороссов. Московские князья не имели соот-

Рис. 2. Карта Московского княжества XIV в., составленная на основании средневековых хроник (большинство городов основано в монгольский период)

ветствующей демографической базы укрепления своего могущества в Северо-восточной Руси, поэтому истоки роста их политического влияния в регионе надо искать не во внутренних факторах, а во внешних – поддержка Золотой Орды, так справедливо полагал Николай Костомаров. Во-вторых, монгольское завоевание для восточной части Волго-Окского междуречья имело действительно серьезные негативные последствия, что подтверждает концепцию монгольского ига А.Н. Насонова [Насонов А.Н.] и других исследователей, придерживавшихся данного типа взглядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черных Н. Б., Карпухин А. А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // Краткие сообщения института археологии, вып. 216, 2004, стр. 97 - 103.
2. Шполянский С. В. Перемышль Московский (к проблеме возникновения и роли города в системе обороны границ Московского княжества). // Археология центрального Черноземья и сопредельных территорий, Липецк, 1999 г.
3. Седова М.В., Беленькая Д.А.. Окольный город Суздаля. // Древнерусские города. Отв. ред. В. В. Седов. — М.: Наука, 1981. Стр. 95—115.
4. Варганов А. Д.. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1946, вып. 12, стр 127—134.
5. Воронин Н.Н.. Архитектурный памятник как исторический источник. // Советская археология. XIX. М. 1954. Стр. 41-76.
6. Белхова М.И.. Монастыри на Руси XI - середины XIV века. // Монашество и монастыри в России. XI - XX века: исторические очерки. М., "Наука", 2002 г., стр. 25 - 56.
7. Рыбаков Б.А. Раскопки в Звенигороде (1943-1945 гг.). В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР; Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II, № 12. М.-Л., 1949.
8. Никитин А.В. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934 гг.) // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы, т. IV, № 167, М., 1971.
9. Россия и степной мир Евразии / под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2006.
10. Попов Г.Г. Российская история в контексте геополитических трансформаций евразийской оси // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки», №2, 2008.
11. Насонов А.Н.. Монголы и Русь. – С. Петербург, «Наука», 2006.

G. Popov

SOME CITIES OF VOLGO-OKSK REGION IN XII-XIV CENTURIES ACCORDING TO ARCHEOLOGIC EXPEDITIONS 1930 – 1940 TH, TO A QUESTION ON CHARACTER OF DEVELOPMENT OF NORTHEAST RUSSIA DURING THE MONGOLIAN PERIOD

Abstract: The article is devoted to problems of the Mongolian consequences influence on development of the Vladimir-Suzdal Russia and genesis of the Moscow state. In research the point of view is defended, that the eminence of Moscow has occurred not due to the social and economic reasons, and basically due to good political attitudes to Golden Horde. The given point of view is based on the results of archeologic expeditions generalized in the article.

Key words: Vladimir-Suzdal Russia, Moscow state, Mongolian consequences, archeology of medieval Russia.

УДК 2:001.12(470.314)

Киприянова Н.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. Рассматривается проявление раскола на территории Владимирской губернии. Освещается политика официальной церкви по отношению к старообрядцам, тесное сотрудничество церкви и государства. Показано стремление к компромиссу, вызвавшее появление Единоверия. Делается вывод о вынужденном изменении вероисповедания в результате жестких экономических мер правительства.

Ключевые слова: церковный раскол, политика государства и церкви, купечество, единоверие.

Раскол Русской Православной Церкви, вызванный реформами патриарха Никона, стал серьезным испытанием для российского общества. Вековые религиозные традиции Руси объявлялись «еретичеством» и «грубыми заблуждениями», использование старых церковных обрядов воспринималось под угрозой наказания.

Раскол вызвал появление старообрядчес-

* © Киприянова Н.В.

тва. Современные исследователи определяют старообрядчество (или староверие) как «общее название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу патриарха Никона и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви» [47; 53]. Большой московский Собор с участием двух греческих патриархов в 1667 г. предал анафеме всех упорствующих в сохранении старых обрядов и книг. С.А. Зеньковский отмечал, что «в отношении старого русского обряда греческие организаторы и участники обора проявили крайнюю непримиримость» [35; 300]. После церковных анафем сосуществование староверов и реформаторов внутри единой Церкви стало невозможным. Староверы были поставлены перед выбором: смириться с новшествами или пойти на безусловный разрыв с официальной Церковью.

История раскола в самых разных его аспектах неоднократно являлась предметом исследования. В рамках представленной работы нет необходимости делать подробный обзор существующих точек зрения на причины, сущность, последствия раскола, особенности старообрядческой этики, взаимоотношения староверов, официальной церкви и государства. Автором данной статьи поставлена задача рассмотреть проявления раскола на основе материалов Владимирской губернии, выявить особенности восприятия староверия в предпринимательской среде, определить причины смены веры и роль государственной политики в данном явлении, проследить попытки поиска компромисса между старообрядцами и государственной властью в конце XVIII – первой половине XIX в. Выбор указанного периода обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, открытое противостояние на протяжении многих десятилетий показало, что от конфронтации не выигрывает никто. Даже во второй половине XIX в. были случаи самоожжения, самопогребения, голодной смерти среди раскольников, не желавших подчиняться «никонианам» [46; 444]. Подобные события вызвали различные слухи и толки, что было невыгодно власти. Во-вторых, в оппозиции официальной церкви (и, следовательно, государству) оказались многие представители купечества. Формирующаяся буржуазия постепенно становилась экономически влиятельной силой, и государству приходилось учитывать данное обстоятельство в поисках компромисса.

Источниковой базой исследования являются светское и церковное законодательство, депутатские указы в Уложенную комиссию Екатерины II, материалы делопроизводства Владимирской духовной консистории, губернского правления и казенной палаты из фондов Государственного архива Владимирской области.

Противники официальной никонианской церкви никогда не считали себя раскольниками, предпочитая названия «староверы» или «старообрядцы». Власть рассматривала их как людей подозрительных, способных на протест против проводимой политики. Отсюда – стремление заставить «непокорных» подчиниться, любой ценой вернуть в лоно православной церкви. В Вязниковском, Гороховецком, Суздальском, Шуйском уездах, вошедших впоследствии в состав Владимирской губернии, первые «сыски» раскольников были проведены в конце 50-х гг. XVII в. Наряду с ревнителями «старой веры» среди пойманных оказалось немало последователей учения монаха Капитона, начавшего свою деятельность еще задолго до раскола. Капитон отрицал необходимость профессионального духовенства и церковных властей [48; 132]. Впоследствии именно в этих районах было зафиксировано больше всего старообрядцев.

Следует отметить, что с самого начала светская и духовная власти действовали сообща, считая основной своей задачей «вразумление и обращение» последователей старой веры на «путь истины». Долгие годы старообрядцы безуспешно надеялись, что власть вернется к «святой старине», что раскол можно преодолеть с помощью публичного диспута. Однако власти отвечали репрессиями. Меры воздействия на тех, кто осмелился не согласиться с официальной церковной политикой, колебались от пасторских увещаний и письменных обличений до телесных наказаний, пыток, ссылки с конфискацией имущества и смертной казни [38; 70]. Именно этот начальный период отличался наибольшей строгостью и жестокостью. По мнению А.А. Синайского, до начала правления Петра I гражданская власть действовала «в интересах церкви», охраняя ее «благо и спокойствие» [43; XIII].

С начала XVIII в. тактика в отношении раскольников несколько смягчилась, несмотря на то, что правление Петра I характеризовалось жестким противостоянием старообрядцев и власти. Стали применяться экономические меры воздействия. В 1705 г. вышел специальный указ, предписывавший всем, кто желает носить бороду, платить специальный налог. Со староверов полагалось взимать пошлину в двойном размере. [20; № 2015; 24; № 3944]. Со временем экономическое давление на старообрядцев усиливалось.

Следующим шагом в этом направлении стал именной указ от 8 февраля 1716 г., в соответствии с которым требовалось староверов «описать ... и положить их в оклад против настоящего платежа ... вдвое» [21; № 2991]. Двойной оклад стал платой за разрешение открыто жить в селениях и городах «без всякого сомнения и страха». Однако гонения на староверов после «описания» и легализации их

не прекратились. Дополнительной мерой для «открытия» раскольников было предписание «всем и каждому» ходить на исповедь «повсюгодно», а о тех, кто не будет исповедываться, священнослужители должны были доносить «гражданскому начальству». [23; № 3138].

Учет раскольников становился обязательной функцией официальной церкви. С 1721 г. в Суздальскую духовную консисторию постоянно поступали донесения «о записавшихся в раскол купцах и мещанах с женами» [19; 1]. Тем не менее, полностью выявить всех староверов было невозможно. В Вязниках, одном из признанных центров раскола, по четвертой ревизии было зарегистрировано всего 30 «записных раскольников» из 657 купцов [18; Л. 150 об.]. По мнению исследователей, «потайных раскольников» было намного больше, чем «записных». Они жили, «переходя по городам и селам» [40; 139]. Впоследствии Владимирская консистория неоднократно получала предписания о «доставлении два раза в год сведений о старообрядцах Владимирской губернии» [19, 38; 4, 1; 11, 3.], а в первой половине XIX в. для Святейшего Синода готовились подробные таблицы по каждому городу и уезду губернии с указанием количества душ раскольников мужского и женского пола «по разным их толкам» [11; 3-5].

Сложности во взаимоотношениях с гражданской властью для старообрядцев увеличивались из-за отсутствия единства среди самих староверов. Это выразилось в появлении различных согласий (сообществ, старообрядческих организаций), не объединенных единой иерархией [44, 53]. Наиболее значительными из них были два основных течения: «приемлющие священство», совершение таинств и треб (так называемые поповцы) и отказавшиеся от священнослужителей (беспоповцы). Во Владимирской губернии преобладали поповцы. Они стремились сохранить древнее православие на основании действующих гражданских законов.

Постоянные гонения со стороны правительства вынуждали староверов консолидироваться, поддерживая друг друга. В условиях «государственного прессинга» старообрядцы не только сохранили свою веру, но и проявили заметную экономическую предприимчивость. Даже П.И.Мельников-Печерский отмечал, что «во Владимирской, Ярославской губерниях то и дело появлялись фабрики, и все раскольничьи» [41, 210]. Часто предприятия, принадлежавшие раскольникам, представляли собой нечто вроде религиозных общин.

Одним из первых подобных заведений стала основанная в 1755 г. полотняная фабрика шуйского старообрядца Я. Игумнова [30, 66]. Игумнов был исключительно влиятельным в городе человеком.

Только этим можно объяснить тот скандальный факт, что в дом этого «записного раскольника» по его просьбе была доставлена из собора чудотворная икона Смоленской Пресвятой Богородицы. Это событие стало предметом разбирательства в консистории [19, 25-26]. В начале 60-х гг. XVIII в. в «потаенном расколе» был заподозрен известный промышленник Аким Мальцов. Расследование началось по «доношению мастера на хрустальной и стеклянной фабрике» Г.Н. Воробьева, который утверждал, что в доме Мальцова при заводе «устроена особая молельня с подобающей обстановкой». Во время обыска было «вынуто святых мощей разных частиц с лишком до 60-ти» и более пятидесяти старопечатных книг, которые впоследствии «неведомо почему» были возвращены хозяину. Наиболее серьезным являлось обвинение в том, что предприниматель «принуждал» к старообрядчеству работавших у него на заводе людей, заставляя их «молиться по его, Мальцова, обычаю». Дело тянулось около трех лет, но никаких серьезных последствий не имело – авторитет и деньги промышленника помогли прекратить расследование [33, 233-234; 39, 213-221].

По данным П.М. Экземплярского, значительная часть «капиталистов» крестьян, ставших впоследствии купцами, принадлежала к староверам [49, 79]. В Иваново «столпом раскола» был признан крупнейший фабрикант конца XVIII в. – бывший крепостной Ефим Грачев [42, 81]; представитель еще одной крупной предпринимательской фамилии – М. Гарелин – выделил землю для строительства каменной старообрядческой молельной. В Дунилове (Шуйский уезд) известным лидером раскольников на рубеже XVIII - XIX в. был Семен Балин [32, 8].

Поскольку староверы не могли участвовать в церемонии присяги, включавшей в себя церковный обряд целования креста, то им запрещалось занимать даже самые низшие административные должности. Таким образом, купцы-старообрядцы были освобождены практически от всех городских повинностей, в том числе и от обременительных для купечества «отъезжих служб». Это вызвало справедливое недовольство православных купцов, вынужденных отбывать повинности и за себя, и за староверов.

Вопрос о записи «в раскол» был поставлен в депутатских наказах в Уложенную комиссию именно в связи с отбыванием различных «служб». Купечество Вязниковской слободы прямо указывало на причину смены веры как стремление «под покровом раскола не отправлять службы и свободнее исправлять свои торги». При этом отмечалось, что «в раскол» записываются многие состоятельные купцы. Поэтому в своих наказах купечество Вязниковской слободы, Шуи, а также Зарайска и Ржева

настаивало на распространении на старообрядцев обязанности отбывать все городские повинности в полном объеме. [27; 420, 441, 542-544]. В наказе Ярославля было даже высказано предложение вообще запретить раскольникам заниматься торговлей [27; 343, 366.]. Формой ущемления прав старообрядцев являлось также требование ряда архиереев о крещении детей староверов по обрядам никонианской церкви [27; 420.] Сами раскольники просили разрешить им «отправлять вечернее и утреннее пение по старопечатным московским книгам» [28; 205.]

Экономическое давление на старообрядцев долгое время оставалось неизменным. Только в 1782 г. именным указом от 20 июля Екатерина II освободила староверов от двойного денежного оклада. Отныне они должны были платить «те подати, кои по состоянию каждого на него положены» [25, № 15437]. С 1783 г. было запрещено употребление самого наименования «раскольник» – оно официально заменялось словом «старообрядец» [29; 710-723]. Более того, с 80-х гг. XVIII в. в России начали открываться храмы и монастыри, в которых священникам было дозволено служить «по старым обрядам».

Не следует думать, что законодательные акты сразу кардинально изменили взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви со староверами. На протяжении двух с половиной столетий светская власть неоднократно переходила от политики репрессий к определенному либерализму, а затем – снова к давлению и ущемлению обычных гражданских прав старообрядцев. Позиция официальной церкви была более прямой, менее склонной к компромиссам.

В 1800 г. крестьяне Гороховецкого, Вязниковского и Шуйского уездов подали во Владимирское губернское правление прошение, в котором просили защитить их «от притеснения священнического». Вопреки всем постановлениям и указам священнослужители принуждали староверов «ходить к исповеди», заходили «в дома незваны», «налагали денежные сборы» [17; 3-3 об.]. В архивах Владимирской, Переславской, Суздальской консисторий, Владимирского губернского правления сохранилось множество дел о запрещении устраивать старообрядческие молельни [19; 11, 36, 39, 259], о наказании священнослужителей за совершение обряда венчания «записных раскольников» или староверов с православными [19; 8, 15, 24, 34, 69], о постоянно возникающих сложностях с отведением земель для старообрядческих кладбищ [19; 43, 44, 50, 56 и др.] и т. п. Вместе с тем, отношение к старообрядчеству со стороны рядового духовенства было далеко не однозначным. Хорошо известно, что некоторые священнослужители и через 100-200 лет после раскола примыкали к ста-

роверию, хотя и подвергались за это различным наказаниям. Среди «заточников» Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря было много «беглых попов», чья вина состояла в «уклонении в раскол» [19; 36, 38, 106, 276]. Порой священнослужители, сохраняя приверженность Православию, проявляли определенную лояльность к раскольникам. Известны случаи, когда они не только венчали старообрядцев, но и фиксировали эти браки «в обысках правоверными» [19; 44]. В Гороховце сразу три священника в середине XIX в. были обвинены в выдаче «купцам и купчихам неправильных свидетельств о православии» [19; 272].

Поворотным пунктом в истории старообрядчества стало утверждение Павлом I 27 октября 1800 г. так называемого Единоверия [26, № 19621]. В самом общем плане Единоверие можно рассматривать как вариант воссоединения части староверов с официальной церковью, в результате чего они получили право совершать богослужения и таинства по старопечатным, дониконовским книгам при условии иерархической подчиненности Православной Церкви и принятии священнослужителей от православных архиереев [36, 12-13].

Основой для законодательного утверждения Единоверия стало прошение части московских старообрядцев, выдвинувших шестнадцать предложений об «отправлении службы Божией по старопечатным книгам». Московский митрополит Платон написал к прошению комментарии. Получившийся документ стал называться «16 пунктов преосвященного Платона митрополита Московского». В указе Святейшего Синода отмечалось, что «приемших и согласившихся» не следует более называть старообрядцами или раскольниками, ибо «в Церкви ничего нового нет и нет новообрядцев, а называть их ... единоверцами» [45, 170].

Единоверие заняло промежуточное положение между православием и старообрядчеством. Среди религиоведов нет единого мнения, причислять ли единоверцев к «старообрядческому сообществу» [37, 22] или нет [47, 54]. Объединяет эти позиции признание факта «канонической подчиненности» единоверческой церкви Московскому Патриархату.

Казалось бы, все должны быть довольны. Староверам предоставлено право сохранять свои обычаи и обряды и иметь священнослужителей, подчиняющихся Синоду. Государство получило возможность контролировать часть старообрядцев. Однако присоединение к Единоверию происходило не так успешно, как этого желали власти: подавляющее число старообрядцев не захотело подчиняться господствующей церкви даже на условиях «16 пунктов». В частности, в с. Дунилово Шуйского уезда старообрядцы разделились на сторонников Единоверия (их лидером стал

купец С. Балин) и тех, кто безусловно стремился сохранить приверженность «старой вере» [36, 13]. Власти решили поддержать единоверцев. В 1820 г. Владимирская духовная консистория уже рассматривала вопрос «о дозволении построить в с. Дунилове единоверческую церковь» [19, 54]. Первоначально церковь размещалась в бывшей старообрядческой часовне. В 1821 г. был открыт единоверческий приход, к которому приписались около 200 бывших старообрядцев не только из Дунилова, но и Шуи, Кохмы, Иваново. На средства московской купчихи Евфимии Каретниковой построили и освятили в 1831 г. пятиглавую каменную Успенскую единоверческую церковь [36, 14]. Церковным старостой был избран Семен Балин [19, 80].

Впоследствии единоверческая церковь начала функционировать в с. Иваново. Деньги на ее постройку выделил бывший старообрядец Диодор Бурыйлин, родоначальник известной династии текстильных фабрикантов [36, 14]. В конце 30-х гг. XIX в. был открыт Дубасовский единоверческий приход в Судогодском уезде, а в 1854 г. – во Мстере Вязниковского уезда [31, 93].

Присоединение купцов-старообрядцев к синодальной церкви происходило очень медленно. По данным Владимирской духовной консистории в конце XVIII – первой четверти XIX в. сменили веру купцы И. Горбунов (Переяславль), Н. Хилков (Вязники), В. Андреев и «купецкая дочь» К. Зезина (Покров), М. Игумнов. И. Корнаухов, У. Афророва. В. Иванов «с семейством» (Шуя) [19; 8, 14, 29, 64].

С началом правления Николая I временные послабления раскольникам прекратились. Старообрядческие церкви стали передаваться единоверцам. Значительно ужесточились меры по отношению к беглым священникам. С целью искоренения раскола правительство распорядилось с 1838 г. крестить детей староверов по православному обряду. Родители при этом должны были давать письменное обещание, что не будут препятствовать в воспитании своих детей в православии. Тем не менее отказы в выдаче таких расписок известны в Суздале, Муроме, Коврове, Юрьеве-Польском [19; 126, 173, 181, 262]. Религиозное воспитание собственных детей в подобных случаях могло рассматриваться как «сворачивание в раскол».

Правительство пыталось пресечь любые попытки воздействия на сознание детей со стороны старообрядцев. В делах Владимирской духовной консистории сохранилось сообщение директора училищ Владимирской губернии «об изгнании из городов и сел самозванцев-учителей невежд раскольников» [19, 45]. Государство не стеснялось обременять Православную Церковь чисто полицейскими функциями. В 1854 г. Владимирский гу-

бернатор В.Е. Анненков направил епископу Владимирскому и Суздальскому Иустину предписание «тщательно разведывать через местное духовенство, не обучают ли грамоте детей раскольники и раскольницы». Вскоре после этого в консисторию начали поступать сообщения благочинных из Вязников, Коврова, Судогды, Переяславля, Гороховца, Покрова, Шуи, с. Иваново о мещанах, «состоящих в расколе и обучающих грамоте» детей городских жителей [1; 1,2, 8-39, 46-62]. Доходило до того, что священники ходили «по улицам и подслушивали под окнами, не читают ли где дети вслух.» [36, 19].

Все перечисленные методы неявного принуждения не давали желаемых результатов. Тогда правительство решило нанести удар по наиболее состоятельной части староверов – купцам. Было объявлено, что с 1 января 1855 г. они лишаются права получать торговое свидетельство и вести предпринимательскую деятельность. Это распоряжение произвело громадный переполох среди старообрядцев-промышленников и торговцев [44, 97]. Их реакцию можно проследить по делам из архива Владимирской духовной консистории, ярко характеризующих деятельность местных властей (светских и духовных) по реализации правительственных распоряжений.

В декабре 1854 г. вышло секретное постановление владимирской казенной палаты (со ссылкой на циркулярное письмо министра финансов) о том, чтобы городские думы при регистрации объявляемых капиталов требовали от купцов свидетельства о принадлежности их к Русской Православной Церкви. Время было выбрано не случайно: 31 декабря – последний день регистрации капиталов для записи в гильдии на следующий год. Свидетельствами о принадлежности к РПЦ могли быть выписки из метрических или исповедных книг [2, 1-2]. Выдавать их имела право только духовная консистория.

Духовная консистория в свою очередь отравила секретные предписания по всем городам Владимирской губернии «разведать, не записаны ли в купечество на 1855 г. явные или потаенные раскольники» [2, 9-9 об.]. В ответ на эти предписания городские думы тринадцати уездных городов Владимирской губернии, а также ратуши Гавриловского и Вознесенского посадов прислали в консисторию списки лиц, объявивших гильдейский капитал на 1855 г. В списках дополнительно указывалось, в приходе какой церкви состоит тот или иной человек. Всего по губернии на 31 декабря 1854 г. объявили купеческий капитал 1344 чел, в том числе 40 человек – единоверцы [2, 183-254].

Для многих из них переход в единоверие был вынужденным, вызванным очередным натиском государства. Доказательством этого служат заявления (прошения) предпринимателей, дати-

рованные декабрем 1854 г. Среди них показательным является дело о присоединении из раскола к Единоверческой церкви владимирского купца Петра Никифоровича Бузина.

Начало дела относится к 13 декабря 1854 г. Этим числом датировано письмо Иустина, епископа Владимирского и Суздальского, военному и гражданскому губернатору г. Владимира В.Е. Анненкову. Иустин сообщал, что по имеющимся у него сведениям в г. Владимире на Нижегородской улице напротив архиерейского дома купец, «раскольник беспоповщинской секты», содержит в своем доме без позволения правительства моленную. К нему часто приезжают раскольники из с. Богослово и других мест для совершения раскольнических обрядов. Более того, Бузин «слывет даже между раскольниками под именем диакона». Далее Иустин просил губернатора отдать распоряжение об уничтожении моленной и изъятии раскольнических книг, «вредных для православия» [6; 1-1 об.].

Уже 15 декабря владимирский полицмейстер секретным рапортом сообщал губернатору, что в доме Бузина в присутствии специального депутата от купечества и трех свидетелей был произведен внезапный обыск. Результаты обыска прямых доказательств принадлежности Бузина к расколу не дали. В доме были обнаружены иконы «старинной живописи в обыкновенной киоте». Хозяева (Бузин с женой и двое его женатых сыновей) проживали в четырех маленьких комнатах. Что же касается сборищ раскольников для совершения своих обрядов, то это, по мнению полицмейстера, «и предположить даже трудно». Во-первых, часть комнат сдавалась внаем разным людям; во-вторых, на расстоянии не более «десяти сажен» от дома находилась полицейская часть. Все это, как считал полицмейстер, делало невозможным раскольничьи сборища [6; 3-3 об.]. Более того, опросы соседей показали, что Бузин и члены его семьи регулярно посещают церковные службы. Распространением же «неосновательных слухов» о незаконной моленной занимался купец Зубков, который «издавна имел личное неудовольствие и вражду» к Бузину [6; 4-4 об.].

Во время обыска у купца в чулане «между всяким домашним хламом в пыли» было найдено несколько изорванных книг «славянского письма на манер печатных», а в лавке – книги «духовного содержания, но не пропущенные духовной цензурой». Бузин объяснил, что приобрел их «на базаре у неизвестных крестьян». Книги внимательно изучили в духовной консистории и ничего «оскорбительного для Православной Церкви» в них не обнаружили и вернули хозяину [6; 6-6 об.].

На этом инцидент можно было бы считать исчерпанным и рассматривать его, как ориги-

нальный способ борьбы с конкурентами, но история имела неожиданное продолжение. 18 декабря Петр Никифорович Бузин подал в духовную консисторию прошение, в котором сообщал, что с «давнего времени родители его держали раскол», и сам он с детьми никогда не бывал на исповеди. В настоящее же время они имеют «твердое намерение быть в православии», поэтому просят разрешения «присоединиться к Единоверческой Дубасовской церкви Судогодского уезда» [7; 1-1 об.].

Всего в декабре 1854 г. было подано восемнадцать прошений от купцов Владимирской губернии [3; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 13] о переходе в Единоверческую церковь. Некоторым предпринимателям было по 65 и даже 79 лет. Обосновывали этот поступок купцы примерно одинаково: «на увещевании познав гибельность раскола», «удостоверясь в справедливости христианских обрядов», «всчувствовав душегубное свое заблуждение», «познав, что вне Православной церкви и ее спасительных таинств нет спасения человеку» и т.п. Тем не менее, факты свидетельствуют, что «всчувствование заблуждений» произошло под влиянием очередного нажима со стороны власти, при непосредственной угрозе потерять возможность заниматься предпринимательством и, следовательно, понести значительные убытки. Кроме того, лишение права объявления купеческого капитала неминуемо вело к потере сословных привилегий и несению тягостной рекрутской повинности. Правительство прекрасно осознавало, что в сложившейся ситуации смена вероисповедания – мера вынужденная. Изменив веру один раз, можно это сделать и вторично. Не случайно в 30-50-е гг. Владимирская духовная консистория по распоряжениям Святейшего Синода или министерства внутренних дел неоднократно проводила проверки «истинности обращения в православие» старообрядцев. Особенно пристального внимания удостоивались наиболее известные и зажиточные купцы: Гарелины, Борисовы (Юрьев-Польский), Суздальцевы, Гундобины (Муром), Шанины (Вязники) и др. [19; 110, 116, 120, 136, 145, 152, 161, 162, 175, 176].

Исследуя запись купцов в «раскол» в первой половине - середине XVIII в., А.В. Демкин пришел к выводу, что этот шаг являлся актом социального протеста. Смена вероисповедания часто была вызвана трезвым расчетом, стремлением к материальной выгоде. [34, 132.]. Безусловно, данный мотив присутствовал в действиях части купечества как реакция на непродуманную политику правительства. В таком контексте купцов-староверов можно было бы считать абсолютно беспринципными дельцами. Однако даже противники старообрядцев были вынуждены признавать, что староверы отличались честностью при заключении сделок

в своей среде и взаимовыручкой, что не всегда являлось правилом для православных купцов.

Можно считать, что к середине XIX в. государство исчерпало свои возможности воздействия на купцов-староверов. Только угроза реализации предложения ярославского купечества в Уложенную комиссию о запрещении торговли заставила часть старообрядцев перейти в Единоверие. Безусловно, определенный элемент меркантилизма при изменении вероисповедания у купечества был, но следует признать, что он был связан со значительными сложностями в выполнении профессиональной (предпринимательской) деятельности. Почти через два столетия после раскола власть нашла наиболее рациональный метод воздействия на непокорных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный архив Владимирской области. (Далее: ГАВО). Ф. 556 (Владимирская духовная консистория). Оп. 1. Д. 1567.
2. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1568.
3. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1590.
4. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1593.
5. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1633.
6. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1637.
7. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1646.
8. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1647.
9. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1661.
10. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1684.
11. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1686.
12. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1691.
13. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1723.
14. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1754.
15. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1759.
16. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1762.
17. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 742.
18. ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 104.
19. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губернского города Владимира. Ч. 1 (1720-1855 гг.) / Сост. Ф.К. Сахаров. – Владимир, 1905.
20. Полное собрание законов Российской империи. (Далее: ПСЗ.). Издание 1-е. СПб., 1830. Т.IV. № 2015.
21. ПСЗ. Т. V. № 2991.
22. ПСЗ. Т. V. № 2996.
23. ПСЗ. Т. V. № 3138.
24. ПСЗ. Т. VI. № 3944.
25. ПСЗ. Т. XXI. № 15437.
26. ПСЗ. Т. XXVI. № 19621.
27. Русское историческое общество. Сборники. (Далее: Сб. РИО.). Т.93.
28. Сб. РИО. Т. 107.
29. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего Синода. Кн. I. СПб., 1860.
30. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851.
31. Борисов В.В. Роль единоверцев в истории слободы Мстера Вязниковского уезда // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли: Материалы областной краеведческой конференции (18 апреля 2003 г.). Владимир, 2003.
32. Венедиктова Т. Балины // Былое. 1996. №8.
33. Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. М., 2005.
34. Демкин А.В. Запись купцов «в раскол» как форма социального протеста (60-е гг. XVIII в.) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI - XVIII вв. М., 1988.
35. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М., 1995.
36. Иванов Ю.А. Шуйские раскольники. Шуя, 1997.
37. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.
38. Ключков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982.
39. Малиновский И.В. Потаенный раскол содержателя Гусевской хрустальной фабрики близ села Селимова Владимирской губернии купца Якима Васильева Мальцова (1761 – 1763г.) // Труды Владимирской Ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903.
40. Мельгунов С.П. Религиозно – общественные движения XVII – XVIII вв. в России. М., 1922.
41. Мельников-Печерский П.И. Письма о расколе // Собр. соч. в 6-ти т. М., 1963. Т. 6.
42. Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.
43. Синайский А.Л. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления при Петре Великом (1721-1725 гг.). СПб., 1895. С. XIII.
44. Старообрядчество: Люди, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
45. Старообрядчество: светское и церковное законодательство. XVII-XVIII вв. Арзамас, 2001.
46. Христианство: Энциклопедический словарь. В 3-х т. М., 1993. Т. 1.
47. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философский аспект и социальная позиция. М., 2002.
48. Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. №4.
49. Экземплярский П.М. История города Иваново. Иваново, 1958.

N. Kipriyanova

ECONOMIC AND СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ASPECTS OF CHURCH SPLIT (ON MATERIALS OF THE VLADIMIR PROVINCE)

Abstract: The article deals with the effects of the schism as seen on the territory of Vladimir Province, the policy of the Established Church towards the Old Believers, close association of the Church and the State. The article reveals striving to compromise that brought about the appearance of Edinoverie, and provides a conclusion on the forced change in religious persuasion resulting from the harsh economic measures introduced by the Government.

Key words: the schism, State and Church policy, merchantry, Edinoverie.

РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА. ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ*

Аннотация. Центральной проблемой изучения города XIX века является определение характера городского поселения, выделения его качественных признаков. Помощь в разрешении этой задачи может оказать анализ текстов «Военно-статистическое обозрение Российской империи», составленного в середине XIX века. Источник содержит материал, структурированный в соответствии с представлениями современников о городе.

Ключевые слова: город, функции, характер, иерархия, оценка, формы.

В качестве одного из документов, раскрывающих русскую провинциальную действительность дореформенного периода, выступает Военно-статистическое обозрение Российской империи. Составленное как полномасштабное описание государства военными статистиками, оно охватывает практически всю территорию страны. При этом авторы-составители выходят далеко за пределы круга вопросов представляющих непосредственный интерес исключительно для военного ведомства. По сути, они создают не привычный справочник, а обстоятельный и аналитический обзор. Тем самым в «обозрениях» фиксируется широкий срез действительности, что позволяет им сохранить и передать объемные образы своего времени в совокупности многих проявлений, отражающие особенности и характер тех или иных явлений. Не последним образом это относится к такой объемной и многогранной теме, как город, его характер, особенности рассмотрения.

Несмотря на относительную изученность русского провинциального города периода позднего феодализма, тематика эта чрезвычайно непростая. Одна из главных трудностей связана со слабой разработанностью такой темы, как характер русского города, а, следовательно, и всего круга вопросов сопряженных с его изучением. Достаточно четко эта проблема была обозначена и проанализирована в последних работах одного из крупнейших отечественных специалистов по данному вопросу (и периоду) Я.Е. Водарского [1, 5-49]. Главный, с его точки зрения, способ преодоления противоречия в трактовке города связан с отстранением от рассмотрения характера поселения и принятием утверждения, что город – поселение, упоминаемое под этим обозначением в источниках. Данный подход оказался весьма результатив-

ным и был успешно реализован такими видными исследователями истории России XVIII-XIX вв. как М.Г. Рабиновичем [Рабинович М.Г.1983, 20-21], Б.Н. Мироновым [Миронов Б.Н.1990, 15-16] и др. Однако, по замечанию самого Я.Е. Водарского, оно не решает противоречия, обозначенного выше. Принятая в советское время и отринутая уже в наши дни доминанта экономического подхода также не могла решить этой задачи, что признавалось (правда, весьма аккуратно) уже советскими историками, в частности П.Г. Рындзюном, который писал, что проблема определения характера поселения коренится в «игнорировании нерасторжимой связи между экономической и внеэкономической сферами городского уклада. Город – это не экономическая категория. Центр тяжести в его определении не лежит в области экономики, тем более сведенной до рассмотрения лишь отраслевого своеобразия» [6, 109].

В связи с некоторой нерешенностью (на сегодняшний день) дискуссии о характере и, следовательно, путях исследования города первой половины XIX в., обстоятельные обзоры составителей «Военно-статистических обозрений» губерний и областей Российской империи могут сослужить хорошую службу. В процессе неизбежной систематизации значительных фактических данных, труд военных статистиков отразил взгляд современников на явления «своего века». Причем современников весьма и весьма хорошо информированных. Не претендуя на раскрытие характера города, статистики оставили свое отношение к этому объекту. В первую очередь это запечатлено в схеме подачи материала и ее особенностях.

Схема подачи материала и критерии анализа города. В самом тексте нет четкого деления на части и в первом приближении ощущается даже некое нарушение логики. Исключением может выступать, пожалуй, только очерк «Владимир», где внутренняя структура наиболее заметна. Однако при сличении текстов между собой, ощущение отсутствия структуры быстро исчезает, а «странности» проясняются (о чем речь подробно велась выше). В результате, описание городов можно разбить на 15 взаимосвязанных и последовательно расположенных тем, ряд которых сопряжены друг с другом: I. местоположение города (и характеристика целого ряда сопутствующих этому вопросов); II. историческая справка и современный статус города; и т.д.

* © Белов А.В.

Особенностью изложения является отсутствие заключения (с выводами или без). Если первый раздел выполняет функции введения, то какая бы то ни было итоговая часть абсолютно отсутствует.

I. Местоположение города. Выступая как вводный, он не дает общую характеристику города (если не считать приводимых координат), а перечисляет набор факторов и особенностей, которые определяют характер данного поселения.

В первую очередь город привязывается к реке. Обязательно оговаривается на каком берегу (или берегах) расположено поселение. Дается обстоятельная характеристика их ландшафта. Практически половина раздела посвящена характеристике реки в черте города: берег, ландшафт, выполнение ею транспортных функций, наличие порта или мест швартовки кораблей к неподготовленному берегу. Даже место уездного поселения (в отличие от губернского) определяется без приведения координат, а по течению реки. Непременно дается описание условий переправы через реку, причем отдельно оговаривается время весеннего половодья и дается его характеристика. Обязательно называется наличие переправ и мостов.

Только после характеристики реки составители переходят к оценке сухопутных дорог, называя их статус в транспортной системе и направление движения. Особо оговаривается случай, если город тянется не вдоль реки, а вдоль почтового тракта.

II. Историческая справка и статус городов. Второй раздел освещает три вида вопросов, что указывает на их актуальность. Причем, в связи с отвлеченностью от решения практических задач, их важность была связана не столько с задачами военного ведомства, сколько с оценкой города как такового. Первый – древность и знатность города (как, например, Муром), что обязательно указывается особо. Второй – крупные исторические события. Третий – присвоение поселению городского статуса. Последнее оценивалось не как простой формальный этап истории, а в качестве принципиального, эпохального события. Так, при описании Покрова особо оговаривается, что преобразовали его в уездный город «из простаго села».

В разделе также присутствуют попытки дать обобщающую характеристику современного состояния города и его места в структуре края. Например, в отношении Мурома говорится следующее: «Нынешний Муром есть один из лучших городов губернии, по богатству жителей, по промышленности и образованию» [2, 284]. Подобная характеристика дается и Александрову [2, 267]. Принципиально иная характеристика Гороховца:

«В теперешнем состоянии Гороховец есть бедный город без торговли, без заводов и фабрик» [2, 277].

III. Организация городского пространства. В данном разделе военные статистики практически вплотную подошли к современному принципу описания городского облика, рассматривающего два главных аспекта – планировку поселения и его застройку.

Раздел имеет свою внутреннюю структуру. В первую очередь описывается число кварталов, их внешняя структура, правильность, чему уделяется большое внимание, и что, по-видимому, оценивалось в то время как признак прогресса.

Затем идет описание улиц и площадей. Первое и главное о чем идет речь – есть ли «широкие и прямые», а также мощные улицы. Вслед за улицами идет характеристика площадей. Особо оговаривается наличие мощения, но интерес (в отличие от улиц) представляют все площади города.

Наиболее обстоятельно и подробно описывается тема «дома» (застройка). Здания досконально группируются по типам (каменные, деревянные, казенные, общественные, светские) и подсчитываются. Особой графой выделяются – «несущие постой».

Особым, своеобразным подытоживающим моментом служит упоминание о наличии в городе зданий достойных внимания и любования. Впрочем, среди светской застройки это встречается крайне редко. Но в случае появления выступает как характеристика достижения городом особого статуса, тесно связанного с богатством, что весьма заметно из контекста повествования. При описании бедной Судогды отмечают: «строения города по большей части деревянные и единственное здание, заслуживающее внимания, это собор, выстроенный при... обращении Судогды в уездный город, да еще каменный дом присутственных мест» [2, 270]. Данное сочетание неслучайно. Как видно из цитаты, оба сооружения являлись статусными – указывая на право поселения носить привилегированный статус города, тем более города уездного.

Параллельно с описанием светской застройки, речь в обязательном порядке шла также еще о двух элементах городского пространства: освещении и водоснабжении.

IV. Церковная застройка. Согласно принятой схеме, данный опрос является частью темы «жилья» (застройки), и завершает ее. Статистикой подробно подсчитывается число храмов, группируя их по типам (соборные, приходские, кладбищенские), а также часовен. Наличие собора, как указывалось выше, подчеркивало статус поселения. Вслед за церквями описывались монастыри, разбиваемые по своим категориям, а также их со-

боры и церковные «достопримечательности».

V. Гостиный двор. Наличие данного торгового заведения являлось обязательной составной частью описаний. В случае его отсутствия это также оговаривалось, несмотря на наличие целого ряда городских торговых лавок. Свой гостиный двор имели крестьяне с. Иваново [2, 289], но были его лишены «городские обыватели» не только заштатного Киржача, [2, 286] но и уездных Меленок [2, 276].

В ходе описания складывалась парадоксальная ситуация: такой важный элемент торговой деятельности как гостиный двор неизменно давался в отрыве от ярмарочной и магазинной торговли. Между ними стояли сразу несколько крупных разделов. Скорее всего, помимо практического смысла (источник крупной торговли, центр снабжения уезда) это имело не менее важный символический характер, обязательный со времен Екатерины II атрибут городского статуса, воспринимаемый в данном качестве и самими современниками.

VI. Прочие торговые заведения и гостиницы города. Рассматривались как продолжение темы торговли, ассоциированной с гостиным двором. В городах неизменно находились лавки самого разного профиля.

VII. Привлекательность города для военного ведомства. Сюда можно отнести возможности города как складского места и места расквартировки войск. Город и казна несли на себе содержание всевозможных «прованских магазинов» и «балаганов», соляных складов и т.п. сооружений, размеры и объемы хранения которых детально описывались в «обозрении» и рассматривались военным ведомством в качестве готовых к использованию внутренних резервов страны. Также, в поселениях находились поставленные на учет постройки, пригодные для расквартировки войск.

VIII. «Богоугодные» («благотворительные») заведения: учебные и медицинские, помощь обездоленным, занимали не первое место в городской инфраструктуре. Впрочем, каждый город, так или иначе, имел в своем распоряжении и больницы и целый ряд уездных училищ духовного и светского характера. Успехи и неудачи данного направления во всех городах напрямую были связаны с действиями местных благотворителей, в связи с чем их личностям и инициативе посвящены части описаний. Наиболее успешным в этой связи выступал Суздаль.

X. Тюрьма. Занимала неизменное место в схеме характеристики города. При ее характеристике внимание обращалось на внутреннее устройство заведения и материал из которого она была устроена, принцип содержания арестованных, а также наличие больницы с числом коек. При такой обязательной «вписанности» в схему

городских признаков, складывается убеждение о выполнении городской тюрьмой не только своих прямых функциональных признаков, но и роли обязательного городского атрибута, сопряженной с ведущей административной функцией.

X. Общественная и культурная жизнь в городе, увеселительные заведения. К ним относятся массовые гуляния в городе и за его пределами, учреждения культуры (театры, танцевальные залы). Встречается не часто и занимает место в описаниях за «богоугодными» заведениями. В этой связи расположение темы культурного досуга горожан выглядит странно, т.к. занимает в описаниях место, с одной стороны, – после больниц и тюрем, а, с другой, – перед выходящими за рамки духовной жизни фабриками и заводами. Дело может прояснить выявление специфики восприятия культуры в т.ч. как духовности, которая в свою очередь тесно связана с нормами христианства. Это объединяет «богоугодные заведения» с тюрьмами в связи с близостью решения вопросов помощи обездоленным, как понимают заключенных в то время. В такой трактовке становится понятна близость культурного досуга и духовности. Впрочем, отсутствие выделения общественной культурной жизни в самостоятельную тему также указывает на ее крайнюю неразвитость и отнесение к образу жизни «лучшей» части общества.

К поселениям с наиболее активным проявлением разных форм общественного досуга можно отнести, в первую очередь, сам губернский центр, с его садами, кремлевским сквером, театром и др. местами отдыха. Среди помещанских уездных городов своими загородными гуляниями отличался, по-видимому, только старый и относительно богатый Переславль [2, 265].

XI. Промышленность. Обязательная часть структуры города, занимающая (особенно после событий 1812 г.) все большее место в жизни его обитателей. Удаление темы городской промышленности на периферию рассмотрения, за грань «гостиного двора», указывает на придачу промышленности второстепенного значения для развития города по сравнению с централизованной торговлей, и ролью уездного центра.

XII. Ярмарочная и базарная торговля. Более ранняя, эпизодическая и простая в организации, она по-прежнему имела не меньшее значение, чем торговля в рамках гостиного двора. Собственно выделение ее в особый вопрос указывает на разный характер и задачи по сравнению с деятельностью гостиного двора. Правда, к середине XIX в. она уже начинает утрачивать свое значение в связи с изменением внутреннего и регионального рынка.

XIII. Городские земельные владения и XIV. Городские доходы. Городские земельные владения

ния оказались поставленными в продолжение темы городской торговли в связи с тем, что являлись (как и она) средством пополнения городской казны. В своей работе статистики подробно перечисляли размеры и формы земельных владений города, а также формы получения с них доходов. Анализ приводимых сведений в очередной раз указывает на аграрный характер городского хозяйства. Горожане также занимались рыбной ловлей [2, 266].

XV. «Жители». Раздел посвящен населению города, но не только в численном, но и качественном отношении. Здесь подробно разбирается социальный состав населения, источники дохода и степени обеспеченности основных городских слоев (купечества и мещанства). Завершая освещение конкретной сословной категории, составители нередко пытаются дать характеристику отличительных черт, присущих данной группе в составе того или иного города.

На основании анализа данных «обозрения» можно говорить о существовании в сознании современников конкретных **функций города**, причем расположенных в некоей иерархии. К ним можно отнести достижение им определенной устроенности (правильность и регулярность, мощные улицы и площади, наличие красивых каменных домов), которые выступают как внешнее проявление города, а также материальное подтверждение его соответствия своему статусу и предназначению; обеспечение наличия, возникновения и функционирования в городе крупных храмов и монастырей. По сути, эта деятельность является продолжением первого требования, но в рамках особенности миропонимания того времени, где наличие и состояние соборного храма играет роль символа городского статуса и власти; выполнение городом функций регионального торгового центра, что выражается (порой формально) в функционировании (наличии) гостиного двора и городских рынков; выполнение городом функций уездного центра, обеспечивающего вверенную ему территорию необходимым уровнем образовательных и медицинских услуг, а также оказание помощи страждущим; обеспечение городом протекания среди его жителей общественной культурной жизни; обеспечение в городе промышленного производства как средство достижения благополучия; выполнение городом функций места жительства населения, которое способно предоставить им возможность к прокормлению.

В предлагаемом перечне функций отсутствует деятельность местного самоуправления. Однако, по сути, она неизменно участвует во всех аспектах городской жизни, выступая в качестве ведущей силы.

Таким образом, «обязательные» функции

города формировали перечень признаков городского статуса, устойчивые **формы городского существования**, в которых они получают свое материальное выражение. К ним относится наличие в поселении: присутственных мест; соборного городского храма и богатых церквей; гостиного двора; мощеных прямых улиц и мощеных площадей, крупных и доходных фабрик и заводов; наличие среди жителей богатых купеческих фамилий; функционирование и пребывание в хорошем состоянии начальных учебных заведений, больниц и приютов; обеспеченное состояние местного мещанства; наличие культурной общественной жизни и инфраструктуры для свободного времяпрепровождения. Устойчивость данных признаков подтверждается их присутствием и в других типах источников, например, в воспоминаниях далекого от военного ведомства провинциального юриста Д.И. Нацкого [4, 239-240].

Таким образом, можно при работе над городской проблематикой выделить два аспекта. Первое – «обязательные» городские функции (и качества их выполнения). Второе – формы городского существования, которые, по сути, являются выражением городских функций и выступают как принятые современниками признаки города. И первое, и второе присутствует в представлении современников как неперенный набор признаков, некая «лакмусовая бумажка», критерий соответствия города своему статусу. Анализ «форм» и «функций» городской жизни, при условии дальнейшей разработки этой модели (в частности, ее уточнения и систематизации) может стать той системой, в рамках которой возможен качественный анализ поселений в России. По крайней мере, как один из нескольких возможных подходов, или часть одного из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск. Т. 1. С. 178-252; Он же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.
2. Военно-статистическое обозрение Владимирской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 2. СПб., 1852.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
4. Нацкий Д.И. Мой жизненный путь. М., 2004.
5. Рабинович М.Г. К определению понятия город (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 20-21.
6. Рындыонский П.Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976.

A. Belov

RUSSIAN PROVINCIAL CITY IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY. THE FORMS AND FUNCTIONS OF URBAN DEVELOPMENT

Abstract: The main problem of studying the city of the XIX century is the identification of the type of urban settlement and selection its qualitative

signs. The analysis of texts "Military – statistic review of Russian Empire", which was made in the middle of the XIX century, can help us with solution of this object. The source includes the material consisted of contemporaries' ideas about a city.

Key words: city, functions, identification, hierarchy, estimation.

УДК 94(47).081

Сухова Н.Ю.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ АКАДЕМИИ В 1850–60-х гг. И РЕФОРМА 1869 г.*

Аннотация. Статья посвящена реформе российской высшей духовной школы 1869 г. Автор проводит анализ исторического контекста эпохи, проблем, встававших в 1850–60-х гг. перед духовными академиями, процесса подготовки и проведения реформы и ее главных положений. Основными результатами реформы стали специализация исследований в духовных академиях и включение членов преподавательских корпораций в активный научный процесс.

Ключевые слова: православные духовные академии, реформа, научные исследования

Одной из характерных черт российской системы высшего образования в последние годы стало включение в ее состав богословского (теологического) направления. Этот процесс, сопряженный с целым спектром вопросов, дискуссий, разнообразием решений и вызывающий неоднозначную реакцию, неизбежно ставит вопрос о традиции российского богословского образования. Эта традиция имела в России к началу трагических событий в российской истории (1917 г.) немалый опыт, который, как представляется, может быть полезен для современной системы образования. Ценность этого опыта состоит не только в успехах, заметных внешнему взгляду, но и в идеях, не всегда в полной мере реализованных, а также в формулировке проблем и болевых точек, в анализе ошибок. В данной статье внимание обращено на развитие богословия в высшем духовном образовании, то есть, в четырех духовных академиях Русской Православной Церкви: Санкт-Петербургской (с 1914 г. Петроградской), Московской, Киевской, Казанской. В них богословская составляющая не только была выражена наиболее значимо, но и являлась определяющей, специальной, поэтому опыт академий актуален для всех форм современ-

ного богословского образования.

Статья посвящена рассмотрению проблем, возникавших в российском высшем духовном образовании в 1850–60-х гг., и попытке их решения путем реформы 1869 г. Эта реформа составляет важную страницу в истории духовного образования и в истории России в целом. Однако отношение к этой реформе современников было различно – от положительного до резко-критического. Неоднозначную оценку она имеет и в историографии [1; 2, 374–421; 3, 360–364; 4, 460–465; 5, 467–518; 6, 26–27].

Духовная школа в России имеет давнюю традицию: подготовка кадров для священнического служения велась с первых веков принятия христианства. Но высшая духовная школа, как самостоятельная ступень, со своими принципами и требованиями, возникла в результате реформы начала XIX в. (1808–1814). Эта реформа создала в России единую духовно-учебную систему, с четырьмя взаимоподчиненными ступенями (приходские училища, уездные училища, семинарии, академии) [7; 8; 9; 10; 11]. Система действовала достаточно эффективно, поставляя кадры на церковное служение в разных областях – приходской, миссионерской, духовно-педагогической, законоучительской, – и, кроме того, «подпитывала» сферы гражданского служения. В стенах ее высшей ступени – духовных академий – шел стабильный учебный процесс: обновлялись учебные курсы, разрабатывались программы, писались студенческие работы, появлялись новые предметы [12; 13; 14; 15]. Однако в недрах этой, казалось бы, достаточно благополучной деятельности, можно было уловить некоторые тревожные симптомы, грозящие вызвать кризис. Учебный план был отягощен многопредметностью, в нем отсутствовала систематичность. Новые богословские дисциплины, выделившиеся в 1820–1840-е гг. из общего

---

* © Сухова Н.Ю.

богословского курса, не были определены в своем содержании и методах. Введенные в учебные планы небогословские науки, а также миссионерские предметы, не имели твердого положения в высшей духовной школе, не был до конца определен их статус и значение в духовно-академическом образовании [16]. Отсутствовала особая система подготовки кадров, как для академических кафедр, так и для преподавания в семинариях, а традиция перевода преподавателей с предмета на предмет затрудняла и последующую их специализацию. Кроме того, академии были отягощены многими задачами, возложенными на них Уставом 1814 г., и на преподавательские плечи, кроме собственно учебно-научного процесса падало немало иных дел – ревизии семинарий и училищ, составление программ для духовных школ своего округа, подготовка многочисленных отчетов. Многие положения Устава 1814 г. оказались слишком «теоретичны» и не могли быть исполнены на практике, оставаясь лишь памятником духовно-учебного поиска. Последующие нововведения часто не вписывались в параграфы Устава и, контролируемые многочисленными положениями и постановлениями, входили в противоречие друг с другом, создавая много проблем для академии [17, 60–112].

К середине 1850-м гг. многие профессора академий и архиереи, ревнующие о развитии богословской науки, пытались определить главные проблемы, требующие решения. Преподавателям академий – а это были лица, на которых возлагались основные надежды в развитии научного богословия – трудно было стать специалистами в той или иной области богословия, ибо назначение выпускника на кафедру часто проводилось без учета темы его выпускного сочинения и интересов [18, 349–358 об.; 19, 20–21 об.]. В дальнейшем проводились частые перемещения с предмета на предмет, а с начала 1840-х гг., при увеличении числа предметов в академиях, на каждого преподавателя возлагалось два-три предмета [15, вып. 2, 170; 20, 17–17 об.; 21]. Научная деятельность членов академических корпораций не была организована: в тех или иных общих научных трудах участвовали не все, статьи в научные журналы представляла меньшая часть преподавателей. Недостаточность в специальных богословских исследованиях заявлялась, но конкретные научные задачи перед членами корпораций ставились довольно редко. Академии мало контактировали со светскими учеными, редко были членами научных обществ, а в самих академиях таковых не было. Не было традиции регулярных обсуждений научных проблем – это проводилось лишь тогда, когда академии выполняли какие-либо конкретные «ученые поручения». Хотя в академиях были достаточно хо-

рошие библиотеки, постоянной информации об отечественных и зарубежных научных изданиях в них не поступало, а преподаватели, редко занимаясь специальными исследованиями, также не являлись знатоками современного богословия. Русская богословская терминология, хотя стала уже нормой и в научных, и в учебных трудах, была плохо отработана. К преподавателям, выпускникам и студентам духовных академий часто предъявлялись претензии в необоснованном и плохо продуманном употреблении иностранных выражений [3, 199–201, 209–220; 22, 94–98; 23, 284–285]. В отечественное богословие, вследствие его непростого исторического пути, проникло много идей, неприемлемых для православной науки, но для очищения от них и более четкого научно-православного ответа на те или иные вопросы требовалась большая работа. Преподавательские корпорации академий, хотя и старались по мере сил исправлять недостатки, сами были образованы и воспитаны этой системой, и их знания, умения и опыт были обусловлены ее плюсами и минусами.

Во второй половине 1850-х гг. проблемы духовных академий стали особенно заметны на фоне общего интереса в России к научно-образовательным вопросам. Развитие науки – как европейской, так и российской – ставило вопрос о соответствии высшей духовной школы современному уровню. Открытия естественных наук – геологии, сравнительной зоологии, анатомии, психологии, физики – требовали основательного и также научного ответа богословия [24; 25; 26, 10–22]. Исследования в области гуманитарных наук – истории, словесности, филологии, юриспруденции – затрагивали церковную сферу (церковная история, церковное законоведение, церковная словесность и др.). Вставал вопрос об участии в этих исследованиях специалистов из духовных академий. Был поставлен вопрос о необходимости описания и изучения церковных архивов, памятников церковной старины [27, 340–341]. В определенной части общества появился интерес к богословию как таковому. «Духовная ученость», бывшая доселе по преимуществу обязанностью и достоянием духовного сословия, должна была предъявить миру свои научные результаты и занять свое место в научно-образовательной системе и в российском обществе [3; 234–331].

Катализатором духовно-учебной реформы послужила обстановка в стране – преобразовательные процессы первых лет царствования Александра II. Особым стимулом была разработка нового университетского устава, начавшаяся в 1858 г. и продолжавшаяся до 1863 г. [28; 29; 30, 317–332; 25; 26; 31]. Активные обсуждения проблем высшего образования, многие из которых были актуальны и для духовных академий, не могли оставить в

стороне профессорско-преподавательские корпорации последних.

Отдельные попытки решить назревшие проблемы духовной школы локальными мерами не имели успеха, поэтому был поставлен вопрос о реформе [5, 278–287]. Среди архиереев и в академической преподавательской среде не было единых мнений о том, насколько значительны должны быть изменения: следует ли реформировать существующую духовно-учебную систему или достаточно внутренних изменений. Все сходилось на необходимости осуществить замыслы Устава 1814 г. о развитии духовных академий как академий духовных наук, то есть, создать специальные условия для научно-педагогической специализации членов академических корпораций и формировать из них научно-исследовательские сообщества [32; 33, 109–120 об.]. Но были в проектах и принципиальные разногласия по двум вопросам. Первым из них был вопрос о сословности духовной школы: должна ли она быть сохранена? Для духовных академий этот вопрос был особенно важен, ибо был связан с более активным привлечением к преподаванию в академиях выпускников и преподавателей университетов. Вторым вопросом, вызвавшим разногласия, был вопрос о составе дисциплин, преподаваемых в академиях: следует ли сохранять в учебных планах духовных академий сочетание богословского и гуманитарного образования, созданное Уставом 1814 г., или более плодотворным является путь богословской специализации? Подготовка духовно-учебной реформы началась в 1858 г. с опроса епископата и продолжалась более десяти лет. За это время две комиссии трудились над разработкой реформы духовных семинарий и училищ (1860–1862 гг.; 1866–1867 гг.), затем была учреждена комиссия по разработке реформы духовных академий (1867–1869 гг.) [17, 112–229].

Составленный последней комиссией проект потом обсуждался еще трижды – шестью архиереями (в виде личных отзывов), самой комиссией, в расширенном составе, и Святейшим Синодом. Наконец, после переделок, Устав духовных академий был утвержден 30 мая 1869 г. императором [34].

В этом процессе постепенно определялись наиболее значимые идеи, составившие основу реформы 1869 г. и последующей эпохи деятельности духовных академий. В 1865 г. обер-прокурором Святейшего Синода стал граф Д.А. Толстой, соединивший в 1866 г. с этой должностью и должность министра Народного просвещения. Роль обер-прокурора в духовно-учебных делах к этому времени очень возросла [4, 156–166; 5, 44–56]. Он соединил идеи и желания, исходившие из духовно-учебных кругов, с властной и финансовой помощью государства, выбрал склонных к реформе

членов Святейшего Синода, представителей епархиального епископата и духовенства и, опираясь на них, стимулировал начало и поэтапное проведение реформы. Энергия графа Д. А. Толстого и его умение выбирать «ключевые» фигуры, с одной стороны, его собственные учебные идеи с другой, во многом определили подготовку и ход реформы духовных академий [17, 160–165]. Главными деятелями реформы стали приветствуемые и поощряемые обер-прокурором архиереи – архиепископы Нектарий (Надеждин) и Макарий (Булгаков) и представители белого духовенства, получившие в это время особые полномочия, – протоиереи Иосиф Васильев, первый председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде [35, 114–116; 36, 171–174], и Иоанн Янышев, ректор СПбДА. Если архиепископ Нектарий (Надеждин), несмотря на свое председательство в комиссии по разработке проекта духовно-академической реформы не высказал никаких самостоятельных идей и не проявлял в дальнейшем интереса к реализации нового Устава, то трое последних сумели вложить в новый Устав свои представления об организации высшего духовного образования и богословской науки и во многом определить проведение реформы [37, 57; 38, 740; 39, 129].

Обсуждения конкретных вопросов, проходившие на разных этапах разработки реформы, вскрыли общие проблемы, которые так и не удалось решить удовлетворительно: 1) недостаточная определенность главной цели деятельности академий и отсутствие структурообразующей идеи учебного плана; 2) недостаточная определенность внутренней структуры богословия, не позволяющая выделить возможные направления богословской специализации; 3) недостаточная определенность места и значения богословия в системе наук, приводящая к неопределенности статуса небогословских наук в высшей духовной школе и богословских наук в университетах.

Процесс составления Устава духовных академий 1869 г. привел к соединению в его окончательном варианте идей из разных проектов и мнений, авторских или коллективных, причем неоднократно корректируемых. Однако, несмотря на некоторую несогласованность, нечеткость, очевидные недоработки, единство Уставу придавала сила и новизна основных идей, которые представляли вполне определенную концепцию высшего богословского образования:

1) система специализации преподавателей академий по кафедрам, соответствие между должностным положением и ученой степенью, стимулирующее научный рост преподавателя в преподаваемой им области (§ 46–48) [35];

2) полноценная система научной аттестации, с обязательной публикацией и защитой ма-

гистерских и докторских диссертаций, повышение статуса магистерской богословской степени (§ 139–141, 145, 147) [35];

3) участие членов профессорско-преподавательской корпорации в решении вопросов учебного процесса и научного развития академий (§ 85–103) [35];

4) организация специальной подготовки профессорско-преподавательских кадров в виде приват-доцентуры, связанная с ней возможность дополнительной разработки специальных разделов базовых дисциплин (§ 55–58) [35];

5) двухэтапная специализация студентов: на трех первых курсах – по отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому), на выпускном курсе – по конкретным группам предметов (§ 133–138) [35];

6) предоставление академиям особых прав и возможностей для распространения и популяризации научного знания: собственной цензуры, права на учреждение научных обществ (§ 169–171, 177–180) [35].

Новая реформа радикально меняла все стороны жизни духовных академий – учебную, научную, организационно-административную, экономическую, бытовую, и ее проведение сопровождалось решением множества проблем. Уже в первые пореформенные годы стали проявляться и положительные, и отрицательные следствия реформы. Положительными были активизация специально-педагогической и научной деятельности преподавателей, вовлечение в научную работу студентов, налаживание связей с европейскими научными и образовательными центрами [40, 149–155; 41, 185–197]. Но были и отрицательные результаты: очень быстро проявились недостаточная продуманность реформы 1869 г., противоречивость некоторых положений Устава, неготовность профессорско-преподавательских корпораций к радикальным изменениям, отсутствие централизованного руководства в проведении реформы и оперативной корректировки.

Высшая церковная власть официально проверила результаты реформы ревизией, проведенной в 1874–1875 гг., по окончании четырехлетнего цикла действия нового Устава, архиепископом Литовским Макарием (Булгаковым). Избрание в качестве ревизора одного из активных участников подготовки реформы 1869 г. и автора некоторых ее положений многим казалось нарушением объективности оценки [42, 12; 43, 195–196; 44, 3]. Но преосвященный Макарий подошел к ревизии ответственно: он посещал лекции, проверял конспекты лекций и студенческие сочинения, предлагал преподавателям высказывать свои предложения [43, 196–212]. В целом ревизор засвидетельствовал положительные результаты ре-

формы – и в ежегодном отчете обер-прокурора на это было обращено особое внимание [45, 157]. Однако в отчете архиепископа Макария содержался ряд критических замечаний и предложений по совершенствованию учебного процесса в академиях. Критика относилась преимущественно к занятиям выпускного (4-го) курса: «нежизненность» педагогической подготовки выпускников, проводимой без учета реальных семинарских программ; неудачная постановка тем для кандидатских и магистерских диссертаций; отсутствие систематического руководства научной работой студентов [46, 3 об., 14, 20 об., 21, 33–33 об.].

Устав духовных академий 1869 г. действовал всего 15 лет. К началу 1880-х гг. стали особенно заметны связанные с ним проблемы. Наиболее болезненной была ранняя специализация студентов, которая позволяла углубляться в избранную область богословия, получать специальные знания и писать серьезные выпускные работы, но заметно ослабляла базовое образование. Неизбежные при этом односторонность, ограниченность и «мелочная скрупулезность», которые стали проявляться в кандидатских и магистерских работах выпускников, вызывали опасение профессорско-преподавательских корпораций [47, 519]. В 1884 г. был принят новый Устав, отменивший многие положения своего предшественника: специализацию студентов по отделениям, особую постановку выпускного курса, публичные защиты докторских диссертаций. Однако система специализации преподавателей и всестороннее поощрение их научных исследований были этим Уставом подтверждены и укреплены [48]. О плодотворности этой системы свидетельствовали исследования, появившиеся во всех областях богословия [17, 530–570]. Эти исследования были построены на историко-критическом исследовании источников, учитывали современные достижения мировой богословской и гуманитарной науки, содержали самостоятельные выводы. Уровень лучших из этих работ позволял говорить о становлении русского богословия как науки. Научные командировки преподавателей академий за границу стимулировали развитие русского богословия и вводили его в контекст современной науки [40, 156–171; 41, 197–216]. Встававшие при этом проблемы, необходимость адаптировать церковным сознанием историко-критические методы, активно и не всегда корректно вводимые в богословские исследования, требовали напряженной работы ученых [40, 154–164].

Нововведения реформы 1869 г. в учебной области имели меньший успех, хотя нельзя говорить об их бесплодности. Несмотря на указанные выше проблемы, возможность серьезных научных занятий, предоставляемая новым Уставом, ис-

пользовалась лучшими студентами и приносила определенные плоды. «Жесткая» специализация разрешила проблему многопредметности и обеспечила студентам возможность углубленных занятий в определенной области богословия, дала высшему богословскому образованию большую конструктивность и направленность. Предоставленная возможность серьезных научных занятий на выпускном курсе и повышение научных требований к выпускной работе дали ряд серьезных магистерских диссертаций и плеяду талантливых богословов, внесших вклад в развитие науки. Это был важный опыт, к которому высшая духовная школа в дальнейшем обращалась неоднократно [17, 480–493; 47].

Несмотря на проблемы, сопряженные с реформой 1869 г., и те трудности, с которыми столкнулась богословская наука на новом этапе своего развития, эта реформа имела главный – и несомненный успех. Этим успехом был новый уровень богословской науки, на который она поднималась, те новые горизонты, которые она могла увидеть с обретенной высоты, и вопросы, которые была способна сформулировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Титов Ф.И., прот. Преобразования духовных академий в России в XIX веке // Труды Киевской духовной академии. – 1906, № 5. – С. 25–98.
2. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX веке: В 2 т. Т. 2. – Вильно, 1909.
3. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991 [репринт издания: Париж, 1937].
4. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 ч. Ч. 1. – М., 1996.
5. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. – М., 1999.
6. Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М., 2005.
7. Прилежаев Е.М. Царствование Александра I в истории русской духовной школы. – СПб., 1878.
8. Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. – Казань, 1878.
9. Титлинов Б.В. Комитет духовных училищ 1807–1808 гг. и училищные уставы // Христианское чтение. – 1908, № 3. – С. 422–447.
10. Богословский М.М. Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии. – Сергиев Посад, 1917.
11. Вишленкова Е.А. Духовная школа России первой четверти XIX века. – Казань, 1998.
12. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857.
13. Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования 1814–1870. – М., 1879.
14. Аскоченский В.И. История Киевской духовной академии. – Киев, 1863.
15. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): В 3 вып. – Казань, 1891–1892.
16. Сухова Н.Ю. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007 – С. 15–52.
17. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). – М., 2006.
18. Отчет о ревизии СПбДА // РГИА, ф. 797, оп. 37 (отд. 1, ст. 2 ст.), д. 1.
19. Потапов В.Н. Письма к отцу // ЦГИА СПб, ф. 2162, оп. 1, д. 18.
20. Записка епископа Чигиринского Иннокентия «Мысли касательно преподавания богословских наук в духовных академиях» // ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 925.
21. Горский А.В., прот. Обзорение предметов, преподаваемых студентам Московской духовной академии // ОР РГБ, ф. 316, п. 68, д. 33.
22. Малышевский И.И. Историческая записка о состоянии Киевской Духовной Академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. – 1869, № 11–12. – С. 94–98
23. Дьяконов К.П. Духовные школы в царствование Николая I. – Сергиев Посад, 1907. – С. 284–285
24. Хартанович М.Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. – СПб., 1999.
25. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985.
26. Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983.
27. Покровский Н.В. Желательная постановка церковной археологии в духовных академиях // Христианское чтение. – 1906, № 3. – С. 333–349.
28. Журнал Ученого комитета Главного управления училищ по проекту общего Устава Императорских российских университетов. – СПб., 1862.
29. Замечания на проект общего Устава Императорских российских университетов: В 2 т. – СПб., 1863.
30. Кэссону С. Университетский Устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России 1856–1874 гг. М., 1992. – С. 317–332.
31. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. – М., 1993.
32. Заметки Сербиновича о необходимости изменения учебной части в духовных академиях [Свод мнений архиереев по вопросу о необходимых изменениях в духовных академиях] // РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 705.
33. Свод мнений конференций духовных академий хранится в архивном фонде Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в деле о преобразовании академий 1869 г. // РГИА, ф. 797, оп. 37 (отд. 1, ст. 2), д. 1, л. 109–120 об.
34. Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 30 мая 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XLIV. – № 47154.
35. Сухова Н.Ю. Реформа духовных академий 1869 г.: личный аспект // Церковь в истории России. Сб. 8. Институт Российской истории Российской Академии наук. – М., 2009. – С. 101–119.
36. Сухова Н.Ю. Управление духовно-учебными заведениями

- ниями в России в 1867–1918 г. // Материалы Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института 2002 г. – М., 2002. – С. 169–182.
37. Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (1847–1915) // Христианское чтение. – 1916, № 1. – С. 45–67.
38. Беляев А.А., прот. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским]. // Богословский вестник. – 1912, № 4. – С. 738–754.
39. Беляев А.А., прот. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским]. // Богословский вестник. – 1912, № 5. – С. 128–146.
40. Сухова Н.Ю. Научно-богословские исследования в России – проблемы и поиск (XIX – начало XX в.). // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 143–171.
41. Сухова Н.Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.). // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 172–216.
42. Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования 1842–1892. – Казань, 1892.
43. Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (1847–1915) // Христианское чтение. – 1916, № 2. – С. 184–212.
44. Ревизия Санкт-Петербургской духовной академии. // Церковно-общественный вестник. – 1875, № 12. – С. 3–4.
45. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1875 год. – СПб., 1876.
46. По отчетам преосвященного Макария, архиепископа Литовского, о произведенной им в 1874–1875 гг. ревизии в Киевской, Казанской, Санкт-Петербургской и Московской духовных академиях // РГИА, ф. 802, оп. 9, 1874, д. 18.
47. Вафинский Н. [Глубоковский Н.Н.] К вопросу о нуждах духовно-академического образования // Странник. – 1897, № 8. – С. 519–540.
48. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. IV. – № 2160.

N. Sukhova

ORTHODOX ECCLESIASTICAL ACADEMIES IN 1850-60 AND REFORM OF 1869

Abstract: The article is devoted to reform of the Russian highest ecclesiastical school of 1869. The author has carried out the analysis of a historical context of epoch, problems rising in 1850-60 before ecclesiastical academies, process of preparation both realization of reform and its main rules. Specialization of researches in ecclesiastical academies and inclusion of the members of teaching corporations in active scientific process were by the basic results of reform.

Key words: orthodox ecclesiastical academies, reform, scientific researches.

УДК 947(470.55/.58)

Ковылин Д.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Аннотация. В статье раскрываются особенности развития кредитной кооперации в казачьих станицах Южного Урала, рассматриваются основные направления работы кооперативов, значение их деятельности. Автор приходит к выводу, что кооперативные объединения казачьих станиц не существовали изолированно, им были присущи многие особенности и характерные черты кооперации России.

Ключевые слова: кредитный, кооперативы, казачьи, кооперация, товарищество, кредитование, ссуда.

Кооперация в России во второй половине XIX – начале XX вв. развивалась прежде всего в форме кредитной в виде ссудо-сберегательных и кредитных товариществ для получения ссуд на хозяйственные нужды. Кредитная кооперация была представлена ссудосберегательными и кредитными товариществами, большинство которых (более 80% членов) функционировало в сельской местности. Основным отличием ссудосберегательных и кредитных товариществ было то, что в ссудосберегательное товарищество можно было вступить только с паем в размере от 10 до 100 руб., а в кредитное – без пая. Суммы паев составляли основной капитал ссудосберегательных касс, тогда

* © Ковылин Д.А.

как в кредитных товариществах основной капитал образовывался путем займа в Госбанке. До 1916 г. кредитная кооперация занимала ведущее место в кооперативном движении (после 1916 г. – потребительская). Общее число кредитных кооперативов на 1 апреля 1917г. составляло 16.573, число их членов на 1 июня 1916г. – более 10 млн., капиталы достигали 815, 16 млн. рублей¹.

Кредитная кооперация и ее союзы кроме основного назначения – кредитования мелкого крестьянина – производителя, занималась сбытом хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции. Данная кооперация, мобилизуя начальный капитал, расширяла и поддерживала хозяйственную деятельность мелких собственников, крестьян, кустарей, ремесленников.

Кредитные кооперативы в том виде, в котором они сложились к концу 1917г. с центральными кассами и другими союзными объединениями, являлись звеном, соединяющим деревню с общим денежным рынком. Кредитная кооперация способствовала интенсификации сельскохозяйственного производства, одновременно открыв новую область финансовой деятельности.

Организаторами и инициаторами кредитных товариществ в Оренбуржье были инспектора мелкого кредита, местная интеллигенция, духовенство, иногда сами казаки, крестьяне. Открыть свое дело разрешалось лишь после утверждения устава кооператива Министерством внутренних дел. Основной капитал в них складывался главным образом из ссуд Государственного банка за 6% годовых. Ссуды начинали погашать через 5 лет и должны были быть выплачены полностью в течение 10 лет. Размеры ссужаемого Государственным банком капитала составляли в Оренбургском уезде от 1000 до 2000 руб. на одно товарищество. Величина ссуды зависела от численности членов товарищества. В отделе мелкого кредита товариществу открывали и краткосрочный кредит, который также постепенно увеличивался – от 2000 до 5000 руб. и выше.

Данные первого отчета Управления по делам мелкого кредита за 1904–1907гг. свидетельствуют о том, что в ряде уездов восточных и южных степных губерний кредитные товарищества стали основной формой обслуживания местного населения². Важным шагом к правовому оформлению кооперативного движения в России можно считать принятие правительством 7 июня 1904 г. «Положения об организации мелкого кредита», на основе которого создали соответствующее Управление. Согласно «Положению» общее заведение учреждениями мелкого кредита, к которым относили кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, было «вверено Министерству Финансов по Государственному банку и возложено

на образованное при банке Управление по делам мелкого кредита³. Учреждения, пользующиеся ссудой от казны, подлежали правительственной ревизии как по постановлению Губернских комитетов, так и по постановлению Комитета по делам мелкого кредита (ст. 30). Земским или по делам земского хозяйства Управам предоставлялось, по уполномочию земских собраний или комитетов, образование ссудо-сберегательных и кредитных товариществ на основании образцовых уставов и на них же возложен надзор за этими учреждениями мелкого кредита и проверка годовых отчетов (ст. 52)⁴.

В Оренбургской губернии первые кредитные товарищества появились в начале XX века. В частности, Тургоякское кредитное товарищество Троицкого уезда возникло в 1902 г. В 1904 г. число их стало возрастать, как и по всему Южному Уралу, да и по России в связи с принятием упоминавшегося выше Положения об организации мелкого кредита. На 1 января 1907 г. их насчитывалось в Оренбуржье 20; количество участников – 6.300 человек; сумма кредитов – 277000 руб. В конце 1908г., по данным МВД, в Оренбургской губернии было уже 38 кредитных товариществ, а в Уфимской – 105⁵.

В течение 1909 г. одно за другим открыли свои действия Аткульское, Казачье Миасское, Долгодеревенское и Сосновское кредитные товарищества в Челябинском уезде, Березовское, Косское, Кособродское и Нижнеуельское в Троицком уезде Оренбургской губернии. Общее же количество кредитных товариществ на 1 января 1910 г. в Челябинском уезде составило 4, а в Троицком – 8⁶. Сумма оборотных средств этих товариществ равнялась 48065 рублей 94 коп. Как говорилось в докладе инспектора мелкого кредита М.А. Бельского, «...товарищества, несмотря на свое сравнительно недавнее существование, успели уже заручиться доверием более обеспеченной части населения, которая не боится внести свои сбережения в товарищества не только на короткий промежуток времени, но и на более продолжительные сроки, как например до 5 лет...»⁷. Только за 1909 г. вышеназванными товариществами было выдано 3626 ссуд на сумму 93431 руб. 60 коп., ссуды выдавались преимущественно «по личному доверию», сравнительно мало по поручительству и под залоги. Подавляющее число ссуд было с производительным назначением: на аренду земли, покупку зернового хлеба, наем машин и рабочих для молотбы и посева, на покупку сельскохозяйственных машин и орудий и т.д. Выделялись также «полупроизводительные» ссуды на покупку, постройку и ремонт домов, мельниц, амбаров и пр., на сырьевые продукты, на товары для перепродажи (бакалейные, мануфактурные и

др.) Ссуды «потребительного характера» составляли немногим более 1 процента от общей суммы выданных ссуд⁸. В отчете, обнаруженном автором в ОГАЧО, говорится и о случаях просрочки ссуд в товариществах Троицкого уезда на сумму 3187 рублей. Происхождение просрочек объяснялось, во-первых, недостаточно внимательным наблюдением членов управления товарищества за употреблением заемщиками ссуд по назначению, во-вторых, непринятием мер к неисправным заемщикам. Надо отметить, что в 1910 г. просроченные ссуды в указанных товариществах пошли на убыль, после того как часть членов была исключена за неплатеж ссуд.

К 1917 г. в Оренбуржье было уже 195 кредитных товариществ с числом членов 132 тысячи человек. Охват населения губернии кредитными товариществами составлял примерно 35% (по уставным требованиям от одного хозяйства в кооператив принимался лишь один представитель).

Особенно широкое распространение получила кредитная кооперация на Южном Урале в казачьих станицах. По данным Российского государственного военно-исторического архива, к 1915 г. на территории Оренбургского казачьего войска действовали 121 кредитных товарищества (32 из них – в 1-ом отделе ОКВ, 49 – во 2-ом, 40 – в 3-ем.) Из состоявших в них 72550 человек, 63362, т.е. преобладающее большинство, были казачьего сословия⁹.

В Государственном Архиве Оренбургской Области, как нам удалось установить, имеются данные об активной деятельности в начале XX века таких кредитных товариществ как Краснохолмское, Саратовское Оренбургского уезда, Новокиевское Орского уезда, Григорьевское Оренбургского уезда¹⁰.

Наиболее крупным из них, судя по масштабам действий, было Краснохолмское кредитное товарищество, функционирующее по всей станице. Товарищество было разрешено к открытию 3 марта 1911 г.¹¹ К концу года в нем состояло 202 члена. Кредитное товарищество осуществляло посреднические операции, давая ссуды на снабжение кооператоров земледельческими орудиями и машинами, при покупке и аренде земельных участков, постройке жилья, покупке семян для посева и корма для скота.

Так, в отчете по ссудам данного товарищества за март 1911 г. было выдано 39 ссуд на сумму 2100 руб., в том числе одна ссуда на постройку жилья, 8 ссуд на покупку и починку орудий, 3 ссуды на покупку корма для скота, 29 ссуд (1400 руб.) на покупку семян для посева¹².

Кредитное товарищество также принимало участие в проведении важнейших агрономических мероприятий: борьбе с засухами и вредителями

хлебов, с засоренностью поля сорными травами, организации молочного хозяйства и улучшении скотоводства. Для покупки племенного скота в апреле 1913 г., например, выделялись безвозвратные ссуды в половинном размере его стоимости¹³.

Новокиевскому товариществу, открытому в 1913 г. была разрешена ссуда в основной капитал из Государственного банка в размере 3 тысячи рублей. Эта ссуда в данном случае выдавалась без удержания процентов, лишь с уплатой гербового сбора. Кроме того, данному товариществу был предоставлен краткосрочный кредит в 10.000 руб. Учредители товарищества в своем ходатайстве писали, что они сплотились с «целью освобождения от тяжелого гнета местных торговцев», которые «дерут с них шкуру»¹⁴.

В 1909 г. открылось Казачье Миасское кредитное товарищество в Челябинском уезде Оренбургской губернии. Всего же на 1 января 1910 г. в Челябинском и Троицком уездах в кредитных товариществах состояло 2451 казаков с кредитом на 119944 рублей, что значительно превышало показатели по другим категориям населения¹⁵.

В 1914 г. в связи с началом войны, Казачье Миасское товарищество, в числе 5 кредитных товариществ Челябинского уезда, постановило помочь семьям запасных, призванных на военную службу по мобилизации 18 июля 1914 г., своими средствами¹⁶.

Бердское кредитное товарищество открыло свои действия 16 апреля 1912 года¹⁷. Его устав был принят в этом же году 19 октября. Согласно данному уставу в кооператив принимались лица не моложе 16 лет, проживавшие в поселке Бердском или в Подгородней Покровке, независимо от пола, национальности, сословия (§7). Однако существовал имущественный ценз: вступить в кредитное товарищество могли лишь имевшие земельный надел не менее 15 десятин, надворные постройки и определенный минимум поголовья скота (не менее одной единицы лошади, крупного рогатого скота и мелкого скота). К 1 мая 1912 г. численность членов товарищества составила 186 человек, а к 1 июля 1912 г. – уже 306 человек. Такой рост объяснялся в частности тем, что кредитное товарищество удовлетворяло потребность в кредите в большинстве случаев «малодостаточных хозяев», что стало особенно актуальным после засухи и неурожая 1911 г. Население, нуждавшееся в займах на различные производственные цели, перестало страдать от произвола ростовщиков, получая в товариществе зримую материальную и социальную поддержку. Важно также отметить, что в отличие от ссудо-сберегательных товариществ, не получивших широкого распространения в крае, при вступлении в кредитные товарищества не требовалось внесения пая, что обуславливало более

широкий охват населения.

По социальному составу основную массу Бердского товарищества составляли казаки (на 1 июля 1912 г. – 248 человек¹⁸), явившиеся главными инициаторами его создания. В товарищество входили и представители интеллигенции, в том числе учителя, работавшие в школах Бердского поселка. Бердское кредитное товарищество, как и многие другие в Оренбуржье, отличалось многонациональным составом. Так, по сведениям, предоставленным инспектором мелкого кредита Москалевым в 1912 г., 82 % составляли русские, 9% – татары, 5% – башкиры, 2% – мордва, 2% – другие национальности¹⁹.

Товарищество осуществляло посреднические операции, выделяло ссуды на постройку и ремонт жилья и надворных построек, на покупку скота, приобретение семян для посева, сельскохозяйственного инвентаря, минеральных удобрений, промышленного оборудования. Выделялись ссуды и на культурно-просветительские нужды. Так, с мая по сентябрь 1912 г., было выделено 12 ссуд на постройку жилья в сумме 920 руб., 8 ссуд на покупку скота в сумме 656 руб., 4 ссуды на покупку сельхозинвентаря (130 рублей) и 3 – на постройку клуба (416 рублей). 11 декабря 1912 г. общее собрание приняло постановление о выдаче ссуд не только на производственные, но и на личные нужды. Число выдаваемых ссуд на личные нужды не было ограничено, но их сумма не могла превышать 1000 руб. на одного члена товарищества за один календарный год. На различные производственные, а также общественные нужды ссуды выдавались без ограничений, по мере необходимости.

Кроме финансовой деятельности Бердское кредитное товарищество занималось культурно-просветительской работой. Большое внимание уделялось борьбе с неграмотностью. На момент возникновения Бердского товарищества грамотными были не более трети его членов и даже в правлении кооператива половина его состава были неграмотными. На собрании 18 февраля 1913 г. было принято постановление, согласно которому одной из первоочередных задач была поставлена ликвидация неграмотности среди членов товарищества и просвещение народных масс. Учителя, работавшие в кооперативе организовали специальные кружки обучения грамоте для членов кооператива и их детей. Уже к 1914 г. все члены правления были грамотными, число неграмотных в товариществе в целом сократилось в это время до 40%, а к 1917 году – до 17%²⁰.

В годы Первой мировой войны Бердское кредитное товарищество, несмотря на трудности, активно продолжало свою деятельность. С самого начала войны перед кооператорами от лица пред-

седателя правления В.П. Тимофеева была поставлена задача оказания помощи фронту и «...четкая, умелая организация работы в тылу». Для организации помощи фронту Бердским кредитным товариществом с 1914 по 1916 гг. было выделено 19400 рублей²¹. 128 кооператоров Бердского товарищества ушли на фронт, их семьям оказывалась материальная поддержка. Численность товарищества к 1916 г. составила 562, а к 1917 – 817 чел.

За неполных пять лет деятельности численность Бердского кредитного товарищества выросла в 4 раза, заметно вырос основной и запасный капитал. Бердское кредитное товарищество сыграло заметную роль в жизни Бердской казачьей станицы: оно оказывало населению помощь в решении материальных и социальных проблем, содействовало ведению сельского хозяйства, активно способствовало просвещению народа.

Кооперативные объединения в казачьих станицах Южного Урала отличались своим многонациональным составом. При преобладании в них русских, значительный процент составляли татары, башкиры и другие национальности.

Одним из многонациональных кредитных товариществ стало и Ново-Илецкое кредитное товарищество, учредителями которого явились казаки поселка Ново-Илецкого Линевской станицы Оренбургской губернии. Действующим учреждением мелкого кредита в районе открывшегося вновь товарищества являлось Линевское кредитное товарищество расположенное в станице Линевской. Баланс Линевского товарищества на 1 марта 1915 г. составлял 116 тыс. 314 руб. при 744 членах. Среди причин ходатайства о создании отдельного от Линевского кредитного товарищества объединения инспектором мелкого кредита А.Беляковым выделялось значительное расстояние поселка Ново-Илецкого от Правления Линевского товарищества (18 верст), неудобство сообщения между этими поселками весной и осенью, а больше всего – стремление населения открыть свое товарищество, в котором возможно было гораздо большее объединение участников²².

Поселок Ново-Илецкий располагался в 60 верстах от города Илецкая Защита. Главный контингент товарищества, как свидетельствовала докладная записка инспектора мелкого кредита Оренбургского отделения Государственного банка А.И. Белякова, составляли казаки – татары и русские, кроме того, в товарищество вошли и два аула Уральского уезда, где жили киргизы. Обосновав возможность открытия многонационального товарищества вышеупомянутый инспектор отмечал: «Относительно киргиз, по собранным сведениям, кроме хорошего сказать ничего нельзя. Прошло то время, когда конокрадство и разбои были отличительною чертою этого кочевого

племени. Сейчас же киргизы начинают сеять хлеб и тем связывать себя с постоянным определенным местом». Касаясь взаимоотношений казаков и киргизов, А.И. Беляков подчеркивал, что казаки всей Линевской станицы великолепно знали киргиз, хорошо говорили на их языке и десятки лет вели с ними торговлю скотом²³. Зная по опыту Тургайской области как относятся киргизы к кредитному товариществу, инспектор мелкого кредита приветствовал «такого рода объединение», полагая, что оно имело «громадное государственное значение»²⁴.

Главным занятием населения района названного товарищества являлось хлебопашество у казаков и скотоводство у киргизов, но последние уже давно вели и посева. Довольно значительным промыслом у киргизов являлся извоз. Всю зиму везли киргизы в Илецкую Защиту хлеб и сено, а обратно – обрабатываемую в Илецкой Защите соль²⁵.

Ново-Илецкое кредитное товарищество открылось 1 августа 1915 г., выделившись из района соседнего Линевского товарищества. Оно было разрешено к открытию Губернским Комитетом на основании образцового устава 1905 г. Выделенная первоначально Ново-Илецкому товариществу ссуда в основной капитал из средств Государственных Сберегательных касс составляла 3000 рублей, что обеспечивалось имуществом учредителей, оцениваемым свыше 30 тыс. рублей. Кроме того, товариществу был открыт краткосрочный кредит в размере 10 тысяч рублей²⁶. Размер % по ссудам составил 12%, по вкладам и займам – 5-8%²⁷. При открытии товарищества в него входило 695 дворов, считая два вошедшие в него киргизских аула. В докладной записке инспектора мелкого кредита также подчеркивалось, что открытию товарищества не мешают военные события, так как из наведенной справки видно, что отвлечены войной не все домохозяева и что при хозяйствах уже призванных есть необходимые рабочие руки.

Максимальный размер кредита учредители определили в 300 рублей, с ссудами под залоги хлеба или изделий ремесла и промысла – 1000 рублей²⁸. Уполномоченным учредителей был избран урядник Яков Константинович Пастухов. Из 27 учредителей было 26 грамотных. Представителем киргизских аулов в Правлении стал в качестве члена Правления Жангир Мунасыпов. Учредители товарищества заявляли, что они достаточно хорошо понимают цель, которая преследуется учреждениями мелкого кредита и отлично знают образцовый устав, которым руководствуются товарищества.

С 1 августа 1915 г. по 1 января 1916 г. товариществом было выдано 398 ссуд на сумму 42040

руб., в том числе : на личные расходы заемщиков – 127 ссуд на сумму 13080 тыс. руб.; на жилые постройки – 11 ссуд на 1265 руб. Преобладали ссуды на семена, аренду, скот, машины, орудия – 260 ссуд на сумму 27695 рублей²⁹.

По сведениям на 1 января 1916 г. национальный состав Ново-Илецкого кредитного товарищества был следующим: 71% – русские, 16 – киргизы, 7 – татары, 2% – башкиры, 4 – другие³⁰.

В рапорте по результатам ревизии инспектора мелкого кредита М.И. Ковальчука управляющему Оренбургским отделением Государственного банка от 15 марта 1916 г. говорилось, что общая постановка дела, в том числе счетоводства, на момент проведения ревизии была довольно слабой. Руководители товарищества скорее приноравливались к направлению деятельности соседних товариществ, чем действовали сознательно. В то же время инспектор признавал, что несмотря на малограмотность, члены Правления товарищества действовали осмотрительно и осторожно в деле раздачи денег, что с практической стороны было очень ценно. Следует также отметить, что по сведениям на 1 января 1916 г. за товариществом не числилось ни одной просроченной ссуды.

В заключение следует отметить, что на Южном Урале казачество было охвачено практически всеми формами кооперирования. Широкое распространение в казачьих станицах края получили также промысловая и потребительская кооперация.

Кооперативные объединения в казачьих станицах не существовали изолированно, им были присущи многие особенности и характерные черты кооперации России и на Южном Урале. В то же время, следует подчеркнуть, что кооперирование получило именно в казачьих районах края более интенсивное и всестороннее развитие, особенно с начала XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Козлова Е.Н. Развитие кооперации в России и ее роль в обновлении страны (1906–1917гг.). // Кооперация. Страницы истории. М., 1993. С.30.
2. Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926. С.58.
3. ГАРФ.Ф.102,оп.1910, д.376 ч. 2, л.15 об.
4. ГАРФ.Ф.102,оп.1910, д.376 ч. 2, л.16 об.
5. ГАРФ.Ф.102,оп.1910, д.376.ч.2,л. 72 об., 73.
6. ОГАЧО. Ф.20,оп.2, д.21, л. 200.
7. Там же, л. 200об.
8. ОГАЧО. Ф.20,оп.2, д.21, л. 201.
9. РГВИА.Ф.752, оп.1, д.1, л.102.
10. ГАОО. Ф.101,оп.1, д.14–17.
11. ГАОО.Ф.222,оп.1, д.3, л.12.
12. ГАОО. Ф.65,д.1.л.12.
13. ГАОО.Ф.222,оп.1, л.19.
14. ГАОО.Ф.101,оп.1, д.16,л.7.
15. ОГАЧО.Ф.20,оп.2, д.21, л.202.

16. ОГАЧО. Ф.20, оп.2, д.21, л.56.
17. ГАОО. Ф.101, оп.1, д.14, л.8.
18. ГАОО. Ф.101, оп.1, д.14, л. 21-22
19. ГАОО. Ф.101, оп.1, д.14, л.131.
20. ГАОО.Ф.101, оп.1, д.14, л.148-150
21. ГАОО.Ф.101, оп.1, д.14, л. 230-236.
22. ГАОО.Ф.101, оп. 1, д. 58, л.3.
23. ГАОО.Ф.101, оп. 1, д. 58, л.3.
24. ГАОО.Ф.101, оп. 1, д. 58, л.3.
25. ГАОО Ф.101, оп.1, д.58, л.1.
26. ГАОО Ф.101, оп.1, д.58, л.2
27. ГАОО Ф.101, оп.1, д.58, л.16.
28. ГАОО Ф.101, оп.1, д.58, л.9
29. ГАОО.Ф.101, оп.1, д.58, л.16.
30. ГАОО Ф.101, оп.1, д.58, л.30.

D. Kovylin

THE CREDIT COOPERATIVES ACTIVITIES IN COSSACK VILLAGES OF SOUTH URAL IN THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract: The article reveals the features of credit cooperation development in Cossack villages of South Ural. The main areas of cooperation and the significance of cooperative activity are considered. The author reaches the conclusion that the Cossack cooperatives did not exist isolated, many special features and peculiarities of Russian cooperation in general were characteristic for them.

Key words: credit, cooperatives, Cossack, cooperation, association, crediting, loan.

УДК: 94(470+571)

Трухин М.Д.

РОССИЙСКИЕ ИСТОКИ ИДЕИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ НЕОНАРОДНИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу возникновения требования созыва в России Учредительного собрания в конце XIX – начале XX веков у первых неонароднических организаций. Основной темой в публикации является проблема противоречивого сочетания западной и отечественной терминологии при постановке требования созыва Учредительного собрания. Анализ программной, теоретической и агитационной литературы неонародников показывает их приоритетное отношение к отечественной модели организации законодательной власти в России.

Ключевые слова: Земский собор, либералы, неонародники, социалисты-революционеры, Учредительное собрание.

Неонароднические организации стали возникать в России и за границей в конце XIX – начале XX веков. Большинство первых неонародников предпочитало называть себя социалистами-революционерами (эсерами), подчёркивая, таким образом, своё идейное родство с народовольцами. В то время партийная структура эсеров находилась в начальной стадии формирования. Крупнейшей из неонароднических партий стала созданная в конце 1901 г. Партия социалистов-революционеров (ПСР). Немногочисленные, законспирированные, состоящие в основном из «старых народников» и радикальной молодёжи, эсеры, тем не менее, начали активную борьбу за реализацию

своих требований. Их центральным требованием стал созыв нового органа высшей законодательной власти – Учредительного собрания или Земского собора.

В конце XIX – начале XX веков термин «Учредительное собрание» уже был хорошо известен в революционных кругах России. В России требование Учредительного собрания было впервые включено в программные документы декабристов. Позднее оно вошло в программу «Народной воли». Неонародничество также использовало его в своих первых программных материалах. Например, Учредительное собрание упоминается в программной брошюре Союза русских социалистов-революционеров, написанной видным народником Х.О. Житловским (С. Григорович) [4, 118]. Этот термин также можно встретить в критических статьях эсеров о программах других политических организаций [5, 30; 14, 212]. Наконец, требование созыва Учредительного собрания стояло наравне с Земским собором в тексте проекта программы ПСР [13, 3].

Однако до начала первой российской революции неонародники больше использовали в своих программных и агитационных документах такие термины, как: «Национальное собрание», «Народное собрание», «Народная Дума», «Представительство» и т.д.* Особенно часто неонародники использовали термин, имеющий прямое отношение к отечественному историческому наследию, – «Земский собор» или «Всенародный

* © Трухин М.Д.

Земский собор» [1, 32; 11, 15; 15, 59].

Чем можно объяснить это явление? Видный деятель партии эсеров М.В. Вишняк указывал, что ещё народовольцы нередко употребляли выражения «Земский собор» и «Учредительное собрание» как равнозначные, а причинами такой непоследовательности могли стать как тактические мотивы, так и отсутствие юридического опыта. Рассуждая уже об отношении эсеров к терминам «Земский собор» и «Учредительное собрание», М.В. Вишняк отмечал, что эти понятия отождествлялись в печати ПСР практически до конца 1905 г. [2, 39-40, 48]. Причины этого явления он не называет. На наш взгляд, ими могли стать два обстоятельства.

Во-первых, несмотря на довольно быстрый рост популярности идеи Учредительного собрания, юридическая сторона этого вопроса на тот момент была досконально известна только ограниченному кругу специалистов. Поэтому эсерам действительно приходилось использовать подходящую по смыслу терминологию.

Во-вторых, термин «Земский собор» мог и сам по себе заинтересовать неонароднических теоретиков, как удачный пример, взятый из исторического опыта России. Земские соборы в России созывались в чрезвычайных обстоятельствах, когда верховная власть оказывалась неспособна решить судьбу государства. Близкий к неонародничеству писатель Е.О. Зеленский (Л. Надеждин) писал о Земском соборе: «...не вышвыривайте с лёгким сердцем того, что ещё у мудрого хозяина сослужит свою службу!» [5, 59]. Распространять идеи парламентаризма в обществе, имея к ним конкретную национальную историческую привязанность, было гораздо проще. Поэтому связь идеи о всенародном государственном переустройстве России с её историческим прошлым была постоянной темой обсуждения среди неонародников.

Составной частью теории неонародников была идея созыва Учредительного собрания, необходимость и возможность создания которого они аргументировали тем, что уже на ранних этапах истории России существовали демократические формы государственного управления. Например, видные теоретики российской идеи Учредительного собрания В.В. Водовозов и А.В. Пешехонов считали, что идея созыва представительного собрания в России происходит от вечевых собраний [3, 4; 12, 116]. Один из основателей народно-социалистической партии В.А. Мякотин подчёркивал, что вопрос созыва представительного собрания происходит от Земских соборов [10, 65]. М.В. Вишняк видел корни идеи представительной власти в первых казацких бунтах и церковных расколах. Поэтому появление лозунга Учредительного собрания у декабристов, петрашевцев и народовольцев было, по его мнению, вполне закономерным

явлением русской истории [2, 28-29]. Являясь народнической организацией, эсеры не могли отстраниться от исторического наследия России. Вот почему они часто использовали понятия и термины, имеющие отношение к предыдущему государственному устройству России.

С приближением начала первой российской революции эсеры стали гораздо активнее использовать лозунг Учредительного собрания, а не Земского собора. В середине лета 1904 г. ЦК ПСР выступил с воззванием: «Мы требуем, чтобы собрались выборные от всей земли обсудить и решить переустройство всех наших порядков в пользу рабочего народа! Мы требуем созыва Учредительного собрания!» [7, 22; 8, 23]. По мнению известных советских историков О.Н. Знаменского и В.А. Шишкина, причиной этого явления стало приближение первой революции, повлекшей популяризацию более радикальной терминологии, взятой из исторического прошлого Франции [6, 22]. На наш взгляд, это мнение неверно. Интерес к революционному и парламентскому опыту Франции действительно всегда присутствовал в России, поэтому свои идеи неонародники тоже часто ассоциировали с опытом реорганизации государственной власти в послереволюционной Франции. Однако, как мы уже видим, иностранные термины не доминировали. Эсеровские публицисты писали, что Учредительное собрание имеет такое название потому, что оно должно «учредить» в России конституцию и другие основные законы [9, 41]. При этом эсеры не делали прямых ссылок на то, что они связывают исторический опыт Франции и свои конкретные программные лозунги.

Основной причиной отказа неонародников от термина «Земский собор» стало их отстранение от либерального земского движения в России. Дискуссия между неонародниками и земцами по вопросу созыва в России законодательного представительства велась в течение всего предреволюционного времени. Среди либеральной земской интеллигенции России идея созыва высшего законодательного органа, как правило, существовала в завуалированной форме. Подобно славянофилам, некоторая часть либералов, стремясь найти компромиссный вариант между старыми политическими формами государственного правления и новыми социальными условиями в России, стала заявлять о необходимости созыва совещательно-го Земского собора.

Среди неонародников такая позиция сразу подверглась систематической критике. Её основу составляли упреки за нежелание земцами открыто признать основы всеобщего избирательного права как обязательных условий созыва представительного собрания, а также обвинения в политической спекуляции революционными ло-

зунгами. Об этом в предреволюционный период говорил Е.О. Зеленский, отмечая различный подход у земцев и социалистов-революционеров к решению вопроса о будущем высшем законодательном органе [5, 29-30, 52, 55]. А.В. Пешехонов считал, что земцы используют понятие «Земский собор» просто как удачный термин, но сути его не раскрывают [12, 113].

Чтобы ещё более полно показать свои разногласия с земцами, неонародники приравнивали их к славянофилам. Известный радикальный народник М.А. Энгельгардт, обращаясь к земцам, писал: «Вообще, этого рода декоративные учреждения – назвать ли их соединёнными ландтагами, земскими соборами, государственными думами, собраниями нотаблей и т.п. – родились и умерли вместе со старым давно отжившим строем. Думают: выкопает начальство эту любопытную окаменелость – земский собор – sprysnet живой водой и восхищённая Россия узрит чудо: живого мамонта!» [16, 1]. Поэтому, чтобы продемонстрировать своё негативное отношение к пассивной и архаичной позиции земцев по вопросам государственного переустройства России, эсеры взяли на вооружение термин, прямо относящийся к программе народолюбцев, – «Учредительное собрание».

Замена термина «Земский собор» на «Учредительное собрание» произошла практически безболезненно. Хотя М.В. Вишняк упоминает строчки из стихов видного народнического деятеля В.Г. Богораза-Тана: «И учредительный да здравствует собор», как примирительные слова к сторонникам этих терминов, мы склонны считать, что серьёзных внутренних противоречий по этому вопросу не было [2, 53]. Несмотря на то, что подготовка проекта программы ПСР проходила в сложной обстановке, смена терминологии не вызвала каких-либо разногласий. Это подтверждают дебаты по обсуждению программы на первом учредительном съезде ПСР.

Таким образом, взяв на вооружение национальный исторический опыт и лучшие достижения зарубежного парламентаризма, неонароднические организации упрочили теоретические основы российской модели Учредительного собрания и начали практическую борьбу за её реальное воплощение.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

- * Центральный архив общественных движений города Москвы. Ф. 8654. Оп. 1. Д. 1319. Л. 4; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1741. Оп. 1. Ч. 3. Д. 1603. Л. 1; Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 424. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агитация в армии // Вестник русской революции.

- Женева. 1901. № 1. – С.32.
2. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932. – 253 с.
3. Водозовов В.В. Избирательное право в Европе и России. – СПб., 1906. – 66 с.
4. Григорович С. Социализм и борьба за политическую свободу. – Лондон, 1898. – 120 с.
5. Зеленский Е.О. Возрождение революционизма в России. – Б.м., 1903. – 127 с.
6. Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. – Л., 1977. – 296 с.
7. Ко всем рабочим // Летучий листок Революционной России. – Женева, 1904. № 4. – С. 22-23.
8. Ко всему русскому крестьянству // Летучий листок Революционной России. – Женева, 1904. № 4. – С. 22-23.
9. Новоторжский Г. Что такое правовое государство. – СПб., 1906. – 95 с.
10. Мякотин В.А. Идея Земского Собора в русском прошлом и настоящем. – СПб., Б.г. – 88 с.
11. Обзор революционных изданий // Революционная Россия. – Иматра, 1901. № 1. – С. 15.
12. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. – СПб., 1905. № 4. – С.103-127.
13. Проект программы партии Социалистов-революционеров // Революционная Россия. – Женева, 1904. № 46. – С. 1-3.
14. Рудин А. К крестьянскому вопросу // Вестник русской революции. – Женева, 1903. № 3. – С. 212.
15. Слётов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. – Пг., 1917. – 112 с.
16. Энгельгардт М.А. Истинно-русские к Земскому Собору // Сын отечества. – СПб., 1904. № 12. – С. 1.

M. Trukhin

RUSSIAN IDEA'S ORIGINS OF CONSTITUENT ASSEMBLY AND RELATIONS OF NEO-NARODNIKS TO IT IN THE END OF 19TH CENTURY AND IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract: The article covers the question of the rise the requirement to convene Constituent assembly in Russia by early neo-narodnik's organizations in the end of 19th century and in the beginning of the 20th century. The problem of contradictory combinations in home and Western terminologies in the question of Constituent assembly is main idea of this publication. As shown by the analysis of documents and agitation sources neo-narodniks gave a priority to home model of organization legislative authority in Russia.

Key words: Zemskiv council, liberal, neo-narodniks, Socialists-Revolutionaries, Constituent assembly.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47+57): 323

Липатова Н.В.

УЧИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЯ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА*

Аннотация. До принятия единой программы обучения в 1929 году система политического просвещения в СССР была цементирующим элементом школьного образования. Вместо дореволюционного учителя-наставника должен был появиться и появился учитель-агитатор, учитель-общественник. На отношениях учителя с учениками, родителями, чиновниками власть отрабатывала методики и технологии пропаганды, механизмы взаимодействия социальных групп в советском обществе.

Ключевые слова: политпросвещение, общество, учительство, школа, власть, идеология, система образования.

Новые государства нуждаются в устойчивой идеологической схеме. При этом не имеет значения, меняется ли устройство в стране или образуется новая суверенная единица на политической карте мира. Самостоятельность требует идентификации: либо через прошлое, либо посредством будущего, но любом случае процесс сознательного конструирования единства неизбежен. Очевидно, что система школьного образования не сможет остаться в стороне, так как именно она требует перестройки в первую очередь. В 20-е годы XX века происходит отказ от прежней системы мировоззрения и активное формирование нового взгляда на мир у нового общества. Появляется новый тип человека, впоследствии названный *Homo soveticus*. Система политобразования сыграла в этом превращении не последнюю роль.

Государство делает ставку на школу, независимо от времени и эпохи, так как для нового государства, нуждающегося в утверждении и наращивании потенциала, усилении влияния среди соседей, образовательная система является базой идеологии и политики. Опыт конца XX века в постсоветском пространстве – это череда образовательных экспериментов, подтверждающих тезис о важности образовательного компонента в системе государственной политики. Страны СНГ

демонстрируют разные подходы в этой области. Это и попытки изменить предметную систему подготовки специалистов в **Казахстане (программа развития образования Республики Казахстан на 2005-2010 гг.)**, так как прежние «общеобразовательные стандарты образования, основанные на предметном подходе, не дают ученику четко выраженной позитивной мотивации выбора жизненного пути, интересов и перспектив»; и введение в обязательную школьную программу Туркменистана изучения трактата духовных наставлений «Рухнама» Туркменбаши. Наиболее открытые формулировки об идеологической функции школьного учителя содержатся в заявлениях правительства Республики Беларусь: «Прежняя система гражданского (идеологического) образования разрушена, новая еще не создана... и растерянные, задавленные материальными проблемами и учебной нагрузкой преподаватели едва ли способны сами разобраться в сути происходящих перемен, не говоря уже о том, чтобы воспитывать гражданственность и вселять социальный оптимизм. Им не хватает политических знаний, уверенности в будущем и – самое главное – ценностных ориентиров. Отсутствие внятной государственной идеологии лишает школу ее воспитательной миссии» [Бобрович В., 50]. В начале строительства советского государства на это счет никаких недомолвок не было, «школа является политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях... Наша школа должна быть коммунистической» [Балашов Е.М., 30], - заявлял нарком просвещения А.В. Луначарский. С помощью политики ликбеза и всеобщей начальной грамоты (всеобщее начальное образование появится в СССР только в 1931 году) планировалось сформировать единообразное представление о существующем государственном устройстве. С некоторой долей допущения это можно назвать формированием альтернативной гражданской религии [Erengе Rayger, 217] одним из способов внедрения которой является всеобщее начальное образование и его агентом школьный учитель. Вопрос был только в том, каким дол-

* © Липатова Н.В.

жен быть этот агент и как он должен встраиваться в систему политпросвещения.

Данная статья рассматривает систему политпросвещения с учетом новых задач, стоящих перед учительством. Новое государство отказывалось готовить учителя-наставника, отдавая беспорное лидерство учителю-агитатору, учителю-общественнику, так как это более соответствовало целям государства – «готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции, вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства» [Резервы марксизма, 2]. Следовательно, целесообразно рассматривать не отдельные части системы политобразования, а ее цельность в условиях смены социальных мерок общества. А первой ступенькой, несомненно, была школа.

Политическое просвещение и изучение основ существующего строя стало цементирующим в школьной системе, так как до 1929 года не существовало единой программы обучения школьников. Материал школяры осваивали по трем направлениям: природа и человек, труд, общество, т.е. материалистическое понимание природы, трудовые задачи социализма и построение нового социалистического общества и борьба с капиталистическим отсталым, что полностью соответствовало политическим задачам школьного образования и возлагаемым надеждам на то, что удержать результаты революции сможет только школа [Куршева Г.А., 322]. Для тех, кто посещал школы малограмотных или пункты ликбеза политические знания можно было получить в многочисленных кружках, партшколах, курсах и т.д. Первой обязательной для всех рабочих (коммунистов, комсомольцев, беспартийных) объявлялась единая партшкола. Ее программа обучения состояла из 15 тем, рассчитанных на год занятий [Молот Октября, 3]. Второй ступенькой стали марксистско-ленинские кружки (ленинизма, политэкономии, исторического материализма, истории ВКП(б), экономической политики, истории международного рабочего движения), кружки текущей политики и тематические кружки. Для подготовки управленческих кадров каждый губком получал разрядку на *подготовку специалистов в вузах*, преимущественно по экономико-техническому профилю в столицах и сельскохозяйственному, педагогическому и идеологическому в местных вузах. В среднем на губернию квотировалось от 50 до 75 мест в разных вузах страны [Трудовая правда, 1]. Общее число учреждений политпросвета в губерниях колебалось от 500 до 1500, включавшие школы, пункты ликбеза, библиотеки, музеи, а чуть позже и кино-театры, в которых крутили, как правило, картины «Пролеткино».

Единство полипросветительской системы и

школы обуславливалось не только многочисленностью схожих структур, но единой программой. Например, учебные материалы для занятий с малограмотными, которые издавались комиссиями по ликвидации неграмотности и малограмотности рекомендовали занятия из 55 занятий, и примерно 28 тем, так как на часть тем отводилось по два иногда три занятия [За грамоту, 1]. Большинство занятий предлагалось в утверждающей формулировке - предлагая уже готовые суждения по рассматриваемым вопросам. Особое внимание уделялось первому занятию «Строим новую жизнь. Октябрь!». Слушателю в начале занятий предлагалось задать несколько наводящих вопросов: «Почему вы остались малограмотным?», «Для чего нужно учиться?», «С каких пор взрослые трудящиеся получили возможность учиться?», «Кем организуются школы по ликвидации неграмотности взрослых?» [За грамоту, 1].

Школа стала испытательным полигоном для построения новых отношений власти с обществом. Для этого предстояло работать не только с детьми, но и с родителями. Избирательные комиссии, участие в профсоюзах, многочисленных общественных организациях, атеистической пропаганде, хлебозаготовительной комиссии, коллективизации, просветительских мероприятиях, облигационных займах – не было ни одной сферы в жизни общества, с которой бы не соприкоснулось учительство. Учителя организовывали кружки коммунистического воспитания для рабочих на заводах, поскольку оценка эффективности учительского труда зависела от того насколько сильно и бесповоротно ему удастся «пропитать духом партии и ее идей рабочие массы». Государство делало ставку на педагогов, поставив цель превратить учительство в действенный оплот советской власти. Суть постановления ЦК РКП(б) 1926 года «О работе среди работников просвещения» состояла во «втягивании учительства в интересы и творческую работу Советского государства...» [Гришанов П.В., 212] и использование общественной активности учителей в шефской работе в Красной Армии, в рабочих и сельских клубах и других культурно-просветительских учреждениях.

Быть членом месткома, культкомиссии, комиссии по охране труда, членом правления клуба, делегатом, общества «Долой неграмотность», «ДОБРОХИМ», «Безбожник» – почти служебные обязанности учителя, занимающие львиную долю рабочего времени. И это к нагрузке учителя (24 часа уроков в неделю) прибавляло еще до 30 часов в неделю, не считая времени на подготовку к урокам, проверку тетрадей и т.д. Собственно на это просто не хватало времени, так как «быт и вся жизнь просвещенца определяются тем или иным участием и общественной жизни, та часть работ-

ников, которая целиком и полностью вовлечена в общественную работу, бывает занята по 12 часов в сутки, причём 25 - 30% этого времени отнимает общественная работа» [Фасхутдинова Е.Н., 15].

Практика привлечения учителей, школьной системы к выборам и другим общественным мероприятиям сложилась в 20-е годы и как-то сразу прижилась. До сих пор избирательные участки располагаются в школах, на родительских собраниях в той или иной форме озвучивается агитационная информация. Шансы у кандидата в местные депутаты встретиться с населением в рамках эпизода на родительском собрании, гораздо выше, чем ждать потенциальных избирателей, дав объявление в газете или по радио, фактически приписанная учительству задача в 20-е годы до сих пор жива. «Задача просвещенцев заключается в том, чтобы привлечь внимание населения к перевыборной кампании Советов через вовлечение в эту работу всего просвещенческого актива в порядке производственной и общественной нагрузки» [Суворов М.В., 93]. Для этого проводились родительские и ученические собрания с разъяснением целей и задач перевыборной кампании. Учителями организовывался выпуск стенгазет, посвященных перевыборной кампании, проводился обход избирателей по домам с проведением собраний и предвыборной агитацией, большая работа чисто технического характера была проведена просвещенцами во время отчетно-перевыборной кампании: заполнение повесток, составление и проверка списков избирателей, изготовление лозунгов, плакатов.

Продажа книг в наиболее крупных селениях была еще одной задачей работников просвещения, учитель агитирует, особенно работников библиотек на покупку книг. Именно так представлялось авторам «Предложения об использовании учителя по распространению книги в деревне». Издателям и распространителям помощь учителей, органов управления образованием для выявления спроса и потребностей населения в книгах и их продажи была необходима. Естественно, к современной школе эти критерии не применимы в полной мере, но все же через школу, классных руководителей организуются подписка на газеты и журналы, собираются подписи, обеспечивается массовость на каком-либо мероприятии, распространяются книги и т.д. Это своего рода привычный информационный ресурс. Ведь очевидно, что на рекламный проспект журнала, газеты или книги, принесенный школьником домой, даже современный занятый родитель обратит внимание быстрее, чем на тот же самый буклет, брошенный в почтовый ящик или пришедший на электронный адрес.

Значительная часть учителей в большей или меньшей степени откровенности не поддержива-

ла мероприятия несвязанные с педагогическим процессом. Особое недовольство вызывало привлечение учителей к антирелигиозной пропаганде, так как зачастую ухудшало их отношение с населением, и существенно влияло на условия жизни, делая невозможным выполнение других общественных задач. По тем же причинам тяжело, по мнению руководства, шла работа комиссий по коллективизации, которые организовывали посевную и хлебозаготовки. Многие учителя отказывались от участия в таких комиссиях и в результате превращались в группу идеологически чуждую властям и подлежали увольнению, так как чиновники настаивали на замене их более сознательными кадрами, которые сильно уступали в подготовленности и педагогическом профессионализме, но должны были превратить школу в среду, пригодную для выращивания новых убежденных защитников и приверженцев власти Советов. Вместе с тем, школьный учитель должен был стать низовой частью пролетарско-крестьянской интеллигенции, обслуживающей интересы власти и нового еще несознательного советского общества. На естественный ход событий времени не было, потому что политика создания угодных власти педагогических кадров использовала такие же революционные, авральные методы, принесшие победу большевикам. В основу были положены принципы классовости и массовости охвата. Идеальной моделью представлялась возможность учиться у себе подобных, т.е. дети рабочих и крестьян должны были учиться у рабочих и крестьян, ставших учителями. С одной стороны это открывало новые возможности для рабоче-крестьянской молодежи получить среднее и высшее педагогическое образование, перейдя в отряд советской учительской интеллигенции, с другой, должно было облегчить использование новых учителей на общественной работе, которая для них будет естественной и само собой разумеющейся.

В системе школьного образования большая роль отводилась комсомольцам. Именно они – надежные и правильно мыслящие должны были работать, пополнять ряды новой интеллигенции. В период с 1929 по 1932 год от комсомола было направлено в школы и на обучение 2 тысячи учителей с высшим и 35 тысяч со средним образованием, и еще 50 тысяч комсомольцев пошли работать учителями начальных классов [Гришанов П.В., 167]. Эта система работала очень четко и отлажено и превратилась в источник постоянного пополнения педагогических кадров. Стране нужны были люди, не связанные с социальным прошлым, ни мировоззренческими традициями царской России. Именно такой социальный материал был нужен для выковки нового учителя. Советская власть сознательно шла на подобный

шаг, в большинстве случаев в ущерб качеству и уровню профессионализма, так как политическая благонадежность нового учительства для воспитания «строителей светлого будущего» и «борцов за идею» была важнее, чем его профессионализм. Массовое привлечение в школы молодых женщин тоже стало элементом сознательной политики государства. В педагогических вузах в 1924-25 учебном году женщины составляли 61,9% студентов, а в педагогических техникумах 55,9%, в следующем году в вузах обучалось 62,5%, а в техникумах 63% женщин-студенток [Шакулова В. С., 80]. Сфера образования, по крайней мере, школьного, в стране превратилась в женскую вотчину с самого начала формирования нового состава учителей. Собственно это не являлось целью руководства. Просто непопулярность профессии учителя и низкая заработная плата не привлекали молодых людей в педагогические учебные заведения. Женщины в 20-е годы составляли основную массу учителей, в частности в Уральской области их было 61,7%, в губерниях Верхнего Поволжья в школах 1 ступени около 60-65% педагогов-женщин, в Казанской губернии количество женщин педагогов 74,1%, в городах, в не города 49,1% [Фасхутдинова Е.Н., 17]. Комсомольские активисты отмечали факт более лояльного отношения к агитационным мероприятиям учителей-женщин по сравнению с учителями-мужчинами. В «Положении о работе среди девушек» предлагалось обратить особое внимание на работу с учительницей, так как в ситуации, когда родители не пускают девочек в пионерские или комсомольские кружки из-за необходимости домашней работы, рекомендовалось обращаться за помощью к учительнице: «Через учительницу, не чуждую нам по психологии надо втягивать девушек в комсомол» [Вопросы комсомольской работы, 2].

Политика в отношении учительства – это строительство нового социального здания, когда по воли архитектора-государства сначала все сносятся и выравнивается, а потом возводится заново. Можно назвать этот процесс социальным манипулированием или грамотным выстраиванием социальной политики. Новое учительство не складывалось путем поэтапных изменений в обществе. Учительство как социальная группа сознательно конструировалось властями, и в итоге, государству удалось добиться относительной однородности социального состава учительства, заплатив снижением уровня подготовки не только самих учителей, но и, как следствие, уровня подготовленности выпускников школ. Если в рамках ликбеза это было не очень заметно, то по прошествии революционного внедрения массовой грамотности, критерии качества стали играть большую роль, и необходимость реформирования школы была

снова возведена в ранг государственной задачи, вылившаяся в компанию по открытию педагогических и учительских институтов. Агитационная деятельность нового учителя была более успешной. Он сочетал в себе много функций: ушедшего в прошлое общинного старосты, посредника между обществом и властями, мальчика для битья, рупора власти, транслятора властных решений и источника информации для властей о настроениях крестьян и рабочих. Итогом политики государства в отношении учительства и его ответного агитационно-общественной исполнительности стала относительно эффективная система агитации и пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Erenge Rayger. The Invention of Tradition in Colonial Africa / Erenge Rayger. // The Invention of Tradition Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger Cambridge, Cambridge Univ. Press. 1983, - P. 211-262
2. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: становление нового человека. / Е.М. Балашов. - СПб, изд-во Д. Буланин. - 2003.
3. Бобрович В. Государственная идеология «За» и «Против»: местная анестезия или лекарство для больного общества / В. Бобрович // Адкрытае грамадства. Інфармацыйна-аналітычны бюлетэнь. - 2001, N1(10)/
4. Вопросы комсомольской работы. Самара. № 1. 1924.
5. Гришанов П.В. Партийное руководство осуществлением всеобщего в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937) / П.В. Гришанов. Дис. ... д-ра исторических наук. СГУ. – Саратов. - 1983.
6. За грамоту. Саратов. 1924. № 5.
7. Куршева Г.А. Общество, власть, образование в России в конце XIX- 1-ой трети XX века (на примере Мордовского края). / Г.А. Куршева. Дис.... докт. ист. наук, МАРГУ. - Саранск. - 2007.
8. Молот Октября. Самара. 1929. 3 октября.
9. Резервы марксизма. Саратов 1925, № 32.
10. Суворов М.В. Уральское учительство в 1920-30х гг. / М.В. Суворов. Дис. ... канд. ист. наук. УрГПУ. - Екатеринбург. - 2005. – 231 с.
11. Трудовая правда Пенза. 1923, 5 июня.
12. Фасхутдинова Е.Н. Учительство Казанской губернии ТАССР в 1918-1930 гг. (по архивным документам). / Е.Н. Фасхутдинова. автореф. канд ист. наук. - Казань. - 2008. – 24.
13. Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос / В.С. Шакулова // Опыт КПСС в решении женского вопроса. - М., Мысль. - 1981. - С. 77-102.

N. Lipatova

THROUGH A PRISM OF POLITICAL EDUCATION: TEACHERS, SOCIETY AND THE SOVIET REGIME IN 1920S

Abstract: In the USSR, The Uniform Program of Education was introduced as late as in 1929. Prior to that, it was the system of political enlightenment that was thought to be a pivot of schooling. teacher

mastered in propagandist and social work should come to take the place of his classic predecessor who was a mere instructor. The delicate sphere of teachers' relations with students, parents and bureaucracy served a polygon where the Soviet rulers tested new

methods of propaganda, as well as means to direct the lines of interaction between social groups.

Key words: political education, society, the teacher, school, the power, ideology, an education system.

УДК 929 Аксакова

Кулешов А.С.

СУДЬБА Т.А. АКСАКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX В.*

Аннотация. В статье на примере судьбы известной мемуаристки Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс) рассматриваются процессы социальной адаптации российского дворянства после 1917 г., причины и механизм репрессий 1930-х гг., направленных против представителей этого сословия, а также процесс реабилитации 1950-х гг.

Ключевые слова: дворянство, мемуары, политические репрессии, реабилитация, Аксаковы.

Гуманизация современного научного знания свидетельствует о фундаментальных изменениях, происходящих в общественном сознании. Интерес к личности проявился в широком распространении методики «микроистории», исследований по истории семьи и частной жизни индивидуума.

Несмотря на рост количества генеалогических исследований, посвященных, в основном, дворянству, остаются большие пробелы в его истории в XX в. Сложность состоит в том, что при отсутствии специфических источников, ориентированных исключительно на дворянское сословие, требуется последовательное, систематическое, комплексное изучение истории большой группы дворянских семей, в результате которого может сложиться достоверное знание о процессах, происходивших во дворянстве в XX веке. Единственная возможность исправить ситуацию – изучать историю конкретных семей.

К числу известных семей, принадлежащих к древнему дворянству, относятся Аксаковы.

Среди источников личного происхождения о роде особое место занимают воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой (1892-1981), дочери известного историка, генеалога и нумизмата Александра Александровича Сиверса, жены Бориса Сергеевича Аксакова. Они были написаны в 1945-1970 гг. [6, 7 - 9]. В них содержится обширная информация о судьбах представителей многих

дворянских родов, сведения о быте и образе жизни русского дворянства, о революционных потрясениях 1917 г., гражданской войне, эмиграции и периоде политических репрессий. Воспоминания можно охарактеризовать как источник высокой степени достоверности, как одни из лучших мемуаров, касающиеся истории России первой половины - середины XX века.

Мемуаристка родилась 12 октября 1892 г. (по старому стилю) в Санкт - Петербурге. Ее отец А.А. Сиверс принадлежал к древнему прибалтийскому роду, занимал видный пост в Министерстве Императорского Двора и имел придворное звание камергера. Училась Т.А. Сиверс в престижной гимназии С.А. Арсеньевой в Москве, а в 1910-1913 годы в Строгановском училище.

Борис Сергеевич Аксаков (1886 г. рождения) к моменту знакомства с ней носил звание подпоручика. Венчание их состоялось в Москве, в церкви Бориса и Глеба «что у Арбатских ворот». 24 июля 1915 г. у молодоженов родился сын Дмитрий. В 1916 г. Б. Аксаков командовал образцовой ротой охраны Московского Кремля, где с семьей проживал в казенной квартире.

В апреле 1917 г. Аксаков убыл в действующую армию, в штаб 26-го армейского корпуса, [1] а его семья уехала в Калужскую губернию. В 1918-1919 г. его жена работала делопроизводителем молочной фермы Козельского земотдела, откуда была уволена из-за дворянского происхождения. В это время Борис находился в частях Добровольческой армии на юге России, куда убыл осенью 1918 г. В период эвакуации армии из Новороссийска в 1920 г. Борис Сергеевич Аксаков тяжело заболел тифом и не смог покинуть Россию.

В 1928 г. Аксаковы переехали в Ленинград, но Борис Сергеевич не смог найти подходящего места и, «так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась», [6, 443] подписал трехлетний контракт и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжени-

---

* © Кулешов А.С.

ем республики.

В 1931 г. началась очередная кампания по очистке советских учреждений от «социально чуждых элементов», главным основанием служило происхождение. В 1932 г. семья Аксаковых попала в поле зрения органов государственной безопасности. Причиной послужил младший брат Бориса, Сергей Сергеевич Аксаков. В это время он стал активно разрабатываться органами государственной безопасности в связи с его активным участием в Белом движении, антисоветской деятельностью и регулярными нелегальными проникновениями в СССР.

Т.А. Аксакова была вызвана в «Большой дом» на Шпалерную улицу, где допрошена о контактах с братом мужа. Особенно интересовала органы безопасности ее встреча с С.С. Аксаковым, произошедшая в 1926 г. в Париже, а также содержание их разговоров. В мемуарах она писала: «Я сказала, что он расспрашивал меня о жизни в СССР (что было вполне естественно) и что я отвечала на его вопросы в общих чертах – никаких сведений, выходящих за круг обывательских, я не давала и не могла давать, так как ими не обладала» [6, 479].

В начале 1930-х гг. в отношении между Аксаковыми испортились, стали формальными. Летом 1933 г. было решено, что Борис и Татьяна вскоре оформят развод, и осенью Б.С. Аксаков уехал в Москву.

Оставшись без материальной поддержки, Т.А. Аксакова впервые в жизни устроилась на службу, как она писала в воспоминаниях, «с половины зимы 1933-1934 гг. стала совслужащей». Ее приняли на должность статистика в V пункт охраны материнства и младенчества. В анкете, заполненной при ее аресте в феврале 1935 г., указано, что Т.А. Аксакова работала медицинской сестрой Санитарного бюро при Больнице имени Перовской [4, 3].

Развод помог Б.С. Аксакову избежать ареста и высылки в 1935 г., поскольку репрессии носили локальный характер, касаясь преимущественно жителей Ленинграда. В последующие годы он работал экономистом в различных учреждениях. Умер Б.С. Аксаков 3 марта 1954 г. и похоронен на Пятницком кладбище Москвы.

Официальный развод между Т.А. и Б.С. Аксаковыми был оформлен в сентябре 1934 г. Татьяна Александровна оставила фамилию мужа. Вскоре она собиралась выйти замуж за князя В.С. Львова, однако оформить брак они не успели.

Бытовое убийство С.М. Кирова в Ленинграде было использовано в политических целях. Начались массовые репрессии против дворянства. 11 февраля 1935 г. Т. Аксакова была вызвана в местное Управление НКВД. Вопрос об аресте, как ей показалось, решался в момент допроса. В вос-

поминаниях она писала, что, уходя с протоколом допроса к начальству, следователь сказал, что она еще успеет на работу в вечернюю смену, но, вернувшись, был уже «менее любезным». Независимо от содержания протокола участь ее оказалась «уже предрешена» [7, 6].

Ей предъявили обвинение в соучастии в «шпионской деятельности» братьев Львовых, которое выразилось в выполнении их поручений при поездках за границу. Обвиняли также в том, что она была сестрой «англо - разведчика и террориста» С.С. Аксакова [4, 1], хотя тот был младшим братом ее бывшего мужа. Ей инкриминировалась статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР.

«Поручениями князей Львовых» в материалах следствия называлась встреча с их сестрами Елизаветой, состоявшей в браке с С.К. Терещенко, и Еленой, которые выехали из советской России и проживали в Париже. Встреча состоялась по просьбе их родителей и имела своей целью взять памятные вещи умершего в 1925 г. дяди, Г.Е. Львова (Евангелие и очки) [6, 435].

Т.А. Аксакова была подвергнута допросу четыре раза: 11 февраля, 12 марта и 22 марта (дважды). По ее воспоминаниям, допросы велись «вполне корректно». Отвечая на вопросы следователя, обвиняемая неоднократно умышленно искажала факты. Так, о месте службы мужа на момент их бракосочетания она сказала, что тот являлся управляющим имениями князей Вяземских [7, 357], хотя на самом деле он в чине поручика служил в Лейб-гвардии Московском полку. Такая информация, видимо, казалась ей менее опасной.

На первом допросе от обвиняемой требовали подробно рассказать свою биографию. Были затребованы сведения обо всех ближайших родственниках – отце, матери, муже, сыне и др. Особенно интересовало следователя, кто из родственников находится за границей и какие связи задержанная с ними поддерживает.

Спрашивали ее и о родственниках, проживавших в СССР, о знакомых. Татьяна Александровна старалась очень осмотрительно отвечать на подобные вопросы. Из многочисленных знакомых она назвала только супругов Леонутовых, отметив, что те происходят «из мещан», а также князей Львовых, отрицать знакомство с которыми было нелепо.

Несколько вопросов было задано о брате бывшего мужа С.С. Аксакове, о встрече с ним, о содержании их разговора. Все это истолковывалось следствием, как установление «связи» со шпионом, хотя Т.А. Аксакова неоднократно подчеркивала, что беседа касалась исключительно семейных дел, и никаких поручений он ей не давал. Утверждение, что встреча с Сергеем Сергеевичем состоялась один раз, не соответствовало

действительности. В воспоминаниях упомянуто о трех встречах [6, 418]. Эти факты могли быть истолкованы следствием как регулярные встречи, и Аксакова благоразумно о них не упомянула.

У Т.А. Аксаковой сложилось ошибочное впечатление, что ее ни в чем не обвиняли, но производивший благоприятное впечатление следователь Семеняко четко выполнял политическое указание руководства. 26 марта 1935 г. он вынес постановление, в котором изложил установленные факты. Две поездки за границу, в ходе которых Т.А. Аксакова «выполняла поручения» от князей Львовых, встречи с «белоэмигрантами» и с матерью, княгиней Вяземской, которая содержит в Ницце ресторан. Особое значение придавалось С.С. Аксакову. Отдельным абзацем в постановлении выделен факт их встречи, что трактовалось как «поддержание связи» с «англо-разведчиком». Из постановления, однако, оставалось не ясно, занимался ли С.С. Аксаков разведывательной деятельностью на момент встречи в Париже в 1926 г., но следователя это несколько не смущало.

Тем не менее, обвинению собранных фактов оказалось недостаточно, чтобы считать контрреволюционную и шпионскую деятельность братьев Львовых и Аксаковой доказанной, а задержанные лица были признаны «социально опасными» [4, 81 - 82]. 31 марта 1935 г. Особое совещание при НКВД приговорило Т.А. Аксакову к высылке в Саратов сроком на 5 лет.

С приговоренных лиц брали подписку о невыезде, выпускали из тюрьмы с указанием явиться на следующий день за дальнейшими указаниями. Утром следующего дня в канцелярии были объявлены приговоры и даны три дня на сборы. Жилплощадь ссыльных поступала в распоряжение Управления НКВД [7, 12].

В Саратове Аксакова работала вышивальщицей и давала уроки французского языка. Чтобы получить возможность официального преподавания, она поступила на курсы повышения квалификации при техникуме иностранных языков, хотя блестяще владела французским языком. Числясь учащейся, сама вела на курсах групповые занятия.

Она постоянно оставалась в поле зрения органов НКВД. 2 ноября 1937 г. был выписан ордер на производство в ее комнате обыска и арест, который был произведен в ночь на 3 ноября. При обыске изъяли «вещественные доказательства»: 14 фотографий, 7 негативов, более 600 листов переписки, 68 «разных квитанций», 15 листов «разных записей» и тетрадь со стихами [4, 17].

В 1937 г. Т.А. Аксакова привлекалась вместе с высланными из Ленинграда в Саратов профессором Ю.В. Скобельцыным и его женой. Им, как и многим тысячам соотечественников, органы го-

сударственной безопасности инкриминировали печально известную 58 статью Уголовного кодекса РСФСР. Непосредственным поводом для ареста послужило празднование Нового, 1937 г. Т.А. Аксакова была приглашена домой к Скобельцыным, где собралось 10-12 человек из числа высланной ленинградской интеллигенции. В материалах дела бытовое застолье фигурировало как «преступное сборище» [7, 31].

4 ноября она дала показания о своей биографии [5, 20]. Затем, почти месяц к следователю ее не вызывали. Только 27 ноября 1937 г. [7, 39] ее допросили вторично, причем в деле сохранилось сразу три протокола, датированных одним днем [5, 21 - 27]. Такая длительность объяснялась тем, что допрос начался ночью, и, видимо, продолжался почти сутки. Как указывала Татьяна Александровна впоследствии, допросы велись «в крайне грубой форме». Способы их ведения, которые применялись «пользовавшимся дурной славой» следователем Дудкиным, она подробно описала в мемуарах: «По сравнению с другими, Дудкин был ко мне милостив: он заставил меня «думать», сидя на стуле, а не стоя на ногах до потери сознания; отправив в тюремный карцер «для размышления», продержал там не более часа и, бросив в меня мраморное пресс-папье, он, как мне кажется, нарочно промахнулся» [7, 40].

На первом допросе следователь вновь спрашивал о связи с границей и родственниках, на втором – о знакомствах среди административно высланных ленинградцев. На опасный вопрос о том, велись ли среди присутствовавших разговоры о политике, она ответила, что «никаких разговоров на политические темы среди нас не велось» [5, 24]. Тогда следователь обвинил ее во лжи и сказал, что «следствием точно установлено», что на «сборищах» велись антисоветские разговоры против мероприятий ВКП(б), но Аксакова твердо настаивала на отсутствии подобных бесед. Видимо, в тот момент и были применены меры, о которых сообщала Т.А. Аксакова в своих мемуарах.

Затем следователь изменил тактику допроса. Он спросил, велись ли «антисоветские» разговоры о ссылке в Саратов. На него Т.А. Аксакова ответила, что ссылка обсуждалась и высказывалась обида, что «нас невинно выслали из Ленинграда», особенно резко об этом высказывался Ю.В. Скобельцын. Помимо этого, в протоколе было записано, что профессор Н.А. Орлов «допускал клеветнические измышления по адресу научных учреждений и студенчества» [5, 25]. Провокационные намеки следователя о разговорах, дискредитировавших руководство ВКП(б) и Советскую власть, Т.А. Аксакова категорически отрицала. Тогда Дудкин сослался на показания Н.А. Орлова о том, что высказывались не только «антисоветские», но

и террористические мысли против руководства ВКП(б) и Советского правительства, а также «надежда» на изменение образа правления. Татьяна Александровна назвала показания Н.А. Орлова ложью.

Тексты допросов передают содержание реальных разговоров следователя и Т.А. Аксаковой лишь примерно. В мемуарах же она приводила те фрагменты диалога, которые в протоколы не вошли, поскольку для следствия оказались неинтересными. Например, на вопрос о том, что происходило на вечере у Скобельцыных, Татьяна Александровна ответила, что она читала стихи, а следователь заявил, что его это «совсем не интересует» [7, 40].

Тем не менее, в обвинительном заключении от 7 декабря 1937 г. утверждалось, что следствием установлено: супруги Скобельцыны и Т.А. Аксакова «являлись враждебно настроенными к ВКП(б) и Советской власти», и «для совместной борьбы с соввластью вошли в состав антисоветской - террористической группы», руководителем которой являлся Н.А. Орлов. Под его руководством Скобельцыны и Т.А. Аксакова устраивали «частые сборища на квартирах», где вели «антисоветскую и террористическую пропаганду против руководства ВКП(б) и Советского правительства, распространяли разного рода клеветнические измышления о, якобы, плохой жизни трудящихся страны». Татьяна Александровна конкретно обвинялась в том, что являлась участницей «антисоветской террористической группы» и вела антисоветскую террористическую пропаганду. В заключении отмечалось, что Т.А. Аксакова виновной себя признала частично, но уличается показаниями Ю.В. Скобельцына и супругов Орловых. Никаких других доказательств в деле не было и в обвинительном заключении не приводилось, а супружеская чета Орловых к тому времени уже была расстреляна.

Приговор повторял текст фальсифицированного обвинительного заключения, согласно которому, Т.А. Аксакова «принимала активное участие на ее сборищах, где среди своего окружения проводила а[нти]с[оветскую] клеветническую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии, сов[етского] правительства, путем распространения всевозможных провокационных и клеветнических измышлений о советской науке, госзаймах, развитии методов стахановского движения в стране и др. проводимых мероприятий партии и соввласти, что все это якобы ведет трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны» [5, 45]. 24 декабря 1937 г. судебная тройка при Управлении НКВД по Саратовской области приговорила ее к 8 годам концлагерей.

Сообщили ей о приговоре только через полгода. Задержка была вызвана тем, что для

размещения заключенных в СССР не хватало исправительно-трудовых лагерей, и они строились в течение зимы 1937-1938 гг. Объявление приговора в тюремной канцелярии показалось Татьяне Александровне и другим заключенным «какой-то нелепой шуткой», в которую «никто не верил» [7, 45]. Несмотря на приговор, Т.А. Аксакова не могла согласиться с абсурдными обвинениями и вскоре начала трудную и длительную борьбу за пересмотр несправедливого решения.

В январе 1939 г. она обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с жалобой на ошибочное осуждение и просила пересмотреть дело [5, 93 = 95]. В ней единственным поводом ареста назывался факт высылки из Ленинграда в 1935 г., вина полностью отрицалась. Дело пересматривалось органами НКВД и Прокуратурой по спецделам Саратовской области, однако во всех ходатайствах об отмене решения тройки было отказано. Существование «антисоветской террористической организации» в Саратове в 1937 г. признавалось доказанным, хотя основывалось только на показаниях расстрелянных супругов Орловых.

Свой срок Т.А. Аксакова отбывала в Устьвымлаге в Коми АССР, который располагался около Локчима, притока реки Вычегды. В июле 1943 г. она была досрочно освобождена по болезни, которой заболела в заключении, и как отбывшая больше половины срока [5, 171]. Поскольку для поселения ей разрешались только Сибирь и Кавказ, она избрала для жительства поселок Вятские Поляны Кировской области. В Вятские Поляны Татьяна Александровна прибыла 25 августа 1943 г.

Знания и квалификация Т.А. Аксаковой оказались востребованы в далеком сибирском городке. Она устроилась работать в районную больницу сначала сестрой инфекционного отделения, затем перешла на должность медицинского статистика, одновременно исполняла обязанности анестезиолога в хирургическом отделении [5, 175].

Одновременно, с ноября 1943 г. она преподавала иностранный язык в Школе рабочей молодежи, а также вела кружок английского языка в Доме техники военного завода. В городе циркулировало немало слухов о ее прошлом. Классическое образование, незаурядные познания, широта взглядов, глубокая внутренняя культура требовали реализации в любых условиях. Татьяна Александровна писала стихи, которые давала читать друзьям, изредка публиковала в стенгазете. Т.А. Аксакова в силу своего кругозора реагировала на любые новости и события в культурной и политической жизни страны, давая точные и порой резкие оценки происходящему.

В Школе рабочей молодежи она проявила незаурядные педагогические способности, наладив прекрасные отношения с учениками. «В клас-

се я чувствовала себя свободно, уверенно, хотя преподавать было трудно: уровень учащихся был весьма неравномерен» [7, 140]. Занятия не сводились только к изучению предмета. Татьяна Александровна стремилась сделать их интересными, рассказывала ученикам занимательные факты, имевшие отдаленное отношение к программе. Ученики спрашивали ее о Венеции, Египте, пирамидах и, наконец, о балах.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в СССР снова стала нарастать политическая напряженность, началась очередная кампания по поиску врагов внутри государства. В связи с этим, в августе 1951 г. Т.А. Аксакову уволили из Школы рабочей молодежи из-за ее «политической неблагонадежности». Однако потребность в преподавателях иностранных языков в городе сохранялась, и через неделю после увольнения к ней обратились с просьбой начать занятия в заочном машиностроительном техникуме.

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Татьяна Александровна продолжала бороться за свою реабилитацию.

В 1947 г. она собирала документы для снятия судимости. Однако заключение Управления Министерства государственной безопасности СССР по Кировской области (от 20 января 1948 г.) по ее делу оказалось неблагоприятным [5, 198]. Особое внимание уделялось ее родственникам: гражданскому мужу В.С. Львову (арестованному в 1937 г.) и бывшему мужу Б.С. Аксакову (о котором указано, что он сын председателя Калужской земской управы и арестовывался). По поводу существования антисоветской группы в Саратове не только не выражалось ни малейшего сомнения, но и подчеркивалось, что «за период проживания Аксаковой в гор. В. Поляны Кировской области также получено ряд данных о связи ее с антисоветским элементом и проведении антисоветской агитации», свидетельствующих о том, что она «не прекратила антисоветской деятельности» [5, 199]. Вывод из подобного обзора мог быть только один – в снятии судимости отказать.

В заключении инстанций обращают на себя внимание два момента.

Во - первых, его составители явно пользовались не только материалами дел 1935 и 1937 годов, но и какими-то дополнительными источниками, скорее всего – материалами негласного наблюдения за Т.А. Аксаковой.

Во - вторых, особое внимание уделялось связям с заграницей, что полностью соответствовало политической обстановке конца 1940-х годов, кампании по борьбе с космополитизмом.

17 апреля 1948 г. Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР Аксаковой в снятии судимости отказало.

Видимо, заподозрив предвзятое отношение к себе со стороны органов (к этому времени некоторые репрессированные, в том числе проходившие с ней по одному делу, уже добились реабилитации), она в конце августа 1952 г. направила письмо на имя И.В. Сталина [5, 169]. В нем излагалась просьба о снятии судимости и о возможности поселиться вблизи от пожилого отца, живущего в Москве или хотя бы иметь разрешение его навещать. В октябре повторно заполнила специальное заявление о снятии судимости и собрала документы, приложив исключительно положительную характеристику из районной больницы. 17 января 1953 г. Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР в очередной раз отказало Аксаковой в ее просьбе [5, 186].

В мае 1953 г. Т.А. Аксакова обратилась к Генеральному прокурору СССР Сафонову [5, 201]. Ответа долго не было, в высших эшелонах власти происходили политические изменения, от которых зависело решение проблемы с незаконно репрессированными в целом.

В феврале 1954 г. было направлено повторное заявление Генеральному прокурору СССР (уже Р.А. Руденко) с просьбой рассмотреть прежнее ходатайство [5, 139]. В марте 1954 г. было составлено заключение по делу. В нем впервые предлагалось снять судимость 1937 г. [5, 190]. О ранней судимости 1935 г. в документе не упоминалось.

В марте 1955 г. Татьяна Александровна обратилась к прокурору Саратовской области по спецделам с просьбой ускорить пересмотр дела. Старшим следователем Мешковым дело было пересмотрено. В заключении, датированном 13 октября 1954 г., указывалось, что из показаний обвиняемых не ясно, какие конкретно антисоветские разговоры велись, и кто именно их вел. Еще более нелепыми являлись показания В.И. Орловой, которая назвала Аксакову знакомой, но в числе присутствовавших на «сборищах» лиц не указала. В отличие от приговора, в заключении правильно указано, что Т.А. Аксакова виновной себя не признала. Были обнаружены также формальные процессуальные нарушения.

В сентябре 1955 г. военный прокурор Приволжского военного округа в порядке надзора внес протест на приговор тройки при Управлении НКВД по Саратовской области и последующие постановления Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР, в котором указано, что они не могут оставаться в силе, и подлежат отмене. В протесте, в отличие от заключения 1954 г., делу дана более объективная и однозначная оценка. Показания Орловых признаны не только общими и неконкретными, но и сомнительными по содержанию, поскольку из них не видно, где, когда и при каких обстоятельствах

были допущены «антисоветские высказывания» и в чем они заключались. Арест и осуждение Т.А. Аксаковой и Скобельцыных признавались необоснованными, а доказательства их виновности отсутствующими. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. было предложено все постановления отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в действиях всех осужденных. Именно такое решение и вынес Военный трибунал Приволжского военного округа в определении от 27 сентября 1955 г. [5, 147].

Это была долгожданная победа, однако, судимость 1935 г. за ней оставалась. В июле 1956 г. Т.А. Аксакова обратилась к прокурору Ленинграда Тихомирову с заявлением о пересмотре дела и реабилитации. В нем она четко указала, что ее единственной виной и основанием для репрессий являлось дворянское происхождение [4, 93].

19 марта 1957 г. президиум Ленинградского городского суда отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР за отсутствием состава преступления, и Т.А. Аксакова была признана полностью реабилитированной [4, 104].

Таким образом, полная реабилитация Татьяны Александровны Аксаковой заняла целых 20 лет после даты последнего приговора. К тому времени она осталась совершенно одинокой, все близкие родственники умерли. Татьяна Александровна продолжала общаться со старыми знакомыми, вести активную жизнь, поддерживала переписку. В начале 1970-х годов она оказывала помощь в родословных изысканиях известному генеалогу-любителю А.А. Григорову, которому сообщила

сведения о месте нахождения рукописей отца, послала материалы по родословию Лермонтовых, Шиповых и других дворянских семей [3].

Скончалась Татьяна Александровна Аксакова 3 декабря 1981 г. в Ижевске.

Именно в конкретных человеческих судьбах, таких, как судьба Т.А. Аксаковой, отражаются политические события, общественные катаклизмы, экономические закономерности, культурные традиции. Изучение истории любого конкретного рода позволяет реализовать теоретическое положение исторической науки о необходимости сочетания макро- и микроисторических подходов при оценке и познании прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 151001.
2. ГАКО. – Ф. Р-1498. – Оп. 4. – Д. 54.
3. ОР РГБ. – Ф. 817. – К. 70. – Д. 28.
4. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Д. П-27254.
5. Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. – Д. ОФ-7635.
6. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. – М., 2005. – Кн. 1.

A. Kuleshov

DESTINY T.A. AKSAKOVY IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PROCESSES OF XX CENTURY

Abstract: This article is about T.A. Aksakovs life , as example Russian noblemen tragic fates after 1917 year, reasons 1930–1940 years repressions against her social class.

Key words: nobility, memoirs, political reprisals, rehabilitation, Aksakovs.

УДК 331.105.24(470.324)“1929/1932”

Ходаковский В.В.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В ВОРОНЕЖЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ*

Аннотация. В статье на основе изучения архивных источников показано материальное положение иностранных рабочих и специалистов, находившихся в г. Воронеже в период первой пятилетки. Показаны причины, побудившие иностранцев приехать в СССР, и мотивы советского руководства, привлекавшего к работе зарубежных специалистов. Воссозданы условия жизни иностранных граждан, привлеченных к строительству воронежских предприятий. Отображены идеологические мероприятия местной администрации,

направленные на формирование у иностранцев позитивного впечатления о Советском Союзе.

Ключевые слова: Воронеж, индустриализация, первая пятилетка, иностранные рабочие

В настоящее время в условиях глобализации и широких возможностей обмена рабочей силой между государствами интересно изучить первые примеры привлечения иностранных специалистов в СССР. В начале 1930-х гг. для проведения в жизнь задач индустриализации советское руководство нуждалось в высококвалифициро-

* © Ходаковский В.В.

ванных специалистах, которых не хватало в стране. В связи с этим, ставилась задача привлечения специалистов из-за рубежа. Решение о массовом привлечении иностранцев на работу в СССР Политбюро ЦК ВКП (б) приняло в марте 1930 г. Было решено пригласить не менее 4700 человек в 1929-30 и 10000 в 1930-31 хозяйственных годах¹.

Иностранцев приглашали в те города, где разворачивалось активное промышленное строительство. Одним из таких мест был Воронеж, получивший мощный толчок к промышленному развитию как административный центр обширной Центрально-Черноземной области. Интересующие нас свидетельства сохранились в документах Государственного архива Воронежской области (ГАВО).

Непосредственное руководство распределением иностранцев по стране осуществлял Высший совет народного хозяйства СССР. В соответствии с индустриальными приоритетами, иностранцы в первую очередь направлялись в отрасли тяжелой индустрии. Но небольшое число специалистов «выписали» и неиндустриальные ведомства². Многие иностранные работники приняли советское гражданство. Что двигало людьми? «Великая депрессия», потрясшая Европу и Америку, работала на советскую индустриализацию. Люди бежали от безработицы на Западе в страну, где не было безработных, не зная, что безработный на Западе живет лучше рабочего в СССР. Многие приезжали из идейных соображений, причем, не только коммунисты. Людей захватывала идея построения нового мира, участия в великом эксперименте XX века. Жизнь в СССР бурлила, в то время как остальной мир находился в стагнации.

Партийные руководители пытались создать наилучшие условия для иностранных рабочих и специалистов – им не хотелось «ударить в грязь лицом» перед миром, так как иностранцам предстояло вернуться домой и распространять информацию об СССР³. Этой цели служила пропаганда, с помощью которой хотели завоевать симпатию иностранных рабочих и специалистов. Для этого старались привлечь все ресурсы, имеющиеся у государства, культмассовые отделы профсоюзов получали директивы центра по работе с иностранными рабочими, в которых содержались призывы к активному участию по продвижению в массы иностранных рабочих и специалистов произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина на родном языке. Так, для немецких рабочих и специалистов в 1933 г. были проведены двухдекадники по популяризации в их среде марксистско-ленинской литературы на немецком языке, в которой раскрывалось социально-политическое положение Германии и борьба рабочего класса за свои права в других странах. Интересно отме-

тить, что, по мнению организаторов, это должны были делать сами немцы. В документе читаем: «Необходимо широко использовать наличные кадры немецких рабкоров и рабочих авторов-ударников, призванных в литературу, для проведения двухдекадника и закрепления его в виде систематического наблюдения за регулярным и бесперебойным снабжением немецких рабочих марксистско-ленинской литературой на родном языке»⁴. Можно предположить, что проведение такого декадника не было случайным явлением, поскольку в Германии к власти уже пришел Гитлер и советскому руководству наверняка хотелось, чтобы немцы, работающие на советских стройках, вернувшись на родину, стали сторонниками мирного сотрудничества с СССР. Возможно, именно поэтому центр стал так сильно нажимать на профсоюзные организации, работавшие с немцами именно в 1933 г. К сожалению, советское руководство могло предложить им только сочинения коммунистических теоретиков, а не реальное улучшение социального положения граждан СССР, что конечно же, не могло не сказаться на мнении рабочих и специалистов Германии и других стран о действительной сущности социализма в его советском исполнении. Как известно, иностранцы встречались на стройках и предприятиях СССР не только со своими коллегами из других стран, но и с советскими гражданами, которые на себе чувствовали «заботу» государства о пролетариате.

Этот пропагандистский мотив в общении с иностранцами, не был главным. Забота об иностранцах, в первую очередь, объяснялась простым прагматизмом⁵. В Воронеже на строительстве ВОГРЕСа работали граждане Чехословакии «коим в данный период времени, как они заявляют, больше работы нет»⁶. Для того, чтобы найти им новые рабочие места, областному комитету Союза промышленно-коммунального строительства предлагалось «командировать члена президиума выявить количество работающих, а также возможности дальнейшего их использования»⁷.

В начале первой пятилетки у советских руководителей была огромная вера в то, что западные технологии, перенесенные с помощью иностранных специалистов на «советскую почву» и соединенные с «преимуществами плановой экономики», завершат экономическое чудо в СССР. Слова «американские темпы» и «фордизм», превратившись в поговорки, звучали по всей стране. Приезжавшие в СССР иностранцы встречали своих соотечественников на всех важнейших индустриальных объектах. Их поражало обилие современной европейской и американской техники, лучшие образцы которой затем копировались на советских фабриках и заводах⁸.

Для иностранных специалистов создава-

лись условия, в которых они бы не чувствовали себя чужими в СССР, делалось все, чтобы решить проблему пребывания иностранных рабочих в стране и обеспечения им лучших условий. Весной 1933 г. решением Центрально-Черноземного Облисполкома было «признано необходимым содержание одного иностранного работника при клубе для иностранных рабочих и специалистов в качестве библиотекаря и переводчика»⁹. Обкомы ВКП(б) повсеместно получали указания, в которых говорилось, что «в целях усиления работы и обеспечения руководства таковой среди иностранных специалистов, просьба подобрать члена партии, владеющего иностранными языками для постоянной работы. Неразрешение данного вопроса вызывает осложнение работы среди иностранных специалистов и может привести к нежелательным результатам, при необеспечении этого участка работником»¹⁰. Все это говорит о том, что государство делало все от себя зависящее, чтобы специалисты, прибывшие в Советский Союз чувствовали бы себя здесь как можно комфортнее, если не в материальном плане, то хотя бы в плане «духовном».

В Воронеже делалось все возможное, чтобы привлечь иностранцев, работающих здесь, к участию в общественной жизни страны, что, конечно же, делалось для содействия пропагандистскому аппарату и максимально большей интеграции их к жизни в СССР. Например, они привлекались к всевозможным съездам и митингам. В марте 1933 г. иностранцы, работавшие в Воронеже, привлекались к приветствию съезда колхозников. Из списка рабочих и специалистов можно установить, граждане каких стран работали в Воронеже. В типографии «Коммуна» работал немец по фамилии Селепель. На ВОГРЕСе работали граждане Чехословакии Пасторек и Харрук, их соотечественник Машек работал на Водоканалстрое, трое американцев Фрейн, Вайсберг и Крис работали на заводе имени Дзержинского, на заводе имени Тельмана работали американец Подпарный и австриец Урбанс. Это говорит о том, что практически на всех ключевых стройках и предприятиях города Воронежа работали иностранцы¹¹.

Для иностранцев, помимо всего прочего, организовывались экскурсии с целью демонстрации достижений Советского Союза в деле индустриального скачка. В мае 1933 г. дирекция речного транспорта получила указание «предоставить моторную лодку для организации экскурсии на ВОГРЕС и Дон иностранных рабочих на 30 мая»¹².

Политбюро ЦК ВКП(б) вначале не ограничивало снабжение иностранных рабочих и специалистов никакими нормами, в то время как советские трудящиеся уже жили на пайке. Но продовольственный кризис углублялся, и в 1931 г.

появилась целая серия постановлений, регламентирующих снабжение иностранцев. В соответствии с ними открывались специальные магазины, был установлен ассортимент и нормы снабжения. Вопросами снабжения иностранцев занимался Инснаб – специальная контора Государственного объединения розничной торговли. В 1932 г. эта контора была передана Торгсину (Всесоюзному объединению по торговле с иностранцами), который обеспечивал иностранцев лучшими в стране продуктами и товарами¹³. Иностранцы прикреплялись к этим магазинам с разрешения ОСПС (Областного Совета профессиональных союзов), по каждому конкретному иностранцу шло индивидуальное решение, например, ОСПС направил в 1933 г. Инснабу телеграмму, в которой обязывал прикрепить иностранного специалиста Колева, работавшего в лесном институте и являвшегося председателем клуба иностранных рабочих при клубе Карла Маркса, для снабжения к магазину иностранцев¹⁴.

Нормы, установленные для иностранцев, по тем голодным временам были очень высоки. Особенно поражают нормы мяса – 9 кг в месяц для специалистов и 6 кг для рабочих! В конце 1932 г. мясные нормы были снижены соответственно до 5 и 3 кг, однако все еще оставались очень высокими по сравнению с нормами других потребителей. Для советских индустриальных рабочих, например, в то время норма мяса составляла 2 кг в месяц. Установленные для иностранцев нормы превышали и нормы красноармейского пайка. Продукты, не указанные в списке нормированных, должны были продаваться иностранцам в неограниченном количестве. Попытки Наркомснаба повысить для иностранцев цены на продукты до уровня коммерческих пресекались по протестам ВСНХ и наркоматов. Иностранные рабочие и специалисты покупали товары по низким ценам карточного снабжения.

Иностранцы, работавшие в России, получили еще одну привилегию. Для них Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило беспшлинный ввоз товаров из-за границы. Правда, число посылок, ассортимент и количество ввозимых вещей были ограничены размерами личного, довольно скромного потребления, но, тем не менее, посылки из-за границы были существенным подспорьем в те годы. Для советских граждан были установлены огромные пошлины на индивидуальный ввоз из-за границы предметов одежды, домашнего обихода и продуктов питания. За несколько кусочков мыла на таможене нужно было заплатить 80 рублей, а за фруктовый торт – 60 рублей пошлины (при средней зарплате 125 рублей в месяц). Высокими запретительными пошлинами руководство страны закрывало один из возможных путей самоснабже-

ния населения¹⁵.

Иностранцам также оказывалась материальная помощь. Несмотря на то, что они получали «хороший» паек, государство делало все для того, чтобы показать свою заботу об иностранных рабочих и любые их трудности старалось решить по мере возможностей органов управления того времени. Так, 9 января 1933 г. на заседании Секретариата Совпрофа ЦЧО было решено оказать 2 иностранным рабочим помощь в размере 100 рублей, ввиду их тяжелого материального положения, но это пособие выдавалось только при условии, что «иностранцы рабочие, работавшие на стройке № 18, являются членами профсоюза»¹⁶. При этом оговаривалось, что эти иностранные работники определены на работу и их назначение известно¹⁷. Из этого видно, что материальные трудности не смогли затронуть иностранцев, находившихся на работе в Воронеже. Несмотря на все заботы государства, иностранные рабочие все же сталкивались с советской действительностью. Так, состоялось понижение их заработной платы и понижение норм расценок за выполненную работу. В 1933 г. была зафиксирована информация о том, что «на общих собраниях иностранных рабочих при выступлениях рабочие и специалисты заявляли, что им снижается зарплата без их согласия и предупреждения. Например: тов. Хаупт (завод Коминтерна) зарплата снижена на 25%; Урбанс (столяр завода Тельмана) с 250 р. снижена до 175»¹⁸. Не тот ли это австриец Урбанс, которого в пропагандистских целях задействовали для приветствия съезда колхозников 6 марта 1933 г., а уже 20 апреля уменьшили зарплату? Скорее всего тот, так как других рабочих с подобной фамилией на заводе Тельмана в документах не встречалось. В итоге человек, который должен был недавно на съезде рассказывать об успехах в построении социализма и о счастливой жизни советских граждан, вряд ли он мог говорить на официальном мероприятии органов власти что-то другое. Теперь этот человек жалуется, что его, как до этого и его советских коллег, «задела» советская действительность в виде снижения зарплаты. На эту жалобу последовал весьма лаконичный ответ в «советском духе»: «Снижения зарплаты не было, а были превышены нормы расценки на сдельные работы, которые при детализации были снижены, следовательно получилось снижение заработка сдельщика»¹⁹.

Привилегии, установленные для иностранцев, не распространялись на тех, кто приехал работать в СССР по своей инициативе, не заключив контракта с советскими представителями за рубежом. В этом случае иностранцы делили судьбу советских рабочих.

Иностранные дипломаты и корреспондент

ты сначала пользовались особыми распределителями, где покупали товары на рубли. В конце 1932 г. в связи с начавшимся в стране массовым голодом и «валютной лихорадкой» дипраспределители были закрыты. Вместо них открылся специальный магазин Торгсина, где продажа шла на валюту. Несмотря на предложения Народного комиссариата иностранных дел, Политбюро ЦК ВКП (б) отказывалось понизить цены на продукты для представителей дипкорпуса²⁰.

Попадая в материально бедное общество, приходилось жить по его возможностям. Острый продовольственный и товарный кризис определял не только положение советских граждан, но и иностранцев, живших в СССР. Центральное и местное руководство пыталось создать для иностранных специалистов и рабочих лучшие условия. Практически на любом предприятии они обеспечивались лучше своих советских коллег. Среди иностранцев, работавших на одном и том же предприятии, инженеры и техники получали преимущества перед рабочими. Однако это была все та же иерархия бедности²¹.

По признанию американца Джэка Моррисея, работавшего в те годы в Воронеже, власти старались дать ему лучшее из того, что имели. Проблема заключалась в том, что они не имели практически ничего. Американец жил в гостинице. Обычный его рацион состоял из омлета, чая и черного хлеба на завтрак, жареной в жиру конины, водянистого картофельного пюре, политого растительным маслом, и чая на ланч. Обед отличался от ланча тем, что подавались капустные щи. Это было лучшее в Воронеже. Коммунистические бюрократы, которые наполняли гостиницу, разделяли ту же, более чем скромную трапезу. Все остальное население получало только суп, черный хлеб и скудную порцию картофеля. Когда американец пожаловался своей переводчице на плохое питание, та была неподдельно изумлена: «Но Вы получаете мясо дважды в день!» – воскликнула она. Действительно – большая роскошь по тем временам, но, по сути, что это было за мясо – конина!²²

Таким образом, все усилия советских партийно-государственных органов скрыть от иностранцев тяжелые условия жизни большинства советских граждан были тщетны. Иностранные специалисты сталкивались с такими условиями в быту, они видели обыденную жизнь «среднестатистического» советского человека, они испытывали это на себе. Иностранцы могли воочию видеть проблемы и неудачи советской экономической политики, которые старались скрыть за ширму пропаганды. Практически все иностранцы, работавшие в СССР в 1930-е гг., вернулись домой и смогли рассказать своим соотечественникам о

реальной жизни в СССР. Видимо, этим можно объяснить все трудности работы советской пропагандистской машины за рубежом, так как люди, лично видевшие все «успехи» советской заботы о человеке, вряд ли захотели бы подобной судьбы своим соотечественникам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 105.
2. Там же. С.106.
3. Там же. С.106-107.
4. ГАВО. Ф.895. Оп.1. Д.1678. Л.43.
5. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 107.
6. ГАВО. Ф.895. Оп.1. Д.1678. Л.20.
- 7 Там же.
8. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 107.
9. ГАВО. Ф.895, Оп.1, Д.1678. Л.33.
10. Там же. Л.38.
11. Там же. Л.8.
12. ГАВО. Ф.895. Оп.1, Д.1678. Л.32.
13. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 108.
14. ГАВО. Ф.895. Оп.1, Д.1678. Л.16.
15. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 108.
16. ГАВО. Ф.895. Оп.1. Д.1678. Л.6.

17. Там же.
18. Там же. Л.27.
19. ГАВО. Ф.895. Оп.1. Д.1678. Л.21.
20. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 108-109.
21. Там же. С. 137.
22. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-194 / Е.А. Осокина. - М., 1999. С. 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.895. Оп.1. Д.1678.
2. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 / Е.А. Осокина. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - 271 с.

V. Khodakovskiy

POSITION OF FOREIGN WORKERS IN VORONEZH IN THE PERIOD OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Abstract: In this paper the material standing of foreign workers and specialists who were in Voronezh in the period of the first five-year plan is described based on the studies of archives. The article also shows the reasons which induced foreigners to come to USSR and the motives of soviet administration to recruit foreign specialists. The living conditions of foreign citizens engaged in building of Voronezh enterprises are recreated. Ideological undertakings of the local administration, aimed at forming of a positive impression about the Soviet Union are also reflect.

Key words: Voronezh, industrialization, first five-year plan, foreign workers.

УДК 358.423(091)

Павлов С.В.

**ФРОНТОВАЯ БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИЯ ВВС РККА
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

Аннотация. В статье показываются состав, структура, качественная и количественная характеристика фронтовой бомбардировочной авиации ВВС Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. На основе обширного архивного материала раскрываются наиболее существенные факторы, оказавшие негативное влияние на характер применения бомбардировочной авиации в начальном периоде войны.

Ключевые слова: бомбардировочная авиация, ВВС РККА, авиация округа (фронта), система подготовки кадров ВВС, НКАП, СБ, Ар-2, Су-2, Пе-2, Як-2, Як-4.

К началу Великой Отечественной войны в ВВС РККА насчитывалось 4260 фронтовых бомбардировщиков, созданных конструкторскими бюро А.Н.Туполева, А.А.Архангельского, П.О.Сухого, В.М.Петлякова и А.С.Яковлева. Это были самолеты

* © Павлов С.В.

СБ (в разных модификациях), Ар-2, Су-2, Пе-2, Як-2 и Як-4.

Основой фронтовой бомбардировочной авиации (ФБА) являлся самолет СБ. По состоянию на 1 июня 1941 г. парк этих самолетов насчитывал 3376 машин, что составляло более 79 % всех фронтовых бомбардировщиков ВВС РККА. Кроме того 338 самолетов СБ стояло на вооружении авиации ВМФ и 35 – НКВД, в пассажирском варианте ПС-40 и ПС-41 самолет СБ имелся в распоряжении ГУ ГВФ и других ведомств СССР (47 и 44 самолетов соответственно).

Развитием самолета СБ был Ар-2, который до переименования в 1940 г. имел аббревиатуру СБ-РК. В общей сложности к началу войны количество этих самолетов в ВВС РККА составляло 146 единиц (3,4 % общего парка ФБА). Самым многочисленным после СБ был ближний одномоторный бомбардировщик Су-2 – 332 самолета (7,8 % парка общего парка). Основной фронтовой бомбардировщик периода войны Пе-2 насчитывал всего 285 машин, что составляло 6,7 % фронтовых бомбардировщиков. Самолеты Як-2 и Як-4 насчитывали соответственно 85 и 36 машин и вместе не набирали 3 % общего парка ФБА (см.: табл.1).

Основной предвоенный фронтовой бомбардировщик СБ (в соответствии с заданием – средний бомбардировщик) проектировался и создавался в 1934-1935 гг. Для его разработки в КБ А.Н.Туполева была создана специальная конструкторская бригада под руководством А.А.Архангельского численностью более 120 человек. Проектирование и заводские испытания машины были проведены в кратчайшие сроки, и с 1936 г. СБ стал поступать в войска. Экипаж самолета состоял из трех человек. Максимальная скорость полета его первых серийных образцов достигала 424 км/час при бомбовой нагрузке 600 кг. В перегрузку, с наружной подвеской, он мог нести до 1000 кг бомб. Самолет был вооружен четырьмя пулеметами ШКАС (спаренным в носовой части, задним на турели и одним в кинжальной установке). Дальность полета превышала 2000 км.

В 1936-1939 годах самолет СБ активно дорабатывался. Возрастала мощность двигателей, улучшалась аэродинамика, усиливалась конструкция крыла и фюзеляжа, увеличивалась ёмкость топливных баков. В отдельных модификациях удалось достичь скорости 458 км/час (ММН, 2М-105), увеличить бомбовую нагрузку до 1600 кг (СБ 2М-103), поднять потолок до 12700 м с грузом в 1 т. (СБ 2М-103). Но уже к 1939 г. стало ясно, что самолет стремительно устаревает. Для придания ему новых возможностей КБ А.А.Архангельского провело глубокую модернизацию самолета. За счет улучшения аэродинамики и перекомпоновки самолета скорость была увеличена до 480 км/час, было установлено новое оборудование, бомбардировщик стал пикирующим. Его первоначальное название СБ-РК (радиаторы в крыле) решением НКО было изменено на Ар-2¹.

Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7.12.1940 г. № 24466-1096сс "О программе выпуска самолётов и авиамоторов в 1941 г."⁴ в 1941 г. предполагалось выпустить 1000 Ар-2 и к 1942 г. перевооружить на него почти четверть ФБА. Однако появление нового фронтового бомбардировщика Пе-2, превосходившего Ар-2 по скорости, экономичности и маневренности, изменило планы руководства страны. К апрелю 1941 г. производство Ар-2 было полностью прекращено.

Самолет Пе-2 первоначально проектировался как высотный, скоростной одноместный истребитель-перехватчик. В то же время после визита группы советских авиаконструкторов в Германию было признано, что в ближайшие годы не следует опасаться массового применения высотных бомбардировщиков. Необходимость в истребителе отпала. Поэтому сразу после первого вылета самолета в апреле 1940 г. было принято решение о его переделке в трёхместный пикирующий бомбардировщик. Работа была выполнена в исключительно короткие сроки усилиями более чем 300 специалистов из КБ Яковлева, Ильюшина и Архангельского. Уже осенью 1940 г. самолет ПБ-100 был представлен на испытания, а 15 декабря

Таблица 1.

Количественный состав самолетов ФБА накануне Великой Отечественной войны (на 1.06.1941)²

	СБ	Ар-2	Су-2	Пе-2	Як-2	Як-4	ИТОГО
Всего самолетов в ВВС РККА	3376	146	332	285	85	36	4260
из них неисправных	339	34	64	10	8	нет	455
В ВМФ	338	24	нет	4	нет	нет	366
Всего в ВВ СССР	3714	170	332	289	85	36	4715³
неисправных	370	37	64	10	8	нет	489

1940 г. головной самолёт первой серии поднялся в воздух.

Самолет развивал скорость до 540 км/час, что соответствовало скоростным характеристикам лучших на то время западных истребителей, имел потолок 8800 м и дальность до 1315 км. Был вооружен четырьмя пулемётами - люковым, турельным и двумя носовыми – 7,62 мм ШКАС. Бомбовая нагрузка была как у Ар-2: в бомболюке и бомбоотсеках – 600 кг, а в перегрузку до 1000 кг.

Ближний бомбардировщик Су-2 был разработан в 1936-1937 гг. в рамках конкурсной программы по созданию одномоторного многоцелевого самолета «Иванов» в КБ А.Н.Туполева коллективом конструкторов под руководством П.О.Сухого. Несмотря на то, что первый самолет был поднят в воздух в августе 1937 г., из-за значительного числа поломок и связанных с этим работ его серийное производство было начато только в 1940 г.

Самолет мог нести до 400 кг бомб, был вооружен 4 неподвижными и одним в турели пулеметами ШКАС 7,62 мм, уверенно пилотировался в широком диапазоне скоростей от 220 до 450 км/час, имел потолок до 9000 м. и дальность полета около 900 км. По мнению начальника НИИ ВВС А.И.Филина, возглавлявшего комиссию по госприемке самолета, Су-2 мог использоваться в качестве легкого бомбардировщика, а в вариантах как штурмовик, ближний разведчик и артиллерийский корректировщик. Летчики-испытатели считали самолет образцом по своей продуманности, летным данным, обзору и характеристикам управления.

Однако, даже несмотря на восторженные отзывы о боевом применении аналогичного Су-2 немецкого одномоторного бомбардировщика Ju 87 в польской кампании 1939 г., было ясно, что без сильного истребительного прикрытия или полного господства в воздухе эти самолеты использовать будет затруднительно. Именно поэтому польские легкие одномоторные бомбардировщики «Карась» осенью 1939 г. и английские «Бэтлы» в майских событиях 1940 г. во Франции понесли исключительно тяжелые потери от немецких истребителей. В то же время, имея ввиду рост численности ВВС и высокую вероятность завоевания советскими ВВС господства в воздухе в ходе возможной войны, советское руководство приняло решение резко увеличить парк ближних бомбардировщиков Су-2 и довести его производство в 1941 г. до 1150 шт.

Самолет Як-2 (ББ-22) разрабатывался и проходил летные испытания в 1938-1939 гг. Опытные экземпляры самолета развивали по тем временам удивительную скорость – более 560 км/час, и имели потолок более 10000 м. Это предопределило благосклонное отношение И.В.Сталина к

новому самолету А.С.Яковлева. Однако серийное производство самолета с бомбовым и стрелково-пушечным вооружением резко снизило его летно-технические характеристики. В серии, выпущенной на заводе № 1 в г. Москве, с двигателями М-103 самолет развивал максимальную скорость 515 км/час, а с бомбовой нагрузкой в 500 кг (400 кг в фюзеляже и две ФАБ-50 под крылом) - только 445 км/ч. Производство такого самолета не имело смысла, т.к. он полностью повторял по своим ЛТХ имеющийся СБ.

Чтобы исправить создавшуюся ситуацию, было решено установить на самолете более мощные двигатели, несколько изменить конструкцию и компоновку самолета, сделать самолет пикирующим. Летом 1940 г. обновленный самолет прошел заводские испытания, а уже в октябре первые серийные машины ББ-22бис вышли из цехов авиационного завода № 81. Скорость этих машин возросла до 558 км/час (с бомбовой нагрузкой 500 кг – 533 км/час), дальность полета с подвесными баками составила 1100 км. Экипаж состоял из двух человек. Для защиты задней полусферы на самолете устанавливался один пулемет ШКАС 7,62 мм. Однако самолет был очень строгим в пилотировании и сложным в обслуживании. Поэтому сразу после успешных испытаний Пе-2, командование ВВС сделало свой выбор в пользу последнего. Пе-2 превосходил Як-4 (ББ-22бис) по всем важнейшим параметрам. Несмотря на декабрьский план производства Як-4 на 1941 г. в количестве 1300 шт. к началу войны его производство было полностью прекращено.

Организационно вся фронтовая бомбардировочная авиация накануне войны была сведена в авиационные полки (*бан*), которые входили в состав смешанных авиационных дивизий (*сад*) армейского подчинения или в бомбардировочные авиационные дивизии (*бад*) окружного (фронтowego) подчинения⁵. Кроме того, в абсолютном большинстве разведывательных авиационных полков фронтowego подчинения на вооружении стояли самолеты СБ, Як-2 и Як-4, которые при относительно незначительных усилиях могли быть использованы как фронтовые бомбардировщики (см.: рис 1).

Как правило, в приграничных военных округах насчитывалось по 1-2 *бад* четырех-пяти полкового состава⁶ и 2-3 *сад* (по количеству армий), имеющие по 1-5 *бан*. Смешанные авиационные дивизии не имели однообразной структуры. В одних из них совершенно не было бомбардировочной авиации, в других отсутствовала штурмовая и даже истребительная.

В связи с тем, что в некоторых округах наряду с бомбардировочными полками, вооруженными самолетами СБ, Ар-2, Пе-2, Су-2, имелись

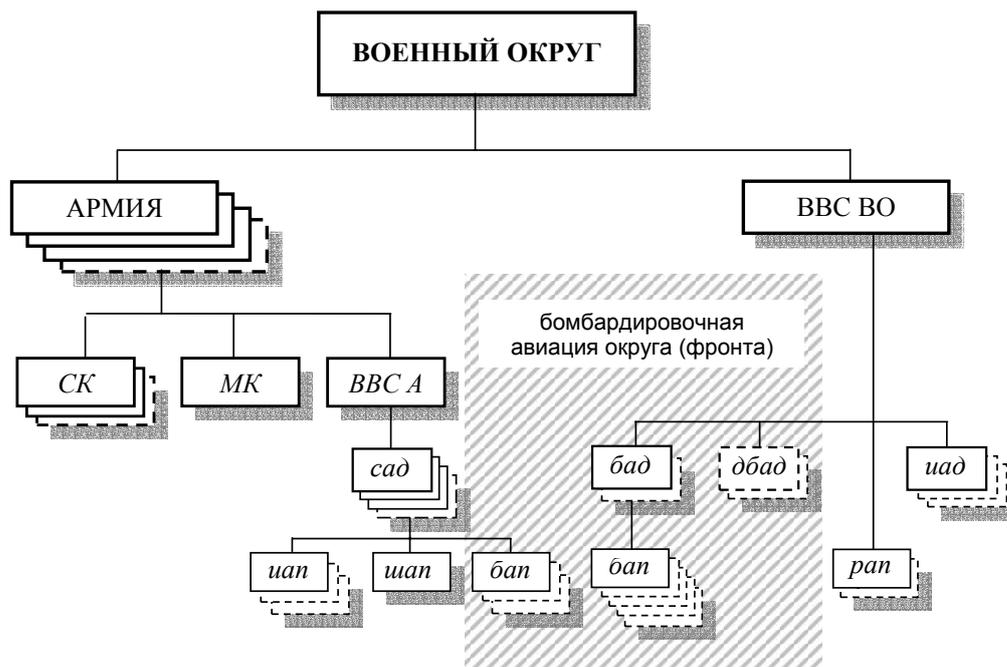

Рис. 1. Примерный состав и структура авиации округа (фронта)⁷

полки на самолетах ДБ-3ф (например, 90-й и 93-й дальне-бомбардировочные авиационные полки 18 авиационной дивизии Киевского особого военного округа) и авиационные полки на самолетах По-2, в предвоенных документах встречаются упоминания о «ближне-бомбардировочных», «средне-бомбардировочных», «скоростных бомбардировочных», «легко-бомбардировочных» и «дальне-бомбардировочных» авиационных полках в составе военного округа. Поэтому здесь и далее вся бомбардировочная авиация, имевшаяся в подчинении командующего военным округом, будет именоваться ФБА.

Структурно бомбардировочные авиационные полки накануне войны включали в себя пять бомбардировочных авиационных эскадрилий (баэ), состоящих из четырех авиационных звеньев по 3 самолета. Кроме того, два самолета находились в управлении полка. Таким образом, общее число бомбардировщиков в бап по штату насчитывало 62 самолета (см.: рис. 2). Однако в связи с перевооружением и организационно-штатными мероприятиями численность самолетов в разных полках была разной. Так, например, по состоянию на 1 июня 1941 г. в 224 бап 17 сад Киевского ОВО было всего 6 самолетов СБ, 245 бап 62 бад находился в стадии формирования и вообще самолетов не имел, а в 54 бап 57 иад Прибалтийского ВО было 75 самолетов СБ, Ар-2 и Пе-2.

Подразумевалось, что структура ВВС, при которой и во фронте и непосредственно в армиях имеется и бомбардировочная, и штурмовая, и ис-

требительная авиация, позволит соединениям и объединениям сухопутных войск использовать ее наиболее эффективно. Однако опыт Великой Отечественной войны впоследствии показал, что смешанные авиадивизии были очень громоздкими и трудноуправляемыми. Такими же громоздкими и трудноуправляемыми оказались и их тылы. Кроме того, в прямом подчинении командующего ВВС округа находилась только «фронтальная группа», составлявшая немногим более 40% имеющейся в округе авиации. Обязанности между командующими ВВС армий и командующими ВВС фронтов были разграничены недостаточно четко. В результате, как замечал впоследствии А.А.Новиков, накануне войны командовавший ВВС Ленинградского военного округа, - «Такая двойственность в управлении авиацией чрезвычайно мешала концентрации ее усилий и массивному применению, а следовательно, значительно снижала ее ударную мощь и мобильность...»⁹.

При кажущейся очевидности этих замечаний необходимо все же признать, что в распоряжении ВВС округа (фронта) оказывались значительные силы авиации, которые подчас намного превосходили авиационные группировки фронтов периода Великой Отечественной войны. Так «фронтальная группа» авиации Киевского особого военного округа накануне войны насчитывала 748 самолетов (39,3% всей авиации КОВО), из которых 256 были бомбардировщиками. Кроме них в 315 и 316 рап КОВО насчитывалось еще 78 самолетов СБ, Як-2 и Як-4. В Западном особом военном округе

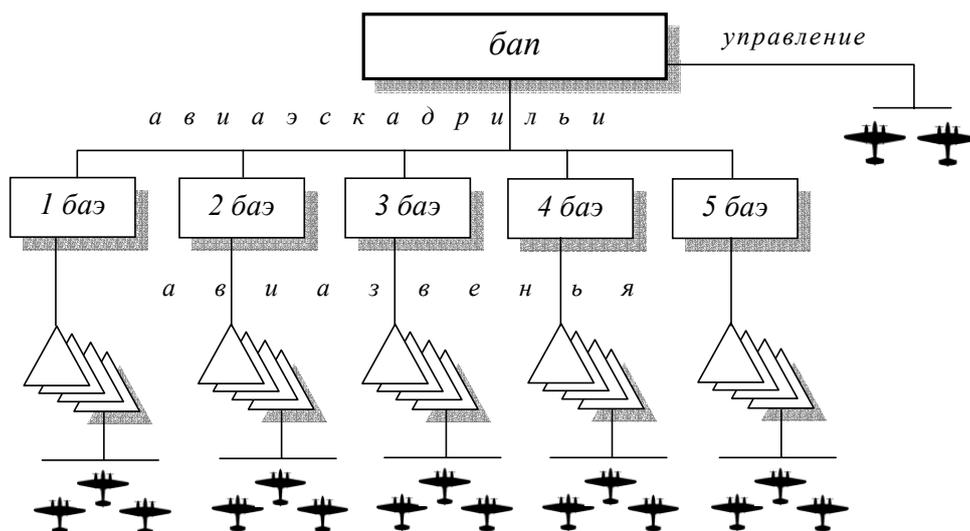

Рис. 2. Организационная структура бап⁸

ге из 1901 самолета по списку 803 (48,4%) находились в непосредственном подчинении округа. Из общего состава «фронтовой группы» 356 самолетов были бомбардировщиками. Кроме того, 84 бомбардировщика имелись на вооружении разведывательных и резервных авиаполков округа. Такое количество авиации во фронтах в годы войны стало появляться в воздушных армиях только в конце 1943 – начале 1944 гг.

Важно заметить, что имевшееся к началу войны количество авиации в округе (фронте) по замыслам советского военного командования было далеко не предельным. Как следует из архивных документов, летом-осенью 1940 г. по указанию И.В.Сталина была создана программа подготовки летно-технического состава и усиления ВВС Красной Армии, которая предусматривала резкий рост численности авиации РККА. Согласно этой программе уже к 1 января 1941 г. ВВС должны были иметь 239 авиаполков и 62 корпусные эскадрильи — 15 672 самолетов по штату. Этот план был не только выполнен, но и перевыполнен (см.: табл. 2). С учетом авиации военно-учебных заведений ВВС и транспортной авиации общее

количество самолетов на начало 1941 г. составило 22 719 самолетов¹¹. Из них 14,7% были дальними бомбардировщиками, а 42,5% – фронтовыми бомбардировщиками. К концу 1941 г. в ВВС должно было насчитываться 32 432 самолетов при соотношении между родами авиации 60:40 в пользу ударной (бомбардировочной) авиации.

Чтобы решить эту задачу только в течение 1941 г. предполагалось увеличить парк ВВС КА более чем на 10 000 самолетов и довести количество боевых самолетов до 22 171 шт. Для этого планировалось сформировать дополнительно 2 дальнебомбардировочных, 23 ближнебомбардировочных, 75 истребительных и 4 смешанных авиаполков (всего 104 авиаполка), а также управления 25 авиадивизий¹².

В то же время в случае начала боевых действий согласно мобилизационному плану развертывания № 23 в ВВС предполагалось сформировать 102 скоростных и легкомомбардировочных авиационных полка¹³. То есть количество авиации в распоряжении командования округа (фронта) могло увеличиться в 1,5-2 раза.

Однако согласно принятой программе, за-

Таблица 2.

Рост численности авиационных полков и числа самолетов в ВВС РККА в 1940 г.¹⁰

Дата	Авиаполки										Самолеты
	дбап	тбап	сбап	лбап	шап	сап	иап	рап	рез.	всего	
15.02.40	14	4	35	8	13	7	63	—	5	149	12718
10.07.40	21	4	55	5	12	3	78	—	9	187	14632
01.10.40	22	6	63	5	11	3	84	10	8	212	16044
01.01.41	34	6	74	5	11	3	96	10	10	249	17846

Состав и характеристика сил фронтовой бомбардировочной авиации в приграничных военных округах на 1.07.1941 г.¹⁹

Округ	Кол-во боевых самол. / из них неисправных	Общее кол-во экипажей ФБА	Боеготовые экипажи				Переучивались, вводились в строй
			днем в ПМУ	ночью в ПМУ	днем в СМУ	ночью в СМУ	
ЗОВО	596/77	713	532	143	115	17	232
КОВО	571/75	570	525	508	68	0	45
Лен.ВО	681/52	800	800	197	187	27	0
Приб.ВО	446/45	380	380	96	68	0	0
Од.ВО	287/44	604	244	0	0	0	205
ИТОГО	2554/293	3067	2481 80,9%	944 30,8%	438 14,3%	44 1,4%	482 15,7%

вершение намеченных мероприятий планировалось только на конец в 1941 года. Поэтому к началу войны значительная часть авиации или находилась в стадии формирования, или переоснащения, или переучивания. Так, только в Прибалтийском, Киевском и Одесском ВО формировались 13 авиационных полков, 5 из которых были бомбардировочными (241, 242, 244, 243 и 245 бан).

Бурный рост авиации, обусловленный возрастанием ее роли и значения в будущей войне, потребовал принципиального изменения подходов к проблеме подготовки авиационных кадров.

На основе опыта боевых действий в советско-финской войне, а также анализа начального этапа Второй мировой войны, Генеральным штабом был осуществлен расчет возможных потерь авиации в современной войне. В соответствии с этим расчетом авиация в течение года могла потерять до 200% командного (летного) состава¹⁴. Исходя из этого, в ноябре 1940 г. было принято решение об увеличении к концу 1941 г. числа летчиков до 60 тыс. человек, а авиационных техников до 145 тыс. (по состоянию на 1 сентября 1940 г. имелось всего 37 558 летчиков и 81 563 авиаспециалиста).

Чтобы достичь этих показателей предлагалось резко, на 7680 человек, увеличить штаты существующих военных авиационных училищ и сформировать 33 новых училища. Кроме того, СНК 5 ноября 1940 г. принял постановление № 2264-976сс "О комплектовании школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии", согласно которому Осовавиахим к 15 мая 1941 г. должен был подготовить

20 тыс. летчиков, а ГВФ к 1 октября 1941 г. еще 10 тыс. летчиков на У-2¹⁵.

Такое увеличение численности летно-технического состава не могло не привести к понижению его статуса. В декабре 1940 г. было принято решение о наборе курсантов в летные училища не добровольно, а из очередного призыва на действительную военную службу; срок их службы был установлен в 4 года, а весь средний летно-технический состав, не выслуживший 4 года, переводился к 1 февраля 1941 г. на казарменное положение¹⁶.

С 25 февраля 1941 г. была утверждена новая система подготовки кадров для ВВС. Создавались школы первоначального обучения с курсом в 4 месяца в мирное, и 3 месяца — в военное время с общим налетом на курсанта 30 часов, а также школы военных пилотов с курсом в 9 месяцев в мирное и 6 месяцев — в военное время с общим налетом бомбардировщиков 20 часов и истребителей 24 часа. Задачей школ было научить курсанта-пилота пилотированию и применению боевого самолета в простых метеоусловиях, групповым полетам в составе звена и дать практику в маршрутных полетах в составе звена с посадкой на незнакомых аэродромах, для чего в программу подготовки включалось 10 таких полетов. Бомбардировщиков, кроме того, требовалось научить пикированию под углом 40 градусов. Время подготовки в военных училищах командного состава ВВС было установлено 2 года в мирное и 1 год — в военное время.

В результате всех проведенных мероприятий, количество военно-учебных заведений ВВС возросло с 32 в 1939 г. до 111 к началу войны. В интересах бомбардировочной авиации работали 3 академии, 2 военно-авиационных училища, курсы усовершенствования комсостава ВВС, 2 высшие школы штурманов, 22 школы пилотов бомбардировочной авиации, 12 школ стрелков бомбардировщиков, 16 школ авиамехаников.

Конечно, уровень подготовки авиаспециалистов при столь сжатых сроках подготовки не мог быть высоким. Поэтому основную нагрузку по вводу молодых летчиков в строй должны были взять на себя строевые части. С 1 февраля 1941 г. были установлены единые нормативы по налету – 160 часов на каждого летчика (140 часов на выполнение курсов боевой подготовки и 20 часов на совместные учения с наземными войсками и летно-технические учения). Летчиков следовало готовить сначала в простых, а затем в сложных метеоусловиях и ночью. Для ускорения переучивания на новую технику, за месяц до ее получения в часть передавались 2-3 новых самолета, на которых весь летный состав должен был налетать по 8-10 часов¹⁷.

Согласно приказу наркома обороны № 0020 от 11 марта 1941 г. переподготовка должна была быть организована так, чтобы к 1 июля 1941 г. командный состав изучил и облетал новую технику. В отношении летчиков ФБА особо подчеркивалось, что подготовка бомбардировщиков-пикировщиков на самолетах СБ, Ар-2 и Пе-2 должна быть максимально ускорена¹⁸.

Однако планы и их реализация полностью совпасть не могли. Организовать полноценную боевую подготовку в условиях зимы-весны 1941 г. было крайне затруднительно: поставки новой техники задерживались, авиационное топливо подавалось в ограниченном количестве, аэродромы из-за отсутствия твердых покрытий не обеспечивали боевую подготовку в полном объеме. Кроме того, в течение 1940 г. в строевые части прибыло более 10 тыс. только что выпущенных из авиационных школ и училищ авиаспециалистов. В 1941 г. планировалось направить в ВВС еще 32 500 летчиков, и к 1 июня 1941 г. значительная их часть уже прибыла в войска. Их ввод в строй был серьезной проблемой как для авиации в целом, так и для ФБА в частности. Получив 4-12 месячную подготовку эти летчики не имели ни достаточных знаний, ни навыков, ни опыта, и это естественным образом отражалось на общем уровне подготовленности экипажей ФБА (см. табл. 3).

Еще больше усложнило ситуацию перевооружение ВВС. Однако, имея ввиду стремительный рост ВВС накануне войны с 291 210 чел. в мае 1940 г. до 429 900 чел. к 1 июня 1941 г., отвлечение

15,7% экипажей ФБА на ввод в строй и переучивание не выглядит критическим. Как правило, более 80% всех экипажей бомбардировочной авиации сохраняли готовность к выполнению боевой задачи днем в простых метеоусловиях (ПМУ). Низкий же процент способных выполнять боевые задачи в сложных метеоусловиях (СМУ) и ночью обуславливался несовершенством авиационной техники, средств самолетовождения и слабым оснащением ФБА радиосредствами.

Так, например, укомплектованность бомбардировочной авиации самолетной радиостанцией РСБ и обеспечивающей с ней связь наземной 5АК на ГАЗ-АА на 1 января 1941 г. составляла всего 37%²⁰. Некомплект радиостанций РСБ на самолетах бомбардировочной авиации к началу 1941 г. составлял 1241 шт., т.е. 23% к исправным самолетам²¹. И это было серьезной проблемой. На нее указывали практически все авиационные начальники. Цветной дым, полотнища, покачивание крыльями, действия «по лидеру» не могли заменить радиосвязь ни в управлении, ни в наведении, ни в целеуказании. Тот же А.А.Новиков, выступая на совещании по итогам боевых действий в советско-финской войне в декабре 1940 г. указывал: «Имеющиеся средства связи на сегодня не обеспечивают надежной связи с наземным командованием и не обеспечивают управления в бою»²². Полностью укомплектовать ФБА средствами радиосвязи предполагалось лишь к 1 апреля 1942 г. за счет 100% обеспечения радиосвязью самолетов новых типов, а также поэтапного дооснащения имеющихся во фронтовой авиации самолетов.

Чтобы повысить эффективность боевого применения бомбардировочной авиации с февраля 1941 г. по опыту советско-финской войны в батальонах аэродромного обслуживания начали формироваться взводы земного обеспечения самолетовождения (ЗОС), которые были предназначены для развертывания, подготовки и эксплуатации радиомаяков, радиопеленгаторов и других средств обеспечения самолетовождения. Однако укомплектовать их техникой, а в некоторых округах и личным составом так до начала войны и не удалось.

Чтобы переломить ситуацию с уровнем подготовки летного состава, командование ВВС решило резко интенсифицировать боевую подготовку в частях. Однако в начале 1941 г. в бомбардировочной авиации происходит сразу несколько авиакатастроф. Ряд офицеров и генералов Главного управления ВВС РККА во главе с начальником управления генерал-лейтенантом авиации П.В.Рычаговым «за явно преступные распоряжения, нарушающее элементарные правила летной службы» были отстранены от должностей, а помощник начальника Главного управления ВВС Красной Армии по даль-

Заказы Народного комиссариата обороны по авиации в 1939-1941 гг.

Авиационное вооружение	1939		1940		1941		Всего	
	заказ	вып.	заказ	вып.	заказ ²⁶	Вып. 1 кв.	заказ	вып.
Самолеты (шт) всего	9091	10758	13864	10565	20195	2406	4315	23729
бомбардировщики	3611	2744	6090	3674	4800	742	14501	7160
истребители	3875	4150	5800	4657	9409	849	19084	9656
прочие	1605	3864	1974	2234	5986	815	9565	6913

ней бомбардировочной авиации генерал-лейтенант авиации И.И.Проскуров и начальник отделения оперативных перелетов Штаба ВВС полковник В.М. Миронов отдаются под суд. Пытаясь обосновать свои действия, И.И.Проскуров в письме к И.В.Сталину замечает, что главными недостатками в боевой подготовке были: «условность в учебе; мягкотелость в тренировке войск в условиях, максимально приближенных к боевым; игнорирование новых методов применения и взаимодействия технических средств вооружения в ведении современной войны», что привело к «неумению в массе своей, даже кадрами, надежно действовать в сложных метеоусловиях и ночью, низкому уровню огневой и разведывательной подготовки»²³.

И все же высшее военное руководство осознает, что не все проблемы в ВВС связаны с летным и инженерно-техническим составом. Главное – в технике, которую создают авиационные заводы, в материально-технической базе ВВС.

Именно поэтому уже с середины 1939 г. в СССР началось расширение производственных мощностей НКАП за счет сооружения новых и реконструкции существующих предприятий, которое должно было в целом завершиться в конце 1940 — первой половине 1941 г. Кроме того, в состав НКАП в 1940 г. было передано 60 предприятий из других ведомств. С августа 1940 г. начался перевод авиазаводов на суточный график выпуска продукции, с 16 ноября был установлен ежедневный доклад о производстве самолетов и авиационных двигателей²⁴. А с марта 1941 г. авиационная промышленность фактически перешла на режим работы военного времени²⁵.

Несмотря на то, что мобилизационные заявки и заказы Наркомата обороны удовлетворялись не полностью, в 1939-1941 гг. ВВС КА на порядок выросли как качественно, так и количественно. За это время были сформированы управления 5 корпусов, 79 авиадивизий, были сформированы 124 авиаполка, а в первой половине 1941 г. началось формирование еще 104 авиаполков, из которых к 22 июня были сформированы 19. Фронтовая бомбардировочная авиация увеличилась с 38 лег-

ко- и среднебомбардировочных полков в январе 1939 г., до 79 полков по состоянию на 1.01.1941 г. с перспективой формирования еще 23 ближнебомбардировочных полков в 1941 г. Существенно обновился и парк авиационной техники, а ее численность за два предвоенных года возросла более чем в два с половиной раза.

Таким образом, необходимо признать, что советская фронтовая бомбардировочная авиация накануне войны имела значительный парк достаточно современных на то время самолетов. Вместе с тем, советское руководство стремилось обновить имеющийся парк бомбардировщиков, т.к. лучшие образцы истребителей вероятного противника были способны успешно с ними бороться. Кроме того, бомбовая нагрузка имеющихся машин оставалась незначительной даже у самых современных самолетов. Наряду с указанными недостатками были и другие проблемы. Так, практически все бомбардировщики были оснащены авиационными двигателями очень низкого качества, средства связи не позволяли осуществлять надежное управление бомбардировщиками и эффективно взаимодействовать с наземными войсками. Аэродромная сеть ФБА, в связи с присоединением Прибалтики и западных районов Белоруссии и Украины, только начинала формироваться. Эти недостатки усугублялись невысоким общим уровнем подготовки летного и инженерно-технического состава, в своем большинстве прошедшим подготовку в авиационных школах и училищах по укороченной программе в 1940-1941 гг. Все это негативно отразилось на результатах боевого применения советских ВВС в начальном периоде Великой Отечественной войны.

И все же опыт строительства отечественных ВВС в последние предвоенные годы не теряет своей актуальности в современных условиях, так как демонстрирует образцы решения сложнейших военно-технических проблем в условиях враждебного международного окружения и ограниченности научно-технических, технологических и информационных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В соответствии с Приказом наркома обороны от 26 декабря 1940 г. № 0365 были установлены новые обозначения всех имевшихся в СССР самолетов; поменяли свое названия и самолеты ФБА, так ББ-1 был переименован в Су-2, ББ-22 — в Як-4, ПБ-100 — в Пе-2, ДБ-3ф — в Ил-4. См.: РГВА, ф.4, оп.15, д.27, л.570,570об.
2. Рассчитано по: ЦАМО, ф.35, оп.107559сс, д.5 (т.1), л. 116-153, 170-207.
3. До 1.07.41 г. всего было выпущено самолетов: Ар-2 – 193, Су-2 – 396, Пе-2 – 454, Як-2 – 111, Як-4 – 90 шт.
4. 1941 год. Документы. В 2-х кн. - М.: Демократия, 1998.- Кн.1.- С.441-443.
5. Переход оргструктуры ВВС на дивизионную систему был осуществлен на основании Постановления СНК СССР от 25 июля 1940 г. № 1344-524сс.
6. Не имелось бад в Одесском и Прибалтийском военных округах.
7. Рисунок создан с использованием: Альбом схем по истории военного искусства.- Монино: ВВА, 1987.- С.17.
8. Рисунок создан с использованием: Альбом схем по истории военного искусства.- Монино: ВВА, 1987.- С.18.
9. Тимофеев А.В. Александр Покрышкин.- М.: Молодая гвардия, 2005.- С.137-138.
10. РГВА, ф.29, оп.46, д.273, л.81-83; д.346, лл.107-125, 176, 288, 378-379, 407, 410-465; д.340, лл.10, 20, 337-374; РГАСПИ, ф.71, оп.25, д.5045, л.7.
11. 1941 год. Документы... Кн.1.- С.620-621.
12. РГВА, ф.40442, оп.1, д.169, л.351-358.
13. ЦАМО, ф.16, оп.2154, д.4, л.269.
14. См.: Записка НКО СССР и Генштаба Красной Армии в Политбюро ЦК ВКП(б) – И.В.Сталину и СНК СССР – В.М.Молотову с предложением схемы мобилизационного развертывания Красной Армии. ЦАМО, ф.16, оп.2154, д.4, л.199-250.
15. 1941 год. Документы... Кн.1.- С.341-342.
16. РГВА, ф.4, оп.15, д.27, л.561-564.
17. ЦХСД, ф.89, оп.74, д.30, л.1-10.
18. РГВА, ф.4, оп.156, д.2, л.14-15об.
19. Сведено и рассчитано по: ЦАМО, ф.35, оп.107559сс, д.5 (т.1), л. 116-153, 170-207.
20. Зарецкий В.М. История авиационной связи (1912 – 2002).- Монино: ВВА,2004.- С.36.
21. 1941 год. Документы... Кн.1.- С.625.
22. РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 55, л. 243.
23. Иван Иосифович Проскуров [Электронный ресурс]: Люди [Электронный журнал], сайт: Военные летчики – авиаторы и испытатели. URL: http://www.peoples.ru/military/hero/ivan_proskurov (дата обращения: 12.12.2008).
24. 1941 год. Документы... Кн.1.- С.395.
25. Батехин Л. Мероприятия Коммунистической партии по развитию Военно-Воздушных Сил в предвоенные годы // Военно-исторический журнал.– 1983.- № 3.- С.69-75; Шумихин В.С., Медведев А.В., Нессен Г.Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению ВВС в годы Великой Отечественной войны.- М.: Воениздат,1970.- С.14.
26. Согласно мобилизационной заявке ВВС в 1941 г. ГШ ВВС хотел получить 15820 бомбардировщиков, 13300 истребителей, 2800 штурмовиков, 1680 корректировщиков, 1400 разведчиков и 4850 учебных и транспортных самолетов, т.е. около 40 тысяч самолетов. Однако решением СНК эти планы были серьезно откорректированы. См.: РГВА, ф.4, оп.19, д.86, л. 1-11.

S. Pavlov

AIR FORCE FRONT-LINE BOMBER AVIATION OF THE WORKING AND PEASANT RED ARMY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: Composition, structure, qualitative and quantitative characteristics of the Air Force front-line bomber aviation of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War is reported in the article. The most significant factors which affected the type of the bomber aviation use on the first stage of the War are covered on the basis of the extensive archival material.

Key words: Bombing aircraft, Air Forces РККА, aircraft of district (front), system of a professional training of the Air Forces, НКАП, СБ, Ar-2, Su-2, Pe-2, Jak-2, Jak-4.

УДК 338.245

Шевченко В.Н.

ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. В статье на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов показана работа по перестройке деятельности Госплана СССР, местных планирующих органов. Основное внимание автор уделил анализу объективных трудностей, ошибок и просчетов,

допущенных существовавшей в тот период системой управления народным хозяйством, а также их последствиям в деле организации военно-промышленного производства на сибирских предприятиях.

Ключевые слова: планирование, структурная перестройка, производственная деятель-

* © Шевченко В.Н.

ность, номенклатура изделий, инвентаризация, дезорганизация.

Одним из сложнейших и ответственных направлений в организации военно-промышленного производства с первых дней войны являлось налаживание четкой работы с распределением плановых заданий по наркоматам и отдельным наиболее крупным предприятиям, с учетом их производственных возможностей и необходимости наращивания объемов выпуска оборонной продукции. В связи с этим резко возросла роль Госплана СССР, который, находясь формально в структуре СНК СССР, фактически являлся рабочим органом ГКО. Передача в непосредственное подчинение ГКО оборонной и связанных с ней ключевых отраслей промышленности, которые обеспечивали снабжение советских вооруженных сил всем необходимым, заставили Госплан СССР буквально с первых дней войны перестраивать всю работу по планированию, поставив в центр своей деятельности обеспечение нужд фронта.

Прежде всего, была проведена структурная перестройка в недрах Госплана, связанная с созданием секторов, а затем и отделов вооружения боеприпасов, судостроения, авиационной и танковой промышленности. Вновь созданные структурные подразделения, по сути, определяли деятельность всего аппарата Госплана, занимались не только планированием всех видов и объемов выпуска военной продукции, но и обеспечивали тесную связь с оборонными наркоматами, осуществляли непосредственные контакты с крупнейшими военными заводами во всех регионах страны. Большой вес работе Госплана придавало и то, что его председатель Н.А. Вознесенский являлся членом ГКО, принимая самое активное участие в рассмотрении экономических вопросов, осуществляя не только контроль за производством боеприпасов и вооружения, участвуя в разработке военно-стратегической политики.

Производство вооружения, боеприпасов и боевой техники планировалось на каждый месяц, квартал Госпланом СССР и утверждалось ГКО. Такое оперативное планирование в целом отвечало условиям военного времени, так как давало возможность центральным органам управления направлять и контролировать выпуск оборонной промышленности, исходя из реальных потребностей фронта в видах и объемах вооружения, боевой техники и боеприпасов. Однако с первых дней войны становилось ясно, что планирование от потребностей не отвечало возможностям экономики, что не в последнюю очередь было связано с экстренной эвакуацией многопрофильного производства и сложностью налаживания межотраслевой кооперации на новых местах базирова-

ния. Несмотря на то, что многие эвакуированные предприятия вступали в строй действующих буквально в первые месяцы на новых местах расположения, общий процесс восстановления военно-промышленного потенциала затягивался на более длительный срок.

В сложившейся в первые недели-месяцы сложной обстановке на фронте и в тылу, определенной растерянности и даже паники, Госплан потерял на некоторое время связь с наркоматами, эвакуированными в разные регионы страны. Отсутствие объективной информации о состоянии производства на местах не могло не сказаться на качестве выпуска необходимой продукции как в целом по оборонным отраслям промышленности, так и по отдельным предприятиям. Да и сами наркоматы не имели необходимой ясности о состоянии и введенных в строй производственных мощностей подведомственных им предприятий. Вследствие этого, предприятиям часто устанавливались нереальные, экономически необоснованные, не везде учитывавшие специфику производства и условия деятельности на новых местах базирования плановые задания. Установленные сроки начала производственной деятельности являлись законом, и с этого времени предприятия значились в плановых органах действующими, способными давать определенную им номенклатуру продукции.

Красноярскому заводу №703 НКМВ программа выпуска корпусов 76 мм снарядов на конец 1941 г. была определена в следующих объемах: в ноябре – 10000 штук, в декабре – 15000 штук. Однако выполнить эти нереальные задания предприятие не было в состоянии. Необходимое оборудование, оснастка, техническая документация, а также рабочая сила стали прибывать с эвакуированными спеццехами Люберецкого механического завода только 9 декабря 1941 г. Эвакуированные производства прибывали без необходимых документов на военные изделия – чертежей, технических условий, оснастки и др. В связи с новыми условиями деятельности пришлось заново разрабатывать всю техническую документацию по 76 мм и 45 мм снарядам.¹ В этих условиях выполнить поставленные задачи было практически невозможно, а к реальной производственной деятельности завод смог приступить только в январе 1942 года.

В письме заместителя наркома электропромышленности Воркоя на имя заместителя председателя СНК СССР М.З. Сабурова от 31 января 1942 г. прямо говорилось, что планы объемов производства по определенной номенклатуре изделий составляются без учета реальных производственных мощностей эвакуированных и находящихся в стадии восстановления заводов НКЭП. Новосибирский завод №644 НКЭП, в номенклатуру кото-

рого входило производство зарядных агрегатов для армии и флота, из-за отсутствия необходимых производственных площадей не был еще вообще развернут.² К производственной деятельности завод смог приступить только в апреле 1942 года.

Волюнтаризм, силовые методы в навязывании номенклатуры изделий превалировали в первые годы войны в планировании военно-промышленного производства. За промахи, ошибки, некомпетентность «плановиков», как правило, несли ответственность руководители предприятий. Так, постановлением ГКО от 11 декабря 1941 г. заводу №327 НКЭП, кроме изготовления профильной продукции (радиотехническое оборудование для авиации), было «предложено» организовать в кратчайшие сроки производство 34 деталей и общую сборку пистолетов-пулеметов Шпагина (ППШ), удельный вес которого должен был составить 40% общего объема производства. Завод не располагал ни необходимым оборудованием, ни материалами, ни документацией на изделие, не было специалистов, знакомых с этим оружием и технологией его изготовления. На неоднократные просьбы директора завода, Красноярского крайкома ВКП(б) в соответствующие наркоматы (вооружения, электротехнической промышленности), необходимая помощь не была оказана и завод не смог в назначенный срок наладить производство автоматов. За невыполнение задания ГКО директор завода №327 НКЭП был освобожден от должности и отдан под суд. Впоследствии решение об изготовлении автоматов на этом предприятии было признано ошибочным, как несоответствующее профилю деятельности и с июня 1942 г. их выпуск был прекращен.³

Постоянные неувязки с планированием, отставание с вводом в эксплуатацию новых производственных мощностей, недостаток и слабый уровень подготовки основной массы рабочих и инженерно-технических работников, неизбежно порождали штурмовщину и авралы, следствием которых являлась критическая ситуация на производстве, сопровождавшаяся нередко взрывами, пожарами и даже человеческими жертвами.

Стремясь восполнить нехватку мощностей по производству порохов и взрывчатых веществ, на комбинате № 392 НКБ стали форсировать ритм работы на действовавших производственных мощностях, что приводило к частым и тяжелым последствиям для производства и трудового коллектива. Только за первую половину 1942 г. произошло 34 вспышки, в том числе 27 на пороховом производстве, 171 несчастный случай, 8 из которых закончилось смертельным исходом.⁴ Лишь после этого стали приниматься экстренные меры по ужесточению производственной и технологической дисциплины, введению на комбинате

режима военного положения, обучению рабочих технике безопасности. Однако нарушения трудовой и производственной дисциплины продолжались и в последующее время, что приводило к возникновению новых чрезвычайных ситуаций на предприятии, в том числе и с человеческими жертвами.

Одним из направлений в исправлении сложившегося положения и налаживании правильной увязки планирования заказов по объему и номенклатуре изделий по каждому заводу с фактическим состоянием их мощностей и возможностями являлось директивное письмо от 15 февраля 1942 г. мобилизационно-планового управления Наркомата боеприпасов, направленное в адрес руководителей подведомственных предприятий. В нем, в частности, предлагалось до 1 апреля 1942 г. указать исходные данные предприятия: режим работы (количество рабочих дней в году, число рабочих смен в сутки; длительность каждой смены), нормы выхода со станка с учетом фактически существовавших технологий в производстве; потери по технологии на ремонт оборудования и другое. Необходимо было также отразить мощности завода по каждому изделию в соответствии с фактическим обеспечением оборудованием инструментально-технических, ремонтно-технических, ремонтно-механических, станкостроительных и металлургических цехов; баланс площадей (производственных, подсобных, складов) и оборудования и другое.⁵

Проводимая инвентаризация, безусловно, сыграла положительную роль в более объективном планировании военно-промышленного производства, но, как показала дальнейшая практика, не решала всех проблем. Существовавшие методы планирования от достигнутого, сложившиеся еще в довоенное время, не только продолжали действовать с началом войны, но еще больше укрепились. Комбинату №392 НКБ, например, на декабрь 1942 г. была определена программа по выпуску 2950 т. прессованных порохов. Это задание было рассчитано на своевременный ввод в эксплуатацию второй очереди пироксилинового производства и третьей очереди порохового производства. Фактически же строительство этих объектов еще не было закончено, и об этом было известно в Наркомате боеприпасов. Исходя из имевшихся мощностей пироксилинового производства, и с учетом того, что прессование порохов должно было проводиться на восьми прессах, программа по прессованию могла быть выполнена не более чем на 2150 тонн.⁶

Такое положение можно объяснить не только острой необходимостью производства данного вида продукции для снаряжения боеприпасов, но и тем, что, давая напряженные задания без учета

реального состояния производства, руководство наркоматов и его плановые органы рассчитывали путем «нажима» получить результаты, близкие к намеченному заданию. Практика выдачи сверхнапряженного задания широко применялась практически на всех уровнях руководства на протяжении всего периода войны и давала далеко не всегда те результаты, на которые рассчитывали руководящие партийно-хозяйственные органы.

В условиях дезорганизации системы управления на начальном этапе войны оборонные предприятия нередко в течение короткого времени получали противоречащие друг другу указания из разных руководящих инстанций – ГКО, СНК СССР, Госплана СССР, наркоматов и ведомств. Выдаваемые заводом плановые задания по выпуску военной продукции (годовые, квартальные) приходили с большим запозданием, иногда достигавшим несколько месяцев. Так, план выпуска самолетов и авиабомб для авиационных заводов на 1942 г. был утвержден ГКО только 1 апреля 1942 года.⁷ Отсутствие у предприятий реальных перспектив развития несомненно накладывало негативный отпечаток на работу трудовых коллективов, всех звеньев управления производством.

В практику еще с довоенного времени прочно вошли частые изменения в номенклатуре и объеме выпуска продукции. Планирование выпуска продукции нередко носило мелкосерийный характер, что совершенно было недопустимо для производства, созданного для массового или крупносерийного производства. Постоянная «чехарда» в планировании объемов и номенклатуре выпуска продукции не могла не сказываться на производственной деятельности, являлась одной из причин аритмичности производственного цикла, а нередко и просто дезорганизовывала производство.

К примеру, Омский моторостроительный завод №29 НКАП приступил к производственной деятельности в недостроенных цехах через три месяца после эвакуации, выпустив 7 января 1942 г. первый авиадвигатель М-88. Но уже 9 февраля 1942 г. по постановлению ГКО заводу дается задание освоить, наряду с наращиванием выпуска М-88, новый авиадвигатель М-82. До конца 1942 г. завод обязывался выпустить 1250 штук М-82 и 850 штук М-88. Несмотря на оказанную заводу помощь, справиться с заданием по внедрению в серийное производство М-82 в установленные сроки не удалось. Это вынудило ГКО принять 16 марта 1942 г. новое постановление о приостановке работ по производству М-82 и использовать все производственные мощности для увеличения выпуска М-88. Однако потребность в М-82, хорошо зарекомендовавших себя на фронте, вызвала постановление ГКО от 24 августа 1942 г. о возобновлении выпуска

М-82 на заводе №29 НКАП.⁸

Еще сложнее обстояло дело с планированием выпуска оборонной продукции на гражданских предприятиях. В отличие от военных заводов, подавляющее большинство из них вынуждено было менять профиль производства, не имея часто необходимого оборудования, разработанной технологии по выпуску определенной им номенклатуре заказов. Распределение военных заказов по предприятиям местными властями нередко проходило непродуманно, наспех. Планы устанавливались на «глаз», большинство предприятий получало задания, значительно превышающие их возможности. Обеспеченность материалами и инструментом в планах не предусматривалась. Исполнителям приходилось выполнять задания любыми средствами, нередко пользуясь кустарными методами в изготовлении намеченной продукции. Это приводило к чрезмерным материальным и людским затратам и, чаще всего, не давало практических результатов.

Так, Томский горком ВКП(б) обязал мастерские связи Томской железной дороги обработать в ноябре 1941 г. 10000 штук мин, а в декабре 30000 штук. В ноябре мастерские не выпустили ни одной мины, а в первой пятидневке декабря – 250 штук, после чего работы были приостановлены. При подсчете возможностей мастерских оказалось, что они могут дать в лучшем случае в месяц 1500-1800 штук мин. Мастерские были оборудованы легкими и точными станками и могли изготавливать прицелы для минометов и миноуловителей, но этого заказа мастерские не получили.⁹

Положение осложнялось тем, что на гражданских предприятиях фактически не имелось никакой документации на определенную им номенклатуру военной продукции. В телеграмме секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) Медведева от 4 ноября 1941 г. Наркомату вооружения прямо говорилось, что «в связи с отсутствием технической документации на предприятиях края невозможно производство отдельных видов вооружения. Убедительно просим Вас (Д.Ф. Устинова – примеч. автора) срочно направить по 4-6 экземпляров: минометов 50 мм и 82 мм – технологию, чертежи, штампы, приспособления и другое. Полностью отсутствует документация к авиабомбам АО-2,5, фугасно-авиационным бомбам (ФАБ) 80 кг и 100 кг, корпусам 45 мм снарядов. Нет чертежей всех видов гранат, особенно образцов 1941 г.»⁹ Аналогичные телеграммы-просьбы рассылались и в другие оборонные наркоматы.

Отсутствие на местах необходимой документации на новейшие образцы военной продукции приводило к тому, что заказы предприятиям нередко выдавались по устаревшим чертежам, часто уже снятым с вооружения, а иногда и без всяких

чертежей. Так, для изготовления минометов Штаб Сибирского военного округа дал вначале чертежи образца 1938 г., по которым были сделаны пробные образцы минометов. Когда их производство было освоено, предприятия Томской железной дороги получили чертежи миномета образца 1939 г., а в ноябре 1941 г. – образцы 1940 г. Рубцовское паровозное депо решением Алтайского крайкома ВКП(б) обязывалось освоить выпуск пистолет-пулеметов Дегтярева (ППД) без всяких чертежей и другой технической документации, на основе полученного в пехотном училище образца изделия. С большим трудом автомат был изготовлен, и на этом его производство было прекращено.¹⁰

Подводя первые итоги по перестройке промышленности на нужды фронта, Новосибирский обком ВКП(б) при рассмотрении вопроса «О ходе выполнения военных заказов предприятиями Томской железной дороги» в своем постановлении от 5 декабря 1941 г. в частности констатировал, что «работа по военным заказам организована плохо. Большинство предприятий выполняет заказы без плана, по указанию местных партийных организаций. Договоры на военные заказы не имеют, одному и тому же предприятию давали задание освоить несколько производств (Рубцовскому депо – минометы, автоматы ППД, головки реактивных снарядов и др.), что приводило к распылению сил и не давало результатов. До конца ноября 1941 г. Управлением железной дороги не учтено и не мобилизовано все оборудование работающих предприятий и прибывших в порядке эвакуации, могущих работать на оборону».¹¹

Таким образом, опыт планирования по мобилизации народного хозяйства в годы войны для нужд фронта во многом представляет собой уникальное явление. Столкнувшись с исключительно трудными задачами по расширению военно-промышленного производства, плановые органы вынуждены были практически на ходу приобретать необходимый опыт. За допущенные ошибки в составлении планов и выдаче заданий, как показала

практика, нередко приходилось расплачиваться дорогой ценой, огромными материальными потерями для предприятий, потерей здоровья и даже жизни их работников. Некомпетентность в планировании военной продукции со стороны местных органов власти, несмотря на исключительную изобретательность, смекалку, подлинное творчество и поистине героический труд рабочих, ИТР, служащих, чаще всего не давала практических результатов, особенно на этапе организации военно-промышленного производства в первый период войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК) ФП-26 Оп.3 д.7 Л.228.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф 8848, Оп.14, Д.39, Л.18.
3. ААА КК ФП-26 Оп.3 д.7 Л.228.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) фП-4, оп.6, д.455, л.170а.
5. РГАЭ Ф.7516 Оп.1 Д.1325 ЛЛ.57,58.
6. ГАО ФП-4 Оп.6 Д.455 Л.215.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф.64, Оп.1, Д.21, Л.47
8. РГАСПИ ф.644 Оп.2, Д.24, Л.189; Оп.1, Д.53, Л.76.
9. ААА КК ФП-26 Оп.3 Д.7 Л.150,175.
10. ГАО ФП-4 Оп.5 Д. 481 Л.Л.58а, 58.
11. ГАО ФП-4 оп.5, д.481, л.64.

V. Shevchenko

WAR-INDUSTRY PRODUCTION PLANNING DURING THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The activity of USSR State Planning local planning authorities changes is described in the given article with is used for the 1st time. The author analyzes objective problems and difficulties of state economy of that period and consequences of those mistakes in the War Industry production organization at Syberian plants.

Key words: planning, structure changing, producing activity, inventorization, disorganization, production range.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1946–1991 гг.)*

Аннотация. В статье рассмотрено взаимозависимое решение экономических и экологических проблем в процессе развития работы по рациональному использованию природных ресурсов в промышленности Восточной Сибири. Автором выявлены основные этапы в активизации этой работы, формы мобилизации производственных коллективов на участие в ней, результаты и проблемы её развития.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, отрасли основной хозяйственной специализации, промышленные выбросы в воздушный и водный бассейны, рациональное использование природных ресурсов, вторичные ресурсы, охрана окружающей человека природной среды.

В развитых странах мира в XX в. сложилась тенденция удвоения объемов потребляемого сырья каждые десять лет¹. Выдержать такой рост за счет бесконечного увеличения объемов добычи невозможно с технологической, экономической и экологической точек зрения. Исторический аспект рационального использования природных ресурсов Восточной Сибири в разное время рассматривался в работах В.В. Алексеева, Г.А. Цыкунова, Ю.А. Зуляра, Н.В. Савчук и других авторов². Однако в них специально не анализировалось взаимоувязанное решение экономических и экологических проблем.

Проблема снижения потерь сырья в отраслях основной специализации Восточной Сибири стала особенно острой в послевоенный период, в связи с нарастанием объемов вовлечения природно-сырьевых ресурсов в хозяйственный оборот. Это было обусловлено крупными поставками техники в лесную, угольную, горнодобывающую промышленность, внедрением новых технологий и совершенствованием организации труда. В лесной промышленности на заготовке древесины стали применяться электрические и бензиновые пилы, на вывозке – автотранспорт и тракторы. В отрасли перешли от сезонного использования неквалифицированной рабочей силы к созданию профессиональных коллективов леспромхозов, работавших в течение всего года. Рост добычи угля и руд цветных металлов был связан с началом комплексной механизации подземных работ и переходом на добычу дешевым открытым способом.

За пятнадцать послевоенных лет объем открытой добычи угля в регионе был увеличен в 37 раз³.

Восточная Сибирь в послевоенный период являлась поставщиком круглого леса, цветных металлов и рудных концентратов в другие регионы страны. Однако уже тогда принимались некоторые меры по глубокой переработке сырья и снижению его потерь с отходами. Например, улучшение использования руды на Норильском горно-металлургическом комбинате (далее: НГМК) позволило в 1946–1947 гг. в два раза увеличить производство никеля и меди, наладить производство кобальта и других редких металлов⁴. Для переработки оставаемой в регионе древесины в годы четвертой пятилетки были построены небольшие лесопильные и смолоскипидарные заводы. В последующие десять лет здесь был освоен выпуск бумаги и картона, производство клееной фанеры было увеличено в 2,7 раза, пиломатериалов – в 2,8 раза⁵. Однако количество древесных отходов в Восточной Сибири постоянно нарастало из-за отставания в строительстве предприятий по глубокой переработке древесины. Ситуация с её переработкой в Иркутской области усугубилась в середине 50-х гг. в связи с началом лесосводки в ложе водохранилища Братской ГЭС. Ставка была сделана на создание гидролизной промышленности, строительство Братского лесопромышленного комплекса, Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, которые после пуска в эксплуатацию в середине 60-х гг. должны были перерабатывать более 7 млн м³ древесных отходов в год⁶.

В Красноярском крае в 50–60-е гг. шло формирование лесохимического комплекса, включавшего в себя гидролизные заводы, целлюлозно-бумажный комбинат, шинный завод и завод синтетического каучука, другие предприятия⁷. В Бурятской АССР было начато строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. В регионе строились предприятия по глубокой переработке других видов природного сырья. В Ангарске в начале 50-х гг. был пущен в эксплуатацию завод по производству жидкого топлива из черемховских углей. А при строительстве в Красноярском крае Ачинского глиноземного комбината была предусмотрена комплексная переработка местных нефелиновых руд с получением на каждую тонну глинозема 0,5 т содопродуктов и 10 т цемента⁸. Таким образом, в 50–60-е гг. в Восточной

* © Гайдин С.Т.

Сибири была заложена материально-техническая база для глубокой переработки добываемого в регионе природного сырья. Она развивалась на протяжении всего рассматриваемого периода за счет строительства новых предприятий, реконструкции действующих и внедрения на них новых технологических процессов.

Но, вместе с тем, к середине 60-х гг. стала очевидной необходимость пересмотра существовавшей модели экстенсивного развития с использованием наиболее доступных природных ресурсов и нарастающим объемом их потерь в процессе производства. Например, из-за недостаточного извлечения металлов из руды, себестоимость концентратов на горно-добывающих предприятиях Читинской области в начале 60-х гг. значительно превышала отпускную цену по молибдену, олову, вольфраму. В Иркутской области потери угля к этому времени составляли 19 % при открытой форме добычи и 30 % при подземных разработках, на предприятиях лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности до конечной продукции доходило не более 30 % заготовленной древесины⁹.

Возможности для вовлечения коллективов в работу по рациональному использованию сырья появились после принятия решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о переводе народного хозяйства на новую систему планирования и экономического стимулирования. Подготовка к этому началась практически на всех промышленных предприятиях Восточно-Сибирского экономического района. Созданные там экономические советы, бюро экономического анализа, комиссии по переходу на хозрасчет разработали мероприятия по повышению эффективности производства. Так, на Братском лесопромышленном комплексе (далее: БЛПК), Онохойском ЛПК, Норильском горно-металлургическом, Джидинском вольфрамомолибденовом, Сорском молибденовом комбинатах и многих других предприятиях региона во второй половине 60-х гг. были четко определены нормативы расходов сырья, материалов, воды, электроэнергии на выпуск профильной продукции и внедрена система материального стимулирования работников за достигнутые результаты¹⁰.

В новых условиях леспромпхозы региона стали больше учитывать требования лесников к соблюдению правил лесозаготовки. Чтобы не платить штрафы за нарушения правил, они стали переходить на технологию разработки лесосек узкими лентами, в результате чего улучшилось сохранение подроста. Каждый бригадир теперь стал по акту принимать отведенную лесосеку и сдавать ее после очистки от порубочных остатков. В результате пропаганды этого прогрессивного метода и материальной заинтересованности лесозаго-

товителей в его внедрении объем лесозаготовок с его использованием в объединении «Иркутсклеспром» за 1966–1970 гг. увеличился с 57 до 75 %, в объединении «Забайкаллес» – с 70 до 80 %. В Бурятской АССР за это время методом узких лент было разработано 128,6 тыс. га лесосек. Это позволило ускорить и удешевить лесовосстановление, так как сохранение одного гектара молодого леса на лесосеках обходилось в шесть раз дешевле, чем высадка леса на такой же площади¹¹.

Следует подчеркнуть, что на некоторых предприятиях руководители восприняли переход на хозяйственный расчет как очередную политическую кампанию, которых было много в послесталинский период. Тем более, что рациональное использование сырья не во всех случаях обеспечивало получение ожидаемой прибыли. Например, затраты леспромпхозов на приобретение оборудования по выпуску технологической щепы в перспективе могли принести экономический эффект, но в момент его приобретения и освоения предприятия несли убытки, потому что их работа оценивалась не по вложениям на перспективу, а по текущей прибыли. Так, комбинат «Тайшетлес», наладивший производство продукции из отходов лесопиления, в первый же год проведения реформы вынужден был списать нереализованной продукции на огромную для тех времен сумму в 1 млн рублей¹². С подобной ситуацией столкнулись многие леспромпхозы Бурятской АССР, Иркутской области и других регионов Восточной Сибири¹³.

Однако, несмотря на имеющиеся недостатки и просчеты в деле экономии природного сырья, накопленный в условиях перехода на новую систему планирования и экономического стимулирования опыт позволил активизировать работу по ресурсосбережению в рамках всей страны. Так, в феврале 1970 г. впервые было объявлено о проведении Всесоюзного смотра экономии и бережливости. В дальнейшем такие смотры проводились ежегодно на протяжении всего рассматриваемого периода. В рамках социалистической экономики они были вполне реальным инструментом поиска производственных резервов на предприятиях, в организациях и в производственных объединениях.

Работа по переводу предприятий Восточно-Сибирского региона на новую систему планирования и экономического стимулирования, проведению Всесоюзного смотра экономии и бережливости позволила получить довольно высокий экономический и зачастую не менее высокий экологический эффект. Так, на Ангарском цементно-горном комбинате за годы восьмой пятилетки удалось сократить валовой выброс цементной пыли в атмосферу города в 500 раз, ее концентрацию в атмосфере Ангарска – в 20 раз.

А возвращение уловленной пыли в производство и использование в качестве сырьевой добавки золы позволило увеличить производство цемента и поднять прибыль комбината с 2460 до 4670 тыс. руб.¹⁴ Более полное извлечение металлов из руды на Норильском ГМК в 1966–1970 гг. дало возможность увеличить производство кобальта в 1,4 раза, никеля – в 1,7 раза, меди – в 2,5 раза и обеспечить рост прибыли комбината в три раза. Комбинат в эти годы стал переводить производство на оборотную систему водоснабжения¹⁵. Определенные успехи были достигнуты на большинстве предприятий Восточной Сибири.

В начале 70-х гг. государство продолжало развивать работу по расширению хозяйственного расчета, нормированию использования сырья, материалов, электроэнергии и других видов ресурсов, так как развитие экономики за счет экстенсивных источников стало в этот период еще более проблематичным. В свою очередь, практика строительства природоохранных объектов в стране в 60-е гг. показала, что затраты на внедрение безотходных технологических процессов могут быть ниже, чем постоянные, нередко нарастающие расходы на защиту воздушного, водного бассейна и почв от загрязнения.

Одним из факторов, стимулирующих работу производственных коллективов по снижению потребления воды, стало введение с 1 января 1972 г. платы за воду, забираемую из водохозяйственных систем. Это подтолкнуло предприятия разной отраслевой специализации начать работу по снижению расхода бесплатного ранее производственного ресурса. Интересный опыт экономии воды был накоплен на Красноярском комбайновом заводе, где была разработана система конкретных показателей по использованию воды и система материального стимулирования за её экономию. На предприятии было организовано соревнование, победители которого получали весомые премии. В результате мероприятий технического и организационного характера, экономия воды на заводе за годы девятой пятилетки возросла с 40 до 350 тыс. м³ в год. Примерно на столько же сократился сброс промышленных стоков в канализацию¹⁶.

Важнейшими условиями успеха этой работы стало регулярное подведение итогов с доведением результатов до работников предприятия через многотиражную газету предприятия, удачное сочетание мер морального и материального стимулирования, что не было сделано на Селенгинском ЦКК, где в июне 1975 г. был объявлен смотр-конкурс «Селенге – чистую воду». В результате интерес коллектива к участию в конкурсе был очень низким и не дал ожидаемого эффекта¹⁷. Но там, где работа по экономии воды рассматривалась как одно из важнейших направлений деятельнос-

ти, удавалось достигать весомых результатов. Например, в 1977 г. на БЛПК экономия свежей воды составила 32 млн м³, или 10 % от общего объема водопотребления предприятия¹⁸.

Для обозначения ориентиров в деятельности разных отраслей по рациональному использованию природных ресурсов в начале 70-х гг. было принято несколько постановлений ЦК КПСС и советского правительства по распространению опыта Московского (Подрезковского) экспериментального завода древесно-стружечных плит и деталей, Усть-Каменогорского и Балхашского комбинатов, других передовых предприятий страны. В соответствии с ними, на предприятиях Восточной Сибири были разработаны меры по снижению потерь сырья, материалов, воды, использованию в производстве отходов и побочных продуктов.

На предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности в Восточной Сибири в годы девятой пятилетки стали практиковать разработку лицевых счетов экономии, в которых фиксировался вклад каждого работника в работу всего коллектива. Кроме индивидуальных счетов на многих предприятиях вводились бригадные и цеховые счета экономии, явившиеся суммарным обобщением результатов работы каждого члена бригады. Это позволило снизить потери щелоков в 1971–1972 гг. на Братском лесопромышленном комплексе в 1,2 раза, а в 1973–1975 гг. – в 3 раза. А их использование в качестве топлива дало возможность увеличить производство тепловой энергии не только на БЛПК, но и на Братском алюминиевом заводе¹⁹. Снижение более чем в 2,5 раза расхода воды, сырья и химикатов на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате позволило в годы девятой пятилетки уменьшить загрязнение окружающей среды и снизить затраты на рубль выпускаемой продукции с 1 руб. 22 коп. до 97 коп.²⁰.

В свою очередь, внедрение в 1971–1975 гг. нового оборудования по добыче руды на Норильском горно-металлургическом комбинате привело к снижению её разубоживания в 1,5–2 раза и позволило использовать пустую породу для закладки отработанных шахт²¹. Внедрение элементов системы оборотного водоснабжения позволило на 25 % снизить расход воды на выпуск одной тонны металлов и обеспечить экономию 25 млн м³ воды в год²². Эта работа ещё больше активизировалась после того, как в 1975 г. на комбинате была введена новая система оплаты труда с учетом качества выданного отвального шлака²³. А в ноябре 1979 г. на НГМК был начат выпуск элементарной серы, которая стала 15 элементом, извлекаемым из заполярных полиметаллических руд²⁴.

Аналогичные меры по расширению номенклатуры выпускаемой продукции за счет извлечения из руд совместно залегающих элементов,

использования вскрышных и вмещающих пород для хозяйственных целей в 70-е гг. были приняты и на других предприятиях цветной металлургии региона. В частности, на Сорском молибденовом, Джидинском вольфрамо-молибденовом, Нерчинском полиметаллическом комбинатах было налажено попутное извлечение драгоценных и редких металлов²⁵. В январе 1976 г. заместитель министра цветной металлургии СССР В.Д. Нагибин поставил задачу – наладить на Ачинском глиноземном комбинате извлечение из нефелиновой руды редкоземельных элементов таллия, цезия и рубидия²⁶. А на Орловском ГОКе в Читинской области в середине 70-х гг. начали отпуск щебня для дорожного строительства, изготовленного из вскрышных пород, в Хакасии для этой цели стали использовать хвосты Абаканского и Тейского железных рудников.

Достигнутые на предприятиях результаты по экономии сырья, воды и материалов, как правило, оценивались с точки зрения экономических показателей, но невозможно недооценивать их экологический эффект. Поэтому в 1974 г., когда планы по охране окружающей среды на предприятиях стали обязательной составной частью планов по развитию производственной деятельности, эти результаты стали фиксироваться в отчетах в разделе природоохранных мероприятий. Но если экономическая эффективность оценивалась по достигнутому результату, то с оценкой экологической эффективности было гораздо сложнее, так как полученный результат был только одним из шагов в движении к безотходному производству. Например, по данным министерств цветной и черной металлургии СССР, в конце 70-х гг. общие потери полезных ископаемых в подведомственных им отраслях при добыче и переработке руды составляли 25–30 %, из которых 10–12 % приходилось на добычу руды²⁷.

В условиях падения фондоотдачи в экономике, государство в начале 80-х гг. сделало попытку создания системы учета и более полного использования сырья и отходов производства. В стране была проведена инвентаризация производственных отходов, и в государственные планы экономического и социального развития стал включаться специальный раздел «Использование вторичного сырья»²⁸. В январе 1985 г. был введен ГОСТ 25916-83 «Ресурсы материальные, вторичные: термины и определения», исключавший прежние определения «отходы производства» и «отходы потребления», которые были объединены в новую категорию «вторичные материальные ресурсы» подлежащие бухгалтерскому учету²⁹. И в случае перерасхода при производстве сырьевых и топливно-энергетических ресурсов (кроме газа) объединения, предприятия и организации, начиная с 1 января 1985 г., должны были выплачивать

в доход федерального бюджета их стоимость в двукратном размере³⁰.

Проведенное в 1985 г. на страницах газеты «Труд» Всесоюзное заочное рабочее собрание по бережливости и экономии показало, что на предприятиях имелось огромное количество вторичных ресурсов. Редакцией было получено более 685 тысяч писем с указанием на их наличие и предложениями по их использованию³¹. Это свидетельствовало о том, что работники еще не утратили готовности участвовать в работе по повышению эффективности производства. Однако, несмотря на определенные успехи в работе по экономному и бережному использованию природно-сырьевых ресурсов, её общее состояние на многих предприятиях страны и Восточной Сибири было неудовлетворительным. На XXVII съезде КПСС в начале 1986 г. было признано, что за прошедшие полтора десятка лет не удалось перевести экономику с экстенсивного пути развития на интенсивный³². В течение пятнадцати лет, начиная с 1971 г., рост затрат на организацию добычи сырья сопровождался его постоянным удорожанием. Если в начале указанного периода для добычи сырья стоимостью один рубль нужно было затрачивать два рубля, то в конце периода на это уже приходилось тратить четыре рубля³³.

В этих условиях борьба за радикальное снижение ресурсоемкости производства превращалась в главный источник экономического роста и экологизации производства. В годы перестройки была сделана попытка решения этой взаимосвязанной задачи на путях перевода промышленных предприятий на хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Но результат во многом зависел от выбора конкретной формы хозяйственного расчета. Например, Ачинский глиноземный комбинат, который выбрал форму самоокупаемости, в 1989 г. за счет более глубокой переработки руды, выпуска фтористого алюминия, клинкера и силикатного кирпича из отходов основного производства заработал более 100 миллионов рублей прибыли³⁴. В переработку были пущены отходы со шламовых полей, отвалов комбината, уловленные продукты, загрязнявшие прежде окружающую среду. Однако форма работы в режиме окупаемости привела к изъятию в пользу Министерства цветной металлургии СССР более 80 % полученной прибыли³⁵. Режим самофинансирования, в свою очередь, давал возможность, после отчисления части прибыли по стабильным нормативам в бюджет и в пользу отраслевого министерства, направлять часть прибыли на развитие производства, формирование фонда оплаты труда, материального стимулирования. То есть после обязательных расчетов остальная часть прибыли должна была закрепляться за предприятием без

права ее изъятия.

Практически все предприятия Восточной Сибири в условиях перестройки активизировали работу по поиску российских и зарубежных партнеров, заинтересованных в приобретении тех вторичных ресурсов, которые они, в силу различных обстоятельств, не могли перерабатывать сами. Так, в конце 80-х гг. Братский алюминиевый завод организовал продажу японским алюминиевым фирмам силуминового шлака, который они использовали для производства алюминия. Из коры, поставляемой Братским ЛПК, в Братскгэстрое был налажен выпуск коропласта, который использовался в качестве кровельного материала. А производимые на комбинате из отходов кормовые добавки и компост поставлялись в колхозы и совхозы Иркутской области³⁶.

В свою очередь, руководство промышленных предприятий пыталось привлекать иностранные инвестиции и технологии в сферу переработки вторичных ресурсов. Производственное объединение Красноярсклеспром вело переговоры с одной из австрийских фирм о совместном строительстве ЦБК в Лесосибирске. Дирекция Игарского лесокombината обсуждала с несколькими фирмами из ФРГ вопрос о совместном производстве древесно-стружечных плит³⁷.

Ещё одним направлением работы по улучшению использования вторичных ресурсов в условиях перестройки стал переход на кооперативную форму ее организации. В регионе активно создавались кооперативы по очистке рек от затонувшей древесины, по переработке древесных отходов, которые открывались как при леспромпхозах, так и при лесхозах. Такие кооперативы были созданы при Югачинском лесничестве Хакасско-Минусинского управления лесного хозяйства и Уярском мехлесхозе, Тасеевском, Карабульском леспромпхозах, объединении «Китойлес» и многих других предприятиях региона³⁸. В Восточной Сибири также стали создаваться кооперативы по обслуживанию городских свалок³⁹. Однако они не получили широкого развития из-за непрерывно менявшейся экономической ситуации в стране и регионе.

Для рассматриваемого в статье периода было характерно непрерывное возрастание объемов вовлечения природных ресурсов региона в хозяйственный оборот. Но уже в первый послевоенный период стали приниматься меры по внедрению их более глубокой переработки. В 50-е гг. в Восточной Сибири было начато строительство крупных предприятий, рассчитанных на глубокую переработку природного сырья, добываемого в регионе.

В этот период в стране стало проявлять себя осознание зависимости между потерями сырья

и загрязнением окружающей человека природной среды. Высокие потери сырья при добыче и переработке побуждали заниматься внедрением ресурсосберегающих технологий. Созданию механизмов вовлечения производственных коллективов в работу по экономии и бережливости способствовал перевод промышленных предприятий в годы восьмой пятилетки и последующий период на новую систему планирования и экономического стимулирования. Борьба с потерями, как показал опыт этого периода, становилась одним из направлений охраны и оздоровления окружающей среды. Это стало особенно очевидным во время проведения в 1970 г. Всесоюзного общественного смотря экономии и бережливости.

Провозглашение в начале 70-х гг. партийно-государственной политики по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов позволило более тесно увязывать решение экономических и экологических проблем. В большинстве отраслей работа по рациональному использованию природного сырья велась под лозунгами экономии и бережливости, снижения потерь сырья, борьбы против снижения эффективности производства, за повышение фондоотдачи. Решение этих проблем обеспечивалось за счет повышения заинтересованности трудовых коллективов, проведения реконструкции предприятий, внедрения технических новшеств, роста квалификации работников, снижения нарушений технологической дисциплины.

В 80-е гг. государство в условиях нарастания негативных тенденций в экономике попыталось разработать нормативную базу, обеспечивавшую активизацию работы по снижению потерь сырья и использованию вторичных ресурсов. Особое внимание при этом было обращено на использование материальной заинтересованности коллективов. Радикально изменить отношение коллективов промышленных предприятий, комбинатов, объединений к использованию сырья должен был их переход на хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование. Другой формой стимулирования более полного использования вторичных ресурсов в условиях перестройки стало создание кооперативов по заготовке, вовлечению в хозяйственный оборот неучтенного сырья. В регионе были получены интересные результаты работы кооперативов по взаимовыязанному решению экономических и экологических проблем.

Однако в 1946–1991 гг., несмотря на постоянный поиск путей повышения эффективности производства за счет снижения потерь сырья во всех звеньях от вовлечения до переработки, на определенные успехи в этом поиске, в рамках советской социалистической модели организации экономики не удалось приблизиться к безотход-

ному производству, которое бы позволило решать широкий комплекс взаимосвязанных экономических и экологических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Скиннер Б. Хватит ли человечеству земных ресурсов?: пер. с англ. М., 1989. – С. 26-27.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть II. 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976; Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991; Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск, 2002; Савчук Н.В. Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950–1990 гг.). Ангарск, 2006; Савчук Н.В. Социальная сфера Ангаро-Енисейского региона в условиях экологической нестабильности (1950–1990 гг.). Ангарск, 2007;
3. Посчитано по: Заблотская К.А. Угольная промышленность Сибири в послевоенные годы // Индустриальное развитие Сибири в годы послевоенных пятилеток (1946 – 1960). Новосибирск. – С. 31.
4. Государственный архив Красноярского края (далее: ГАКК). Ф. П – 26. Оп. 20. Д. 20. Л. 46.
5. Посчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: стат. ежегодник. – М., 1959. – С. 116, 118, 123.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее: ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 73. Д. 1. Л. 71.
7. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 31. Д. 12. Л. 13, 39.
8. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 24. Д. 16. Л. 61.
9. Государственный архив Читинской области (далее: ГАЧО). Ф. П – 3. Оп. 7. Д. 135. Л. 12; ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 26. Л. 67
10. ГАНИИО. Ф. 5206. Оп. 1. Д. 23. Л. 23; Мастер-организатор работы коллектива // Правда Бурятии. 1966. – 25 сентября; Проблемы хозяйственной реформы. Первые итоги: о чем они говорят? // Советская Хакасия. 1967. – 27 февраля; Комитет по делам архивов при Правительстве Республики Хакасия (далее: Хаккомархив). ОДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3489. Л. 56.
11. Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО). 3018. Оп. 1. Д. 17. Л. 33; Афанасенко П. Покорись зеленый океан // Забайкальский рабочий. 1966.–18 сентября; Орлов М. Технология восстановления лесосырьевой базы // Лесная промышленность. 1976.–12 марта.
12. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 51. Л. 55.
13. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 51. Л. 55; Национальный архив Республики Бурятия (далее: НАРБ). Ф. П – 1471. Оп. 1. Д. 51. Л. 30.
14. ГАНИИО. Ф. 5249. Оп. 1. Д. 30. Л. 12; ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.
15. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 48. Д. 1. Л. 12; Мельников Н. Рациональное использование природных ресурсов // Коммунист. 1973. № 15. – С. 81.
16. Экономика и экология // Комбайностроитель. 1975. – 17 февраля.
17. НАРБ. Ф. П – 3488. Оп. 1. Д. 47. Л. 97.
18. ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 261. Л. 38.
19. ГАНИИО. Ф. 5206. Оп. 2. Д. 51. Л. 8; Ф. 4847. Оп. 11. Д. 20. Л. 73.
20. ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 118. Л. 32.
21. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 53. Д. 1. Л. 37.
22. Колесников Б.И. Богатства Заполярья // Известия. 1975. – 7 ноября.
23. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 52. Д. 24. Л. 63.
24. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 53. Д. 2. Л. 214.
25. Хаккомархив. ОДНИ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 58. Л. 44. НАРБ. Ф. П – 71. Оп. 1. Д. 722. Л. 28. ГАЧО. Ф. П – 12. Оп. 41. Д. 1. Л. 54.
26. ГАКК. Ф. П – 6974. Оп. 1. Д. 20. Л. 285-296.
27. Мосинец В.Н., Грязнов М.В. Горные работы и окружающая среда. М., 1978. – С. 99.
28. Постановление Совета Министров СССР от 25 мая 1980 г. № 65 «О мерах по дальнейшему улучшению использования вторичного сырья в народном хозяйстве» (Извлечение) // Вторичные ресурсы: сборник нормативных актов. М., 1988. – С. 19.
29. Гуцайлюк З.В. Учет и контроль производственных отходов. М., 1990. – С. 10.
30. Постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1984 г. № 404 «Об усилении материальной ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов» (Извлечение) // Вторичные ресурсы. М., 1988. – С. 186.
31. По праву хозяев. Что показало Всесоюзное рабочее собрание о бережливости и экономии // Правда. 1986. – 1 февраля.
32. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. – С. 274.
33. Интенсивное развитие экономики: учебное пособие для руководителей подразделений и специалистов предприятий и объединений промышленности / В.П. Шкредов, Ю.В. Яковец, Э.Б. Фигурнов и др. М., 1987. – С. 159
34. Бондаренко С., Рыбакова Л. Выгодно работать на совесть // Красноярский рабочий. 1987. – 5 марта; Михеев О.Е. Богатство второго круга: Вторичные ресурсы в экономике. М., 1989. – С. 81.
35. Матецкий Г. Живые деньги // Красноярский рабочий. 1990. – 2 марта.
36. Монахов В. Бизнес на отходах // Восточно-Сибирская правда. 1989. – 26 марта.
37. Жигачева В. А что за риторикой // Красноярский рабочий. 1990. – 19 июля; Валюту чеканят докеры // Красноярский рабочий. 1989. – 14 июня.
38. Никушин В. Отходы в доходы // Красноярский рабочий. 1988. – 20 ноября; Лишневец В. Кто поможет кооператору. Проблемы кооператива «Новатор» // Красноярский рабочий. 1988. – 6 декабря; Курьянинов В. Прибыль с отходов // Восточно-Сибирская правда. 1988. – 20 июля.
39. Симоненко В. Еще раз об отходах и доходах // Восточно-Сибирская правда. 1989. – 21 июня; Непомнящий Г. Наводим порядок // Красноярский рабочий. 1989. – 3 сентября.

S. Gaidin

EFFICIENT USE OF NATURAL RESOURCES AS FACTOR OF ENVIRONMENTAL PROBLEM SOLVING IN EASTERN SIBERIA (1946–1991)

Abstract: The article describes the interdependent solutions of economic and environmental

problems in the course of industrial enterprise development of efficient use of natural resources in Eastern Siberia. The author analyses the main stages of this process activation, its results and problems of development together with forms of industry work-

ers involvement to it.

Key words: Eastern Siberia, industry specialization, industrial emissions, air pollution, water pollution, efficient use of natural resources, secondary resources, environment preservation.

УДК 94(470.26)“1945/1948”

Маркин Д.Г.

НЕМЦЫ КАЛИНИНГРАДА: ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ (1945-1948 ГГ.)*

Аннотация. В 1945 г. в состав СССР вошла бывшая часть Восточной Пруссии, включая город Кёнигсберг, где к окончанию военных действий оставалось около 140 тыс. немцев. На основе архивного материала, в том числе ранее не публиковавшегося, в данной статье анализируется проблема взаимоотношения местных органов власти Калининградской области, а также силовых ведомств региона с коренным населением бывшей Восточной Пруссии.

Ключевые слова: немецкое население, Восточная Пруссия, взаимоотношение с местными органами власти, Калининградская область, антисоветская деятельность.

2 августа 1945 г., в соответствии с решениями Потсдамской конференции, северная часть Восточной Пруссии с портами Кёнигсберг и Мемель (нынешняя Клайпеда) были переданы Советскому Союзу¹. После окончания военных действий в советской части Восточной Пруссии оставалось около 139 тысяч немецких граждан². Сложилась уникальная ситуация, когда советским властям было необходимо управлять немецким населением. Данная ситуация ещё более усложнилась для военных и гражданских властей сначала в период прибытия в Калининградскую область репатриированных советских граждан, а после этого в период массового заселения области советскими переселенцами из центральных регионов СССР. Таким образом, местным властям нужно было учитывать ещё и фактор взаимодействия немцев и советских граждан³.

Анализ региональной политики в отношении восточно-пруссских немцев, а также исследование опыта взаимоотношения немцев с местными органами советской власти весьма важен для понимания дальнейшей судьбы местного населе-

ния. Именно первые послевоенные годы определили последующее массовое переселение немцев из Калининградской области.

С самого начала создания Калининградской области, СССР придавал данному региону особое значение. 5 сентября 1946 г. был издан совершенно секретный приказ № 131сс,⁴ в соответствии с которым вся Калининградская область в целях улучшения охраны границы включалась в запретную пограничную зону. Роль силовых ведомств в Калининградской области, после того как вступил в силу данный приказ, ещё более усилилась.

Придание региону нового статуса повлияло и на политику местных властей в отношении оставшихся восточно-пруссских немцев. Так, секретарь Калининградского обкома ВКП (б) П.Иванов утверждал, что в связи с тем, что Калининградская область и Калининград отнесены к запретной зоне, в области должно быть «отборное и благонадёжное население, отборные части Советской Армии, образцовый революционный порядок и крепкая охрана государственной границы»⁵. Именно немецкое население местные власти считали дестабилизирующим фактором, тормозящим развитие новой советской области. Его присутствие в регионе никак, по мнению местных партийных работников и сотрудников МВД/МГБ, не соответствовало тому статусу, который получила Калининградская область.

И хотя, безусловно, такое отношение к немецкому населению было неоправданным, стоит признать, что у сотрудников МВД/МГБ были определённые основания подозревать отдельных представителей восточно-пруссского населения в запрещённой советскими законами деятельности. Так, несмотря на то, что сразу после окончания боевых действий спецорганами была проведена большая работа по выявлению фашистских элементов среди мирного населения, многие бывшие члены НСДАП, а также немецкие военнослужащие всё ещё оставались в регионе, смешавшись с

---

* © Маркин Д.Г.

** Статья подготовлена при поддержке фонда Герды Хенкель (номер гранта AZ 08/SR/07)

гражданским населением. При этом некоторые из них вели подготовку террористических операций и даже проводили террористические акты. Так, в 1945-1946 гг. в Калининградской области было совершено 4 террористических акта, главным образом против военнослужащих Красной Армии, а также 5 диверсионных актов⁶. При этом данные «активные проявления приурочивались к знаменательным датам: к годовщине Октябрьской революции, выборам в Верховный Совет СССР и т.д.»⁷

В справке о состоянии немецкого населения на территории Кёнигсбергской области от 29 июня 1946 г., составленной Начальником отдела контрразведки II-й гвардейской армии Митрофановым, сообщалось, что на протяжении апреля и мая 1946 г. органами контрразведки выявлен ряд подпольных фашистских групп, которые готовили совершение диверсий и террористических актов⁸. Безусловно, угроза возможных террористических актов и диверсий со стороны немцев, заботила не только спецорганы, но и руководителей местных органов власти, в задачу которых входило восстановление промышленных предприятий и объектов инфраструктуры Калининградской области.

Хотя террористические акты и фиксировались в Калининградской области, но всё же, как сообщали в Москву сами сотрудники МВД/МГБ, их было отмечено «незначительное количество». В основном «отношение немецкого населения к советской власти и её мероприятиям по восстановлению предприятий промышленности и коммунального хозяйства, характеризовались проявлением скрытого саботажа в самых разнообразных формах»⁹. Саботаж выражался в уклонении от работ, искусственно замедленном темпе выполнения поручаемых работ, недоброкачественном выполнении работ, а при недосмотре со стороны технического персонала – прямой порче оборудования, инструментов, материалов. Саботаж среди немецкого населения проводился и активизировался главным образом членами НСДАП, скрывающими свою принадлежность к партии, а также членами «Гитлерюгенд» и Союза немецких девушек (БДМ)¹⁰. Местные власти считали, что те немцы, которые не занимались саботажем, всячески «уваливали» от работы по восстановлению промышленных объектов Калининградской области, квалифицированные рабочие и инженеры скрывали свою квалификацию.

Начальник 7 отдела Политуправления 11 Гвардейской армии Белый писал в Москву, что немцы «сидели на чемоданах» и единственный вопрос, который волновал немцев – это вопрос переселения их в Германию¹¹. Чтобы устранить данные слухи, представители военных и гражданских местных властей в первой половине 1946 года организовывали разъяснительную агитационную

работу. В частности, коренным жителям региона разъясняли, что надеяться на «эвакуацию» в Германию в ближайшее время»¹² немцы не должны и «что их судьба зависит от них самих»¹³. Что же подразумевалось под этой формулировкой? Немцам дали понять, что они должны «честно» работать в промышленности и сельском хозяйстве – это их долг и перед Советским Союзом, которому они «причинили ничем неопределимый ущерб»¹⁴. Таким образом, кто будет честно работать на предприятиях, в совхозах, в учреждениях, тот обеспечит себя в правовом и экономическом отношении»¹⁵. И хотя в Москву приходили документы об успехах агитационно-разъяснительной работы по данному вопросу среди немецкого населения, всё же стоит отметить, что большая часть коренного населения негативно оценивала мероприятия местных органов советской власти, а многие вопросы для коренного населения оставались неясными.

Руководящие работники Калининградской области в отношении немецкого населения действовали скорее ситуативно и выжидательно, опираясь и оглядываясь на те решения, которые принимались в Москве. В этой связи интересен диалог, который состоялся на областном партийно-хозяйственном активе в марте 1947 г. Один из участников актива заявил, что немцы доставляют много беспокойства, и задал вопрос: «Скоро ли мы от них избавимся?» Секретарь обкома Иванов на это ответил: «Этот вопрос не областного значения. Этот вопрос мне не удалось разрешить даже в Москве»¹⁶.

Как уже было сказано выше, многих немцев, которые остались в области после войны, волновал вопрос скорейшего перемещения их в Центральную Германию. Некоторые немцы пытались, незаконно пересекая государственную границу СССР, покинуть Калининградскую область и самостоятельно добираться до Центральной Германии. Однако данные действия пресекались пограничными службами, а нарушители границ несли уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР¹⁷.

Особенно сильны тенденции к выезду из региона были в зимний период 1945-1946 гг., когда «снабжение населения было крайне недостаточно и жилищные условия неблагоприятны»¹⁸. В данный период в регионе фиксировалась высокая смертность среди немецкого населения, что отмечали сами работники местных органов власти в своих отчётах. Так, по одному городу Калининграду с июня 1945 года по январь 1946 года умерло 14 718 человек. По данным военных комендатур с 1 января по 1 июня 1946 года, численность немецкого населения в области уменьшилась на 21 тыс. чел., или на 8,5 %¹⁹. Советские власти пытались улучшить продовольственное и жилищное положение немцев. Был принят ряд нормативных

актов, которые регулировали распределение продуктов питания, в том числе и среди неработоспособных немцев. Однако продовольственная ситуация в регионе всё равно оставалась тяжёлой. В результате сложного материального положения местного населения отмечалось резкое повышение уголовной преступности среди немецкого населения. Особенно распространёнными преступлениями были кражи продуктов и грабежи.

Неопределённость правового положения, а также тяжёлое материальное положение немецкого населения, порождали рост контрреволюционных преступлений среди немецкого населения в Калининградской области. Так в отчёте о работе Калининградского областного суда за 1-ое полугодие 1947 г. говорилось, что судом было рассмотрено 33 дела о контрреволюционных преступлениях. Всего осуждённых по делам контрреволюционных преступлений 108 человек. Из них лишь 6 человек подданных СССР, остальные 102 человека по национальности немцы, подданные Германии²⁰. В отчёте о работе Калининградского областного суда за второе полугодие 1948 г. было рассмотрено большее количество дел о контрреволюционных преступлениях: 37. Но осуждено было уже 62 человека, из них 8 человек граждан СССР, а остальные немцы Германского подданства²¹. Таким образом, доля немцев, которые были привлечены к уголовной ответственности в связи с совершением контрреволюционных преступлений, была значительна. Сами работники калининградского областного суда объясняли это тем, что «в Калининградской области проживает большое количество немцев, многие из них в прошлом принадлежали к различным гитлеровским организациям и будучи враждебно настроенными против Советского государства, объединялись в группы и проводили враждебную нашему государству агитацию»²². Анализ архивного материала показывает, что преобладающим количеством контрреволюционных преступлений являлись дела о контрреволюционной антисоветской пропаганде и агитации, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Немцы, совершившие данные преступления, преимущественно привлекались к уголовной ответственности в соответствии со статьёй 58-10 Уголовного кодекса РСФСР 1926.

Органы государственной безопасности особое значение придавали проблеме взаимоотношения немецкого населения с советскими военнослужащими. Советских военнослужащих всячески пытались изолировать от контактов с немецким населением. Однако, большое количество немцев проживало «в непосредственной близости к частям и использовалось на различных хозяйственных работах вместе с военнослужащими»²³.

Данные обстоятельства позволяли немцам проводить «враждебную деятельность среди военнослужащих Красной Армии»²⁴. Также сотрудники органов государственной безопасности отмечали ряд фактов, когда советские офицеры, под влиянием установленных связей с немцами, незаконно им выписывали документы на право выезда в Германию. Таких фактов на протяжении 1948 г. зафиксировано около 10²⁵. Некоторые немцы устанавливали «нелегальную пересылку писем через военнослужащих Красной Армии»²⁶, которые направлялись по служебным вопросам в Центральную Германию. Военное руководство опасалось, что тесные контакты советских военнослужащих с немцами приведут к снижению дисциплины и бдительности.

После массового заселения Калининградской области советскими переселенцами, а также в условиях нарастающей конфронтации между СССР и западными странами советское руководство приняло решение выселить оставшееся немецкое население в Центральную Германию. К сожалению, уникальный опыт взаимоотношения и взаимодействия местных органов власти Калининградской области и коренного населения был прерван. Местные органы власти, за те несколько лет, что они управляли немецким населением, так и не смогли изменить своего отношения к местному населению бывшей Восточной Пруссии, считая, что «настроения немецкого населения остаются в своей массе враждебными»²⁷. После того, как Калининградская область была отнесена к запретной пограничной зоне, ещё большую роль в развитии региона стали играть силовые ведомства, которые также негативно оценивали факт присутствия немцев в регионе. Налаживанию взаимоотношения помешали и объективные обстоятельства, сложившиеся в послевоенный период на территории бывшей Восточной Пруссии. Сложная продовольственная и жилищная ситуация в Калининградской области способствовали распространению фашистами антисоветской агитации среди гражданского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Впоследствии Клайпедский район, в соответствии с указом от 20 мая 1950 г. Президиума Верховного Совета СССР, был включён в состав Литовской ССР. (Калининградская область – форпост России. К истории вопроса. // Национальные интересы. – 2002. – №5(22). – С. 8) Согласно решениям конференции Президиум Верховного Совета СССР 7 апреля 1946 г. издал Указ об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР (в 1947 г. переименована в Калининградскую область), в которую вошли бывшие Кёнигсбергский и Гумбинненский округа (Калининградская область. Очерки становления и развития. – Калининград, 1988. – С.14).
2. Очерки по истории Восточной Пруссии. Калинин-

- рад, 2002. С. 456.
3. Более подробно об опыте взаимоотношения восточно-прусских немцев и русских см.: Kostiaschov J.V. Russen und Deutschen in Ostpreussen nach 1945 – Konfrontation oder Integration? // Annaberger Annalen, N.7, Vol. 7 (1999) S.161-172; Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Санкт-Петербург, 2002.
  4. Приказ был издан в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1946 г. № 1435-631сс «О запретной пограничной зоне и береговой пограничной полосе в пределах Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР, Мурманской, Ленинградской и Южно-Сахалинской областях, а также Калининградской области».
  5. В начале нового пути: документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов власти управления (апрель 1945 – июнь 1947). Калининград, 2004. С.291.
  6. РГАСПИ Ф.17 оп.122 д.143 л.30.
  7. Там же.
  8. РГАСПИ ф.17 оп.122 д.143 л.10-11.
  9. РГАСПИ ф.17 оп.122 д.143 л.30-31.
  10. Там же.
  11. Там же.
  12. РГАСПИ ф.17 оп.122 д. 144 л.77.
  13. Там же.
  14. РГАСПИ ф.17 оп. 122 д.144 л.110.
  15. РГАСПИ ф.17 оп.122 д.144 л.77.
  16. В начале нового пути: документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов власти управления (апрель 1945 – июнь 1947). – Калининград, 2004. С. 346.
  17. В некоторых случаях немцы пытались проникнуть на территорию Калининградской области. Так, немец Ланге, который проживал на территории Польши, в ноябре 1947 года нелегально пробрался на территорию Калининградской области, «с целью розыска своих родственников». (ГАКО ф.361 оп.5 д.5 л.12).
  18. РГАСПИ Ф.17, Оп.122, д.143. л.8.
  19. РГАСПИ Ф.17, Оп.122, д.142 л.17.
  20. ГАКО ф.361 оп.5 д. 3 л. 40.
  21. ГАКО ф.361 оп.5 д.3 л.60.
  22. Там же.
  23. РГАСПИ ф.17 оп.122 д.143 л.13.
  24. Там же.
  25. РГАСПИ ф.17 оп. 122 д.143 л.15.
  26. РГАСПИ ф.17 оп. 122 д.143 л.33.
  27. РГАСПИ ф.17 оп.122 д.142 л.17.

D. Markin

GERMANS IN KALININGRAD: EXPERIENCE IN RELATIONS WITH LOCAL GOVERNMENT (1945-1948)

Abstract: In 1945 a former part of East Prussia was merged in the USSR, including the city of Königsberg, where about 140 thousand of Germans stayed toward the end of military activities. This article analyses the problem of relations between the local authorities of Kaliningrad Region as well as security agencies and the native population of the former East Prussia.

Key words: German population, East Prussia, relations with local authorities, Kaliningrad region, Anti-Soviet activity.

УДК 355.2

Летуновский П.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ БРЯНСКОЙ, КАЛУЖСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ ПО ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЁЖИ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В 60 - 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА*

Аннотация. В статье автор, на основе материалов региональных архивов, раскрывает ряд направлений деятельности военных комиссариатов Брянской, Калужской и Смоленской областей России по подготовке призывной и допризывной молодёжи к военной службе в 60 – 70-е годы XX века.

Ключевые слова: оборонно-массовая работа, начальная военная подготовка, военные комиссариаты, мобилизационная готовность граждан, военно-учебные пункты, военное дело,

призывная и допризывная молодёжь, постановка на учёт военнообязанных, уволенные военнослужащие, молодёжные военно-патриотические организации.

Особое место в военной организации Российской Федерации занимают территориальные органы Министерства обороны – военные комиссариаты. С военного комиссариата начинается подготовка защитников Отечества, будущих воинов Российского государства. Поэтому результаты их деятельности непосредственно влияют на готовность Вооруженных Сил и других войск к

* © Летуновский П.В.

выполнению главной их функции – обеспечению военной безопасности страны. Из всего комплекса задач, решаемых военными комиссариатами, важнейшей была и остается подготовка граждан к военной службе до их призыва. В 2007 году Президентом страны утверждено новое положение о военных комиссариатах.¹ Процесс реформирования этих структур продолжается и в современных условиях. Автор полагал бы, что в этой связи представляется целесообразным обратиться к накопленному опыту работы военных комиссариатов по подготовке молодёжи к военной службе в советский период истории страны.

Проведённые автором исследования работы военных комиссариатов Брянской, Калужской и Смоленской областей России в указанных хронологических рамках показывают, что значительный вклад в эту работу вносили клубы призывной молодёжи, университеты призывников, факультеты будущих воинов, которые организовывались при городских и районных военных комиссариатах на базе домов офицеров, домов культуры и заводских клубов.² Занятия в них были важным элементом патриотического воспитания, они позволяли, используя встречи с участниками важнейших исторических событий, показывать юношам, как на практике претворялись в жизнь идеи защиты Отечества. Это, как показывает анализ, мобилизовывало их, готовило к выполнению требований присяги и воинских уставов. Здесь закладывались основы гражданственности, формировался характер будущего воина. Непосредственное руководство повседневной деятельностью клубов и университетов будущего воина осуществляли общественные Советы, в состав которых входили представители государственных органов, молодёжные активисты предприятий, ветераны войны и труда. Контроль и статистическую отчетность по деятельности клубов и университетов будущего воина, а также методическую помощь им осуществляли научно-методические советы, создаваемые под непосредственным руководством военных комиссариатов при областных организациях общества «Знание». Так, Брянский областной научно-методический совет по руководству народными университетами состоял из 24 человек во главе с бюро из 4 человек. В составе этого совета была выделена секция героико-патриотического воспитания.³

В райгорвоенкоматах, в зависимости от их разрядов, создавались комитеты или группы содействия из офицеров запаса, которые на общественных началах проводили работу среди призывников. В составе этих комитетов были выделены и активно работали секции по подготовке молодёжи к воинской службе. Члены секций оказывали действенную помощь вторым отделениям военкоматов

(которые непосредственно занимались призывом на военную службу) в изучении морально-деловых качеств призывного контингента, в патриотическом воспитании молодёжи призывного возраста, в развитии оборонно-массовой и оборонно-спортивной работы. В рассматриваемый период, в Брянской, Калужской и Смоленской областях России появилась и широко использовалась такая форма работы, как слеты призывников, превращавшиеся в своеобразный смотр достижений, которыми юноши встречали призыв на действительную военную службу. В подготовке и проведении таких слетов активное участие принимали офицеры военкоматов, молодёжные организации, офицеры запаса и в отставке. В Калуге, например, в подобных слетах в 1974 г. приняло участие 3870 юношей допризывного и призывного возраста.⁴ Особое внимание военные комиссариаты рассматриваемых областей России уделяли формированию у юношей интереса к овладению профессией офицера, осознанного стремления к поступлению в военно-учебные заведения. От правильного сознательно сделанного выбора профессии зависела дальнейшая жизнь юноши. Поэтому было крайне важно ещё в допризывном возрасте обосновать в социальном, физическом и психологическом плане свой выбор, убедиться, что желание стать офицером Вооружённых Сил не дань моде, не плод юношеского романтизма, а осознанная потребность отдать все свои силы, знания и умения великому делу – защите Отечества.

Заслуживает внимания и распространения в современных условиях опыт подготовки к военной службе допризывной и призывной молодёжи командования Смоленского высшего зенитно-ракетного инженерного училища (ныне военная академия войсковой ПВО ВС России). Курсанты этого училища, в тесном контакте с работниками военкоматов, шефствовали над 9 средними школами г. Смоленска, 4 городскими профтехучилищами, школой-интернатом № 7, а также проводили работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи на авиационном заводе, в совхозе имени Мичурина Смоленского района, автоагрегатном заводе, трикотажной фабрике.⁵ Во всех подшефных школах были созданы и работали специальные секции и кружки по военно-прикладным видам спорта. Под руководством сотрудников военкоматов и курсантов, учащиеся практически отработывали некоторые разделы строевой подготовки, изучали общевоинские уставы и организацию службы войск. В школах с их помощью оформлялись уголки боевой славы, регулярно проводились разнообразные мероприятия, развивающие у молодёжи любовь к Вооружённым Силам, воинской службе, стремление стать офицером. Получала широкое распространение

практика индивидуального шефства курсантов над учащимися, позволяющая глубже вникать во внутренний мир призывника, будущего воина.

Важное место в деятельности военкоматов отводилось воспитанию молодёжи на революционных, боевых и трудовых традициях народа, Вооружённых Сил. С этой целью облвоенкоматы разрабатывали и распространяли положение о патриотических клубах, определяли цели их создания, задачи, состав участников и руководящих органов. Положением предусматривалось учреждение Знамени клуба, девиза, нагрудного знака и жетона победителя. К 1975 г. в Калужской области было создано и работало 54 таких клуба⁶. Этому способствовало глубокое изучение, обобщение и распространение облвоенкоматом опыта работы лучших патриотических клубов, таких, как клуб боевой славы в г. Калуге, работу которого возглавлял совет, состоящий из 9 человек, куда входили директор школы, представители военкомата, ветераны, активисты, лучшие призывники. Клуб имел свой устав, знамя, вся деятельность строилась на общественных началах.

Постоянное и деловое сотрудничество в области подготовки молодёжи к службе в армии и на флоте осуществляли военные комиссариаты с организациями общества «Знание». При правлениях областных организаций общества в рассматриваемый период были созданы научно-методические советы по пропаганде военных знаний, которые в тесном контакте с внештатными отделами пропаганды обкомов ДОСААФ и другими организациями направляли и проводили работу по подготовке молодёжи в этой области. Научно-методические советы обобщали на своих заседаниях опыт пропаганды военных знаний, проводили аттестацию лекторских кадров, обсуждали тексты лекций и т.д. Таким образом, они выступали организаторами пропаганды военных и военно-технических знаний. Например, научно-методический совет Калужской областной организации общества «Знание» был сформирован таким образом, что в его работе активно участвовали представители различных общественных организаций. Он состоял из 23 человек и объединял в своих рядах руководителей государственных органов, ветеранов войны и труда, работников облвоенкомата, обкома ДОСААФ, областного отдела народного образования, комитета по физической культуре и спорту и других активистов патриотической пропаганды⁷. Повседневной работой совета руководило бюро из 8 человек. При районных организациях общества почти повсеместно были созданы методические секции патриотического воспитания. Много творчества, энергии проявили работники военкоматов, молодёжных организаций в период отправки призывников. Проводы

молодёжи на ратную службу каждый раз привлекали к себе внимание всей общественности, они проходили как настоящие праздники. На предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах организовывались торжественные собрания коллективов, посвященные проходам будущих воинов. Товарищи по труду, отцы и матери давали им наказ честно служить Родине, умножать героические традиции армии и флота.

В рассматриваемый период заслуживает внимание работа сборных пунктов военкоматов, где формировались отправляемые команды. Проводилась она в строгом соответствии с планом воспитательной и культурно-массовой работы. Эти планы предусматривали широкий круг мероприятий от организации самого сборного пункта до проведения митинга, предшествующего отправке молодёжи в войска. Конкретная, целеустремленная работа, проводимая руководством областных, городских и районных военных комиссариатов в тесном контакте с различными общественными организациями по подготовке призывной и допризывной молодёжи к службе приносила ощутимые результаты.

Военный комиссариат являлся тем центром, который на основе комплексного подхода добивался органического сочетания общей системы воспитания молодёжи с патриотической и оборонно-массовой работой, с подготовкой юношей к службе в Вооружённых Силах. Это обеспечивалось разработкой единых для города, района, области планов, которые позволяли определять содержание и направленность всей работы, предусмотреть совместные мероприятия по нравственному и патриотическому воспитанию молодёжи с учетом её интересов. Они давали возможность объединить и скоординировать усилия военных комиссариатов и других общественных организаций в деле подготовки призывной и допризывной молодёжи к защите Отечества.

Современная действительность предполагает безотлагательную необходимость совершенствования системы военной безопасности страны, где важнейшая роль отводится военным комиссариатам и их роли в подготовке подрастающего поколения к защите Отечества. Об этом наглядно свидетельствуют положения государственной программы «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы»⁸, в которой подчеркивается необходимость единой государственной политики в указанной области.

Подготовка молодёжи к военной службе во все времена и во всех регионах России являлась и является важнейшей общегосударственной задачей. Нет оснований для игнорирования форм и методов работы предшественников, творивших и работавших в советское время, лишь из-за того,

что они работали под партийным контролем. Во главу угла выдвигается проблема осмысления и переосмысления накопленного опыта. В основе этой многогранной деятельности должна лежать не партийно-классовая, а государственно-патриотическая идеология, которая должна опираться на научные, духовно-нравственные основы, с учетом особенностей развития менталитета, экономических, культурных и других факторов, которые существуют в отдельно взятых регионах нашего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Военные комиссариаты начали работать по новым правилам // Российская газета. 2007. – 14 сент.
2. Впервые народный университет будущего воина в Российской Федерации был создан в 1962 г. в Свердловске и к июню 1975 г. их число достигло 873. См.: Кудашов А.П., Мишуrowsкий Г.Ф. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. М., 1977. С. 12.
3. ГАБО Ф. 24. Оп. 205. Д. 97. Л. 122.
4. ЦДНИКО, Ф.П-2264, оп.10. д.159, л. 115-116.
5. Юность. 1971. 23 февр.
6. ЦДНИКО Ф. 2522. Оп. 113. Д. 81. Л. 19.
7. ЦДНИКО Ф. 260. Ои. 69. Д. 27. Л. 22.

8. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы»: Постановление Правительства РФ №422 от 11 июля 2005 года. \ Красная звезда. – 2001– 2 марта; .

P. Letunovsky

ABOUT SOME ASPECTS OF ACTIVITY OF SOLDIERY COMMISSARIATS OF BRYANSK, KALUZHSKOY AND SMOLENSKOY AREAS OF RUSSIA ON PREPARATION OF YOUNG PEOPLE TO MILITARY SERVICE IN 60 ARE 70-E YEARS OF XX AGE

Abstract: In the article an author, on the basis of materials of regional archives, exposes the row of directions activity of soldiery commissariats of the Bryansk, Kaluzhskoy and Smolenskoy areas of Russia on preparation of invocatory and pre-conscription young people to military service in 60 are 70th of XX age.

Key words: defence- mass work, primary military training, military registration and enlistment offices ,calling up and pre-calling up youth for military service, the mobilization readiness of citizens, military- training points, military work, registration of persons liable to military service, demobilized military men, the youth military- patriotic organizations.

УДК 94 (470)

Хамидуллин Н.Р.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В 1992-2005 гг.*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам социальной защиты членов семей военнослужащих Сухопутных войск. Раскрываются сущность и содержание социальной защиты, динамика становления и основные направления деятельности субъектов социальной защиты.

Ключевые слова: члены семей военнослужащих, Сухопутные войска, система, социальные проблемы.

Новая геополитическая ситуация, экономическое положение Российской Федерации, наряду с развитием средств вооруженной борьбы, способствовали принятию решения руководством страны о реформировании своих Вооруженных Сил, о разработке собственной военной доктрины и определении новых приоритетов в области повышения социального статуса военнослужащих, обеспечения их социальной защищенности. В то же время военнослужащий, как и любой гражданин страны, имеет право на создание семьи, ко-

торая является для него источником накопления ресурсов и других человеческих ценностей. Жизнедеятельность семьи военнослужащего возможна при создании государством определенных условий, необходимых для сохранения достойного уровня жизни членов семьи. Характер и особенности организации социальной защиты членов семей военнослужащих в Сухопутных войсках обусловлены спецификой этого вида войск, являющегося самым крупным в Вооруженных Силах России.

В период преобразований 1992-2005 гг. сформировалась система социальной защиты членов семей военнослужащих Сухопутных войск, однако в современных условиях текущее состояние военно-социальной сферы требует совершенствования функционирования данной системы. В этих целях разработана *Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года*. Одной из приоритетных задач стратегии является решение следующих проблемных вопросов членов семей военнослужа-

* © Хамидуллин Н.Р.

щих: улучшение культуры и досуга, физкультуры и спорта, информационного и торгово-бытового обслуживания военнослужащих и членов их семей; сохранение и укрепление здоровья военнослужащих и членов их семей; улучшение жилищных условий семей военнослужащих; повышение размеров денежного довольствия военнослужащим, заработной платы гражданскому персоналу Вооруженных Сил и пенсий гражданам, уволенным с военной службы; обеспечение социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

В настоящее время существует объективная потребность в анализе и теоретическом осмыслении периода становления российской государственности и Вооруженных Сил, сложившейся ситуации в области социальной защиты семей военнослужащих, обобщении деятельности органов государственной власти и военного управления по социальной защите, определении качественного состояния системы социальной защиты. Данное обстоятельство обуславливает актуальность, научную и практическую значимость представленной проблемы.

Семейно-брачные отношения в армейской семье – это отношения проблемного супружеского союза, характеризующиеся значительными социальными особенностями. Федеральным законом «О статусе военнослужащих» определен круг лиц, являющихся членами семей военнослужащих: супруга (супруг); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения; лица, находящиеся на иждивении военнослужащих [1].

Процесс становления системы социальной защиты членов семей военнослужащих в 1992-2005 гг. был неразрывно связан с проведением военной реформы, а также с политическими и социально-экономическими трансформациями в стране. Формирование системы социальной защиты условно разделяется на три этапа.

Начало *первого этапа* (1992-1997 гг.) характеризуется созданием Вооруженных Сил Российской Федерации, а также началом формирования законодательных основ в военно-социальной сфере. Это период острой политической борьбы, наличия множества противоположных концепций развития Вооруженных Сил. В это время значительное количество заявленных прав и гарантий военнослужащих и членов их семей носили декларативный характер, в связи с недостаточным финансированием реализации этих прав и гарантий. Военная реформа проводилась неэффективно. Частые кадровые перестановки в руководстве Вооруженных Сил и в госаппарате, борьба за судьбу реформы Вооруженных Сил между гражданским

и «военным» аппаратами государства, задержки с выплатами денежного довольствия в армии, рост недовольства были показательными явлениями данного периода развития страны и Вооруженных Сил. Заканчивается этап ослаблением кризиса военной реформы и фундаментальным изменением федерального законодательства, регулирующим основные права, льготы и гарантии исследуемой категории.

Новый федеральный закон «О статусе военнослужащих», учитывающий недостатки предыдущего закона от 1993 года, обозначил начало *второго этапа* (1998-2001 гг.). Этот этап характеризуется финансовым кризисом в августе 1998 г., существенно повлиявшим на социальный статус семей военнослужащих. Произошла очередная «волна» оттока офицеров и прапорщиков из Вооруженных Сил. В то же время выход из кризиса определил начало стабилизации экономики. Был избран новый Президент, появились новые идеологи реформы Вооруженных Сил. В социально-экономическом положении военнослужащих и членов их семей наметились тенденции к улучшению. Завершается этап кардинальным изменением структуры денежного довольствия военнослужащих, позволившем существенно увеличить его размеры, а также первыми шагами к замене некоторых льгот натуральными выплатами.

Федеральный закон № 49-ФЗ от 7 мая 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам денежного довольствия военнослужащих и предоставления им отдельных льгот» определил начало *третьего этапа* (2002-2005 гг.) в развитии системы социальной защиты. Данным законом была изменена структура оплаты труда военнослужащих, одновременно были отменены и компенсированы некоторые виды льгот военнослужащих и членов их семей. В это время подверглись преобразованию субъекты социальной защиты в Сухопутных войсках. При этом вернули руководящую роль в организации деятельности по социальной защите Главному командованию Сухопутных войск и органам воспитательной работы. В этом периоде продолжились положительные сдвиги в социально-экономическом и правовом положении семей военнослужащих. Однако в Федеральном законе № 122-ФЗ от 22 августа 2004 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации...» были предприняты кардинальные меры по замене льгот денежными выплатами, что и явилось окончанием данного этапа и исследуемого периода в целом.

Нормативно-правовые акты определили *социальную защиту* военнослужащих, граждан, уво-

ленных с военной службы, и членов их семей как функцию государства, которая предусматривает: реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, военного управления и местного самоуправления; совершенствование механизмов и институтов социальной защиты; охрану их жизни и здоровья, а также иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе [1].

Один из исследователей военно-социальной сферы М.В. Кибакин справедливо разделил социальную защиту на общую и специальную. «Под *общей социальной защитой* обычно понимается общественная практика по обеспечению основных социальных и иных категорий граждан, которые в силу тех или иных особенностей (возрастные, состояние здоровья, характер труда и др.) ограничены в своей трудоспособности и поэтому не могут обойтись без системы мер социальной помощи и поддержки». Под *специальной* понимается защита, связанная с особенностями той или иной категории населения, например членов семей военнослужащих [3].

Система социальной защиты включала в себя субъекты и объекты, регулировалась правовыми нормами, принципами, функциями и другими научными положениями. Сложность и многообразие системы обуславливают множественность существующих ее определений.

На основе анализа научной литературы, объектно-предметной базы исследования можно сформулировать определение системы социальной защиты членов семей военнослужащих как отдельной категории. Под *системой социальной защиты членов семей военнослужащих* понимается деятельность органов государственного и военного управления, общественных организаций по реализации законодательно установленных экономических, правовых, социальных гарантий и прав, а также по созданию условий для поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования членов семей военнослужащих в различных регионах дислокации воинских формирований.

Система социальной защиты членов семей военнослужащих включает ряд компонентов. В их числе: *социальная поддержка, социальная помощь, социальное обеспечение и социальное обслуживание*. Каждый из данных компонентов выполняет специфическую функцию и нередко реализуется комплексно в своем сочетании.

Компоненты системы социальной защиты в исследуемый период не могли функционировать без создания *социально-правовых и социально-экономических условий*.

Определяющим фактором любого вида де-

ятельности является ее цель. *Целью* социальной защиты членов семей военнослужащих в рассматриваемый период было создание социальных и правовых условий для эффективного функционирования воинских формирований, укрепления организованности и правопорядка, реализации прав и льгот военнослужащих и членов их семей.

Деятельность государственных и военных органов управления осуществлялась в соответствии с *основными задачами* социальной защиты членов семей военнослужащих [4]:

- реализация установленных законом социальных прав и гарантий военнослужащих и членов их семей;
- обеспечение материальными, социальными и культурными благами, всеми видами довольствия, жильем;
- создание условий для деятельного существования, поддержание достойного социального статуса семей военнослужащих в различных регионах;
- правовое и социальное воспитание военнослужащих и членов их семей.

Вся совокупность мер, нацеленных на обеспечение социальной безопасности членов семей военнослужащих, обозначается общим понятием *военно-социальная работа*. Начиная с 1992 г. данный термин все более прочно утверждался в социально-политическом лексиконе наряду с такими понятиями, как «социальная защита», «социальная помощь», «социальная поддержка», «социальное обеспечение» и «социальная реабилитация» военнослужащих и членов их семей.

Военно-социальная работа стала составной частью системы морально-психологического обеспечения в Вооруженных Силах. В самом общем виде она представляет собой деятельность по реализации установленных законодательством социально-экономических прав и льгот военнослужащих и членов их семей, являясь инструментом для обеспечения их социальной защиты.

Сухопутные войска являются самым многочисленным из видов Вооруженных Сил Российской Федерации. Условия, в которых в исследуемое время жила и функционировала семья кадрового военнослужащего Сухопутных войск, зачастую назовешь как экстремальные: недостаточное материальное обеспечение, отсутствие жилья, работы по специальности для жены, нехватка детских, медицинских учреждений и др. Все это нередко приводило к тому, что семьи военнослужащих оказывались в ситуации социального бедствия. Перед ними стояли сложные *социальные проблемы*, существовавшие на протяжении исследуемого периода: социально-экономические; социально-бытовые; социально-правовые; социально-медицинские.

**Обеспеченность жильем семей военнослужащих
Сухопутных войск в 1992-2005 гг. [8]:**

Категория семей военнослужащих	1992	2000	2005
Количество семей военнослужащих СВ	262,1 тыс. семей	124,5 тыс. семей	103,4 тыс. семей
Обеспечены жильем ниже установленных норм (нуждаются в улучшении жилищных условий)	23,5 тыс. семей (9%)	8 тыс. семей (6,5 %)	6,2 тыс. семей (6 %)
Бесквартирные	47,2 тыс. семей (18 %)	33,4 тыс. семей (26,5 %)	31,9 тыс. семей (31 %)
Всего семей военнослужащих СВ, нуждающихся в обеспечении жильем	70,7 тыс. семей (27 %)	41,4 тыс. семей (33 %)	38,1 тыс. семей (37 %)

При исследовании *социально-экономических проблем* семей военнослужащих Сухопутных войск важно указать на один из интегральных показателей, характеризующих социально-экономическое состояние – это уровень качества жизни семей военнослужащих (соотношение среднего размера денежного довольствия военнослужащих к прожиточному уровню).

Кардинальное ухудшение качества жизни среднестатистического члена семьи военнослужащего произошло в начале 90-х годов, на старте экономических реформ в России, а также после экономического кризиса в 1998 г. От уровня качества жизни члена семьи военнослужащего 281,2 % в 1992 г. данный показатель опустился до самого низкого в 1999 г. – 123,6 %, а к 2005 г. он поднялся до 230,3 %, что стало результатом деятельности органов государственной власти по повышению благосостояния семей военнослужащих [5].

Вследствие низкого уровня качества жизни семей военнослужащих ухудшалась демографическая ситуация в Сухопутных войсках, один из признаков которой – устойчивое сохранение тенденции роста количества холостых военнослужащих, на примере молодых офицеров (21-28 лет). От уровня 31 % – в 1992 г. количество холостых офицеров увеличилось до 45 % в 2004 г. и только к 2005 г. этот показатель уменьшился до 41 % [6]. Данная проблема затрагивала молодых офицеров Сухопутных войск от лейтенанта до капитана в возрасте, способствующем началу формирования семьи.

Самым распространенным типом домохозяйства в армейской среде на протяжении всего периода преобразований оставалась семья, состоящая из трех человек, – это супруги с одним ребенком. Такой состав семьи не обеспечивал даже простой тип воспроизводства населения (для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы размер домохозяйства был не менее 4 человек) и, учитывая сравнительно молодой возраст офицеров и прапорщиков, негативно влиял

на демографическую ситуацию в стране в целом [7]. Следовательно, демографическая ситуация в Сухопутных войсках в 1992-2005 гг. характеризуется как неблагоприятная и имеющая тенденцию к ухудшению.

Исходя из анализа вышеперечисленных фактов, можно сделать вывод, что на всем протяжении периода преобразований семьи военнослужащих не являлись так называемым средним классом страны, представляя собой одну из тех категорий населения, которой требуется повышенное внимание со стороны государства в различных социально-экономических аспектах.

Весомое место среди *социально-бытовых проблемных вопросов*, несомненно, занимает жилищная проблема семей военнослужащих Сухопутных войск.

В целом для семей военнослужащих Сухопутных войск характерна низкая обеспеченность жильем, причем эта ситуация в течение последних лет имела тенденцию к стагнации. В период 2004-2005 гг. усиливалась тенденция, связанная с уменьшением доли семей военнослужащих Сухопутных войск, имеющих постоянное жилье, с одновременным увеличением доли семей военнослужащих, проживающих на служебной жилплощади. При этом на одного члена среднестатистической семьи военнослужащего приходилось 11 кв. м общей площади, что не соответствовало социальным нормам.

В 2003-2005 гг. отмечалось снижение качества жилищных условий членов семей военнослужащих по сравнению с предыдущими годами. Это связано с продолжавшимся ухудшением состояния жилого фонда, возрастанием потребностей в его капитальном ремонте и нехваткой финансовых средств в военных гарнизонах для его осуществления [9].

В истекшем периоде существовал и ряд других актуальных социально-бытовых проблем: низкий уровень качества и доступности культурно-досуговых и информационных услуг, что не

**Основные социально-медицинские проблемы членов семей
военнослужащих Сухопутных войск (в %) [11]:**

Основные проблемы	1992 г.	2002 г.	2005 г.
Недостаток медикаментов	53	49	45
Недостаток медицинского оборудования	28	37	39
Отсутствие специалистов необходимого профиля	19	21	27
Высокие цены на лекарства	55	52	35
Другие проблемы	12	8	5

отвечало возрастающим потребностям военнослужащих и членов их семей. Во многих регионах отмечалась неудовлетворенность членов семей военнослужащих качеством торгово-бытового обслуживания и др.

Исследуя степень реализации основных прав, льгот и гарантий членов семей военнослужащих Сухопутных войск, автор выявил *социально-правовые проблемы*, с которыми сталкивались военные семьи в течение рассматриваемого периода. Следует отметить, что на протяжении всего периода степень соблюдения прав, свобод, гарантий и льгот членов семей военнослужащих Сухопутных войск органами власти и военного управления оставалось на уровне 35-52 %, остальная половина военнослужащих и членов семей утверждала о систематическом нарушении их прав. При этом несовершенство правовой базы вело к нарушению прав военнослужащих со стороны тех институтов государственной власти и должностных лиц, которые в силу своих обязанностей и полномочий должны осуществлять их социальную защиту: командиры (начальники), Федеральные органы власти, органы военного управления, органы местного самоуправления, криминальные структуры, сослуживцы [10].

Одной из основных причин нарушений прав военнослужащих и членов их семей, а также неуважительного отношения многих граждан, включая военнослужащих, к закону были кризисные явления в развитии общества. Криминальная действительность, социальная напряженность, экономические неурядицы, бедность, злоупотребление свободой без границ и многое другое порождали правовой нигилизм в геометрической прогрессии. Произошедшая в начале 90-х гг. смена общественного строя в нашей стране привела к резкому изменению правового менталитета граждан, включая военнослужащих. Снизилось уважение к закону, и повысилась настроенность на внеправовые способы решения различных служебных и бытовых вопросов со стороны субъектов социальной защиты. Одновременно наблюдалась и другая крайность: в ментальность значительного числа военнослужащих и членов их

семей заложен синдром терпимости к бесправию, покорности судьбе, неумения постоять за себя, за свои интересы.

К *социально-медицинским проблемам* членов семей военнослужащих Сухопутных войск относится качество медицинского обеспечения исследуемой категории, на которое существенное влияние оказывает материально-техническая база военно-медицинских учреждений. В течение периода преобразований в условиях слабого материального обеспечения она значительно изнашивалась и нуждалась в модернизации. Среди причин, препятствовавших получению военнослужащими и членами их семей полноценного лечения в военно-медицинских учреждениях, – в основном слабое материальное обеспечение поликлиник и госпиталей, а также высокие цены на лекарства.

На качество оказания медицинской помощи влияла укомплектованность военно-медицинских учреждений врачебным персоналом. На протяжении периода исследования она изменялась от 80 до 88 %. Также отрицательным фактором, влиявшим на медицинское обслуживание, стал низкий уровень заработной платы гражданского персонала военно-медицинских учреждений.

В течение рассматриваемого периода система социальной защиты сложилась как *социальный институт*, характеризующийся совокупностью социальных норм, принципов, учреждений, организаций и определяющий устойчивые формы социального поведения и действия людей.

Формирование и развитие этого института происходило на основе создающейся законодательной и нормативно-правовой базы, под влиянием политической, социально-экономической, духовно-нравственной обстановки в обществе, существовавших представлений о характере и формах социальной помощи людям. На его развитие влияли многочисленные факторы: *политические, экономические, идеологические, нравственно-психологические* и др. [12].

Система социальной защиты членов семей военнослужащих базировалась на *принципах*, составляющих ее научную основу и являлась фунда-

ментом для практической деятельности всех субъектов по решению социальных проблем военных семей в исследуемый период. Наиболее важными принципами системы социальной защиты были: *гуманизм и социальная справедливость, принцип системности и комплексности, законности, многосубъектности, адресности* [12].

Эти принципы реализовывались в процессе создания и развития системы социальной защиты, в процессе реализации *функций социальной защиты* и обогащения их новым содержанием. В научной литературе выделяются следующие из них: *экономическая, социально-бытовая, социально-медицинская, правовая функции* [12].

Система социальной защиты членов семей военнослужащих Сухопутных войск осуществлялась рядом субъектов, на которые была возложена эта задача. *Субъекты социальной защиты* – это специальные органы и силы, должностные лица, призванные осуществлять социальную защиту военнослужащих и членов их семей [13].

Важнейший субъект системы социальной защиты – *государственные органы управления*, разрабатывавшие и осуществлявшие государственную социальную политику в области социальной защиты, в том числе семей военнослужащих. При этом данная деятельность была характерна для всех уровней государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной.

Наряду с государственными органами социальная защита исследуемой категории осуществлялась *органами военного управления* Министерства обороны и Сухопутных войск, в том числе командирами и штабами, воспитательными структурами со всеми штатными социальными службами, а также органами военной юстиции.

Непосредственными организаторами деятельности по социальной защите членов семей военнослужащих являлись *органы воспитательной работы*. В своей деятельности они руководствовались требованиями директивы министра обороны № Д-16 [14], должностными обязанностями, закрепленными в общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации и приказах министра обороны, регламентирующих их работу в эти годы.

В июне 1995 г. приказом министра обороны РФ № 226 было введено «Положение об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации». В нем подчеркивалось, что одной из основных задач органов воспитательной работы является реализация мер по социальной защите военнослужащих и членов их семей. Этим документом в штаты мотострелковых и танковых частей была введена должность *офицера по социальной работе и профилактике правонарушений*, на которого возлагалась ответственность за

состояние и организацию социальной работы, проведение воспитательной работы по укреплению воинской дисциплины и профилактику правонарушений в части. Приказом министра обороны Российской Федерации № 70 от 11 марта 2004 года обязанности офицера по социальной работе и профилактике правонарушений были приведены в соответствие с современными требованиями по обеспечению социальной защиты военнослужащих и членов их семей [15].

В проведении текущей работы командир и офицеры воспитатели опирались на повседневную помощь *инструктора по работе с членами семей военнослужащих*, в задачи которого входило содействие командиру части в работе с женщинами-военнослужащими, членами семей военнослужащих, гражданским персоналом части, приобщая их к активному участию в общественной и культурной жизни, а также к проведению воспитательных, социальных и культурно-просветительских мероприятий с личным составом воинских частей [16].

Одним из субъектов системы в рассматриваемый период являлись *социальные службы и организации* федерального и регионального уровней, участвовавшие в процессе социальной защиты членов семей военнослужащих как части населения страны.

Важную составляющую в системе социальной защиты семей военнослужащих представляли *общественные объединения и организации* (офицерские собрания, советы семей военнослужащих, профсоюзные организации), ветеранские организации – Комитеты ветеранов войны и военной службы, Национальный военный фонд, Общероссийское общественное объединение инвалидов войны в Афганистане, «Боевое братство», Ассоциация офицеров Сухопутных войск «Мегапир» и др.

Активной общественной организацией в частях Сухопутных войск были *женские советы частей*, которые создавались по инициативе женщин и при поддержке воспитательных структур. В рамках различных социальных задач женские советы оказывали помощь многодетным и молодым семьям, семьям погибших при выполнении интернационального, гражданского, конституционного долга, работали с неблагополучными семьями, а также участвовали в организации содержательного досуга семей, вовлекали членов семей в народное творчество, художественную самодеятельность, способствовали трудоустройству жен военнослужащих.

В исследуемый период деятельность по социальной защите членов семей военнослужащих Сухопутных войск органами государственной власти и военного управления, общественными

организациями и другими социальными службами осуществлялась по следующим направлениям: реализация законодательно установленных видов материального обеспечения; содействие в трудоустройстве членов семей военнослужащих; организация социального обслуживания этой категории населения и др.

Таким образом, в 1992-2005 гг. в своем деятельном существовании члены семей военнослужащих Сухопутных войск сталкивались с различными социальными проблемами: социально-экономическими, социально-бытовыми, социально-правовыми, социально-медицинскими. На протяжении рассматриваемого времени основные социальные проблемы имели тенденции к усугублению. Однако деятельность органов государственного и военного управления, общественных организаций и других социальных служб была направлена на нейтрализацию социальных проблем и создание системы социальной защиты членов семей военнослужащих, которая в своем развитии имела цель, задачи, базировалась на принципах и функциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О статусе военнослужащих: Федеральный закон РФ № 76-ФЗ от 27 мая 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22.
2. Кибакин М. В. Социальная защищенность офицеров внутренних войск и ее обеспечение в современных условиях: социологический анализ: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1995. С. 25.
3. Марченков В.И., Маликов В.Г. Социальная работа в ВС РФ. М.: ВУ, 2003. С.18.
4. Текущий архив Управления воспитательной работы Сухопутных войск, 1993 г., д. 3, л. 145; 1996 г., д. 7, л. 352; Итоги мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в 2005 гг. М., СЦ ВС РФ. 2006.
5. Текущий архив Управления воспитательной работы Сухопутных войск, 1993 г., д. 3, л. 144; 1996 г., д. 7, л. 351; Итоги мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в 2005 гг. М., СЦ ВС РФ. 2006.
6. Текущий архив Управления воспитательной работы Сухопутных войск, 1993 г., д. 3, л. 145; 2005 г., д. 12, л. 237.
7. Подсчитано автором по материалам текущего архива Управления воспитательной работы Сухопутных войск 1992 – 2005 гг.
8. Итоги социально-экономического мониторинга военнослужащих и членов их семей в 2005 гг. М., СЦ ВС РФ. 2006. С. 43.
9. Текущий архив Управления воспитательной работы Сухопутных войск, 2004 г., д. 7, л. 325.
10. Подсчитано автором по материалам текущего архива Управления воспитательной работы Сухопутных войск 1993 г., д. 4, л. 123, 124 и социологического центра ВС РФ: Итоги мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в 1999 - 2005 гг.
11. Холостова Е.И., Сорвина А.С. Социальная работа: теория и практика. М., 2001. С. 134-139.
12. Гладких И.П. Социальная защита военнослужащих Сухопутных войск ВС РФ: историческое исследование. 1992-2004 гг.: Автореф. дис...канд. истор. наук. М.: ВУ, 2007. С. 26.
13. Директива министра обороны № Д-16 от 23.06.1998 г. «Об организации работы с семьями военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации».
14. Приказ министра обороны Российской Федерации № 70 от 11 марта 2004 г. «Об органах воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации».
15. Марченков В.И., Маликов В.Г. Социальная работа в ВС РФ. М.: ВУ, 2003. С. 87.

N. Hamidullin

ITEMS OF THE SOCIAL PROTECTION OF FAMILIES OF MILITARY MEN OF THE GROUND FORCES IN 1992 – 2005

Abstract: This article is dedicated to the problems of the social protection of military dependents of ground forces. Essence and the content of social protection, the dynamics of formation and the basic directions of the activity of the subjects of social protection are revealed in it.

Key words: military dependents, the ground forces, system, social problems.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ*

Аннотация. В статье рассматривается жилищная подсистема российского общества, многие десятилетия функционирующая на основе абсолютного доминирования в ней института государственного обеспечения, благодаря чему государство обеспечило себе позиции монопольного распределения жилья в обществе. Фактически жилищная политика в советской и постсоветской России была и остается политическим инструментом официальной власти, используемым в ней в своих интересах.

Ключевые слова: социальная политика, жилищная политика, строительство и распределение жилья, монополия, «военный коммунизм», «оттепель», «застой», коррупция.

Проблема обеспечения граждан доступным и достойным жильем в любой стране является краеугольным камнем социальной политики, и уровень, на котором эта проблема решается, непосредственно отражает заботу власти о благосостоянии граждан и, как следствие, о благополучии общества в целом.

Сегодня, как и сто лет назад, жилья в России не хватает. Его не хватало в начале прошлого века, когда Россия, очнувшись от феодальной спячки, ринулась догонять экономически передовые страны, перегоняя из аграрного сектора в промышленный значительную часть населения, необеспеченного жильем; не хватало после Первой мировой войны, октябрьской революции и гражданской войны, когда материальные и финансовые средства были исключительно ограничены; не хватало в годы индустриализации и предвоенные годы, когда эти средства направлялись на развитие тяжелой индустрии и создание мощной военно-промышленной базы; не хватало после Второй мировой войны, когда весь производственный потенциал страны работал на восстановление разрушенного войной народного хозяйства; не хватало в 60-80-е годы, несмотря на ускоряющийся ритм домостроительных комбинатов (ДСК), штамповавших однотипные дома-близнецы; не хватало в 90-е годы, когда социальные и политические трансформации в российском обществе отодвинули жилищные программы даже на второй план, и они фактически подверглись забвению; не хватает сейчас, несмотря на приоритетные национальные проекты и программы. В

итоге хронический жилищный кризис преследует Россию второе столетие. В чем его причины? Будет ли он разрешен в обозримом будущем, и можно ли его разрешить в нашей стране вообще?

Представляется, что суть жилищной проблемы или жилищного кризиса, что для практики советского и постсоветского жилищного строительства не имеет принципиальной разницы, состоит не в том, что жилья хронически не хватает, а в том, что жилищная подсистема российского общества многие десятилетия функционировала на основе абсолютного доминирования в ней института государственного обеспечения. Именно институт государственного обеспечения жильем намертво приковал людей к государству, поставив их в прямую зависимость от условий, масштабов, темпов и т.д. государственного жилищного строительства и создав уникальную ситуацию социального иждивенчества населения, которое уже не мыслит улучшения своих жилищных условий без опоры на государство.

Жилищный вопрос в России в его современном понимании уходит своими корнями в реформы 60-х гг. XIX века, позволившими ей стать на рельсы экономической и социальной модернизации и значительно ускорившими ее социально-экономическое развитие. В его решении условно можно выделить три исторических периода: до октября 1917 года, когда Россия развивалась на основе многоукладной экономики и рыночных отношений; после октябрьской революции 1917 года до начала 90-х гг. XX в., когда политическое руководство в стране в соответствии с марксистским учением держало курс на строительство централизованно управляемой экономики; с 90-х гг. ушедшего столетия до настоящего времени, когда радикальные реформы во всех сферах общественной жизни вновь вернули Россию к рыночным отношениям. Общим в исторических перипетиях решения жилищного вопроса в России является то, что в каждом из выделенных периодов главную роль играла политическая идеология, которой придерживались царское, советское и постсоветское правительства.

Интересующий нас второй период поистине уникален, поскольку он характеризует опыт государства, централизация экономики в котором неизбежно привела к централизации жилищного хозяйства, превратив его в хозяйство «жилищно-коммунальное». Без анализа и понимания этой

* © Камолов С.Г.

уникальности невозможно понять и те проблемы, которые стоят сегодня в реализации жилищной реформы в постсоветской России.

Первые декреты и постановления Советской власти определили содержание всей последующей политики советского государства в области жилья, радикально меняющие формы собственности на жилище. Уже в конце октября 1917 года постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» [1] был разрешен жилищный передел: городские самоуправления получили право вселять в пустующие квартиры нуждающихся в жилье граждан. Последующие декреты отменяли право частной собственности на недвижимость в городах посредством муниципализации и национализации. Муниципализации подлежали все жилые здания, за исключением жилых строений, составляющих необходимую принадлежность промышленных предприятий [2] (они переходили в собственность государства вместе с промышленными предприятиями, оставаясь в их распоряжении и эксплуатации). Результатом этих декретов стал повсеместный вывод жилища из гражданского ведения и их сосредоточение в руках государства. Таким образом, жилищное (городское) строительство по решению советского правительства стало исключительной прерогативой государства: только государственные органы вправе были решать, где, сколько и какого качества следует строить.

Иными словами, содержание жилищной политики сразу после Октябрьской революции 1917 года определялось несколькими факторами, главный из которых связан с политической идеологией советской власти, в которой стержнем было огосударствление собственности, «экспроприация экспроприаторов», ликвидация всей капиталистической системы хозяйствования в целом, в том числе и ликвидация жилищной собственности – не только крупные городские жилые дома, но и отдельные квартиры и жилые помещения богатых должны были отойти в собственность государства.

Подчеркнем: с самых первых своих шагов советская власть проводила в жизнь идею централизации управления. Изначально в этом нет ничего плохого: последствия войн, революций, политики «военного коммунизма» были катастрофическими не только сами по себе, но и для состояния «жилищного вопроса». Централизация управления в этих условиях вполне может быть оправдана. Другой вопрос, как она осуществлялась и в каких целях. Строгая централизация всех вопросов, связанных с жильем, установление нормы жилой площади, реквизиция помещений для размещения правительственных и общественных учреждений, введение системы ордеров, вселе-

ний, выселений и «уплотнений», проводимые административными мерами, ленинские антиэкономические декреты 20-х годов об освобождении от оплаты за продовольствие, транспорт, топливо и жилье [3], приобретающее политическую окраску, и не изжитое до настоящего времени проживание руководящих партийных и государственных работников в государственных домах с низкой оплатой стоимости проживания, абсолютная незаинтересованность жильцов, вселившихся в «буржуйские дома», в сохранении своего жилья и его фактическая бесхозность – это лишь малая толика того, к чему привело огосударствление в жилищном вопросе в самом начале революционного преобразования «старого мира» в стране победившего пролетариата. Переход к новой экономической политике (НЭП) стал объективным свидетельством несостоятельности и иллюзий о том, что ликвидация частной собственности и рыночных отношений автоматически приведет к решению всех социальных проблем, в том числе жилищного вопроса. Чем закончился НЭП – общеизвестно.

Почему же тогда государство столь целенаправленно проводило политику централизации управления во всех сферах жизнедеятельности общества? Ответ на этот вопрос несложен: политическая власть должна обладать монопольным правом определять, что, кому и сколько причитается, а граждане должны ждать, пока государство выделит то, что им полагается согласно принципам социализма. Наглядным подтверждением этого является знаменитое Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах», которое окончательно подвело черту под жилищной политикой НЭПа, разрешавшей децентрализацию жилья, создание коллективного кооперативного собственника для управления многоквартирными домами в лице Жилищных товариществ и Жилищно-арендных кооперативов и даже право выкупа последними в кооперативную собственность арендуемых ими муниципализированных жилищ путем зачета арендной платы в погашение стоимости дома.

В указанном Постановлении фактически была сформулирована суть новой жилищной политики периода консолидации тоталитарного режима: власть не намерена терпеть существование каких-либо «бесконтрольных» объединений граждан, тем более в такой важнейшей для любого человека области, как жилье. Именно поэтому данное Постановление отменяло все нормативные акты, направленные на поддержку жилищной кооперации. Непосредственное управление государственным жилищным фондом и полная ответственность за его сохранность возлагалась на местные Советы

и на государственные учреждения и предприятия в отношении домов, находящихся в их ведении (что породило новую, дошедшую до наших дней проблему «ведомственного жилья»). Местные Советы должны были организовывать жилищные управления, но подчинялись последние не им, а специально созданной властной вертикали – управлениям жилищного хозяйства краевых и областных исполкомов, наркоматов коммунального хозяйства республик. Таким образом, Постановление 17 октября 1937 года решало политическую задачу: весь жилищный фонд должен использоваться исключительно в интересах власти.

Практика централизованной государственной жилищной политики, наложившаяся на трудные предвоенные и исключительно тяжелые военные и послевоенные годы, не могла не обострить и без того кризисное положение в области обеспечения населения жильем, получение которого в эти годы полностью зависело от властных структур. Сталинская жилищная политика, сформировавшаяся в довоенные годы и окончательно оформившаяся в середине 40-х годов, может быть определена только как тоталитарная. Каковы характерные черты этой политики?

1. Государствоцентризм, этатистский подход к решению жилищных вопросов.

Государство не только взяло на себя решение жилищных проблем граждан, но и, по сути, присвоило себе право самостоятельно (без учета их мнения) формулировать эти проблемы. Государство «оформляло запрос» от имени трудящихся и его удовлетворяло, отстранив гражданина от обоих процессов. Причем во главу угла при формулировке целей, формировании и осуществлении жилищной политики ставились исключительно интересы государства, а непосредственные интересы граждан практически игнорировались.

Показательными в этом отношении являются решения, принимаемые верховной властью в стране в конце 40-х годов. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» содержал ряд положений, действительно позволявших ускорить решение жилищной проблемы за счет формирования правового механизма, регулирующего право граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов с соответствующим отведением для этих целей земельных участков. Но уже 2 февраля 1949 года очередным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР [4] статьи, устанавливавшие право застройки и регулировавшие отношения по застройке, признаны утратившими силу, и право застройки как самостоятельное вещное право перестало существовать [5]. Таким образом, по сути, была ликвидирована какая-либо юридичес-

кая база для частного предпринимательства, осуществления гражданских договорных отношений в сфере жилищного строительства и свободного распоряжения жилыми помещениями. Социально-политическим последствием реализации этой меры стало исчезновение прослойки застройщиков и ликвидация всех остатков рынка жилья.

2. «Экономический прагматизм».

В послевоенные годы проблема восстановления жилищного фонда решалась, по преимуществу, на основе политики «экономического прагматизма»: за счет удешевленного многоэтажного строительства. Следует отметить: экономический прагматизм оказался в определенной степени эффективным – разрушенный жилой фонд страны к началу 50-х годов был практически восстановлен. Тем не менее, решить задачу обеспечения населения благоустроенным жильем не удалось, поскольку вновь построенные 102,8 млн. кв. м. жилья в городе и 2,7 млн. домов в деревне не сняли проблему обеспечения жильем 25 миллионов человек, лишившихся его во время войны. Кроме того, индустриализация вызывала непрерывный рост городского населения (если в 1913 году оно составляло 18% всего населения страны, в 1940 году – 33%, а уже в 1959 году – 48 %) [6].

Вне пределов интересов государства некоторое время оставались лишь небольшие земельные участки в селах. Только вдали или, как минимум, в удалении от центральных городов, сохранялся некоторый простор для реализации гражданами частного права на то, чтобы обзавестись своим жильем. Поэтому в селах индивидуальная застройка продолжалась, но она осложнялась дефицитом строительных материалов и рабочей силы, поскольку практически все трудоспособное население было занято на восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

3. Социальное неравенство в распределении квартир.

Построенное в городах жилье распределялось в соответствии с государственными же интересами. Комфортабельные квартиры в центрах городов предоставлялись технической и творческой элите, большая же часть горожан заселялась и проживала в бараках и «коммуналках», которые стали неотъемлемой чертой городов послевоенного времени.

4. Устранение граждан от управления своим жильем.

Еще до войны инструментом управления жилищным фондом стали управления домами, отстранив граждан от процесса принятия решений. В результате, несмотря на то, что в 30-е - 40-е годы государство как хозяин жилищного фонда действовало еще достаточно эффективно, уже в этот период начали проявляться первые призна-

ки бесхозяйственного, безразличного отношения граждан к своему жилью. Результат не замедлил сказаться – проводимая государством этатистская жилищная политика вызвала нарастание двух тенденций: социальной апатии граждан, встречавших препятствия со стороны государства в решении своих жилищных проблем (вплоть до прекращения этих попыток), и формирование «психологии временщика», проживающего в доме, но не являющегося его ответственным и полноправным хозяином, поскольку граждане оказались устраненными от управления жильем.

5. *Влияние национальной политики на жилищную политику.*

Одной из постоянных мер национальной политики тоталитарного режима бала депортация социальных групп и целых народов. Особенно эти процессы усилились с начала 1930-х годов. До середины 1950-х годов депортациям подверглись 15 народов и более 40 народностей. Около 3,5 млн. человек были изгнаны из родных мест, многие погибли во время депортации [7], более 800 тыс. депортированных оказались в Сибири [8]. Дома, квартиры и комнаты, в которых проживали депортированные до переселения, конфисковались, после чего ими распорядилось государство. Сами же депортированные лица, добравшиеся до места назначения, практически не имели возможности решить жилищную проблему. В 1940 – 1949 гг. большинство депортированных жили в землянках, непригодных к зимним условиям бараках и складах и даже помещениях для скота. Небольшая часть депортированных подселась в дома местных сельских жителей, что приводило к большой скученности, осложнению жилищных условий коренных жителей и нарастанию вражды. По инструкциям НКВД, спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле (в частности, в Сибири) в среднем приходилось по одному квадратному метру на спецпереселенца. К 1950 г. в Алтайском крае собственные дома имели 43% спецпереселенцев. У калмыков этот показатель равнялся 55%, у немцев – 46%. Однако большей частью это были домики из глины и соломы [9].

К концу 40-х годов спецпереселенцы были фактически «прикреплены» к местам поселения [10]. Если переселяемые прибывали в сельские местности, паспортов им не выдавали: они проживали на общих основаниях с другими гражданами без паспортов; а если переселенцы прибывали в такие местности с паспортами – их изымали. После проведенной в 1948–1949 гг. всесоюзной перерегистрации спецпереселенцев всем депортированным было запрещено самовольно покидать места спецпоселений. Таким образом, цинизм проводимой политики заключался в том, что депортации

усугубляли жилищные проблемы там, куда прибывали спецпереселенцы, но одновременно за счет конфискованного у депортированных жилья способствовали разрешению жилищной проблемы в местах, откуда они выселялись.

6. *Осуществление приоритетной реализации так называемых «социалистических принципов развития города»* (J. Vater. 1980), к числу которых относились: национализация всех ресурсов (включая землю); плановое, а не рыночное использование земли; превалирование коллективного над частным; доминирующая роль общественного транспорта; явные ограничения на развитие и рассредоточение розничной торговли; плановая индустриализация как главный фактор городского роста; ощутимая роль города как агента направляемого социального и экономического изменения в отсталых и пограничных регионах; наличие серьезных ограничений в персональном выборе места проживания и свободе миграции; управляемая урбанизация и плановое развитие городов в соответствии с направлениями государственной политики [11]. Эти принципы развития советских городов, довольно четко обозначившиеся в 30–40-е годы XX века, в последующие периоды (вплоть до 90-х годов XX века) определяли приоритетное направление городской жилищной политики и тенденции развития города. Некоторые из них остаются все так же значимыми до сих пор и накладывают свой отпечаток на стратегии развития российских городов.

В 50-е гг. перед руководством страны во главе с Н.С.Хрущевым встала задача формирования и осуществления новой жилищной политики. Ключевым императивом ее стала массовая индустриальная застройка жилья. В стране произошла «жилищная революция»: за десять лет «хрущевской оттепели» было построено более 13 тысяч пятиэтажек, благодаря чему не только были расселены бараки и коммуналки, но и большинство нуждающихся приобрели долгожданное жилье. Впервые за годы советской власти был реализован *приоритет посемейного заселения квартир*, что было исключительно важным: до начала 50-х годов жилищный фонд столицы, к примеру, на девять десятых состоял из коммуналок [12]. «Политика пятиэтажек» оказалась, как это ни парадоксально, самой социально ориентированной жилищной политикой в истории России. Она изменила гражданское самосознание населения. Едва ли не впервые в советской истории человек осознал себя не средством, а целью государственной политики. Реализация хрущевской жилищной стратегии позволила достичь значительных результатов за сравнительно небольшой промежуток времени. Только за период 1959–1963 гг. было сдано жилья в 3,16 раза больше, чем за период

1918-1940 гг., в том числе за один 1960 г. было сдано 70% жилья от ранее построенного в СССР в течение того же периода [13].

Казалось бы, ключ к решению жилищной проблемы найден: *функционирование института государственного обеспечения в жилищной системе параллельно с институтом частного предпринимательства*. Однако именно здесь таится опасность потери всемогущества власти в вопросах обеспечения населения жильем: жилищный вопрос должен иметь остроту, а спрос на жилье должен быть абсолютным, иначе монополия власти будет разрушена. Поведение человека, обретшего жилье через ЖСК, радикально отличается от поведения человека, который терпеливо ждет бесплатные квадратные метры от государства: первый относительно свободен и инициативен, второй закабален и послушен. Владелец кооперативного жилья может не только передавать его по наследству – он обладает большей возможностью перемещения в условиях повсеместного закрепления проживания граждан по месту прописки. Не случайно к началу 70-х годов было заметно снижено строительство кооперативного жилья, а общие объемы финансирования в жилищное строительство имели ярко выраженную тенденцию к снижению. Вести самостоятельное жилищное строительство было разрешено только крупным организациям и лишь после утверждения проекта на генплане города.

Свернутая «оттепель» сменилась «застоем». Новая жилищная политика, нашедшая отражение в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 года «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства», имела очень неоднозначные социальные последствия. Но наиболее важным негативным последствием реализации указанного Постановления стал резкий рост злоупотреблений служебным положением в сфере административного и ведомственного управления. Именно это Постановление создало качественную основу для коррупции в сфере жилищного строительства.

Почвой для административных злоупотреблений было само распределение жилья по номенклатурному типу, создававшее дополнительные списки безмолвных очередников. Именно в этот период создаются политические предпосылки для формирования так называемого «нового класса» – партийной и ведомственной номенклатуры, которая монополизировала всю власть в принятии решений в своих руках и превратилась в советскую олигархию. Если учесть, что сама система плановой экономики, основанная на валовых показателях и «освоении» плановых бюджетных средств, постоянно воссоздает почву для злоупотреблений, то станет ясно, почему ни последующие

нормативные акты, ни «показательные процессы» над «растратчиками» уже не могли приостановить нарастающую коррупцию в сфере государственного администрирования жилищной политики: коррупционные механизмы, приняв в систему государственного управления, фактически заменили собой элементы и механизмы самой системы. Именно поэтому коррупция до настоящего времени разъедает функциональную основу государства и политической системы в целом.

Немаловажную роль играла и некоторая переориентация строительства жилых зданий: в 70-е гг. строилось примерно в 5 раз больше общежитий и ведомственного жилья, то есть такого жилья, которое не принадлежало конкретно проживающим в нем лицам. Одновременно появилось так называемое «элитное жилье», подчеркивавшее социальный статус его владельцев, но распределялось оно также на безвозмездной основе. В результате дифференциация населения на «простых смертных» и «избранных» при распределении жилья усилилась, а само распределение вновь стало одной из важнейших функций на всех уровнях государственного управления. При этом бесплатная раздача жилья для первых не учитывала потребительский спрос и не давала права элементарного выбора – стандарт везде одинаков, а элитное жилье уже само по себе хорошо.

Что касается жилищной политики периода перестройки, то изначально одной из основных проблем реализации этой политики стало несоответствие намеченных приоритетов и поставленной цели: цель государственной политики была сформулирована позднее выработки основных направлений. Причем сама цель была нереализуема, поскольку в качестве таковой выступало обеспечение каждой семьи отдельной квартирой к 2000 году. Эта цель, сформулированная в государственной программе «Жилище - 2000», с самого начала объективно не могла рассматриваться иначе как утопическая и даже шапкозакидательская. Ее постановка никак не соотносилась ни с реальным состоянием жилищной сферы, ни с оценкой ресурсного потенциала государства, поэтому сама цель была и оставалась ничем иным как политическим лозунгом. Преодолеть дефицитность жилья без изменения системы распределения, только наращивая объемы строительства, невозможно, ибо дефицит в значительной мере – следствие системы распределения.

В общем итоге, к основным чертам жилищной политики периода середины 60-х – середины 80-х годов следует отнести:

1) постепенный переход от реальной социальной нацеленности жилищной политики к политическим декларациям и лозунгам. Тезис «каждой семье – отдельную квартиру» остался

политическим лозунгом, так и не став ни социальным проектом, ни конкретной программой, обеспеченными в экономическом отношении, одним из самых знаменитых советских лозунгов периода громких политических деклараций в условиях социально-экономической стагнации. В результате такой «шапкозакидательской» политики, к началу перестройки в СССР в очереди на получение жилья состояли 14 млн. семей (40 млн. человек). Наибольшее число нуждающихся находилось в РСФСР – более 8 млн. семей. При этом 30 млн. кв. метров (17% всего жилищного фонда России) оказалось размещенным в ветхих и аварийных строениях, более 14% государственного и муниципального жилищного фонда России нуждалось в неотложном ремонте [14];

2) в распределении жилья все более значимую роль стал играть номенклатурно-олигархический принцип, что наложило отпечаток и на сознание граждан. В нем сложился и постепенно укрепился стереотип «льготы номенклатуры». Уже в период рыночных реформ начала 1990-х годов стереотип «льготы номенклатуры» очень активно использовался самой номенклатурой для отвлечения общественного сознания от важных политических шагов;

3) формирование в общественном сознании и стратегиях общественного поведения стереотипов патерналистского отношения к жилищной политике государства (жилье получают вне зависимости от личных усилий), гражданской апатии (повлиять на «ход» жилищной очереди практически невозможно), бесхозяйственного отношения к жилью (жилье не мое – государственное, государство дало, пусть оно о нем и заботится);

4) доминирование административно-командного способа принятия решений в сфере жилищной политики;

5) нарастание коррупционных явлений жилищного строительства и распределения жилья (возникшие на экономической почве планового нерентабельного советского хозяйства).

Таким образом, на всех этапах исторического развития основной тенденцией в жилищной политике было стремление государства обеспечить себе позиции монопольного управления распределением жилья, ориентируясь при этом на достаточный для удержания и укрепления политической власти уровень социальности жилищной политики. Соответственно, пассивность гражданского общества (обусловленная такими компонентами политической культуры общества, как патернализм, апатия, социально-политический нигилизм, посттоталитарный страх), с одной стороны, и наличие у государства дополнительных рычагов воздействия на социально-политическую обстановку (включая информационно-пропа-

гандистский), с другой стороны, воспринимаются представителями государственной политической элиты как достаточные условия сохранения социально-политической стабильности и позволяют не пересматривать стратегию социальной политики вообще, и жилищной политики в частности, используя последнюю как исключительно эффективный политический инструмент всех социально-экономических, политических и социокультурных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СУ РСФСР. – 1917. - №1. – Ст.14. – С.12.
2. Декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» //СУ РСФСР. – 1918. - №62. – Ст.674.
3. Декреты советской власти. - М.: Политическая литература, 1957. - Т.1. - С.133.
4. Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в законодательство РСФСР в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов».
5. Киндеева Е.А. Государственная регистрация прав на объекты незавершенного строительства // Недвижимость и инвестиции. – 2001. - №1 (6). – С.18.
6. Вагин В. Социология города. - М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – С.143.
7. Бугай Н.Ф. Л.Берия - И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». - М., 1995. - С.5.
8. И.Сталин - Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии /Сост. Н.Ф.Бугай. - М., 1992. - С.253, 254.
9. Информационный центр Управления внутренних дел Алтайского края. - Арх. 287. - Д. 1. - Л. 18.
10. 26 февраля 1944 г. Нарком НКВД издал приказ за №00183 «О порядке выдачи паспортов спецпереселенцам», согласно которому переселенцам, прибывшим в места расселения с паспортами, в графе «Особые отметки» делалась запись: «Разрешено проживание в пределах района такой-то области (края)» (Подробнее см.: Информационный центр Управления внутренних дел Новосибирской области. - Ф.19.- Оп.1. - Д.12.- Л.10.
11. Bater J. H. The soviet city: ideal and reality. London : Edward Arnold. 1980. p.42.
12. Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы //Журнал РААСН «Academia». - № 4. – 2006. – С.9).
13. Народное хозяйство СССР в 1960-е -70-е годы: Статистический справочник. - М., 1971. - С.43.
14. Экономика и жизнь. - 1995. - № 42. –С.53.

S. Kamolov

THE STATE HOUSING POLICY AS THE POLITICAL TOOL IN BUILDING OF THE NEW SOCIETY IN RUSSIA

Abstract: In article the housing subsystem of the Russian society, many decades functioning on the basis of absolute domination in it of institute of the state maintenance thanks to what the state has

provided to itself positions of exclusive distribution of habitation in a society is considered. Actually housing policy in the Soviet and Post-Soviet Russia was and remains the political tool of the official pow-

er exploited in it.

Key words: social policy, the housing policy, building and habitation distribution, monopoly, «military communism», «thaw», «stagnation», corruption.

УДК 323.1

Муканова А.С.

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕНЫ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»*

Аннотация. Статья рассматривает советскую национальную политику с точки зрения ее влияния на формирование взглядов о понятиях, прежде всего, «нации» и соответственно «национализма». Эти феномены вызывают достаточное количество споров и дискуссий в исследовательском сообществе. В советское время при крайне непоследовательной национальной политике в государстве сложилось понимание национализма в резко негативном ключе, а нация понималась как последняя стадия в развитии, данная в трехчленной формуле (племя-народность-нация), наделенная соответствующими неотъемлемыми признаками.

Ключевые слова: нация, национализм, советская национальная политика.

Феномены «нация» и «национализм» являются сложными для объяснения понятиями, вызывающими споры в научном сообществе. Дискуссии ведутся по вопросам генезиса, момента зарождения и типологии, а также по вопросу их существования и сущности. В западной исследовательской литературе доминирует употребление термина «nation» в смысле «state», но нельзя сказать, что полностью изжита противоположная тенденция: понимать нацию не только как политическое сообщество, но и культурно-этническое, чему находится подтверждение уже в российских работах по данной проблематике. Другим серьезным водоразделом в литературе о нациях и национализме является их понимание в качестве объективных, или же субъективно-объективных явлений. Сторонники примордиалистского подхода трактуют нацию и национализм как объективно существующую реальность, формирующуюся и/или существующую независимо от воли людей, вследствие объективных факторов. Следовательно, национализм, если оценивать его негативно, – это нечто вроде стихийного бедствия, которое трудно кон-

тролировать. Есть другой подход, сложившийся в рамках конструктивизма и инструментализма, где «нация» – это «воображаемое сообщество» либо символическая категория, изобретенная для реализации интересов определенной группы лиц. Но в рамках этой статьи мы на этих подходах останавливаться не будем, т.к. нам важно продемонстрировать тот факт, что советская национальная политика повлияла на упрочение позиций примордиализма в его социо-историческом варианте в нашей стране со всеми последствиями для современной этнонациональной ситуации в целом.

Распад Советского Союза повлек за собой всплеск интереса к проблемам «национального». Процессы становления и укрепления новых государств, в том числе и России, были связаны не только с политическими и экономическими трансформациями, но и с произошедшими изменениями в сфере массового сознания: советская идентичность сменилась на гражданскую идентичность новых независимых, суверенных государств. Подобные изменения напрямую касаются процесса строительства нации. Поиск национальной идеи в середине 1990-х гг. был достаточно интенсивен, его актуальность была обусловлена всплеском сепаратистских тенденций, сопровождавшихся апелляцией к этничности как способу мобилизации населения. Создание национальной идентичности – особого национального «мы» – связано с национализмом, на основе которого осуществляется процесс государственного строительства.

В постперестроечный период все больше исследователей обращается к национальной проблематике периода Советского Союза. В 1996 г. вышел коллективный труд по обзору новейших исторических исследований в России, который содержит статьи по «национальной» тематике [1]. После этого появился еще ряд обзорных и критических работ, которые дополняют сложившуюся картину исследований [2]. С теоретико-методологической точки зрения, подавляющее большинство отече-

* © Муканова А.С.

твенных и других постсоветских авторов считают, что длительно существовавшие культурно-хозяйственные, языковые, религиозные различия среди населения являются фундаментальными, наследуемыми и определяющими самосознание индивида и коллективных общностей. Эти исследования, проведенные в рамках эссенциалистской или примордиалистской методологии, также обращены и к периоду существования Союза.

В период холодной войны СССР рассматривался в основном как империя. Французский историк Э. Каррер д'Анкосс выпущенную в 1978 г. книгу об этнических проблемах в СССР назвала «Распадающаяся империя». Впрочем, до предсказания распада СССР автор не дошла, но она весьма критически оценивала состояние этнической периферии, систему властных взаимодействий и советскую национальную политику. В результате уже в 1993 г. Э. Каррер д'Анкосс издала новую книгу «Конец Советской империи – триумф наций» [3]. Собственно говоря, в этом названии и заключен весь смысл: СССР был империей по причине большого числа заключенных в его границах наций и их неравноправного положения, и конец империи наступил в результате их борьбы за свободу и самоопределение. Приверженцем традиционно-имперской объяснительной модели является и известный немецкий историк А. Каппелер, который так же, как Э. Каррер д'Анкосс, уже самим названием книги «СССР как многонациональная империя» [4] более чем ясно определил свою позицию. Английские историки и политологи тоже не обошли историю национального вопроса, который специально рассматривается в работах Дж. Смита, Дж. Хоскинга и других.

Более молодое поколение западноевропейских исследователей отходит от прежних интерпретаций. Скорее всего, на них оказали влияние теоретико-методологические разработки и конкретные работы американских и российских ученых. Но почти все эти историки разделяли убеждение о том, что существовала советская национальная политика (хотя было несогласие по поводу того, насколько последовательной она была в течение долгого времени, и того, до какой степени она соответствовала марксистско-ленинским идеям или же вообще была под влиянием большего числа случайных факторов). Ю. Слезкин в своей статье в 1994 г. высказал мнение, которое впоследствии было поддержано американской историографией: советское государство последовательно проводило политику продвижения этнических различий на территориальной основе [5]. Последней отметим работу гарвардского профессора Т.Мартина «Империя положительного действия» [6], в которой он подробно (на основании разнообразных источников) прослеживает эво-

люцию политики советской власти с самого начала 20-х до начала 30-х гг., то есть в то десятилетие, которое включило в себя формирование СССР – период политики, получившей общее название коренизации.

Российская империя до революции представляла собой пестрый конгломерат народов со своими национальными проблемами, интересами, идеологией. Решалась задача объединения различных частей империи, и курс в основном был взят на русификацию и ассимиляцию, хотя были и исключения. Царизму не удалось создать нацию в пределах всей империи или хотя бы привить национальное чувство коренному русскому населению. Царская Россия прекрасно справилась с задачей строительства государства и создания империи, однако потерпела неудачу в образовании гражданской полиэтнической «российской нации» в рамках этой империи. Российская власть время от времени вставала на путь нациестроительства, но эта государственная практика всегда вступала в конфликт со структурами и дискурсом империи.

Центральным местом большевистской национальной политики после прихода их к власти была «Декларация прав народов на самоопределение», принятая Советом народных комиссаров 2 ноября 1917 г. В.И. Ленин в своей работе 1916 г. «Социалистическая революция и право народов на самоопределение» продекларировал право на свободное политическое отделение для всех национальностей без оговорок. В этой же работе он разделил типы национальных движений, характеризуя Российскую империю как одну из территорий, где «двадцатый век развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу» [7]. Но в коммунистической партии по национальному вопросу происходили разногласия, значительная группа под руководством Ю. Пятакова, Н. Бухарина и К. Радека утверждала, что продолжение существования наций в социалистическом обществе недопустимо, это только отвлекает от классовой борьбы, и признание национальных прав лишь дает возможность увидеть буржуазных националистов. Достаточно напряженные споры между этой группой и В.И. Лениным на VIII конгрессе партии в марте 1919 г. привели к компромиссной резолюции, которая представляла новую идею в праве наций на самоопределение: желание нации по этому вопросу теперь будет зависеть от уровня исторического развития нации.

Даже в этой закрепленной форме ни одной нации не давалось возможности провозгласить самоопределение, и к 1920 г. комиссар по делам национальностей И.В. Сталин провозгласил самоопределение контрреволюционным лозунгом.

Первоначально большевики не имели чет-

кого представления об организации многонационального советского государства. Принципы ленинской политики обеспечили некий каркас: национальные меньшинства, которые угнетались царизмом, могли быть уверены, что такого отношения к ним больше не будет; они должны создать собственные местные институты и быть ответственными за культурные вопросы, кроме того, они должны получить такие же языковые и образовательные права, как и русские, там, где это необходимо, по мнению центра. В.И. Ленин также был согласен с необходимостью некой национальной автономии, различные формы которой предлагались европейскими марксистами с начала XX века.

Противоречивость теоретических постулатов влекла за собой крайнюю непоследовательность «национальной политики». Приоритетом этой политики, определенным в резолюциях 1923 г., стало поощрение местных языков и местных элит. На начальном этапе политику определяли как *национализацию*, а в республиках просто говорили об *украинизации*, *узбекизации*. Вскоре эту политику стали называть *коренизацией*, то есть поощрением *коренных* народов в противовес *пришлым*. (Важно оговориться, что И.В. Сталин термином *коренизация* не пользовался, неизменно предпочитая термин *национализация*.) Национальные идентичности активно внедрялись и утверждались в различных формах и с помощью разнообразных институтов: фольклора, костюма, музея, театра и оперы, литературы, исторического нарратива. Ключевой задачей была деполитизация национальных идентичностей нерусских народов через подчеркнутое уважение к ним. Коренизации широко противостояли местные русские (и некоторые нерусские) коммунисты, эта политика была успешной в утверждении местного национального руководства и в усилении национальной идентичности, которая стала увязываться с территорией, что сформировало основу для будущих постсоветских независимых государств.

Большевики считали, что человек – заложник коллектива, а нации – это сообщества, реальность которых не зависела от того, признавал индивидуум свою принадлежность к ним или нет. Безусловно, данные представления о нации повлияли на всю дальнейшую историческую ситуацию в целом. Согласно им, нация формируется исторически и является формой существования современных европейских обществ. У большевиков не было ни малейших сомнений на этот счет, поэтому все советское население должно было разделить общую судьбу, то есть стать членами этнокультурных наций. Однако сталинская нация являла собой нечто большее, чем просто исторический эпизод и временную уступку автономистским устремлениям этнических меньшинств. Она была коллекти-

вом, к которому человек принадлежал независимо от своего желания, и задачей правительства было распределить подданных по нациям.

И.В. Сталин выпустил получившую в партии большой резонанс серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 г. отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», опубликованных позднее в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе И.В. Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». При этом И.В. Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией, ...только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию» [8].

Сопутствующим обстоятельством этому развитию в официальном марксизме было появление официальной теории этногенеза, которая стала основой для большинства исследований в общественных науках и истории. Считалось, что социалистические нации имеют этнические корни, которые надо проследить с ранних времен. Последствием стало ужесточение этнических границ и повышение значимости этнической идентичности для советских граждан в их повседневной жизни, в то время как реальное содержание этнических различий уменьшалось. Советские руководители не делали различия между понятиями «этнос» и «нация», историческая советская наука обосновывала, что нация – это высшая стадия этноса, после племени и народности. Соответственно национализм в советское время рассматривался как антипод интернационализму, как этнический национализм, в жестких, негативных оценках, как чувство исключительности и превосходства одной нации над другой, а следовательно, по их мнению, одной этнокультурной общности над другой.

И.В. Сталин несколько поменял национальную политику уже в первые годы своей власти. Частично был наложен запрет на политику коренизации с 1932 г., русские начали доминировать в нерусских регионах. К концу десятилетия все национальные лидеры 1920-х гг. были в большинстве случаев заменены на русских. Полуофициальная позиция русского языка как *lingua franca* Советского Союза была закреплена законом в 1938 г., который сделал изучение русского языка как второго обязательным во всех нерусских школах.

Эти изменения часто интерпретировались как свидетельство политики абсолютной русификации. Но национальные культуры продолжали развиваться, хотя в более «народной» форме, кон-

ституционный статус республик остался неприкосновенным, и местные национальные политики и национальные языки продолжили играть главную роль в жизни республик. Т. Мартин обозначил уклон к примордиальному видению наций в 1930-е гг., которое подчеркивало, что нации являются постоянными и таким образом не могут слиться или быть поглощенными русской нацией.

Угроза большой войны вызывала среди руководства Советского Союза страх того, что страна может распасться по этнонациональным границам, поэтому пропагандировались в основном сходства, а не различия между нациями. Необходимо также отметить, что в официальной риторике советских властей в этот период национальные проблемы считались несуществующими, национальные идеологии и движения, пытавшиеся эти проблемы обозначить, решительно подавлялись. В условиях насильно создававшегося политического вакуума национальный фактор на уровне межличностных отношений играл второстепенную роль.

Новая идентификация наций как примордиальных сущностей приводила к следующим выводам: если нации примордиальны по своей сути, то все члены данной нации разделяют коллективные черты и характеристики, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. В напряженной международной обстановке в конце 1930-х гг. эти черты могли заключать в себе тенденцию к ненадежности и предательству в случае войны. Уже во время сталинского Большого террора были проведены соответствующие действия против поляков, немцев и финнов в 1937 г. Когда напряжение с Японией возросло, каждого этнического корейца депортировали с огромной территории дальнего Востока. Между 1941 и 1944 гг. немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и турки-месхетинцы Закавказья были обвинены в предательстве и сосланы со своих земель.

Таким образом, с 1930-х гг. в национальной политике появляется новая тенденция: создается советское национальное сообщество из стандартизированных, культурно однородных индивидов. СССР должен был стать образцом экономической и культурной территории с однообразным населением для более эффективного управления. Репрессии в отношении этнических меньшинств как врагов были в русле политики исключения тех, кто не может интегрироваться в единую советскую общность. В советской национальной политике было заложено фундаментальное противоречие: стремление к национализации этнических территорий (т.е. создание этнонаций) и стремление к ассимиляции разных национальностей в рамках советского народа (стремление создать гражданскую

политическую нацию). Объединение и разобщенность были сознательными, хотя и противоречащими целями, устоявшимися в политике советского государства. По словам Р. Суни, «Государство, ставящее целью преодоления национализма и различий между нациями, на самом деле создавало институты и инициировало процессы, которые ускорили развитие сознательных, светских, политически мобилизованных наций» [9]. С самого начала непоследовательное проведение политики, поощряющей национальное развитие, с одной стороны, и реализующее требование централизованного, идеологически и культурно однородного государства, с другой, вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, которая предшествовала падению Советской системы.

Последствия «политики положительного действия» и последующей советизации и борьбы с местными национализмами, репрессий в отношении целых народов сохранились не только вплоть до краха СССР, но и в современной России. Это, во-первых, различные формы национально-территориальных образований. Во-вторых, массовые представления о «национальной собственности» на территорию. В-третьих, образы прошлого и национальные исторические нарративы, которые оказались очень устойчивы, так как внедрялись в массовое сознание параллельно с ликвидацией безграмотности – хорошо известно, что с распространением массовой грамотности механизмы межпоколенческой передачи исторических образов и мифов и вообще механизмы воспроизводства групповых идентичностей существенно меняются. На наш взгляд, принципиальное значение имеет и то, что на протяжении семидесяти с лишним лет правления коммунистов, а также после распада СССР изначально шло упорядочивание пространства в соответствии с представлениями о «весе» различных этнических групп. Одни производились в разряд «наций» и символически наделялись «государством» («национально-территориальным образованием» того или иного уровня), другие объединялись в подобное образование с одной или несколькими группами, третьи не получали своей территории, поэтому в настоящее время в политическом и академическом дискурсе обсуждения национальных проблем часто происходит непонимание, кого относить к нациям, а кого нет.

На протяжении длительного времени многие народы, проживающие на территории современной России, считались нациями, хотя в действительности под этим понималась этнокультурная общность. То же касается и национализма, который несет в себе негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки, так как интерпретируется в России преимущественно как этнический национализм.

В настоящее время в современном российском «национализмоведении» создаются теории нации и национализма, объясняющие эти феномены в рамках различных дисциплин и методологий, хотя нельзя сказать, что преобладание взгляда, сформировавшегося на национальные проблемы в Советском Союзе, преодолено, но эта уже тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. - М., 1996.
2. Национальная политика в России: история и современность. - М., 1997. Зорин В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы. - М., 2003.
3. Carrere d'Encausse H. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. - N.Y., 1993.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000.
5. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. - 1994. Vol. 53. № 2. - P. 415.
6. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca,

- 2001.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. - С. 252,260.
8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1939. - С.6.
9. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории – М.: Наука, 2007. - С.43.

A. Mukanova

THE SOVIET NATIONALITY POLICIES AND ITS INFLUENCE ON UNDERSTANDING THE PHENOMENA «NATION» AND «NATIONALISM»

Abstract: This article focuses on the Soviet nationality policies and its influence on the development of phenomena “nation” and “nationalism”. These notions give rise to debates and discussions in the scientific society. In the soviet period there were inconsistent national political methods, and nationalism was understood in negative way, and nation is the supreme stage of the ethnos with appropriate inalienable signs.

Key words: nation, nationalism, the Soviet national policy.

УДК 929.6 (470+571)

Багулин А.В.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ГЕРБОТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. В данной статье содержится анализ возникновения, преемственности и индивидуальных особенностей российской геральдики, дается анализ существующей литературы, посвященной данной тематике, современной законодательной методике создания и классификации гербов.

Прочитав статью, можно прийти к выводу об окончательном формировании иконографической модели современного территориального герба в России, о характерных его чертах, традициях, о механизмах герботворчества.

Статья создает представление о современной территориальной геральдике и отражает ее высокую степень визуального своеобразия.

Ключевые слова: иконография, геральдика, герботворчество.

Иконографические аспекты чрезвычайно важны для геральдики. Одним из основных признаков, позволяющих отличить герб от эмблемы

и символа, является его соответствие строго установленной визуальной модели, которая определяет набор элементов, цвета и их соотношение, пропорции, выбор эмблем и иные особенности изображения. Изучением иконографических аспектов герба занимается особый раздел гербоведения – формальная геральдика.

Становление иконографических особенностей отечественной геральдики происходило в XVIII в. под сильным влиянием европейского (преимущественно французского) опыта, хотя со временем сложились и национальные особенности геральдического изображения [10, 64].

Литературы, которая посвящена проблемам формальной геральдики, на русском языке немного. Самое подробное изложение этих правил содержится в лекциях Ю.В. Арсеньева, а наиболее распространенным и часто используемым является очерк Н.А. Типольта в книге «Русская геральдика». Обе эти работы изданы в начале XX в. и основаны на немецкой геральдической традиции. Иконографический опыт отечественного гербот-

* © Багулин А.В.

ворчества осмыслен еще недостаточно. Особо следует указать только на диссертацию С.С. Гавриленкова, в которой дается общая иконографическая характеристика гербов территориально-административных единиц города Москвы. Автор выяснил, что в гербах столичных муниципальных образований преобладают исторические сюжеты и использовано 284 фигуры и их разновидности, которые по традиционным геральдическим категориям распределяются следующим образом: первостепенных – 21,48 %, второстепенных – 4,93 %, естественных – 28,52 %, искусственных – 42,96 %, фантастических – 2,11 % [4, 20].

В последние годы появилось несколько гербовников, содержащих рисунки значительного числа современных городских и муниципальных гербов [5, 13-39]. Они позволяют с высокой степенью репрезентативности изучать территориальную геральдику Российской Федерации.

Со второй половины 1990-х гг. в Российской Федерации бытует юридически не закрепленная, но фактически действующая модель территориального герба. Ее основные положения изложены в методических рекомендациях, разработанных в Государственной герольдии (ныне Геральдический совет) при президенте РФ в 1998 г. [3, 32].

Они посвящены изложению правил формальной геральдики. Причем они не просто пересказывают общепринятые положения, а содержат некий концептуальный подход к визуальной модели. В методических рекомендациях вводится ряд иконографических ограничений, а также формулируется несколько требований к внешней стороне герба. Запрещается изображение конкретных архитектурных сооружений (зданий, памятников и др.) и общероссийской символики (двуглавого орла, российского флага). Элементы, которые являются исключительной принадлежностью нового и новейшего времени, а под ними подразумеваются преимущественно различные станки, оборудование, оружие и т.п., рекомендуется заменять «традиционными условными знаками-аналогами» [3, 11], например, молнией для электростанций, ромбами для текстильной промышленности и т.д.

Методические рекомендации поощряют составление гласных гербов, в которых эмблемы соответствует названию города или иного владельца. Благодаря этому гласные гербы получили широкое распространение в современном территориальном герботворчестве. Например, в гербе поселка Борисоглебского изображены Святые Борис и Глеб, в гербе Сусанинского района – Иван Сусанин, в гербе города Сосенского – сосна и т.п. [9, 52 – 81].

Методические рекомендации призывали расширять набор традиционно используемых в городских гербах эмблем за счет различных жи-

вотных, растений, фантастических фигур, в том числе заимствованных из регионального фольклора и народного искусства. Все это также нашло отражение в гербах. В частности, в гербе Лесного района изображен глухарь, в гербе Палехского района – жар-птица, в гербе Павлово-Посадского района – соответствующий региональному народному промыслу платок, в гербе города Электро-стали – бог Гефест [8, 324].

Вопреки сложившейся в русской геральдике традиции, в методических рекомендациях запрещается использование многопольных гербов. В гербах уездных городов XVIII в. поле делилось на две части горизонтальной линией, в верхней части помещался герб губернии, к которой относился город, а в нижней – эмблемы, характеризовавшие собственно уезд. В современной территориальной геральдике произошел возврат к модели, предлагавшейся в середине XIX в. бароном Б.В. Кёне. Герб вышестоящей административной единицы размещается в вольной части (квадрате в верхней правой или левой частях щита), а сам щит остается однопольным.

Элементом герба (коронам, шапкам, лентам, наградам, щитодержателям) методические рекомендации придают «геральдико-правовое значение атрибутов статуса» [3, 13] и рекомендуют отказаться от них. Тем не менее, на практике они получили довольно широкое распространение, вследствие чего изменилась и позиция официальных органов. В Геральдическом совете при президенте Российской Федерации был подготовлен проект введения корон для муниципальных образований. Предлагалось пять их разновидностей в зависимости от ранга владельца: городского округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения, внутригородских территорий города федерального значения [2, 11]. Корона внутригородской территории города федерального значения представляет собой золотую башенную корону без зубцов, сельского поселения – корону с тремя зубцами, городского поселения – башенную корону с тремя зубцами, муниципального района – корону с пятью зубцами, городского округа – башенную корону с пятью зубцами. Исторические города могут пользоваться особыми коронами. Например, в гербе Ярославля была разрешена шапка Мономаха, которая символизирует древность города и его бывший статус столицы удельного княжества.

Однако введение обязательных корон в современную территориальную геральдику Российской Федерации вызывает серьезные и аргументированные возражения. Как справедливо отмечал секретарь Геральдической комиссии города Москвы И.М. Карташов: «Использование герба муниципального образования должно быть обоснованно.

Нежелательно использование короны на бланках, печатях, вывесках, удостоверениях и в иных официальных случаях, поскольку это перегружает изображение, делает его излишне дробным» [1, 10]. Одновременно он указывал на сложности при одновременном размещении герба муниципального образования рядом с государственным гербом Российской Федерации или иными гербами. Дело в том, что при одинаковом размере геральдических щитов (что закреплено законодательно) герб с короной окажется большим по размеру, что будет означать его первенствующий статус. Выходом из подобной ситуации может быть уменьшение щита, чтобы размер щита с короной муниципального образования равнялся щиту государственного или иного гербов. Анализируя ситуацию, И.М. Карташов пришел к выводу о том, что в случае совместного использования гербов различных уровней герб муниципального образования целесообразно употреблять без короны. В целом, он отметил, что, не отрицая возможности бытования короны теоретически, следует относиться к ней с осторожностью, и использовать ограниченно – на почетных грамотах, благодарностях, должностных знаках. К настоящему моменту вопрос о коронах в гербах муниципальных образований остается открытым, хотя явочным порядком они вводятся.

Награды в современной территориальной геральдике довольно редки и присутствуют преимущественно в виде орденских лент. Часто используется лента ордена Ленина, которые области получали в 1960-1970-е гг., например, она есть в гербах Архангельской, Липецкой и Рязанской областей. Орденские ленты, как и другой элемент – щитодержатели были связаны в методических рекомендациях с вопросом о статусе владельцев и определены, прежде всего, для гербов субъектов Российской Федерации или их центров.

Механизм проведения в жизнь рекомендаций 1998 г. был следующим. Согласно законодательству, Государственная герольдия (в настоящее время Геральдический совет) проводят обязательную геральдическую экспертизу всех территориальных гербов перед их внесением в Государственный геральдический регистр. Цель экспертизы заключается в определении, насколько иконография герба соответствует принятым в геральдике формальным правилам. На практике государственные органы геральдики не выносят положительного решения по гербу, если он не соответствует их методическим рекомендациям, даже если не противоречит общепринятым в геральдике правилам. Таким образом, проводится вполне определенная политика. Внесенные в Государственный геральдический регистр гербы довольно строго подчинены определенной иконографической модели.

В Государственном геральдическом регис-

тре Российской Федерации содержится несколько сотен территориальных гербов различного уровня [1, 47-90]. Это позволяет говорить об окончательном формировании иконографической модели современного территориального герба. Для нее характерен, прежде всего, эклектизм. В ее основе находится традиция, выработанная в середине XIX в. бароном Б.В. Кёне, соединенная с элементами, заимствованными из советской территориальной символики (это касается использования в некоторых гербах орудий труда и различных механизмов, советских наград и т.п.), а также с новациями, сформировавшимися на рубеже XX – XXI в. Все в комплексе это придает современной территориальной геральдике высокую степень визуального своеобозначия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный геральдический регистр (по состоянию на 1 января 2005 г.) // Бюллетень Геральдического совета при президенте Российской Федерации. Вып. 1. М., 2005.
2. Гербы и флаги муниципальных образований города Москвы. Ч. 2. М., 2005.
3. Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы: Методические рекомендации по разработке. СПб., 1998.
4. Гавриленков С.С. Современная московская символика. М., 2007.
5. Символика России. М., 2004
6. Гербы земель российских. М., 2002
7. Сапрыков В.Н. Государственная символика регионов России. М., 2004
8. Борисов И.В., Козина Е.Н. Геральдика России. М., 2005
9. Моченов К.Ф. Авторские работы по гербам областей, районов, городов, поселков и сел, внесенные в Государственный геральдический регистр Российской Федерации // Гербовед. 2004. № 69.
10. Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. I. М., 2003.
11. Арсеньев Ю.В. Геральдика. М., 1908.
12. Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. Пг., 1915.

A. Bagulin

ICONOGRAPHICAL PROBLEMS OF THE TERRITORIAL CREATION OF THE ARMS IN MODERN RUSSIA

Abstract: It is in this article the analysis of appearance, continuity and specific features of the Russian heraldry. We find the analysis of the existing literature to this subject, a modern legislative technique of creation and classification of the arms. After reading of this text, it is possible to come to conclusion about final formation of painting models of the modern territorial arms in Russia, about its characteristic, traditions, about their mechanisms. The article creates representation about modern territorial heraldry and reflects its high degree of a visual originality.

Key words: iconography, heraldry, creation of the arms.

РАЗДЕЛ III. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (395.1)

Аржанов К.А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО*

Аннотация. Вопрос о военном значении и административно-политическом статусе самого крупного укрепленного поселения Крымской Скифии — Керменчика, или Неаполя Скифского, существовавшего с конца III — начала II в. до н.э. по III в. н.э., решался и решается исследователями неоднозначно. Это городище рассматривается как мощнейшая крепость или столица позднескифского государства. Задача исследования: определить этапы военно-политического развития Неаполя Скифского и его политико-административный статус.

Ключевые слова: скифы, Неаполь Скифский, археологические источники.

Вопрос о военном значении и административно-политическом статусе самого крупного укрепленного поселения Крымской Скифии — Керменчика, или Неаполя Скифского, существовавшего с конца III — начала II в. до н.э. по III в. н.э., решался и решается исследователями неоднозначно. Это городище рассматривается как мощнейшая крепость или столица позднескифского государства. Моя задача определить этапы военно-политического развития Неаполя Скифского и его политико-административный статус.

Городской статус Неаполя непосредственным образом связан с его политико-административной функцией, определенной еще на раннем этапе исследования городища на основе рельефов и надписей, найденных в 1827 г., а также надписи, обнаруженной несколько позднее А.С. Уваровым [Уваров А.С. 1854, 525-537]. Открытие мавзолея скифской знати в 1946 г. и последовавшие за этим многолетние раскопки, при которых были обнаружены монументальные архитектурные сооружения, лапидарные памятники, обломки статуй, позволили П.Н. Шульцу предложить характеристику городской культуры, позволяющую рассматривать Неаполь как столицу, ставшую средоточием дружинной знати, сборщиков податей, в дальнейшем владевших землей и стадами [Шульц

П.Н.1953, с. 80-88]. В последнее время теоретическими исследованиями обоснован путь развития некоторых древних городов, выполнявших первоначально не экономические, а политико-административные, сакральные и военные функции. Лишь постепенно главный военный и административный центр страны приобретал многочисленные хозяйственные функции, а, следовательно, превращался в административную, хозяйственную и культурную полифункциональную систему, центр значительной округи, — собственно город.

Главное же, что можно совершенно определенно сказать в отношении Неаполя, — это то, что во все периоды своего существования, за исключением самого раннего, завершившегося в первой трети середины II в. до н.э., он обладал мощными фортификационными сооружениями, объектами монументальной архитектуры, развитым домостроением. В эллинистическое время (конец III — II в. до н.э.), судя по характеру застройки крепости, на ее территории сохранялись значительные свободные пространства.

Более плотная застройка крепостного двора площадью 20 га относится только к I в. до н.э. — I в. н.э., в это же время было плотно заселено не менее 10 га пригородной территории, и общая площадь составила около 30 га. Некоторые исследователи полагают, что для города характерно население не менее 5000 человек. Если применять показатель плотности населения, выведенный Б.А. Шрамко для укрепленных скифских поселений лесостепи, равный 200 человек на 1 га, то население Неаполя в I в. до н.э. — I в. н.э. могло достигать 6000 человек, при этом в пределах крепости проживало около 4000 [Шрамко Б.А. 1984, с. 223]. Подсчеты Т.Н. Высотской, основывающиеся на зерновых запасах жителей городища и среднемесячной норме потребления, позволяют считать, что только в границах крепостного полигона могло проживать 2500—3000 человек [Высотская Т.Н. 1979, с. 96]. Определенное А.В. Симоненко количество обитателей крепости — 3500 человек, а с учетом пригорода — около 5000 [Симоненко А.В.

* © Аржанов К.А.

1986, с.158].

В настоящее время существует хорошо разработанная методика расчета количества и плотности населения для античных Центров Северного Причерноморья, подготовленная С.Д. Крыжицким [Крыжицкий С.Д. 1985, с. 94-103]. Однако в нашем случае все еще отсутствуют надежно обоснованные сведения о структуре позднескифской семьи, соотношении застроенной и незастроенной территории в различные периоды существования Неаполя, планировке внутрикрепостной застройки, соотношении наземных построек и полуземлянок, усадеб и улиц, планировке и площади типичной городской усадьбы, количестве приживавших в ней семей. Теоретически, исходя из аналогий с античными центрами, которые, вероятно, уместны из-за общего подражательного характера позднескифской фортификации, домостроительства и градостроительства, можно предположить, что при общей площади 20 га, 60% заселенной территории, 16% улиц на ней, площади городской усадьбы 100 кв. м и 7—8 ее обитателях, на территории крепостного двора Неаполя могло бы проживать 6000—7000 человек, но такое количество жителей вызывает сомнение.

По мощности, протяженности и совершенству крепостных сооружений Неаполь уже во второй половине II в. до н.э. превосходил все известные позднескифские городища.

Число бойцов, теоретически необходимых для нормальной защиты крепостных стен, было достаточно велико. Так, в соответствии с тактикой защиты непрерывных крепостных позиций даже в первой половине XIX в., когда уже повсеместно использовалось огнестрельное оружие, на одного человека приходился один погонный метр «стены». Протяженность линии обороны Неаполя на участках, доступных для штурма, составляла около 1100 м, протяженность пригодных для подъема участков Петровских скал, вероятно, защищенных, — около 300 м; не менее 200—300 человек могло входить в резервный отряд. Соответственно, гарнизон, защищавший самую протяженную в Крымской Скифии крепостную позицию, при таком подсчете мог составлять 1600—1700 человек, а может и больше (включая жителей округа).

Монументальная архитектура известна в Неаполе с эллинистического времени. Это мавзолей скифской знати, ансамбль главной городской площади [Высотская Т.Н. 1979, с. 58-59], включавший в себя и произведения монументального искусства, крупные каменные постройки на территории цитадели. Во II в. до н.э. здесь происходило постепенное формирование поселения городского типа, у которого во времена Скилура были хорошо выражены черты военно-административного центра.

Признаки экономического центра Неаполь

мог приобрести позднее — в I в. до н.э. — I в. н.э. Скорее всего, именно в это время его территория плотно застраивается, из монументальных построек функционируют здания мегаронного типа в районе акрополя, какое-то время продолжают захоронения в мавзолее, существует мощнейший фортификационный комплекс. Исследование ремесленного производства и торговли свидетельствует, что город являлся торговым центром крымского предгорья [Высотская Т.Н. 1979, с. 94-153]. Впрочем, собственное ремесло, судя по его незначительным остаткам, было не развито; возможно, это связано с интенсивной торговлей, сдерживавшей развитие местного производства. О присутствии в городе нескольких аристократических родов или семей говорят архитектура и декор вырубных склепов первых веков н.э., расположенных на восточном и западном некрополе.

По представлениям фортификаторов, наиболее важными стратегическими объектами в системе обороны государства, собственно крепостями, являются те укрепленные пункты, которые расположены в узлах пересечения путей сообщения и выполняют важную административную и военную роль. К числу таких крепостей и относится Неаполь, находящийся в районе пересечения основных путей Предгорного Крыма, — важнейший военный и административный центр государства. В подтверждение вышесказанного свидетельствует и то, что крепостные сооружения городища были сравнительно быстро восстановлены после разрушений II в. до н.э., а в дальнейшем, даже в период глубокого упадка II в. н.э., поддерживались в хорошем состоянии. В конце II — III в. н.э. последовал новый и последний подъем, однако заметное улучшение экономического положения не отразилось на состоянии крепостных стен городища.

Исходя из сказанного, в военно-политическом развитии Неаполя-Керменчика можно выделить три этапа:

- крепость — средоточие государственной власти — II в. до н.э.;
- мощный укрепленный город, видимо, остающийся столицей позднескифского государства в I в. до н.э. — I в. н.э.;
- крупное укрепленное поселение, представлявшее собой локальный центр долины Салгира и прилегающих к ней земель во II — III веках н.э.

Это подтверждает теорию о том, что Керменчик или Неаполь Скифский — столица скифского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айбабин А.И., Пиле Кр. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов. // Боспорские исследования II, Симферополь, 2002.

2. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-западном Крыму. Киев, 1972.
3. Высотская Т.Н. Скифские городища Крыма. Симферополь, 1975.
4. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979.
5. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.
6. Крыжицкий Д.С. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
7. Молев Е.А. Эллины и варвары // На северной окраине античного мира. М., 2003.
8. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
9. От киммерийцев до крымчаков // Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2006.
10. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925г.
11. Симоненко А.В. Военное дело населения Степного Причерноморья в IIIв. до н.э. – IIIв. н.э. // Дисс...канд. ист. наук. К., 1986.
12. Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. М., 1854.-кн.4.
13. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
14. Шрамко Б.А. Критерии выделения городов по археологическим данным. К., 1984.
15. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.
16. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
17. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1989.
18. Яковсон А.Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М., 1964.
19. Яковсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

K. Arzhanov
ADMINISTRATION AND POLITICAL STATUS
THAT SCYTHIAN NEAPOL

Abstract: To present the brief review of the systems of fortifying structures of the ancient cities, existed since the IIIc. – to beginning of the IIc. Before present epoch, so as to analyze some aspects of historical geography of the late Scythians state and the basic stages of its military and political history. This article account of classify the arguments, proving the theory that Scythian Neapol is the most powerful stronghold so as the capital of the late Scythian state.

Key words: Scythian, Scythian Neapol, Archaeological sources.

УДК 2:008:37

Пучков П.А.

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ В «СКАЗКЕ БОЧКИ» ДЖОНАТАНА СВИФТА*

Аннотация. Статья посвящена анализу памфлета английского сатирика Дж. Свифта «Сказка бочки». Исследуется проблема отображения в данном произведении истории Западного христианства, разделения его на несколько самостоятельных ветвей, роль англиканской церкви в свифтовской концепции государства.

Ключевые слова: английская литература, Дж. Свифт, «Сказка бочки», церковь, религия.

Тема религии в английской памфлетной литературе XVII—XVIII вв. — одна из наиболее популярных и значительных. Общественные движения и социальные потрясения шли рука об руку с религией, из нее черпали аргументацию, в религиозной идентичности видели гарантии стабильности, в религиозных и антирелигиозных спорах «закалялся» английский ум. Историк П. Гей метко окрестил просветителей «кукушкам христианского гнезда» [23, 368]. Вероисповедание авторов многочисленных эссе и памфлетов определяло

общую направленность произведения: католики критиковали кальвинистов, англикане — пуритан, и т.д. Не обошел вниманием религиозную проблематику и крупнейший английский сатирик эпохи Джонатан Свифт (1667—1745): критикуя в памфлете «Сказка бочки» все ветви Западного христианства, Свифт поднимает важный вопрос — какая из христианских церквей более предпочтительна с точки зрения внутренней стабильности Англии?

Среди исследовательских работ посвященных творчеству Дж. Свифта большинство составляют труды литературоведов и филологов. Наибольший интерес среди них представляют работы А.Н. Веселовского [2, 295—341], М.Ю. Левидова [10], В.С. Муравьева [14], А.И. Дубашинского [5; 6]. Среди историков литературная деятельность английских просветителей нашла отражение в работах Т.Л. Лабутиной [7; 8; 9]. Несмотря на значимость рассматриваемого произведения, оно не получило должного освещения в трудах отечественных специалистов. Содержательные очерки А.В. Луначарского [12, 535—547] и И.А. Дубашин-

* © Пучков П.А.

кого [5, 45—60; 6, 32—76] являются редким исключением из правила рассматривать «Сказку бочки» вскользь (попытка Ф. Яковлева представить священнослужителя Свифта противником религии явно преследовала цели, отличные от научно-исследовательских, но требуется упомянуть и о ней [19]). Между тем, в «Сказке» Свифт впервые изложил свое понимание места англиканства в политической жизни страны рубежа XVII—XVIII вв.

Формирование религиозных взглядов Свифта относится к периоду студенческих лет, времени пребывания в поместье сэра Уильяма Темпла Мур-Парк, первого опыта священнослужительства в ирландском городке Килрут (1694—1696). Колледж Св. Троицы в Дублине, который Свифт окончил в 1686 г., готовил своих выпускников к священнической карьере и, следовательно, основными предметами изучения являлись теология и древние языки. Джонатан, получивший массу выговоров за неудовлетворительное поведение и пропуск занятий, получил степень бакалавра искусств с формулировкой «по особой милости», которая не давала права получить кафедру священника. Годы у Темпла оказали огромное влияние на формирование личности Свифта в целом, он перенял многие воззрения почтенного дипломата [7]. Килрутские приходы Свифт принял 28 января 1695 г. По словам исследователя Л.А. Ланда, Джонатан «попал в атмосферу, где Церковь и клирики проявляли себя с наихудшей стороны — определено, не самое благоприятное начало, достаточное для прекращения службы, способное оставить чувство глубокого отвращения» [25, 15]. Приходская церковь Килрута, чрезвычайно древняя, уже давно лежала в руинах, Свифт не прочитал в ней ни одной проповеди. «Сказка бочки», датируемая самим автором 1696 г., относится, таким образом, к поздне- и посткилрутскому периоду, знаменуя первое обобщение и анализ накопленного сатириком опыта.

«Сказка бочки» вышла из печати весной 1704 г., почти восемь лет спустя после написания. Фразеологизм, давший название произведению (*A Tale of a Tub*), в английском языке имеет значение пустой болтовни. Второе значение названия дал сам автор: «у моряков существует обычай, когда они встречают *кита*, бросать ему для забавы пустую бочку и тем отвлекать от нападения на корабль [*здесь и далее — курсив Свифта*]» [17, 295]. Кит — это множество «умников», которые своими писаниями раскачивают корабль-государство. Произведение, по замыслу автора, направлено на обличение «грубых извращений в религии и науке» [17, 274]. Искажения религии автор излагает в притче о трех братьях, Петре, Мартине и Джеке (Разделы II, IV, VI, VIII, X, XI). История их взаимоотношений составляет основную сюжетную линию

произведения, тогда как положение вещей в области науки автор затрагивает в четырех «Отступлениях» (Разделы III, V, VII, IX) [15]. В данной статье речь пойдет исключительно о религии.

«Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей...» [17, 274]. Умирая, он подозвал сыновей и преподнес им по кафтану, которые при бережном обращении сохраняются свежими и исправными в течении всей жизни владельцев, будут расширяться и удлиняться соответственно их росту. Всего два условия ставил отец сыновьям: «носить их опрятно» и «по-братски и по-дружески» жить в одном доме. Первые семь лет братья соблюдали указания покойного отца, но потом, оказавшись в некоем городе, принялись ухаживать за тремя дамами: герцогиней *d' Argent*, мадам *de Grands Titres*, графиней *d'Orgueil* (сребролюбие, честолюбие и гордыня). Кафтаны показали братьям устаревшими, тем более что в моду вошли аксельбанты, а затем золотые галуны. Не найдя в отцовском завещании дозволения на изменение кафтанов, братья решили его вывести самостоятельно, сначала поиском слогов, а затем и букв, составляющих слово «аксельбант». Но текст завещания отказывался предоставить братьям необходимые слога и буквы. Тогда они пошли на подлог — заменили недостающую букву. Далее история повторилась с галунами, атласом, серебряной бахромой, вышитыми индийскими фигурками мужчин, женщин и детей. Один из братьев попытался проявить недовольство, но остальные быстро поставили его на место. В довершение всего, братья, уставшие искать в завещании отца дозволения на украшение кафтанов, а при отсутствии оных — придумывать их, заперли завещание в крепкий ящик, «привезенный из Греции или Италии» [17, 324].

В такой аллегории Свифт рисует историю дореформационного христианства. После выхода «Сказки бочки» в свет, литератор У. Уоттон (1666—1727) опубликовал «Замечания о Сказке» [24, 37—46] — пространный отзыв, в котором разбирал символику произведения. Завещание отца, по мнению литератора, — Новый Завет; братья — ветви Западного христианства (Петр — католицизм, Мартин — лютеранство и англиканство, Джек — кальвинизм и диссентеры); украшение кафтанов — порча изначального христианства. Свифт показывает ее как реакцию братьев на вызовы моды, т.е. события извне, обмирщение религии. Каждое украшение символично: аксельбанты (непременная часть военного мундира имперской армии с XVII в.) и галуны, которые привез из Парижа некий вельможа, можно трактовать, на наш взгляд, как указание на конфликт папства со светской властью, конфликт «между *"sacerdos"* и *"rex"*, между священным владыкой и государем» [11, 326] сначала Священной Римской империи, а

затем французского королевства, завершившийся «Авиньонским пленением» пап (1309—1377). «Атлас огненного цвета», по Уоттону, символ Чистилища, догмат о котором был принят 6 июля 1439 г. (Булла *Laetentur Coeli* папы Евгения IV) [18, 500]. «Серебряная бахрама» — пышность римско-католической церкви (У. Уоттон). С внесения ее в кафтан начинается недовольство одного из братьев. Усмотреть историческую параллель здесь несложно: деньги на строительство базилики св. Петра римская курия зарабатывала продажей индульгенций в землях Империи, что вызвало возмущение виттенбергского монаха Мартина Лютера, изложенное в «95 тезисах» [13]. Наконец, вышитые «индийские фигурки» — идолопоклонство (У. Уоттон).

Любопытны способы, которыми братья извлекали дозволения на перекройку кафтанов. Аксельбанты едва не появились на одежде «*totidem syllabis*» (по слогам). Латинское слово *syllabis* восходит к тому же корню, что и греческое силлогистика. Галуны появились на кафтанах после того, как брат предпринял толкование завещания сквозь призму «Диалектики» Аристотеля, отца силлогистики (напомним, что идеи Стагирита служили философским базисом для классика схоластической мысли Фомы Аквинского [16, 542—555]). «Атлас огненного цвета», на который в завещании был строгий запрет, поскольку это изменение затрагивает самую сущность кафтана-религии, появился, когда один из братьев вспомнил об «особых приписках» к завещанию (сатира на апокрифы), которые он некогда читал. Остальные украшения также появились при более чем вольной трактовке завещания. Как отмечает специалист по английской литературе профессор Дж. Мюллер, «Свифт предположил... что интерпретация священных текстов, как правило, мотивировалась чем-то иным, нежели стремлением постичь волю Бога» [21, 209].

Ящик, «привезенный из Греции или Италии», в котором заперли завещание, — это греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата) переводы Библии (У. Уоттон), с которыми подавляющее большинство мирян не имели возможности ознакомиться самостоятельно (только Реформация сделает чтение Священного Писания доступным). Характерно, что братья еще не имеют имен и старшинства — для Свифта дореформационная церковь едина в своих действиях. Они пока еще живут в «одном доме», как и завещал отец. На этом заканчивается первый раздел истории братьев (Раздел II «Сказки бочки»).

Далее Свифт повествует о разрыве между братьями (Раздел IV). Петр (теперь у одного из братьев появилось имя), инициатор всех предыдущих изменений, занялся откровенным зарабатывани-

ем денег. «Прожекты» Петра — новые извращения религии. Другие два брата, пока безымянные, оказались в подчиненном положении. Они долго терпели верховенство Петра, но когда он повелел выгнать из дома их жен (целибат*), отказал им в причащении вином (католицизм запрещает причащение вином мирян**), а во время ужина вместо мяса предложил братьям хлеб, выдавая его за баранину (реальное и номинальное пресуществление***), они решили Петра покинуть. На требование братьев выдать им копию отцовского завещания Петр ответил проклятиями в их адрес.

В Разделе VI покинувшие Петра братья получают имена и, твердо решив «исправить все допущенные ошибки и принять в будущем все меры к строжайшему исполнению отцовских предписаний» [17, 351—352], приступают к делу. Тогда-то и проявилась разница характеров братьев. Мартин, рассудив, что целостность кафтана важнее, устранил лишь те украшения, которые возможно было снять, не повредив его. Это, по мнению Мартина, «больше всего соответствовало духу и смыслу отцовского завещания» [17, 353]. Иначе поступил Джек. Целостность кафтана его не заботила — он отрывал все без исключения украшения. В результате его кафтан превратился в лохмотья. Характер спокойного, благодушного, «флегматичного» Мартина резко контрастирует с неуравновешенным, переполненным злобой к Петру Джеком. В итоге, Джек доходит до помешательства рассудка, над ним потешаются прохожие, его начинают путать с Петром, ибо, как отмечает Свифт, «лохмотья всегда имеют какое-то забавное сходство с роскошью» [17, 392].

Разделы VIII, X и XI «Сказки» почти исключительно посвящены Джеку. Кальвинизм как религиозное учение рассматривается в Разделах VIII и X. Свифт делает акцент на двух положениях учения: учении о предопределении и боговдохновенности. Не остается в стороне и характер участия Джека в политической жизни: «При всех государственных переворотах он домогался должности

* Целибат являлся распространенной практикой в Западном христианстве начиная с VI в., фактически был признан обязательным для священнослужителей папой Григорием VII (1025—1085). Однако на уровне Вселенских соборов вопрос о целибате был поднят лишь в XVI в.: в ходе 24-й сессии Тридентского собора (11 ноября 1563 г.) были сформулированы «Каноны о таинстве брака», 9 и 10-е пункты которых затрагивали именно вопрос обязательности целибата для клира [18, 477].

** Декрет «О причащении под видом одного хлеба» был принят Констанцским собором в ходе 13-й сессии (15 июня 1415 г.) и закреплял реально существующую в Западном христианстве практику. Затем был подтвержден решениями Тридентского собора (21-я сессия, 16 июля 1562 г.) [18, 397, 407—409].

*** Вопрос о реальном и номинальном пресуществлении стал одним из ключевых в разрыве между церквями. В ходе 13-й сессии (11 октября 1551 г.) Тридентский собор принял декрет «О Святой Евхаристии»: неприемлющие реальное пресуществление должны быть отлучены от церкви [18, 477].

главного палача...» [17, 390]. Свифт, противник государственных и социальных потрясений, так определил роль английских диссентеров (пуритан) в революции и гражданской войне середины XVII в. История братьев должна была получить продолжение во второй части «Сказки», но она затерялась, и автор смог припомнить лишь некоторые детали так и не изданного произведения: Джек и Петр вступают в сговор с целью «обобрать до нитки» Мартина, которому, правда, удалось сбежать. Джек покинул Петра, украв у него «охранную грамоту» (свобода совести, дарованная подданным Яковом II). В довершении ко всему, «лохмотья Джека» вошли в моду при дворе нового английского государя — протестанта кальвинистского толка Вильгельма III Оранского.

С самого выхода в свет «Сказка бочки», хлесткая сатира в адрес церкви и религии, подпала под огонь резкой критики. У. Уоттон, имевший личные мотивы быть недовольным «Сказкой»*, отмечая негативный характер образов Петра и Джека, положительность на их фоне образа Мартина, делает вывод, что автору «омерзительно все, что связано с христианством» [24, 42]. Критик наметил два вопроса, которые долго будут подниматься исследователями этого произведения. Что первоначально в «Сказке бочки»: антиклерикальная направленность и сатира на религию, или апология англиканства как государственной церкви?

По нашему мнению, Свифт в «Сказке бочки» защищал англиканство, не как религиозное учение, но как государственную организацию, политический институт, жизненно необходимый для стабильности страны. Фигура Мартина, символизирующая, в первую очередь, англиканскую церковь, действительно выглядит наиболее предпочтительно в сравнении с Петром (католицизмом) и Джеком (диссентерами), представляет срединный путь развития Западного христианства. Но можно ли сказать, что образ этот исключительно положительный? К моменту разрыва между братьями первоначальный облик кафтанов уже был испорчен, Джеку и Мартину требовалось привести их в первоначальный вид. Только Джек довел начатое дело до конца, но повредил при этом сам кафтан, т.е. саму религию. Петр по сравнению с Джеком фигура более предпочтительная — его кафтан, пусть и стал неузнаваемым под плотным слоем всевозможных украшений, но остался цел. Мартин избрал иной путь — если устранение украшений могло привести к порче кафтана, как в случае с индийскими фигурками, он «сделал [их] неузнаваемыми». С чисто религиозной точки зрения, симпатии читателей должны быть на сторо-

* У. Уоттон, наряду с Р. Бентли, подпал под критику Дж. Свифта в ряде «Отступлений» «Сказки бочки», а также в «Битве книг», вышедшей в том же 1704 г. под одной обложкой со «Сказкой».

не Джека, именно он усердно старался привести религию в соответствие со Священным Писанием (завещанием). Но для Свифта, «в [его] проповедях, как и в памфлетах, религия неотделима от политики»**. Образы трех братьев следует рассматривать как в религиозном, так и в политическом контексте. Джек — диссентер, виновник социальных потрясений XVII в. В северо-восточном регионе Ирландии была сильна община пресвитериан, организованная эмигрантами из Шотландии. В окрестностях Килрута община существовала с начала XVII в. и составляла серьезную конкуренцию англиканской церкви [25, 19—21]. С приходом к власти в Англии статхаудера Нидерландов угроза англиканству, по мнению Свифта, еще более возросла. Именно поэтому Свифт уделяет так много внимания Джеку, обличает фанатизм диссентеров, кнутом сатиры бичует их вероучение и политический радикализм.

Далее. Петр — католик, образ папизма, постоянного участника антианглийских заговоров. Свифт имел возможность лично осознать угрозу государственной церкви со стороны католицизма, когда принял приход в Ларакоре, недалеко от Дублина (1701). Сатирик имел опыт служения в двух регионах Ирландии, где англиканская община составляла меньшинство: «диоцез Мита [в который входил Ларакор] отличался от диоцеза Дауна и Коннора тем, что Свифт со своей маленькой Ирландской церковью нашел себя в окружении бесчисленного множества уже не пресвитериан, а католиков» [21, 162—163]. Среди отечественных исследователей наиболее рельефно апология англиканской церкви как государственного института раскрывается у А.Н. Веселовского: «В этой защите была даже как будто патриотическая основа, убеждение, что крепость церковной организации будет содействовать упрочению национального и государственного единства» [2, 318].

Антиклерикализм в «Сказке» также стал темой исследования многих специалистов. Д. Байуотерс, к примеру, полагает, что хотя основной целью свифтовской сатиры и являются диссентеры и католицизм, клириков государственной церкви Свифт также не обошел вниманием: «несмотря на поддержку Английской церкви, Свифт пошел дальше — он отделяет себя от “могильщиков божественного”, чей узкий профессионализм, дурные манеры и обыкновенная тупость наносят... ущерб делу» [20, 583]. Отечественная исследовательница Е.М. Вургафт, также делает акцент на

** Эту в высшей степени справедливую мысль высказал на ежегодной конференции посвященной творчеству Дж. Свифта (Annual Symposia on Jonathan Swift, 2003) профессор Нью-Йоркского университета Денис Донохью. К сожалению, симпозиум не публикует материалов конференций, но отдельные материалы доступны в интернете: <http://www.unh.edu/english/swift/2003/donoghue.htm>

двоякость произведения, отдельно выделяя антиклерикализм: «Суеверия и фанатизм, с одной стороны, продажность ирландского духовенства, проводника английской политики угнетения — с другой, — вот на что, главным образом, направлен огонь его антиклерикальной сатиры» [4, 33]. Интересно точка зрения по этому вопросу профессора городского университета Нью-Йорка Анны Б. Гардинер. Рассматривая религиозные произведения Свифта (и «Сказку бочки» в их числе) сквозь призму идеи о возвращении к ранней апостольской церкви, она пишет: «В оппозицию Мэтью Тиндалу, который не видел разницы между священством и мирянами, Свифт заявляет: “епископы были всегда: это древний принцип. Также и семья остается прежней, хотя мы не уверены в чистоте каждого из ее членов”»*. Иными словами, профессор Гардинер считает, что Свифт, сам священник, понимал важность клириков для функционирования такого института как церковь и приводил в качестве аналогии институт семьи, который, несмотря ни на что, остается важной, основообразующей частью общества. Собственно в истории братьев мы не находим антиклерикальной сатиры, так как организационную и обрядовую стороны вероучений Свифт освещает только касательно сект диссентеров, которые не имеют церковнослужителей в привычном понимании этого слова. В «Апологии автора», добавленной в издание 1710 г., Свифт, обращаясь к священнослужителям англиканской церкви, замечает, что «в ней [книге] не содержится ничего, что задевало бы их, ни малейшей грубой выходки против их личности и профессии» [17, 275]. Нет никаких оснований не верить автору — Свифт предпочитал клеймить не имена (институты, организации, профессии и т.д.), но пороки [17, 780].

«Сказка бочки» имела громкий успех, дебют Свифта на литературном поприще состоялся именно этим произведением (изданный анонимно в 1701 г. памфлет «Рассуждения о раздорах и разногласиях знати и общин в Афинах и Риме», по масштабу произведенного им общественного резонанса, не шел ни в какое сравнение со «Сказкой»). Но большинство читателей восприняло «Сказку» как антирелигиозное произведение. Отзывы на первое издание пестрели характеристиками «скандальная», «глупая», «бессмыслица» [24, 31—35]. Свифт был чрезвычайно резок, высмеивая фанатизм диссентеров и грехи папства, резок настолько, что, по словам Вольтера, «попотчевал... трех сыновей сотней розог; но... розги были настолько длинны, что задевали и отца» [1, 150]. При дворе королевы Анны произведению и его автору дали негативную оценку, что во многом послужи-

ло причиной неудачной карьеры сатирика — для Анны Свифт навсегда останется хулителем веры, религии и церкви. «Сказка», таким образом, не только открыла Джонатану Свифту дверь в общественную и политическую жизнь, но и определила границы, за пределы которых ему так и не удастся выйти.

Апология Свифтом государственной церкви позволяют отметить характерную особенность английского Просвещения, его отличие от французского. Вольтер, большой поклонник сатирического таланта английского писателя, нещадно критиковал не только англиканскую церковь, но и христианство в целом. «Правление гражданское и церковное», которое Вольтер считал «надругательством над разумом и над законами» [3, 307], совершенно не представляется таковым в работах Свифта и английских просветителей. Наоборот, господство государственной англиканской церкви — гарантия социальной и политической стабильности, в сотрудничестве и взаимопонимании двух институтов (церкви и государства) — залог процветания нации. Историк Р. Портер, говоря об отличительных особенностях английского Просвещения отмечает именно эту черту: «Английская мысль шла к пониманию: между личностью и обществом, представителями торговли и аристократии, совестливостью и эгоизмом, наукой и религией» [22, 13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникст А.А. История английской литературы. М., 1956.
2. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М., 1907.
3. Вольтер. Сочинения. М., 2005.
4. Вургафт Е.М. Сатирическая поэзия Свифта. М., 1948.
5. Дубашинский И.А. Рождение свифтовской сатиры // Филологические науки. Научные доклады Высшей школы. 1966. № 3.
6. Дубашинский И.А. Памфлеты Свифта. Рига, 1968.
7. Лабутина Т.Л. Свифт и Темпл: Из истории раннего английского Просвещения // Новая и новейшая история. 1994. №2.
8. Лабутина Т.Л. Общественно-политические взгляды Дж. Свифта // Общественная мысль в контексте истории культуры. М., 2004.
9. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
10. Левидов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 2008.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2007.
12. Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1957.
13. Лютер М. 95 тезисов. СПб., 2002.
14. Муравьев В.С. Джонатан Свифт. М., 1968.
15. Пучков П.А. Наука и образование в «Сказке бочки» Дж. Свифта // Проблемы отечественной и зарубежной истории. Сб. ст. Вып. 3. М., 2007.

* Annual Symposia on Jonathan Swift, 2002: <http://www.unh.edu/english/swift/2002/gardiner.htm>

16. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2007.
17. Свифт Дж. Путешествие Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стеллы. Письма. Памфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта. Сб./Дж. Свифт. М., 2003.
18. Христианское вероучение. Догматические тексты учительства церкви III—XX вв. СПб., 2002.
19. Яковлев Ф. «Сказка бочки» Дж. Свифта // Наука и религия. 1960. № 8.
20. Bywaters D. Anticlericism in Swift's "Tale of the Tub". Studies in English Literature, 1500—1900. Vol. 36. Issue: 3.
21. The Cambridge Companion to Jonathan Swift. Cambridge, 2003.
22. The Enlightenment in the national context. Ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge, 1981.
23. Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. The Rise of Modern Paganism. New York, 1967.
24. Jonathan Swift: The Critical Heritage. Ed. by K. Williams. London, 1995.
25. Landa L.A. Swift and the Church of Ireland. Oxford, 1954.

P. Puchkov
CHURCH AND RELIGION IN SWIFT'S "TALE OF A TUBE"

Abstract: This article considers the problem of reflection on history of Western Christianity, its separation on several independent branches, the role of Anglican Church in England in Swift's "Tale of a Tube".

Key words: English literature, Jonathan Swift, "A Tale of a Tube", church, religion.

УДК 347.265.11(474+470)

Сытин А.Н.

ПОГРАНИЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ БАЛТИИ И РОССИЕЙ*

Аннотация. Автор рассматривает основные аспекты истории дипломатической подготовки и ратификации договоров о границе между странами Балтии – Латвией, Литвой и Эстонией и Россией после их выхода из состава СССР и присоединения к Европейскому Союзу и НАТО. Особое внимание уделяется дипломатической борьбе Латвии и Эстонии с Россией по вопросу ратификации этих договоров.

Ключевые слова: Страны Балтии, пограничное урегулирование, Россия, ратификация, дипломатическая борьба.

Вопросы урегулирования пограничных отношений между странами Балтии и Россией относятся к малоизвестным и достаточно запутанным аспектам международных отношений на постсоветском пространстве. Политически информированному российскому читателю известно лишь, что в результате длительной дипломатической работы были достигнуты определенные договоренности. Однако если работа в области пограничных отношений между Латвией и Литвой, с одной стороны, и Россией с другой, была доведена до конца, то пограничный договор с Эстонией Россия не ратифицировала до сих пор. О причинах такого положения с учетом политической позиции Балтийских государств и пойдет речь в статье.

Подобно ряду других аспектов двусторон-

них отношений, вопросы территориального разграничения не получили решения на начальном этапе, сразу же после провозглашения бывшими советскими республиками Прибалтики независимости. Договоры об основах межгосударственных отношений лишь декларировали взаимное уважение прав сторон на территориальную целостность, в соответствии с Хельсинкским заключительным актом о нерушимости границ. Предполагалось, что режим государственной границы будет определен специальными двусторонними соглашениями, которые предполагалось подготовить позднее. Дипломатическое решение пограничных вопросов проходило одновременно, а зачастую даже отставало от фактического процесса обустройства пограничной линии.

Проблема границ Латвии, Литвы и Эстонии возникла еще в 1990-1991 гг., когда эти тогда еще советские республики, объявив о независимости от Москвы, начали устанавливать квазитаможни на административной границе с целью воспрепятствовать вывозу со своей территории продовольствия в условиях тотального дефицита.

Официальные переговоры о границе начались в 1992 г. поначалу они проходили в рамках общих межгосударственных переговоров, а после вывода российских войск, с обеих сторон были сформированы специальные делегации для переговоров о границе. В общей сложности протяженность границы стран Балтии с Россией составляет 1025,7 км. Процесс оформления границ проходит

* © Сытин А.Н.

два этапа – делимитацию: определение границ на карте, и демаркацию – определение границы на местности. В начале 90-х годов Россия проводила демаркацию границ в одностороннем порядке при непротивлении сопредельных государств. Делимитация, являясь практической реализацией принципа нерушимости границ, допускает взаимную микрокорректировку границы на карте специального масштаба, где подробно расписывается прохождение границы. Работа по составлению таких карт заняла около десятилетия и была завершена лишь к 2003 году. Дипломатическая же работа над текстом договоров была завершена несколько раньше – в 1997-1999 гг. С Латвией у России был подготовлен один договор, а с Литвой и с Эстонией – по два, ибо было необходимо разграничение не только сухопутного, но и морского пространства: с Литвой – в районе Калининграда, с Эстонией – в Нарвском и Финском заливах. В конце 90-х годов тексты договоров с обеих сторон были завизированы главами делегаций, теперь их необходимо было подписать на уровне глав правительств и ратифицировать в парламентах. Именно этот процесс оказался наиболее сложным во взаимоотношениях стран Балтии и России.

Одновременно с работой по подготовке межгосударственных соглашений шла практическая работа по созданию пограничной инфраструктуры. Это требовало значительных финансовых затрат. За счет специальных программ ЕС страны Балтии взяли на себя финансирование определенной части необходимых на пограничное обустройство. Наиболее динамично шло обустройство участка границы Эстонии с Россией в Ленинградской области. В 1997 г. Латвийские железные дороги достигли соглашения с Октябрьской железной дорогой о совместном финансировании переоборудования пункта на станции Сабез в единый пограничный пункт. В 1999 г. на границе Эстонской Республики и РФ открылся российский консульский пункт для оформления въездных виз туристов третьих стран, направляющихся через территорию Эстонии в Россию. В том же году в рамках программы ТАСИС Эстония выделяет средства на создание контрольно-пропускного пункта «Ивангород-Нарва», а МПС РФ выделило значительные средства на обустройство Ивангородской приграничной станции и реконструкцию федеральной дороги «Нарва».

Важным направлением в конце 90-х годов стало развитие приграничных территорий, что было выгодно обеим сторонам. В Эстонии, а несколько позднее и в Латвии, была принята специальная программа развития именно пограничных с Россией территорий, отличавшихся сравнительно низким социально-экономическим уровнем, особенно это было заметно в области инф-

раструктуры, развитие которой целесообразнее осуществлять в рамках совместных проектов. Эти проекты получили развитие не только на межгосударственном, но и на межрегиональном уровне, где сотрудничество оказалось даже более эффективным. В качестве примеров можно привести успешное сотрудничество УВД Псковской области с департаментом полиции Эстонской Республики по борьбе с угонами автотранспорта и розыску предметов, представляющих историческую и художественную ценность. Другим примером регионального сотрудничества стала поставка сланцев из ленинградской области для эстонских электростанций. При этом, в течение длительного времени 90-х годов эстонская сторона шла на уступки российской, сохраняя бартерный обмен и отказываясь от расчетов в твердой валюте.

Таким образом, ко второй половине 90-х годов у стран Балтии сложилась реально действующая граница с Россией. Плотность объектов пограничной инфраструктуры, конечно, уступала европейским стандартам, но все же это была «работающая», достаточно хорошо оборудованная граница.

Наиболее быстро и безболезненно пограничные вопросы были решены между Литвой и Россией. Договоры были подписаны в 1997 г., ратифицированы в 2003 г. и тогда же вступили в силу. Более чем пятилетняя задержка с ратификацией соглашений Госдумой РФ объяснялась тщетной надеждой российской дипломатии на то, что неурегулированность пограничной проблемы мешает вступлению стран Балтии в ЕС и НАТО. Этот расчет не оправдался: обе организации сочли, что реально оборудованной и функционирующей границы вполне достаточно. Со своей стороны, Россия стремилась опережающими темпами подписать соглашение именно с Вильнюсом. К этому подталкивала заинтересованность в статусе и обеспечении безопасности Калининградской области. Кроме того, в отношениях России с Литвой отсутствовала проблема обеспечения прав русскоязычного населения: Литва стала единственной из трех балтийских стран, которая в момент обретения независимости автоматически предоставила литовское гражданство всем постоянным жителям страны.

Вместе с договором об основах межгосударственных отношений 29 июля 1991 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в экономическом и социально-культурном развитии Калининградской области РСФСР, статья 1 которого зафиксировала признание «нерушимости существующей границы между Российской Федерацией и Литовской Республикой на всем ее протяжении».[1]

Положительное отношение Вильнюса было

предопределено тем историческим фактом, что территория Литвы в составе СССР была значительно расширена. В 1939 г. Литовская ССР получила не только свою нынешнюю столицу Вильнюс, до этого принадлежавший Польше, и важнейший порт на Балтийском море Клайпеду, но и ряд белорусских земель. Соответственно, Литва не могла выставлять каких-либо территориальных претензий.

Совершенно другую позицию заняли Латвия и Эстония. В основу государственного устройства этих республик, также как, впрочем, и Литвы, был положен принцип прямого восстановления государственности, существовавшей с 1920 по 1940 гг., насильственно прекращенной в 1940 г. Латвийские и эстонские политики посчитали, что если государство возобновляет свое существование после перерыва, вызванного насильственными причинами, то сохраняют свою силу и международные соглашения, заключенные этим государством до прекращения своего существования. При таком подходе латвийско-российская и эстонско-российская границы должны проходить в соответствии с условиями Рижского и Тартуского договоров, заключенных соответственно Латвией и Эстонией с РСФСР в 1920-е годы. Согласно этим договорам, Латвия и Эстония получили территории, которые при их вхождении в состав СССР, были возвращены в состав РСФСР. Практически сразу же после восстановления независимости 12 сентября 1991 г. Верховный Совет Эстонской Республики объявил недействительными решения Верховного Совета СССР о передаче Российской Федерации ряда территорий Ленинградской и Псковской областей общей площадью около 2,3 тысяч кв. км. 22 января 1992 г. было принято аналогичное постановление Верховного Совета Латвии в отношении Пыталовского и Палкинского районов Псковской области, площадью 1,6 тысячи кв. км. Эстония даже начала выдачу паспортов жителям «спорных» районов на том основании, что они являлись гражданами довоенной Эстонской Республики.

Россия с самого начала заняла в вопросе о границе жесткую позицию. В июне 1994 г. указом Президента Б.Н.Ельцина было принято решение об одностороннем обозначении на местности границы между Эстонией и Россией. В ноябре того же года Б.Н.Ельцин, посетив участок российско-эстонской границы, заявил, что «ни пяди земли русской не достанется никому!» [2]. Это опровергает широко распространенный в последнее десятилетие миф о последовательно капитулянтской внешней политике правительства Б.Н.Ельцина в первой половине 90-х годов, якобы готового уступить кому ни попадя исконно русские земли.

В конце 1994 года в Эстонии ушло в отстав-

ку праволиберальное правительство, а уже в мае 1995 г. президент Л.Мери заявил о готовности подписать договор о границе с Россией. К скорейшему урегулированию пограничных споров страны Балтии подталкивало желание скорейшей интеграции в Европейские структуры, условием вступления в которые было отсутствие пограничных конфликтов с соседями. В октябре 1995 г. на переговорах российской и эстонской делегаций в Пскове было согласовано положение об отсутствии у сторон взаимных территориальных претензий, а в ноябре 1995 г. в Таллинне была достигнута договоренность о том, что линия границы пройдет также, как проходила линия границы между ЭССР и РСФСР в советское время. В феврале 1996 года началась техническая работа по описанию границы. Эта кропотливая работа заняла ряд лет. Наконец, 18 мая 2005 года договоры о сухопутной границе и разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах между Эстонией и Россией были подписаны в Москве.

Подготовленный пограничный договор Эстонии и России предусматривал некоторый обмен территориями. Изменения в местоположении границы, проходящей по озерам и суше, учитывали в равной мере пожелания обеих сторон, уступивших друг другу по 128,6 гектаров суши и по 11,4 кв.км. поверхности озер. На озерах Россия получает, наряду с Эстонией, право пользоваться своей половиной фарватера и выход из Чудского озера к реке Нарве. Эстония, в соответствии со своими экономическими интересами, получила важные с точки зрения рыбного промысла части озера в районе острова Пийрисаар. Установленная договором государственная граница решила проблему узкой полосы приграничной территории на эстонской стороне, получившей название «Саасетского сапожка», ее площадь составляет 115,5 га. В обмен часть территории должна перейти к России – это лесной надел Маринова, площадью 68,9 га на юг от «Саасетского сапожка» в волости Меремья и 33,9 га территории Суурсоо в окрестности города Вярска. Граница на территории Эстонии потребовала отчуждения наделов, находящихся в государственной, муниципальной и частной собственности. Эстонская Республика приняла на себя обязательство выкупить эти земли у владельцев. Кроме того, граница была скорректирована еще в семи местах, что было связано с тем, что первоначально она разделяла пополам несколько хуторских сельхозугодий, а через российскую территорию проходили ЛЭП, принадлежащие компании Eesti Energia.

Положение о восстановлении утраченной в 1940 году государственности значительно осложнило процесс урегулирования пограничных проблем между Латвийской республикой и Россией.

Это положение является одним из краеугольных камней конституции Латвии. В ст. 3 сказано, что Латвия состоит из Курземе, Видземе, Земгале и Латгале. Отошедшая в 1940 г. к РСФСР Абрене (Пыталовский район Псковской области) являлась тогда составной частью Латгале. В Латвии, как в парламенте, так и в общественном мнении, весьма сильны были настроения, согласно которым, заключая договор о границе с Россией без Абрене, Латвия нарушает собственную конституцию. Договор о границе между Латвией и Россией был подготовлен и парафирован 7 августа 1997 года. Согласно его условиям, граница практически совпадала с административной границей ЛССР и РСФСР, а Пыталовский район оставался в составе Псковской области. Соответственно, Латвия отказывалась от каких-либо территориальных претензий по отношению к России. Однако процесс окончательного подписания и ратификации договора занял целых 10 лет.

Первоначально, Россия предложила увязать подписание договора с принятием политической декларации об основах межгосударственных отношений. По мнению Москвы, это значительно облегчило бы процесс ратификации. Однако Латвия наотрез отказалась связывать вопрос о пограничном урегулировании с такой декларацией. В Риге сочли, что предложенная Россией декларация содержит в себе завуалированное признание нынешних Балтийских государств новыми образованиями, а не прямыми наследниками довоенной государственности. Кроме того, как в Риге, так и в Таллинне восприняли содержащиеся в декларации указания на положение русскоязычного населения как вмешательство в свои внутренние дела.

Сейм Латвии принял так называемую «разъясняющую декларацию», в которой подчеркивалось, что Латвия, оставаясь прямым преемником довоенной Латвийской Республики, не отказываясь от международных договоров последней, в частности Рижского договора 1920 г., тем не менее, не имеет территориальных претензий к Российской Федерации. Содержащиеся в Декларации ссылки на Конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики», Закон «О международных договорах Латвийской республики» были восприняты в Москве как открытые претензии на восстановление Латвии в довоенных границах, включая Пыталовский район Псковской области, и фактическая денонсация достигнутых в 1997 г. соглашений.

В России, готовившейся к празднованию 60-летия победы в Великой Отечественной войне, была развернута беспрецедентная пропагандистская кампания, направленная не столько на дискредитацию самого пограничного договора, сколько

на создание внутри страны соответствующей юбилею патриотической атмосферы сплоченности и связи поколений. В этих условиях о подписании договора на уровне глав правительств и тем более о ратификации его Государственной Думой не могло быть и речи. Россия устами своего заместителя министра иностранных дел В.А.Чижова заявила в мае 2005 г., что «согласно этой декларации, граница становится временной демаркационной линией, а подписание договора никоим образом не касается прав латвийской стороны на Пыталовский район, принадлежавший Латвии по Рижскому миру 1920 г. По словам чиновника, Сейм Латвии считает такой подход не территориальной претензией, а желанием получить то, что принадлежит по праву. Этот документ, заключил В.А.Чижов, прямо намекает, что, подписав пограничный договор, латвийская сторона не откажется от выдвижения материальных претензий к России» [3].

Возникли трудности с ратификацией соглашения и у Латвии. Наиболее консервативно и националистически настроенные политики потребовали внесения изменений в ст. 3 Конституции, а для внесения в нее изменений необходимо проведение референдума. В то же время латвийское законодательство не предусматривает вынесения на референдум международных вопросов. Кроме того, к этому времени Латвия уже была членом разнообразных международных организаций от ОБСЕ до Евросоюза и НАТО. Президент В.Вике-Фрейберга подчеркивала, что подписание договора с отказом от Абрене не ставит под сомнение непрерывность существования латвийского государства с довоенного времени. «В 1991 г. Латвия восстановила независимость в тех границах, которые у нас физически имеются сегодня де-факто. Мы вступили в ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО в имеющихся на данный момент границах, декларируя, что у нас нет территориальных претензий, конфликтов и неясных вопросов с какой-либо из стран. Если бы мы декларировали, что Латвия считает Абрене своей неотъемлемой частью, это было бы воспринято как территориальные разногласия с соседями, и Латвия на сегодняшний день не являлась бы страной-участницей ни ЕС, ни НАТО. Вступая в международные структуры, гарантировавшие Латвии независимость, безопасность и развитие, нам волей-неволей нужно принять те реальности, которые сформировались в Европе, включая то, что Абрене или Пыталово больше не подконтрольно латвийскому государству» [4].

Сейм внёс доводам президента. 8 февраля 2007 г. был принят так называемый «уполномочивающий закон», заменивший собой «разъяснительную декларацию». Этот закон обязывал правительство подписать договор с Россией о границе.

В результате длительных дебатов из текста закона были исключена ссылка на ст. 3 закона «О международных договорах Латвийской Республики» и осталась лишь единственная ссылка на Конституционный закон «О государственном статусе Латвийской республики» от 21 августа 1991 г. [5].

Со своей стороны МИД РФ также пошел на определенные уступки, отказавшись от «гуманитарных обременений», связанных с правами русскоязычного населения и «пакетного» принципа, увязывающего подписание договора о границе с соглашениями в сфере социальной защиты, предотвращением двойного налогового обложения и защите инвестиций. К этому времени уже стало очевидно, что попытки использовать заинтересованность Балтийских стран в урегулировании пограничных вопросов для скорейшей евроинтеграции не удастся для получения от них уступок в государственно-правовой и политико-идеологической области, а также в области предоставления всему русскоязычному населению гражданства. Тем более, что с вступлением в ЕС актуальность этого вопроса заметно снизилась. Таким образом, российская сторона согласилась подписать договор, сопроводив свое согласие заявлением о том, что желает раз и навсегда исключить в любой форме возможные будущие территориальные и материальные претензии как в связи с так называемой «оккупацией», так и в связи с «государственной непрерывностью» существования Латвийской Республики с 1940 года.

27 марта 2007 г. премьер-министры двух стран М.Фрадков и А.Калвитис подписали договор о границе, ратификация прошла спокойно, и 18 декабря 2007 года состоялся обмен ратификационными грамотами. Вопрос о пограничном урегулировании между Латвией и Россией был решен.

Завершение этого долгого и непростого процесса вызвало позитивную реакцию со стороны Евросоюза и НАТО. Президент Еврокомиссии Ж.Баррозу и генеральный секретарь НАТО Я. де Хооп Схеффер выразили уверенность в том, что подписание соглашения будет способствовать улучшению пограничного сотрудничества в таких областях как управление границами, транзит товаров и борьба с нелегальной миграцией. Свое поздравление в связи с подписанием пограничного договора направил сторонам президент США Д.Буш.

Аналогичная по содержанию, но более острая дипломатическая борьба развернулась вокруг вопроса о ратификации пограничного договора между Эстонией и Россией. Основное отличие состояло в том, что если Латвия даже после вступления в ЕС и НАТО рассматривала пограничное урегулирование с Россией как вопрос двусторонних отношений, то Эстония с момента интеграции

в эти структуры подняла этот вопрос до общеевропейского уровня, превратив его из частной проблемы двусторонних отношений в фактор международных отношений. Эстонская дипломатия неоднократно подчеркивала, что с момента вступления страны в Евросоюз, граница с Россией стала границей между Россией и ЕС.

Подобная позиция стала результатом все того же просчета российской дипломатии, надевавшейся путем затяжек в решении пограничного вопроса отсрочить вступление своих Балтийских соседей в ЕС и НАТО и использовать их заинтересованность в урегулировании как средство давления в частности на Таллинн в вопросах о правах русскоязычного населения и статусе русского языка. Позиция же эстонской дипломатии привела к тому, что теперь уже на Россию пытается оказывать давление Евросоюз, делая вопрос о ратификации пограничного договора условием при переговорах об основах отношений между ЕС и Россией и облегчении визового режима для ее граждан, выезжающих в страны-члены ЕС.

Эстонский парламент Рийгикогу ратифицировал договор о границе с Россией в месячный срок. 20 июня 2005 г. 78 депутатов проголосовали за ратификацию, против высказались лишь четверо депутатов. Эта ратификация нелегко далась эстонскому правительству. 15 июня комиссия по иностранным делам прервала обсуждение договора во втором чтении, поскольку влиятельная фракция Res Publica в составе 28 человек заявила о несогласии с текстом преамбулы договора, указывая на то, что в документе нет упоминания об «оккупации» и «аннексии» Эстонии со стороны СССР. Однако на следующем заседании парламентские фракции достигли соглашения о том, что в преамбуле должно быть упомянуто о принятом 20 августа 1991 г. Верховным Советом Эстонской республики декларации «О государственной независимости Эстонии», а также о принятой парламентом 7 октября 1992 г. декларации, которая содержала ссылку на преемственность по отношению к провозглашенной 24 февраля 1918 г. Эстонской Республике и отмечала, что в 1940 г. Эстония «пала жертвой агрессии Советского Союза и была незаконно инкорпорирована в состав СССР». Кроме того, в упомянутых документах сохранилась ссылка на Тартуский мирный договор 1920 г., определивший границы Эстонии, заметно отличавшиеся от административных границ Эстонской СССР, ставших основой для установления границы по договору 18 мая 2005 г. В сопровождающем ратификацию заявлении правящей коалиции и официальном заявлении главы правительства А.Ансипа подчеркивалось, что, ратифицируя пограничный договор, Эстония, по сути, исполняет свой долг в отношении всего Европейского Со-

юза, вносит свой вклад в отношения между НАТО и Россией, которые, как и отношения Эстонии со своим восточным соседом должны базироваться на взаимовыгодном, равноценном и конструктивном партнерстве, базирующимся на европейских ценностях. При этом, добавил А.Ансип, продвижение в вопросах пограничных договоров не означает автоматических положительных изменений в других областях взаимоотношений между странами. Так, исторические и правовые позиции наших стран по-прежнему далеки друг от друга, – заключил эстонский премьер [6].

Подобное заявление, прозвучавшее в момент, когда в Москве еще не отгремели торжества по случаю 60-летия Победы, не могло не вызвать самую резкую реакцию. Российский МИД воспринял текст ратификационной преамбулы как односторонние поправки к условиям уже подписанного договора. В заявлении МИД РФ говорилось, что «ссылки на документы 1991-1992 гг. не соответствуют объективным реалиям, создают ложный контекст, лишают смысла саму ратификацию и обесценивают подпись Эстонии под договорами о границе, а, пусть и завуалированная ссылка на Тартуский мир 1920 года, таит в себе угрозу территориальных претензий со стороны Эстонии в будущем» [7]. МИД РФ рекомендовал Государственной Думе не ратифицировать договор, и Госдума, соответственно, его не ратифицировала. Касаясь этого вопроса в своем интервью средствам массовой информации, В.В.Путин заявил: «Мы отозвали подпись и поступили совершенно верно. Если даже абстрагироваться от политических оценок, с чем мы могли бы поспорить, считаю абсолютно неприемлемым какое-либо юридическое обоснование территориальных претензий одной страны к другой в рамках современной единой Европы», а министр иностранных дел России заявил, что всю работу по урегулированию пограничных проблем с Эстонией придется теперь начинать заново [8].

Эстонская сторона выразила досаду и недовольство. «Я не вижу никаких оснований для аннулирования договора. Парламент ратифицировал пограничные договоры и признал эстонско-российскую границу в таком виде, как она прописана в договорах, подписанных 18 мая 2005 г. в Москве, – заявил министр иностранных дел Эстонии У.Паэт. Касаясь вопроса о возможных требованиях компенсации ущерба, министр сказал, что решение о ратификации пограничных договоров не означает автоматически предъявления требований о возмещении ущерба» [9].

МИД двух стран обменялись нотами. Эстония утверждала, что заявления о том, что она добавила новые аспекты в закон о ратификации пограничных договоров, не соответствуют действительности. В ответной ноте МИД РФ напоми-

нал, что Россия согласилась на переговоры после неоднократных заявлений эстонской стороны о том, что и она не будет увязывать договоры с какими-либо политическими и прочими, не относящимися к делу вопросами. Ответственность за срыв ратификации договоров целиком была возложена на эстонскую сторону [10].

Между тем, в течение месяца, прошедшего с момента подписания пограничных договоров до ратификации его Рийгикогу, правительство Эстонии, в частности премьер-министр А.Ансип и министр иностранных дел У.Паэт проделали огромную работу как с оппозиционными националистическими силами в парламенте, так и с общественным мнением для того, чтобы добиться ратификации хотя бы в том виде, в котором она была осуществлена. Это, без сомнения, демонстрирует добрую волю эстонского руководства. Эта работа сопровождалась многочисленными заявлениями президента, главы правительства и министра иностранных дел об отсутствии у Эстонии каких-либо территориальных претензий к России.

Однако все эти объяснения и факты не изменили отношения России к вопросу ратификации. Оно по-прежнему отказывалась вернуться к этому вопросу в повестке дня Государственной Думы. Пограничное урегулирование между соседями зашло в тупик. Теперь единственным выходом представляется личная встреча президентов двух стран, которые могли бы поставить точку в затянувшемся споре. «Выход из созданного Россией тупика необходимо теперь искать через выведение диалога на высший уровень, стоило бы подумать о подписании президентами двух стран совместно декларации о двусторонних отношениях, которая позволила бы начать ратификацию пограничных договоров в Госдуме», – считает член комиссии парламента Эстонии по иностранным делам Тоомас Алталу [11]. Однако российская сторона не торопится предпринимать соответствующие шаги. Что же до эстонской стороны, то без кардинальных изменений в составе парламента и общественном мнении, а подобных изменений в обозримом будущем ожидать не приходится, она просто бессильна что-либо изменить. С другой стороны, отказ России от ратификации договора не создал для Эстонии препятствий в присоединении к Шенгенской зоне. Европейский Союз поддерживает позицию Эстонии и со своей стороны ожидает от России ратификации как шага доброй воли в ее отношениях с ЕС.

На сегодняшний день нет смысла пытаться прогнозировать будущее пограничного договора между Эстонией и Россией. Обострение отношений двух стран в связи с переносом памятника советскому воину-освободителю – Бронзового солдата из центра Таллинна и сопровождавшими

этот перенос событиями, а также политическая позиция Эстонии по историческим вопросам не позволяют надеяться на позитивные сдвиги в ближайшее время. Политические и экономические отношения двух стран, в том числе и многочисленные инициативы приграничного, в том числе регионального сотрудничества, оказались похороненными или, как минимум, отброшенными далеко назад. Реальные экономико-хозяйственные соображения уже в который раз принесены в жертву идеологическим мифам и политическим амбициям. И все же ход истории не остановить. Рано или поздно придется вернуться к проблеме пограничного урегулирования, и тогда, возможно, следующая попытка окажется более успешной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сайт посольства РФ в Литовской республике//Раздел «Политические контакты».
2. Совет по внешней и оборонной политике. Материалы доклада «Россия и Прибалтика»//http://www.svip.ru/live/materials.asp?m_id=68828&r_id6904
3. Интервью заместителя министра иностранных дел России В.А. Чижова газете «Время новостей» 18 мая 2005 г.//Департамент информации и печати МИД РФ
4. Сейм Латвии принял в первом чтении законопроект по договору о границе с Россией//<http://www.regnum.ru/news/776298.html> 02.02.2007.

5. Сейм Латвии уполномочил правительство подписать договор о границе с Россией//<http://www.regnum.ru/news/779555.html> 08.02.2007.
6. Политическая химия балтийских вод/Эстония за неделю//<http://www.regnum.ru/news/776298.html>
7. МИД РФ: ратификация пограничного договора с Эстонией в нынешней оскорбительной редакции невозможна//http://www.factnews/article/22Jun2005_no
8. «Россия недовольна формулировками пограничного договора с Эстонией»//<http://www.voanews.com/russian/archive/2005.06.28>.
9. "Postimees" 27.06.2005.
10. <http://www.pda.lenta.ru/news/2005.06.27/border/>
11. <http://www.pda.lenta.ru/news/2005.06.28/border/>

A. Sytin

BOUNDARY SETTLEMENT BETWEEN THE BALTIC STATES AND RUSSIA

Abstract: The author considers the basic aspects of history of diplomatic preparation and ratification of boundary treaties between the Baltic States – Latvia, Lithuania and Estonia and Russia after their secession of the USSR and joining to the European Union and the NATO. The special attention is given to diplomatic struggle of Latvia and Estonia against Russia concerning ratification of these contracts.

Key words: The Baltic states, boundary settlement, Russia, ratification, diplomatic struggle.

УДК 620.9.001.12/18 (474)

Сытин А.Н.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТРАН БАЛТИИ И РОССИИ В 2005-2008 гг.*

Аннотация. В статье подробно рассматриваются аспекты энергетической дипломатии стран Балтии от возникновения планов строительства газопровода Nord Stream до августа 2008 года. Современное состояние проблемы поисков странами Центральной и Восточной Европы энергетической независимости от России рассматривается в геополитическом поле, в частности, в связи с российско-грузинским конфликтом в августе 2008 г. и, еще более, «газовым конфликтом» России и Украины в декабре 2008 – январе 2009 гг.

Ключевые слова: энергетическая политика, страны Балтии, Российско-Балтийские отношения.

Планы строительства Североευропейского газопровода Nord Stream [1] создали узел поли-

тико-экономических противоречий как между Россией и ее ближайшими соседями по балтийскому региону, так и между странами-членами ЕС, одни из которых, как Германия, жизненно заинтересованы в скорейшем и успешном воплощении проекта, другие же относятся к нему резко отрицательно, усматривая в нем угрозу своей экологической и экономической безопасности и даже политической стабильности и государственному суверенитету. С наиболее непримиримых позиций выступили Литва, Эстония и Польша, страны, территории которых традиционно еще в рамках существования СССР и СЭВ были связаны с транзитом российских энергоносителей потребителям в Западной Европе и которые опасаются утраты этой роли и, соответственно утраты доходов, поступающих в бюджет в качестве платы за транзит.

Попытки сорвать планы строительства Се-

* © Сытин А.Н.

вероевропейского газопровода прикрываются разговорами о необходимости добиться независимости от российских поставок, либерализовать рынок энергоносителей, исключить возможность использования вопроса о поставках энергоносителей в политических целях. Важнейшее место в политике ближайших соседей России, стремящихся к энергетической независимости от нее занимает поиск альтернативных вариантов поставок. Краткому анализу подобных попыток и посвящена настоящая статья.

Началом борьбы за «энергетическую независимость» можно считать прошедшую в начале июля 2005 года в Юрмале международную конференцию с участием политиков, экспертов и предпринимателей более чем из 15 стран. Конференция прошла под названием «Балтийские государства, Центральная и Восточная Европа – новые условия энергетической безопасности». Место проведения конференции было выбрано не случайно. Помимо не слишком дружественных отношений, сложившихся у прибалтийских стран с Россией, следует отметить тот факт, что по всем прогнозам Прибалтику в скором времени ожидает серьезный дефицит электроэнергии, напрямую связанный с нехваткой топлива, необходимого для ее выработки.

В области электроэнергетики наиболее стабильным пока представляется положение Эстонии. Ее потребности почти полностью покрываются за счет работы двух сланцевых ТЭС в районе Нарвы. Именно они вырабатывают 95% всей электроэнергии в республике. Пока энергодостаточной можно считать и Литву. Несмотря на закрытие с 31 декабря 2004 г. по требованию ЕС одного из двух блоков Игналинской АЭС, республика обеспечивает себя электроэнергией: до закрытия энергоблока станция обеспечивала свыше 80% внутрелитовского потребления, при этом 7,5 млрд.квт/час в год направляла на экспорт. Сейчас за счет работы второго энергоблока Литва кое-как покрывает свои потребности, но после запланированного на 2009 год закрытия второго блока она будет вынуждена импортировать до 50% необходимой ей электроэнергии [2]. Изначально планы остановки Игналинской АЭС включали создание «энергомоста», призванного соединить энергосистемы Литвы и Евросоюза. Речь идет о строительстве высоковольтной ЛЭП от Круонисской гидроаккумулирующей электростанции в Литве до польского города Элк. Кроме того, Литва имеет возможность расконсервировать достаточно крупную ТЭС в г. Электрреной, которая уже давно была законсервирована, ввиду избыточности в стране электрогенерирующих мощностей. Однако расконсервация требует значительных капиталовложений, а проект «энергомоста» так и остался на бумаге. «Мы прилагаем

все возможные усилия, однако Польша не проявляет инициативы в реализации проекта, не решены вопросы его финансирования», – жаловался тогдашний литовский премьер А.Бразаускас [2]. В связи с парламентскими выборами в октябре 2008 года в Литве было принято решение о проведении референдума с целью добиться отсрочки окончательного закрытия АЭС.

В Латвии электроэнергия вырабатывается главным образом на Даугавском каскаде ГЭС и рижских ТЭЦ. Однако отдача Даугавских станций сильно зависит от уровня воды в реке: на полную мощность они работают не более полутора месяцев в году во время весеннего половодья. В пиковые периоды Латвия уже сейчас вынуждена импортировать 30% необходимого ей электричества. При этом, начиная с 2000 г. в республике наблюдается устойчивый рост энергопотребления. Внутренний спрос на электроэнергию в Латвии стабильно растет на 3-5% в год.

После ввода в эксплуатацию новой ТЭЦ в Калининградской области Россия не нуждается более в прибалтийских мощностях для энергоснабжения региона. Мало того, планируется строительство в области атомной электростанции, после чего Калининградская область сможет экспортировать избыточную электроэнергию. Что же касается Прибалтийских республик, то с учетом роста энергопотребления и предстоящего закрытия второго блока Игналинской АЭС, они к 2010 году окажутся энергодефицитным регионом. При этом постройка новых ТЭС будет лишь увеличивать зависимость от российского экспорта, так как новые мощности будут работать на газе или мазуте, которые можно закупать лишь в России. В докладе Министерства экономики Латвии еще осенью 2004 года с тревогой отмечалось, что «фактическая зависимость от единственного канала поставок (российского) ведет «к политическим и экономическим рискам». Более того, «характерное для России подчинение экономических вопросов внешней политике не позволяет считать природный газ энергоресурсом, поставки и затраты на который можно уверенно планировать на долгий срок» [2]. В этой связи планируется строительство в течение 6-7 лет предположительно в Лиепае угольной электростанции.

Эксперты единодушно выступают против этой идеи, утверждая, что латвийские чиновники в данном случае сами грешат политизацией экономических интересов. Строительство такой ТЭС обойдется в 0,5 млрд. евро без учета затрат на углубление акватории Лиепайского порта, необходимого для приема груженых углем судов с большой осадкой. Себестоимость произведенной электроэнергии будет выше, чем при использовании газа за счет затрат на охрану окружающей

среды и очистные сооружения. Ведь уголь – один из самых опасных для окружающей среды видов топлива. Некоторые аналитики напрямую связывают проект такого строительства с интересами Евросоюза, который хочет переложить на плечи латвийских потребителей заботы о польских шахтерах, чтобы снизить затраты на закрытие в Силезии нерентабельных шахт. Предполагается и использование альтернативных источников энергии – солнца, ветра, однако наиболее реалистичным представляется план строительства третьего, более современного, энергоблока Игналинской АЭС вместо двух закрытых. Однако такое обновление мощностей потребует вложений в размере от 1,5 до 3 млрд. евро в зависимости от типа и мощности реактора.

Вместе с тем, согласно рейтингу зависимости стран от российских нефтегазовых поставок, составленному Институтом проблем естественных монополий и Институтом энергетики РФ, даже наиболее благополучная Эстония, наряду с другими прибалтийскими республиками и большинством стран Восточной Европы, отнесена экспертами к группе «А», то есть к тем странам, которые полностью привязаны к российским энергоносителям. В потреблении нефти и газа Эстонией доля России составляет практически 100%.

Подводя итог, можно сказать, что Газпром покрывает до 100% потребностей всех трех республик в газе (около 5 млрд. кубометров в год); импорт нефти и нефтепродуктов, газа и минеральных удобрений из России составляет 75% литовского, 60% латвийского и 50% эстонского импорта. На доходы от транзита российских энергоносителей приходится 25% латвийского и по 20% литовского и эстонского государственного бюджета. Таким образом, имеет место противоречие структурного характера. Несмотря на свои антироссийские высказывания и политику, проводимую в значительной степени под диктовку США, страны Балтии остаются настолько структурно близки и зависимы от России, что базовые интересы их национальных экономик властно толкают их к преодолению политических, а тем паче идеологических разногласий, к энергетической интеграции с Россией, поскольку все другие варианты представляются либо неоправданно дорогими, либо являются делом более или менее отдаленного будущего.

Со своей стороны Россия решительно взяла курс на ликвидацию любой зависимости от соседей в области транзита. Кризисы в отношениях с Белоруссией и особенно Украиной зимой 2005/06, 2006/07 и особенно 2008/09 гг., связанные с угрозами срыва поставок российского топлива европейским потребителям, окончательно убедили Москву в том, что необходимы прямые контакты. В реализации этих планов ведущую роль заняли

планы строительства Североевропейского газопровода Nord Stream и строительство терминалов на Балтике для снижения зависимости экспорта от прибалтийского транзита. В 2003 году вопрос о поставках российского газа в страны Евросоюза получил статус приоритетного направления. Тогда еще обсуждались три возможных маршрута «Ямал-2» – через Белоруссию и Польшу, «Дзинтарс» – через страны Балтии, и третий – по дну Балтийского моря. Инвесторы проявили интерес лишь к последнему варианту. Заинтересованных вкладывать средства в другие не нашлось.

Уже тогда Польша в качестве альтернативного предлагала проект «Амбер», который предусматривал транзит российского газа через Польшу, Украину, Латвию и Литву, однако этот проект не был принят европейской комиссией. В настоящее время, уже в течение 5 лет находится в стадии обсуждения финляндско-эстонский проект газопровода Baltic Connector. Он должен соединить газопроводы Западной Европы, Польши, прибалтийских стран и Финляндии. Уже достаточно длительное время просчитывается экономическая окупаемость этого проекта. Пока он получил принципиальное одобрение ЕС: принято решение о его частичном финансировании из европейских фондов. Разведка трасс для его прокладки проводилась компанией Soome Gazum. Периодически проводимые переговоры на уровне министров иностранных дел Эстонии и Финляндии У.Паэта и Э.Туомиоя фиксируют обоюдную готовность активизировать усилия по ускорению начала строительства этого газопровода. В зависимости от уточненного маршрута, протяженность газопровода составит от 80 до 130 км. стоимость строительства оценивается в 80-120 млн. евро, а предусматриваемые сроки работы определяются в 5 лет. Планы строительства предусматривают возможность привлечения к проекту Газпрома и Latvijas Gaze. Считается, что строительство газопровода позволит уменьшить прямую зависимость Финляндии от российского газа и позволит сделать производство электроэнергии в районе Хельсинки более экологически чистым.

Однако настоящий виток борьбы за «энергетическую независимость» связан с международной конференцией по безопасности в области энергетики, прошедшей в Вильнюсе в октябре 2007 года. Выступая на конференции президент Литвы В.Адамкус заявил о необходимости создания общей энергетической политики Евросоюза, выразив сожаление, что в настоящий момент ЕС не договаривается с поставщиками энергоресурсов «единым фронтом». По мнению литовского президента, некоторые страны, самостоятельно ведущие диалог со странами-поставщиками, подвергают риску всю энергетическую безопас-

ность Евросоюза. Прямо в его выступлении Россия не упоминалась, но направленность критики очевидна: именно Россия является одним из основных поставщиков энергоресурсов в Европу. Своего литовского коллегу поддержал президент Украины В.Ющенко. В его выступлении содержался призыв искать совместные подходы в праве обеспечения свободного доступа к энерготранспортным системам и подземным газовым хранилищам. Украинский президент признал законное право стран-производителей энергосырья устанавливать цены, объемы добычи и графики поставок, одновременно высказавшись за то, что «принципы определения цен, объемов и маршрутов поставок должны стать максимально понятными и прозрачными» [3].

Конференция продемонстрировала стремление ее участников действовать в обход России. Общий настрой форума наиболее ярко обозначил помощник заместителя госсекретаря США Мэтью Брайза, который заявил: «Мы не являемся сторонниками монополизма России, важна диверсификация поставок». По его словам, США поддерживают проекты развития добычи газа в Азербайджане, в первую очередь с целью снижения энергозависимости Европы от России» и продолжил: «наиболее оптимальным вариантом в этом контексте является проект Nabucco для экспорта газа из Центральной Азии и Азербайджана в Европу». Примечательно, что одновременно проект Nabucco лоббировал в Ашхабаде верховный представитель Европейского Союза по внешней политике и безопасности Х.Солана. Обсуждая с президентом Туркмении Г.Бердымухаммедовым тему газопроводов, представитель ЕС заметил, что «транскаспийский вариант – это финальная часть проекта Nabucco, который позволит выйти туркменскому газу на Запад в Европу» [3].

На конференции было подписано соглашение о прокладке нефтепровода Одесса-Броды-Плоцк-Гданьск, связывающего Черное и Балтийское моря. О совместном участии в строительстве договорились Азербайджан, Грузия, Литва, Польша, Украина. Проект стоимостью \$ 70 млн. предусматривает прокладку трубы пропускной способностью 14 млн. тонн в год от г. Броды (трубопровод Одесса-Броды введен в эксплуатацию еще в 2004 году, но пока по нему в черноморские порты идет российская нефть), к польскому городу Плоцку и далее к Гданьску. По замыслу партнеров, по продленному на север нефтепроводу в Польшу с дальнейшей перспективой выхода на западноевропейский рынок пойдет из Азербайджана каспийская нефть. Эксперты, оценивая этот проект, призванный стать альтернативой поставкам нефти из России в Восточную Европу, высказывают сомнения, сможет ли Азербайджан, единственная

нефтедобывающая страна, поставившая подпись под договором, обеспечить загрузку трубопровода. По оценке украинского эксперта В.Сапрыкина, минимальный объем нефти, необходимой для загрузки первой очереди составляет 9 млн. тонн [4].

Тем не менее, было принято решение о создании совместного международного трубопроводного объединения Sarmatia, которое приступило к подготовке технико-экономического обоснования (ТЭО) нефтяного маршрута. В состав Sarmatia вошли литовская государственная компания Klaipedos Nafta, Госнефтекомпания Азербайджана (ГНКАР), Грузинская нефтегазовая корпорация (ГНК), «Укртранснафта», и польская PERN. Уставный фонд составил 7 млн. польских злотых, что составляет приблизительно 2 млн. евро. АВ Klaipedos Nafta принадлежит 1% акций, остальные поровну (по 24,75%) распределены между другими участниками проекта. Правда, Литва намерена увеличить свою долю минимум до 20%. Этому вопросу был посвящен визит литовского премьер-министра Г.Киркиласа в Баку в апреле 2008 г. Формальным поводом для визита стало участие в бизнес-форуме азербайджанских предпринимателей. Литовский премьер призвал их активно вкладывать инвестиции в экономику своей страны. «Высокий экономический темп, достигнутый в Азербайджане, очень привлекателен для наших инвесторов, – сказал Г.Киркилас журналистам. То же самое можно сказать и о Литве. Я хотел бы пригласить бизнесменов Азербайджана вкладывать более активно капитал в нашу страну. Литва может служить воротами для бизнеса Азербайджана на широкие европейские рынки. При этом глава кабинета министров Литвы подчеркнул потребность Вильнюса в углеводородах, одну из кладовых которых представляет собой Каспий. «Литва заинтересована в том, чтобы проект строительства трубопровода Одесса-Броды-Плоцк-Гданьск, по которому каспийская нефть будет транспортироваться в Центральную Европу, был завершён как можно скорее. Это был бы первый трубопровод, который непосредственно соединит районы Каспийского и Черного морей с ЕС. Завершение его строительства даст возможность Литве получить альтернативные источники для обеспечения страны нефтепродуктами», – не скрыл Г.Киркилас [5].

Полностью поддержал идею строительства нефтепровода и министры иностранных дел Эстонии У.Паэт. На встрече в конце октября 2007 г. со своим азербайджанским коллегой Э.Мамедъяровым он назвал этот проект чрезвычайно рентабельным и выразил уверенность, что строительство нефтепровода от Каспия до Балтики будет обязательно реализовано. По словам эстонского политика, Евросоюз строит общую энергетическую политику, смысл которой заключается в том, что должны су-

ществовать альтернативные источники энергоресурсов и диверсифицированные пути их поставок. Эстонский министр также сообщил, что его страна всячески поддерживает идею создания в Евросоюзе группы дружбы с ГУАМ [6]. Нет сомнения, что Эстония станет одним из самых активных членов этой «группы дружбы», – добавил У.Паэт [7].

Активным идеологом и пропагандистом альтернативных российским поставок энергоресурсов выступил известный эксперт по вопросам конкуренции Алан Райли. Выражая сомнения в экономической целесообразности строительства газопровода по дну Балтийского моря, в возможностях и надежности такой компании как Газпром, эксперт выступает за скорейшую либерализацию рынка газа, который должен будет, по его мнению, поступать в Европу из различных источников, что неизбежно снизит его конечную цену для потребителя [7].

Вместе с тем, неправильно было бы представлять ситуацию таким образом, будто все соседствующие с Россией страны выступают единым фронтом, лишенным внутренних противоречий. Помимо комплекса проблем, связанных со стремлением помешать России и Германии реализовать план строительства Североевропейского газопровода, существуют достаточно острые противоречия между Россией и Литвой, в основе которых лежат проблемы энергетики и противоречия между самими прибалтийскими странами. Последние разрушают старательно взращиваемый в общественном политическом сознании миф о «балтийском единстве» и солидарности. Оба этих клубка противоречий тесно связаны между собой. Если в начале при планировании Североевропейского газопровода его главным противником и инициатором международных акций против него выступала Эстония, то в 2007-2008 годах эта роль постепенно переходит к Литве. Именно Литва оказалась в авангарде борьбы уже не с конкретным, пусть и весьма значительным, планом прокладки газопровода по дну Балтийского моря, а в целом с политикой России, направленной на достижение независимости от стран-транзитеров. Именно Литва сочла, что ее интересы ущемлены в наибольшей степени, хотя указанная политическая линия России в той или иной мере затрагивает все прибалтийские и не только прибалтийские страны.

В 2002 г. Россия прекратила прокачку нефти в латвийский порт Вентспилс. В 2003 министр иностранных дел Латвии обратился за поддержкой в ЕС, но Европейская комиссия отреагировала вяло, и обращение результатов не имело. Прокачка не возобновлена по сей день и по-видимому возобновлена не будет. В июле 2006 г. произошла авария на участке Унеча-Полоцк 1 и 2 в Брянской области трубопровода «Дружба», после

которой было решено прекратить подачу нефти на Литву. Литовские политики сразу же объявили остановку искусственной, вызванной политическими причинами, в первую очередь продажей единственного НПЗ в Прибалтике Mazeikiu Nafta польскому концерну PKN Orlen, а не российским нефтяным компаниям. На самом деле такое решение диктовалось не политическими, а сугубо техническими и экономическими причинами. Ростехнадзор с самого начала выражал готовность отремонтировать северную ветку нефтепровода, по которой в Литву поставлялась нефть при условии, что «Транснефть» профинансирует эти работы. Однако Транснефть не планирует подобных вложений, не желая зависеть от третьих стран-транзитеров. А вице-премьер России В.Христенко 31 мая 2007 г. на пресс-конференции заявил, что нефтепровод вновь открыт не будет [8]. Именно с этого времени и обострилась антирусская составляющая в литовской политике, а Литва, наряду с Польшей, стала выступать против России не в историко-идеологическом, как Эстония, а в реально политическом аспекте.

С точки зрения России, сделав свой выбор в пользу продажи НПЗ польской, а не российской компании, Литва должна осознавать, что ей придется загружать мощности комбината более дорогой нефтью, доставляемой морем. Из-за этого к себестоимости переработки барреля нефти прибавляется от \$2 до \$2,5. Работая на полную мощность, завод перерабатывает ежегодно 73 млн. баррелей, таким образом, цена вопроса для Литвы составляет \$146 млн. в год. Такова плата за «энергетическую независимость» от России [8]. При этом России гораздо выгоднее заниматься строительством новых объектов трубопроводно-транспортной инфраструктуры, чем ремонтировать старый изношенный нефтепровод «Дружба».

При этом, несмотря на рост издержек, польская Orlen намеревается вложить в Мажекайский НПЗ \$1,6 млрд. до 2012 года, а Литва, по свидетельству министра экономики республики Витаса Новицкаса, уже работает над целым рядом проектов, призванных снизить ее энергозависимость от России. Главной и первоочередной здесь является задача добиться от Еврокомиссии пересмотра решения о сроках закрытия второго блока Игналинской АЭС. Этому будет посвящен специальный референдум, проводимый в Литве одновременно с парламентскими выборами 12 октября 2008 г. в то же время в завершающую стадию вступило обсуждение соглашений со Швецией и Польшей об объединении к 2012 г. электросетей, при этом недостающее количество электроэнергии Литва планирует закупать на Украине, а газа в Польше. К 2015 году Литва, совместно с Польшей и другими балтийскими странами планирует построить

за \$5 млрд. собственный ядерный реактор. Правда, оценки экспертов указывают на то, что такой срок мало реален: в качестве возможного срока ввода в эксплуатацию называют в лучшем случае 2017-2018 гг. В стремлении во что бы то ни стало продлить срок работы Игналинской АЭС Литва получила поддержку США. Помощник заместителя секретаря администрации США М.Брайза осторожно поддержал литовскую просьбу, заявив, что тема о переносе срока закрытия АЭС может обсуждаться, ибо непонятно, как Литва продержится около 9 лет в условиях энергетического голода [9].

Ориентация Литвы на интеграцию с Польшей в значительной степени направлена в ущерб интересам Эстонии и особенно Латвии. Литва стремится превратиться из энергетического тупика, каковым она была в советское время, в крупного экспортера электроэнергии транзитом через Польшу в благополучную платежеспособную Германию. Со своей стороны, Латвии для того, чтобы участвовать в проекте и определить свою долю приходится ждать решений из Вильнюса и Варшавы, отстаивая свои интересы в отношениях с этими странами через Брюссель. Эстония со своей стороны вынашивает планы принять долевое участие в строительстве новой АЭС в Финляндии и стать ее совладельцем.

Еще более сложной проблемой для Литвы является российский газ, на долю которого приходится 75% отопления в республике. После ожидаемого в 2009 г. закрытия Игналинской АЭС доля российского газа в балансе топлива, идущего на выработку электроэнергии вырастет до 75% вместо нынешних 34%. На уже упоминавшейся Вильнюсской конференции в октябре 2007 года депутат Сейма Юлиус Веселка назвал решение ЕС о закрытии станции ошибкой, а ее экологическую угрозу для Европы мифом.

На этой же конференции президент Латвии В.Затлерс обратил внимание на то, что проект строительства новой атомной электростанции в Литве может стать вызовом единству стран Балтии. Латвия устами своего президента поддержала идею строительства новой АЭС, которая в долгосрочной перспективе послужит существенной предпосылкой к уменьшению дефицита электроэнергии в регионе, однако оно может угрожать единству стран Балтии, если не будет соблюдаться ранее принятый принцип равенства и партнеров. Соблюдение этого принципа, в свою очередь, невозможно без формирования единой энергетической политики на всем пространстве ЕС. Пока же комплекс мер, направленных на либерализацию энергетического рынка, развитие технологий использования возобновляемых источников энергии и повышение энергетической эффективности в целом не ведет напрямую к созданию единой согласованной по-

литики. До тех пор пока такая политика не будет выработана, Латвия склонна укреплять сотрудничество с Россией в энергетической сфере и принимать активное участие в диалоге об энергетической политике между Россией и ЕС [10].

Получается, что прибалтийские страны и Польша демонстрируют единство лишь на словах, проявляя готовность к борьбе с «российским энергетическим монополизмом». Однако как только дело доходит до отношений между самими субъектами балтийской политики, сразу же проявляются противоречия и задержки. До сих пор Литва и Польша по вине последней практически не продвинулись в подписании документов о строительстве в Литве новой АЭС и о создании компании, способной соединить энергосистемы двух стран. Варшава использует выгоды положения «старшего брата», и министр экономики Польши П.Вожняк заявил, что его страна не склонна спешить с реализацией проекта до тех пор пока Польша не получит гарантированно треть электроэнергии, которую станет вырабатывать новая АЭС. Литве оставалось лишь устами своего экс-министра иностранных дел А.Валиониса заявить, что «если соглашение о строительстве энергомота между Литвой и Польшей не будет подписано в ближайшее время, отношения между двумя странами окажутся на грани кризиса» [3]. На сегодняшний день литовская, впрочем как и латвийская, энергосистемы по-прежнему остаются интегрированными в российскую.

С обнадеживающими страны Прибалтики заявлениями недавно выступил В.Ющенко. Выступая на совете глав правительств стран Балтийского моря, проходившем в Риге в начале июня 2008 г., президент Украины объявил, что его страна в настоящее время модернизирует энергетический сектор, наращивает его мощности и ищет потенциальные рынки сбыта электроэнергии. Саммит в Риге практически продолжил тему совещания в Киеве, где также обсуждались вопросы встраивания республик постсоветского пространства в энергетический рынок. На киевском саммите собрались президенты Украины, Азербайджана, Грузии, прибалтийских государств и Польши. В качестве особого гостя был приглашен комиссар Европейской комиссии по вопросам энергетики латыш А.Пиебалгс. Главы государств рассмотрели концепцию создания Содружества энерготранзитных государств на пространстве от Балтийского до Черного и Каспийского морей. Была подготовлена подписанная уже в Риге декларация о принципах Содружества. Президент Казахстана Н.Назарбаев и российский премьер В.Путин уклонились от участия в саммите.

Анализ материалов конференции позволяет сделать вывод о наличии среди договаривающихся

ся сторон противоречий. Так, заметно различие позиций у участников проекта строительства трубопровода Одесса-Броды- Плоцк-Гданьск. Например, Азербайджан, политически поддерживая проект, увязывает реальное участие в нем с коммерческой целесообразностью. В Баку опасаются, что для доставки азербайджанской нефти в Европу потребуются использование комбинированных перевозок, включая железнодорожные и морские, что неизбежно скажется на стоимости нефти. Обсуждаются проекты наполнения трубы сырьем из Казахстана, Узбекистана или Туркмении. Казахстан ведет себя очень осторожно: министр энергетики республики С.Мынбаев заявил лишь о готовности принять участие в диалоге и при наличии благоприятных условий вынести соответствующее решение.

Вместе с тем, Казахстан сделал шаг навстречу Азербайджану в сторону обеспечения поставок казахстанской нефти на внешний рынок в обход России. 2 июля 2008г. Н.Назарбаев подписал Закон «О ратификации договора между республикой Казахстан и Азербайджанской республикой по поддержке и транспортировке нефти из республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской республики на международные рынки посредством системы Баку-Тбилиси-Джейхан». Этот закон может оказаться шагом к решению вопроса о наполнении со временем азербайджанской нефтяной трубы казахстанской нефтью. Правда, пока неизвестно, как скажутся на этом проекте августовские события в Южной Осетии и российско-грузинский вооруженный конфликт. Большинство российских экспертов по горячим следам поспешило похоронить проект в целом, объявив его безнадежным в условиях нестабильности в регионе. Безусловно, южноосетинские события на определенное, может быть достаточно длительное, время задержат реализацию проекта, но всякая напряженность когда-то спадает и говорить об окончательном крахе попыток бывших советских республик навести энергомосты в обход России, представляется недальновидным.

Подводя итоги, можно сказать, что на постсоветском пространстве ныне существуют весьма значительные противоречия между странами транзитерами и Россией. Обе стороны стремятся избавиться от советского наследия – единой энергосистемы СССР и выстроить независимые друг от друга пути. Если в случае России речь идет о путях реализации прямых поставок газа и углеводородов в «старые» страны ЕС, минуя бывших младших братьев по СССР и СЭВ, то с другой стороны отрабатываются противоположные сценарии. Речь идет о создании независимых от поставок из России энергосистем и, по возможности, также выстраивания путей экспорта энергоресурсов в те же страны ЕС в обход России.

Пока все преимущества на стороне России. За ней сложившаяся система договоров и поставок, инфраструктура трубопроводного транспорта, значительные материальные ресурсы и практически неисчерпаемые углеводородные и газовые запасы. Россия опережает своих конкурентов, значительно раньше и эффективнее приступив к реализации программы «Экспорт максимально через российские терминалы». Важнейшим шагом в этом направлении является строительство новых терминалов на Балтике в комплексе с созданием Балтийской трубопроводной системы (БТС), призванной вывести экспортную нефть и нефтепродукты к российским портам в Финском заливе – Приморску, Усть-Луге, Высоцку, совокупная мощность которых уже сейчас достигла 75 млн.тонн. Недавно принятое решение о строительстве АЭС в Калининградской области также дает основания говорить о том, что и здесь России удастся опередить своих конкурентов. В этом случае, избыточная электроэнергия будет направляться на экспорт, как на Запад, например, в Германию, так и на Восток – в Литву и Латвию, которые в этом случае останутся интегрированными в российскую энергетическую систему. Не следует забывать и о том, что планы строительства АЭС в Литве, Польше, Эстонии или Финляндии также ставят эти страны перед необходимостью контактов с Россией, поскольку обогащенный уран для этих АЭС они могут закупать только у нее. Надо учесть также и то, что азербайджанская нефть значительно дороже российской и вряд ли сможет составить ей реальную конкуренцию, а дипломатические усилия России в области двусторонних отношений с Казахстаном и Туркменией вполне могут предотвратить втягивание этих стран в антироссийский энергетический альянс.

В любом случае, как минимум на ближайшее десятилетие, Россия останется важнейшим поставщиком энергоресурсов. Ее конкуренты пока раздроблены и сильно отстают от нее. Вместе с тем, нельзя недооценивать сделанных России вызовов и отмахиваться от потенциальных опасностей. Конъюнктура изменчива, а противники России могут состязаться с ней в области внедрения новых технологий и научно-промышленных разработок. Нельзя сбрасывать со счета и то, что нынешние политические противоречия между странами-оппонентами России носят несистемный, непринципиальный характер и скорее всего со временем будут преодолены. Так что расслабляться не следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Об см. А.Н.Сытин Североевропейский газопровод в балтийской политике.// «Свободная мысль»№ 9(1592) 2008.С.39-54
2. С.Эдуардов. Прибалтика мечтает освободиться от России. Тщетно.// <http://www.utro.ru/articles/2005/0>

- 7/15/458514.html. 15 июля 2005.
3. «Двадцать стран высказались за общую энергополитику в обход России»// «Известия» 11.10.2007.
  4. «Соседи России постоят свой нефтепровод»//BBC. Russian.com 12.10.2007.
  5. С.Мамедов.«Балтийско-Каспийский альянс»// «Независимая газета» 22.04.2008.
  6. ГУАМ – региональная организация, включающая в себя Грузию, Украину, Азербайджан и Молдавию. Эти страны выразили политическую поддержку проекту нефтепровода Одесса-Броды-Плоцк- Гданьск.
  7. «Nord Stream обречен на провал»: Эстония за неделю//http://www. Regnum.ru/news/909553.html.03.11.2007.
  8. С.Болен. Письмо из Литвы: хотим свободы от российской «Дружбы»// “The International Herald Tribune”// http://www.inosmi.ru/stories/07/02/01/3502/235310.html.04.07. 2007.
  9. П.Шведов Северный поток уложат нежно.//http://www.fpiniz.ru/oil/article 1245513/15.11.2007. «Вильнюс умоляет ЕС не оставлять Литву наедине с энергетической России»//«Известия»,10 октября 2007г.
  10. Затлерс: Проект новой АЭС в Литве – вызов единству стран Балтии.// http://www.rosbalt.biz/2007/10/12/421964.html.12 октября 2007.

A. Sytin

ENERGY FACTOR IN THE RELATIONS BETWEEN BALTIC STATES AND RUSSIA IN THE 2005-2008

Abstract: The article examines in detail the aspects of energy diplomacy of the Baltic States from the emergence of plans to build a gas pipeline Nord Stream to August 2008. The current state of the search for the countries of Central and Eastern Europe's energy independence from Russia in connection with the Russian-Georgian conflict over South Ossetia in August 2008 and, even more, “gas conflict” between Russia and Ukraine in December 2008-January 2009 makes contact to the roots of this confrontation.

Key words: Gas pipeline Nord Stream, the power policy of Russia, search of power independence, the Baltic states, Russia.

УДК 327

Ломакина И.С.

ПОЛИТИКА КООРДИНАЦИИ ЕВРОСОЮЗА: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ*

Аннотация. Статья показывает введение и развитие открытого метода координации в рамках политики координации ЕС и Лиссабонской стратегии. Анализируются тенденции и особенности развития политики координации в процессе европейской интеграции.

Ключевые слова: политика координации, открытый метод координации, интеграция, лиссабонская стратегия.

Развитие политики координации является прямым отражением и следствием политических и экономических процессов, происходящих на глобальном, национальном и локальном уровнях, а также изменений в системе управления. Дж. Розенау предложил ввести новое понятие «фрагмиграция» (fragmigration) с целью отразить сочетание интеграции и фрагментации на уровне глобальной системы. Это особенно заметно проявляется в ЕС, где, несмотря на все растущую взаимозависимость и давление по направлению к общим образцам политики, невозможно устранить социально-экономическое разнообразие внутри сообществ.

Эта новая реальность выражается в выработке новых международных форм управления и вариантах их применения [1].

Запущенный в 1950-х гг. интеграционный процесс в Европе доказал свою состоятельность и достиг значительного прогресса, опираясь на два основных классических метода: метод сообщества и метод межправительственного сотрудничества. Однако ЕС не смог бы достичь новых результатов в своем развитии, если бы опирался только на эти методы.

Целью нового этапа интеграции, включившего совместный процесс национальных реформ до 2010 года, явилось сближение национальных социальных систем в ЕС. Об этом было заявлено на саммите Европейского Совета в Лиссабоне в 2000 году. В основу была положена новая концептуальная идея о построении единой европейской социальной модели, которая институционально закреплена в каждом государстве и привержена идеям «инвестиций в людей» и «активизации социальных политик» (подробнее см.: Ломакина И. Труд и социальные отношения. 2009. № 2). С тех пор развитие новой единой социальной модели было сфокусировано на сфере образования, исследовательской и технологической сферах, а

* © Ломакина И.С.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-00451а

также на развитии более активных социальных политик. Таким образом, в ЕС было принято решение против конкурирующих социальных систем, которые бы могли вызвать социальное падение, и за реорганизацию с опорой на сотрудничество и координацию всех государств благосостояния. Исправление асимметрии между валютным союзом и социальным союзом и внедрение Лиссабонской стратегии и единой социальной модели было организовано посредством открытого метода координации (ОМК). В Лиссабоне была определена четырехступенчатая архитектура ОМК, которая включила:

- разработку руководящих принципов для стран-членов ЕС и конкретных графиков достижения поставленных целей на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу;

- выведение количественных и качественных индикаторов и осуществление бенчмаркинга для сравнительной оценки проводимых политик с лучшими в мире показателями в данных областях;

- трансформацию разработанных на европейском уровне принципов на уровень национальной и региональной политики с постановкой специфических целей и задач и с учетом национальных и региональных отличий;

- периодический мониторинг, оценку и анализ, организованные в виде процесса взаимного обучения [2].

Согласно заключениям саммита, реализация Лиссабонской стратегии должна осуществляться в пределах настоящей институциональной архитектуры. Таким образом, правовой основой для ОМК и реализации Лиссабонской стратегии явились Договор об учреждении ЕЭС и Договор о ЕС (ст. 2, ст. 3, ст. 308). В реальной практике европейской интеграции политика координации и координационные процедуры, которые напоминают современный ОМК, применялись на протяжении нескольких десятилетий и нашли отражение в ряде положений договоров (политика координации в области занятости: ст. 3, ст. 125-30 Договора о ЕС; политика координации в области экономики ст. 4, ст. 98-9, ст. 202 Договора о ЕС; политика координации в области финансов, сельскохозяйственных рынков ст. 34, ст. 280 Договора о ЕС; политика координации связанная с решением сопутствующих вопросов в области образования, подготовки, здравоохранения и занятости ст. 35, ст. 46-47 Договора о ЕС; а также политика координации в области здравоохранения: ст. 152, трансевропейских сетей: ст. 155, промышленности: ст. 157, исследовательской сферы и технологических инноваций: ст. 165, сотрудничества в области развития: ст. 180 Договора о ЕС).

Запуск ОМК оказал воздействие на институ-

туциональное устройство ЕС. Несмотря на то, что институты реализуют свои полномочия и используют инструменты в соответствии с положениями договоров, ОМК вызвал атипичное распределение ролей среди институтов ЕС [3] по сравнению с традиционными методами. Кроме того, разнообразие процедур ОМК вызвало отличия в межинституциональных взаимодействиях в разных политических областях.

ОМК усилил лидерство Европейского Совета и Совета ЕС, а также роль и влияние государств. Европейский Совет, хотя он и не является институтом как таковым, выступил «главным координатором» процесса.

Воздействие же его на Комиссию вызывает споры. С одной стороны, главы государств в большей мере участвуют в принятии политических решений, а следовательно, монополия Комиссии на инициативы снизилась. С другой стороны, несмотря на то, что Европейский Совет должен принимать все стратегически важные решения, у Комиссии остались возможности влиять на повестку дня [4]. Комиссия имеет асимметричное преимущество в доступе и обладании информацией и ее роль в качестве посредника очевидна, что влечет не прямое политическое руководство. По словам С. Эрикссон и М. Валленштен, «Комиссия стала своего рода пауком в паутине» (4). Кроме того, она играет центральную роль как институт, определяющий цели и издающий руководства и рекомендации национальным правительствам [3]. Поэтому ослабление позиций Комиссии из-за ОМК не является очевидным [3].

Государства получили возможность больше влиять на ОМК не только в рамках Европейского Совета, Совета ЕС, но и через вновь созданные «гибридные» экспертные комитеты. Эти комитеты уникальны тем, что занимают промежуточное положение между Комиссией и Советом ЕС. Это иллюстрирует, до некоторой степени, новое распределение полномочий между сообществом и государствами, и необходимость в сотрудничестве и дополнительных мерах на европейском и национальном уровнях [4].

Б. Коллер-Кох охарактеризовала комитеты как транснациональное пространство для общения и как социальную систему с социальным диалогом, характеризующуюся желанием находить общие решения [5]. Гибридные экспертные комитеты, по словам, К. Якобсон и А. Вифель, «сплавляют наднациональных и национальных акторов в одну институциональную общность» [5].

Одной из черт ОМК является отсутствие четкого разделения между этапами принятия решений и их внедрением. Это делает ОМК потенциально подверженным проблеме политической отчетности и отчетности перед судом [3]. Что

касается последнего, то Суд ЕС исключен в процессе реализации ОМК. Именно политическая отчетность имеет значение в ОМК. Как следствие, метод задает иную динамику в законодательном процессе. Так, исследования показывают ограниченную роль парламентов в процессе реализации ОМК. По мнению Ф. Дуина и Т. Раунио, это является следствием того, что, во-первых, весь процесс по своей природе является скорее межправительственным. Во-вторых, национальные парламенты (НП) могут считать сложным следование процедурам ОМК, т.к. он не подразумевает жестких графиков и норм поведения акторов. В-третьих, помимо того, что до сего дня воздействие ОМК во многих областях было достаточно скромным, в рамках ОМК не производится законодательных актов, поэтому НП могут не воспринимать серьезно этот процесс [6].

Тем не менее, как считают авторы, ОМК обладает возможностями оказать положительное влияние на процесс законотворчества. Во-первых, в отличие от традиционного процесса законотворчества ЕС, которое является директивным по природе и оставляет мало пространства для внутренних законодательных инициатив, ОМК предоставляет национальным законодателям возможность глубокого анализа ситуации, который является важным для выработки согласованного и эффективного подхода в решении проблем [6]. Во-вторых, в рамках ОМК производится сравнимая информация, как об административной политике, так и в законодательстве разных государств. В результате парламенты могут стать источниками сильной критики по поводу проводимых инициатив, от которой правительства не могут легко отмахнуться как необоснованной или не подтвержденной фактами, так как опыт других стран нельзя так легко проигнорировать. ОМК, таким образом, представляет новые возможности и динамику в институциональной борьбе государств [6].

Проблема политической отчетности в рамках ОМК частично компенсируется за счет других демократических механизмов, включая вовлечение социальных партнеров, представителей гражданского общества и других заинтересованных сторон в процесс реализации ОМК. Однако эмпирические исследования показывают, что открытость ОМК к участию разных акторов варьирует в разных политических областях от незначительно до активного [3].

Таким образом, роль главных институтов общества в процессе ОМК можно суммировать следующим образом:

- Европейский Совет инициирует процесс, стимулирует и принимает решение о его продолжении;
- Совет Министров обсуждает и утверждает

индикаторы, цели, бенчмарки, рекомендации и т.д.;

- Комиссия предлагает индикаторы, планы, программы и оценку деятельности;
- Европейский Парламент, Экономический и социальный комитет, Комитет регионов издают мнения [7].

Роль институтов, задействованных в ОМК, варьирует в зависимости от конкретной политической области, где он применяется. Кроме того, несмотря на то, что в Лиссабоне был определен ряд инструментов, используемых при ОМК, их набор изменяется от одной области политики к другой. Как следствие, сложным является не только определить «владение» процессом, которое является важным для будущего развития метода, но и его классификацию, тем более, что процесс, запущенный Европейским Советом, затем не отслеживается систематически каким-то одним европейским органом.

Таким образом, помимо роли и участия институтов в реализации ОМК-процессов, они отличаются по отношению к: 1) наличию договорной основы; 2) целям (более или менее определенным; количественным/качественным; кратко-, средне- и долгосрочным); 3) процедурным характеристикам (цели, индикаторы, бенчмарки, графики, национальные планы и планы сообщества); 4) возможности применения санкций по отношению к «отстающим»; 5) продолжительности цикла координации и др.

В силу этого, по мнению Хатцопулос В. и ряда других ученых, следует говорить не об «открытом методе координации», а об «открытых методах координации», т.к. ОМК во множественном числе больше соответствует истине [8].

Хотя именно в Лиссабоне открытый метод координации получил свое определение и название, история метода началась раньше. Выделяют два типа координации, которые являются частью Лиссабонской стратегии: координация, которая была представлена до Лиссабона и после Лиссабона (т.е. открытая) [9].

Действительно, в ряде областей Лиссабон выступил инициатором координации. Однако в ряде областей политики процесс координации уже к тому времени применялся (см. табл. 1). В 2005 г. на весенней встрече Европейского Совета в Брюсселе эти до-Лиссабонские координационные процессы были обозначены в качестве ключевых механизмов Лиссабонской стратегии.

До-Лиссабонская координация сопровождается рядом процессов открытой координации, которые были постепенно запущены после весеннего саммита в Лиссабоне. Эти более поздние координационные механизмы были разработаны для усиления социальной опоры интеграции ЕС в

Координационные процессы, запущенные до Лиссабонского саммита

область	название	происхождение	дата
Экономическая политика	Руководства в области экономической политики (Broad Economic Policy Guidelines (BEPG))	Маастрихтский договор	1992
Политика занятости	Европейская стратегия занятости (ЕСЗ)	Люксембургский саммит	1997
Структурные реформы	Кардиффский процесс	Кардиффский саммит	1998
Макроэкономический диалог	Кельнский процесс	Кельнский саммит	1999
Фискальная политика	Пакт стабильности и роста	Протокол к Амстердамскому Договору	1999

Источник: Classifying and mapping OMC in different policy areas. New modes of governance. Integrated project. July 2005.

качестве дополнения к экономической и монетарной интеграции внутри единого рынка [9].

Несмотря на то, что до-Лиссабонские процессы координации ряд авторов относит к ОМК, по мнению большинства ученых, и согласно заключениям Лиссабонского саммита, ОМК называются только процессы, запущенные после Лиссабонского саммита.

В период между 2000-2002 годами было запущено более десяти ОМК-процессов в разных политических областях, и спектр областей, где применяется метод, продолжает расти. Каждая область политики имеет свой ОМК, сформулированный непосредственно для этой области. По образному выражению С. Боррас и Б. Грив, разные формы ОМК осуществляют навигацию в незнакомых политических водах, которые полны ловушек и рисков [10].

Е. Жишчак предлагает следующую классификацию этих областей политики: а) развитые об-

ласти; б) добавленные; в) вновь появляющиеся; г) непризнанные (см. табл. 2) [11].

Эта типология отражает не только развитость процедур, механизмов ОМК и продолжительность их применения, но и роль, которую играют эти процессы в реализации Лиссабонской стратегии.

К. Раделли, анализируя функциональные особенности метода, предлагает сгруппировать области политики в три категории. Первая группа включает области политики, где ОМК применяется в качестве рабочего метода, (например, руководства в области экономической политики, ЕСЗ, пенсионная политика и др.). Вторая группа, по его мнению, включает области, где применяется только определенное количество инструментов ОМК – (инновационная политика и исследовательская сфера, образовательная политика, информационное общество и др.). В третью категорию он относит области, где используются сочетания иннова-

Таблица 2

Типология областей применения ОМК

Развитые области	Добавленные области	Вновь появляющиеся области	Непризнанные
Руководства в области экономической политики (BEPG)	Модернизация социальной защиты Социальная включенность	Инновации, исследования и развитие Образование	Налогообложение
Европейская стратегия занятости	Пенсионная политика Здравоохранение	Информационное общество Окружающая среда Иммиграционная политика Политика в области развития предпринимательства	

Источник: Szyszczak E. Experimental governance: the open method of coordination. European Law Journal. Vol. 12. No. 4. July 2006.

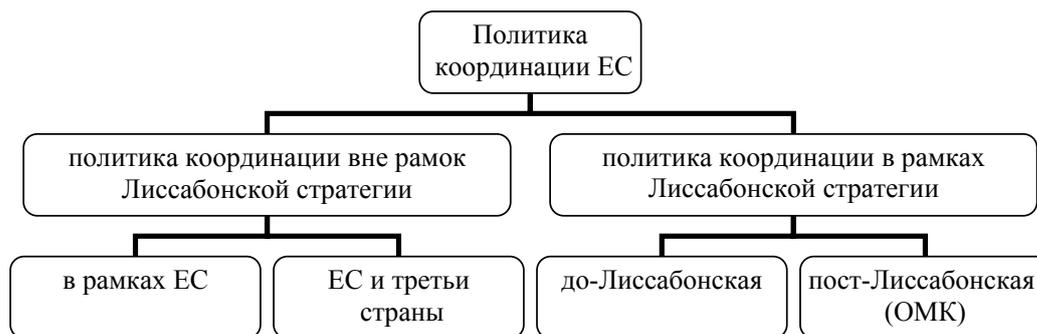

Рис. 1. Развитие политики координации ЕС

ционных инструментов ОМК, но без намерения применять метод, как в случае со сферой налогообложения. К. Раделли называет эту группу «открытая координация в скрытом виде» [12].

Таким образом, в развитии ОМК можно выделить две основные особенности: разнообразие форм (метод иначе развивается в разных политических областях) и увеличение количества/распространение (ОМК развился за пределы своего первоначального контекста политики занятости и в настоящее время применяется в совершенно отличных областях) [7].

Если в основе появления разнообразия форм ОМК лежал такой фактор, как политическое экспериментирование: ОМК можно легко запустить и остановить его реализацию, то распространению ОМК способствовал целый ряд причин и факторов. Среди основных причин распространения ОМК можно выделить следующие:

- действия Комиссии по легитимизации своего положения и поиску новых ролей в становящемся более зрелым Союзе;
- появление коалиций: Комиссия вряд ли была бы способна действовать в одиночку по расширению спектра применения ОМК без принятия этой идеи Европейским Советом и соответствующими структурами, а также без согласия и поддержки со стороны государств [13].

Среди факторов увеличения числа/распространения ОМК можно выделить:

- Время: ОМК стал более институционализированным за период времени.
- Договорная основа: для полного развития ОМК требуется договорная основа.
- Действующие одновременно с ОМК координационные процессы, которые выходят за рамки сообщества: ОМК развивается и усиливается за счет параллельных координационных процессов [7].

В заключениях Лиссабонского саммита говорилось о введении «нового открытого метода координации». Анализ развития политики коор-

динации в ЕС показывает, что ОМК вряд ли можно назвать таковым (см. рис. 1).

Во-первых, он во многом соответствует процедурам, принятым в рамках других организаций (ОЭСР, МВФ и др.) для координации ряда областей политики. Во-вторых, он опирается на ранее запущенные процессы (например, Люксембургский, Кардиффский, Кельнский), а также на другие инициативы Комиссии, опирающиеся на мягкий закон, заимствование опыта, взаимное обучение, итеративный процесс оценивания и др. В-третьих, его можно рассматривать как дальнейшую трансформацию традиционного метода сообщества, продолжающего «новый подход» с 1985 года, который опирается на минимальную гармонизацию (часто через стандартизацию) и взаимное признание [8].

Таким образом, ОМК является скорее расширением и адаптацией существующих методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. Telò M. Governance and government in the European Union. The open method of coordination. In Rodriguez M. (ed.) The new knowledge economy in Europe Elgar, London. 2001.
2. Presidency Conclusions, Lisbon, 2000.
3. Borrás S., Jacobsson K. The open method of coordination and new governance patterns in the EU. Journal of European Public Policy 11:2 April 2004: 185-208.
4. Sundholm M. The open method of co-ordination: The Linux of European integration? A theoretical and empirical study of the method of the 'Lisbon Strategy'. Thesis presented for the Degree of Master of European Studies. College of Europe. Bruges, 2001.
5. Jacobsson K., Vifell Å. Integration by deliberation? On the role of committees in the open method of coordination. Paper presented for the workshop on 'The Forging of deliberative supranationalism in the EU', Florence, 7-8 February 2003.
6. Duina F., Raunio T. The open method of coordination and national parliaments: further marginalization or new opportunities? Paper prepared for the 15th Conference of the Council for European Studies, Chicago, IL., March – April 2006.

7. Classifying and mapping OMC in different policy areas. New modes of governance. Integrated project. Project no. CITI-CT-2004-506392. Priority 7 – citizens and governance in the knowledge – based society. No. 02/D09. July 2005.
8. Idema T., Keleman D. New modes of governance, the open method of coordination, and other fashionable red herring. Perspectives on European politics and society. May 2007 (1): 108-23.
9. Metz A. Innovation in EU governance? Six proposals for taming open co-ordination. CAP Policy Analysis. No. 1 Nov. 2005.
10. Borrás S., Greve B. Concluding remarks: New method or just cheap talk? Journal of European Public Policy 11:2 April 2004: 329-336.
11. Szyszczak E. Experimental governance: the open method of coordination. European Law Journal. Vol. 12. No. 4. July 2006, pp. 486-502.
12. Radaelli C. The open method of coordination: A new governance architecture for the European Union? Sieps, 2003:1.
13. Ahonen P. Soft governance, agile Union? Analysis of the extensions of open coordination in 2000. EIPA, 2001.

I. Lomakina

EU POLICY COORDINATION: TENDENCIES AND PECULIARITIES OF ITS DEVELOPMENT

Abstract: The article shows the introduction and the development of the open method of coordination in the EU policy coordination and Lisbon strategy. The tendencies and special characteristics of the development of policy coordination are analysed.

Key words: policy coordination, open method of coordination, integration, Lisbon strategy.

УДК 001:83(100):002

Шелудченко Н.П.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И РОССИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству ФРГ и России в области науки и образования. Раскрываются ряд причин и исторически сложившихся условий, которые способствовали сближению Германии и России. Отмечается, что сотрудничество двух государств – это взаимовыгодный процесс, так как ФРГ – одна из развитых стран мира, а Россия сумела сохранить ведущие позиции в некоторых отраслях науки и в сфере образования. На конкретных примерах и рассматривается это сотрудничество.

Ключевые слова: сотрудничество ФРГ и России, наука и образование, интеграция.

Говоря о германо-российских отношениях, нельзя не вспомнить высказывание германиста Н.В.Павлова: «Факт остается фактом: ни с одной страной Европы, а тем более мира, у России не было такой богатой совместной истории, как с Германией» [1,12]. И действительно, отношения между двумя странами берут свое начало еще в период раннего средневековья [2,61]. Германо-российские отношения во многих сферах развивались и в последующие века вплоть до наших дней, и как свидетельствует европейская и мировая история, судьбы Германии и России тесно переплетались. Да и среди приоритетов внешней политики России в течение двух столетий центральное место занимали ее отношения с Германией [3,3].

На современном этапе эти отношения во многих областях приобретают особое значение. На характер отношений повлиял и «личностный фактор»: избрание в 2000 г. Президентом России В.Путина, который в свое время работал в Германии и знал эту страну не понаслышке. Данному факту соответствующую оценку дал американский профессор У.Р. Смайзер, который писал: «Избрание В. Путина Президентом РФ означает, что Германия будет играть более важную роль на международной арене. Путин, наверняка, ответит ФРГ особое место в своих планах по модернизации российской экономики и повышению международного престижа России [4,57]. Немцы также правильно оценили новые акценты в политике России после вступления В.Путина на пост главы государства. «После передачи Ельциным Путину поста Президента в феврале 2000 г., Москва по новому оценила свою политику и политику безопасности» [5,31].

Выступая в ходе своего визита в Германию в апреле 2001 г., российский Президент сказал: «Так как Германия – один из лидеров Евросоюза, расширение отношений с ней позволит нам увеличить и объем контактов с ЕС в целом» [6,64]. Такую точку зрения разделяет и известный германский специалист по России А. Рар: «В.Путин, имеющий опыт отношений с Западом, поставил отношения России с ЕС на прагматическую, партнёрскую основу... Стремление Путина к стратегическому партнерству с ЕС нашло кульминацию в предложении объединить экономическое пространство богатой

* © Шелудченко Н.П.

сырьем России с экономическим пространством ЕС» [7,72].

За период пребывания В.Путина на посту Президента, несмотря на огромные трудности и «завалы» в различных областях, были достигнуты определенные успехи как в области внешней, так и внутренней политики. Стали возрастать международный престиж страны, ее авторитет и влияние в европейских и мировых делах. Усиливающуюся значимость России понимали и в соответствующих кругах Германии. Как подчеркивалось в официальном заявлении МИД ФРГ, «без России невозможно обеспечить на длительную перспективу безопасность и внешнеполитическую стабильность в Европе. Поэтому германская политика в отношениях с Россией понимается как европейская стабилизационная политика» [8,49].

Как показывает исторический опыт и практика взаимоотношений России и Германии, они играют особую роль не только в судьбе европейского континента, но и в судьбах друг друга. В этой связи очень верную мысль высказал российский специалист по Германии И.Ф.Максимычев: «Европа может быть здорова лишь тогда, когда здоровы Германия и Россия, здоровы же они бывают по большей части тогда, когда работают вместе» [9,159]. Аналогичной точки зрения придерживались и сами немцы. «Большинство немцев независимо от их политических взглядов питают симпатию к России. Несомненно, что новая Россия в силу своих размеров, своей географической близости, своих энергетических ресурсов и своего как позитивного, так и негативного потенциала влияет на развитие событий во всей остальной Европе [10,42].

Помимо уже указанных причин и исторически сформировавшихся условий, в последующие годы сложился ряд обстоятельств, еще более способствующих сближению ФРГ и РФ. Например, по данным германского МИД за последние 15 лет Германия приняла на жительство 2,5 млн. немцев-граждан бывшего СССР [10,41]. И это стало основой для многочисленных личных устойчивых контактов. В результате усиливающегося культурного, научного обмена и сотрудничества двух стран в области экономики, финансов и торговли, по некоторым данным 3,5 млн. россиян изучают немецкий язык. Это больше, чем число изучающих этот язык во всем мире. Безусловно, это также способствует сближению указанных стран.

Германия еще в давние времена в качестве своеобразного моста связывала нашу страну с Европой и помогала ей легче адаптироваться к западной культуре и образованию [11,6]. Следует заметить, что ни в одной сфере германо-российского сотрудничества нет таких давних традиций, как в сфере высшего образования [12]. В этой связи нельзя не вспомнить роль Петра I, который

приглашал на очень хороших условиях тысячи немецких специалистов в Россию. Тем самым он способствовал культурному сближению двух народов. Когда Петр I издал указ о создании в Петербурге первого университета, из Германии прибыли 17 профессоров [12].

Более тесное сотрудничество Германии и России в области образования произошло в период многогранной деятельности М.В. Ломоносова, получившего академическое образование в Германии. Именно он инициировал создание в 1755 г. Московского университета. Первые 12 профессоров для него прибыли из Германии. Академия наук в России также появилась благодаря немецким ученым [13,32].

Таким образом, сотрудничество, взаимосвязь между германскими и российскими вузами имеет многовековые традиции. После падения Берлинской стены (1989 г.) и объединения двух Германий (1990 г.), сотрудничество германских и российских вузов пережило беспрецедентный взлет, а количество совместных проектов обозначилось трехзначным числом [14].

Чтобы проследить динамику развития науки и образования в ФРГ и России на современном этапе, можно обратиться к цифрам и фактам, касающимся, в частности, российской науки на рубеже веков. Доля России в мировых затратах на науку тогда составляла только 1%, хотя в отечественных научных организациях занято было около 11 % научных работников всего мира [15,37]. В 1990-е гг. расходы на науку в России находились по абсолютной величине на уровне 40-летней давности. Многие лидирующие позиции России в различных областях науки были утрачены. В абсолютном выражении Россия затрачивала на науку на рубеже веков меньше, чем Германия – в 4,7 раза, США – 24 раза [16,128]. Снижение затрат на науку сопровождалось ощутимым сокращением численности научных организаций и занятых в них работников. За годы псевдореформ периода правления Б.Ельцина исследовательские организации покинуло более 50% работников [17,73]. Оставшиеся исследователи и работники получали мизерную зарплату, шла большая утечка умов за границу.

К началу XXI века почти половина оставшихся в науке специалистов была старше 50 лет, а средний возраст российского ученого составлял 59 лет. Такое сложное положение, конечно, не могло не беспокоить новое российское руководство. Россия под командой В.Путина начала выдвигать масштабные, но довольно амбициозные задачи, которые без дальнейшего развития науки и образования невозможно было решить.

Начало 2000 г. ознаменовалось важным событием: 14-15 января состоялось всероссийское совещание работников образования. Обсуждался

проект национальной концепции образования РФ. Личное участие в совещании В.Путина свидетельствовало о его важности. В.Путин в своей речи подчеркнул, что «мы уже живем в условиях открытого общества, интегрированного в мировую культуру, в мировое хозяйство. Это предопределяет принципиально новые требования ко всей системе образования» [18,4].

Образованию и науке в России начали уделять все большее внимание и по мере постепенного роста российского производства стали увеличиваться денежные потоки в эти сферы. Так, в 2000 г. расходы на образование в России были мизерные, но уже в следующем году по решению правительства они были увеличены на 65,7 % [19,6]. Одна из важнейших задач в этой области заключалась в том, чтобы как можно более эффективно использовать сохранившейся потенциал научно-исследовательских институтов и лабораторий. Следует отметить, что, несмотря на тяжелое положение российской науки и производства в 1990-е гг., были отрасли, где нашим специалистам отводили очень высокий рейтинг. Взять хотя бы российских программистов, которые считались и считаются лучшими в мире. Сами немцы подчеркивали в этой связи, что их «творческий потенциал, аналога которому нет нигде в мире, объясняется тем, что российские специалисты по информатике, как правило, работали прежде в космической или военной отраслях» [20,33].

В.В. Путин и его команда, реалистически мыслящие российские государственные деятели, политики, ученые, заботящиеся о благе России, предпринимали и предпринимает большие усилия, чтобы Россия вновь стала великим государством с современной экономикой. Они прекрасно понимали, что осуществить эту сложнейшую задачу без дальнейшего развития науки и образования невозможно. Вполне логично, что был обращен взгляд на образовательную сферу, которая для многих развитых стран была, есть и остается стратегической точкой роста, ибо создает самое эффективное «вещество» любого прогресса, самый мощный инвестиционный ресурс – человеческий потенциал» [19,5].

В начале 2000-х гг. началась реализация программы правительства РФ по модернизации экономики, основой которой являлось развитие образовательного сектора. Образованию была отведена системообразующая, приоритетная роль. В этой связи еще большую значимость для России приобретало научно-техническое и экономическое сотрудничество в области науки и образования с такой высокоразвитой страной, как ФРГ. Немецкое государство определяло общее направление исследований в новых областях и его роль в этом плане была очень значительной. Это еще раз

подтверждает тот факт, что в ходе развития любой страны возникает масса проблем, которые сам по себе рынок решить не может и которые можно решать лишь с помощью государства [21,41].

Следует учесть, что Германия рассматривала систему образования как приоритетную. Политической элитой ФРГ был сформирован своеобразный культ образования, поддерживаемый регулярными встречами главы государства с лучшими студентами, аспирантами, преподавателями, которые в связи с этим в германском обществе обретают статус «интеллектуальной элиты» [22,132].

Образование – это не только качество жизни, но и сердцевина экономического могущества, творческого потенциала науки, культуры, искусства. В этой связи заслуживает внимания сотрудничество различных немецких и российских вузов. Активные контакты между ними начались еще в середине 1990-х гг. В тяжелое для России время инициатива и существенная помощь часто исходили с немецкой стороны. Например, была распространена такая форма контактов, как обучение за границей. С каждым годом все большее число россиян выезжало учиться в Германию. Каждый год немецкие фонды финансировали пребывание в стране 100 российских стипендиатов [23,33]. Так что сотрудничество шло по различным направлениям. В организационном плане этому способствовало немецкое общество имени Гельмгольца – крупнейшая научная организация в Германии с несколькими исследовательскими центрами и с более чем 2-х млрд. годовым бюджетом (в евро). Центры общества уже много лет поддерживают интенсивные контакты во всех областях с российскими научными учреждениями и университетами.

Примером тесных контактов ФРГ и России в области образования стало сотрудничество студентов-юристов Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) и Университета им. А.Гумбольдта в Берлине. Эти два вуза практиковали регулярные обмены преподавателями и студентами, проводили научные конференции и семинары [24,139]. Образцом плодотворных контактов между российскими и германскими вузами стала Российская экономическая академия имени Г.В. Плеханова (РЭА). Академией в 1997 г. был образован Центр международных образовательных программ, преобразованный в 2001 г. в Международную школу бизнеса. В этой школе обучаются сотни студентов [25,152]. С 1995 г. началось плодотворное сотрудничество Мюнхенского института иностранных языков с МПУ, ныне Московским Государственным Областным Университетом (МГОУ), которое продолжается и по сей день.

Особенно хорошие возможности открывались для академического обмена. По-прежнему многие российские студенты приезжали для уче-

бы в Германию. У иностранных студентов по популярности немецкие вузы занимают очень высокий рейтинг и уступают лишь США и Великобритании. Следует отметить, что немцы к этому вопросу подходили продуманно и вполне прагматично. В ФРГ обучение в вузах давно бесплатное, в том числе и для иностранных студентов и аспирантов [26]. В 2002 г. правительство этой страны приняло новый закон, в соответствии с которым каждый выпускник германского вуза и аспирантуры вместе с дипломом об образовании получает вид на жительство сроком на один год для трудоустройства, после чего ему вид на жительство выдается без ограничения [27,151]. Такая форма натурализации привлекательна и для молодых россиян. Аналогичная практика осуществлялась и в сфере высшей школы: значительное число российских ученых различных специальностей работало и повышало свою квалификацию в германских вузах по обмену.

В указанный период в ФРГ складывалась весьма благоприятная ситуация в области экономики [28,11]. Подобная ситуация благоприятно сказывалась на дальнейшем сотрудничестве ФРГ и России. Например, в рассматриваемое время Германское общество технического сотрудничества оказывало помощь российским специалистам программного обеспечения в установлении деловых контактов на Западе. Российские программисты имеют прекрасную базовую, научную подготовку, они авторы программы формуляров, сканирования текстов и рукописей на более чем 40 языках мира. Например, московская фирма программного обеспечения – «FineReader» очень высоко котируется среди иностранных специалистов. Эта фирма включена в систему управления документацией таких всемирно известных фирм как концерн «Сименс» (точнее, его филиал в Германии), «Newsoft» в США, «Самсунг» в Южной Корее [29,33].

Разумеется, немцы также стараются использовать интеллектуальный ресурс наших специалистов и в своих целях. В первые годы XXI в. немецкие фирмы только в Москве имели более 1000 своих представительств, главной целью которых было привлечение для учебы в Германию российскую учащуюся молодежь.

Образование и наука в Германии стоят на очень высоком месте. Германская наука в начале XXI века продолжала занимать ведущие позиции в мире, особенно в развитии таких отраслей как автомобилестроение, автоматизированные системы, химия, оптическая технология и другие [30].

В российской науке в конце 1990-х гг. началось существенное отставание прежде всего по той причине, что объем расходов на науку в 2000 г. не превышал 1,87 % к расходной части бюджета [31,5]. Этим проблемам и было посвящено выступление В.Путина на российском Союзе

ректоров в декабре 2002 г. Президент подчеркнул, что «сейчас Россия находится в сложном периоде трансформации... и задача отечественного образования – помочь пройти этот период быстро, грамотно и эффективно» [32,6].

В плане модернизации российского образования и интеграции его в европейскую образовательную систему, Россия усилила сотрудничество с немецкими вузами. Уже в 2002 г. около 330 университетов обеих стран были объединены партнерскими отношениями [33,25]. Среди них, например, Ольденбургский университет, в рамках которого функционирует Институт Экономического образования, филиал этого института открыт на базе МГОУ на экономическом факультете в июле 2002 г.

В ноябре 2003 г. был основан Российский союз германистов для усиления научного обмена и общения с коллегами из ФРГ. И это обстоятельство не замедлило положительно сказаться. В 2004 г. увеличилось количество зарубежных стажировок для российских студентов и преподавателей в ФРГ. Отметим, что именно в этом году были намечены контуры долго откладывавшейся радикальной реформы российского образования [34,104]. Науке и образованию в России стараются уделять все большее внимание, сознавая их значимость для современного производства эпохи глобализации. В определенной степени как результат этого и появилось в 2004 г. совместное заявление России и Германии о «стратегическом партнерстве в области образования, науки и инноваций» [35].

В плане дальнейшего сотрудничества вузов двух стран значительную роль играет германская служба академических обменов (в немецкой транскрипции ДААД), которая действует в сфере научно-образовательных связей между Германией и другими странами, в том числе с Россией. Программы ДААД доступны и открыты для всех специальностей и для всех стран. Представительство ДААД есть и в Москве. Сотни российских студентов учились и учатся в ФРГ по этой программе, а некоторые из них стали работать в различных немецких фирмах.

С каждым годом возрастает число граждан из России и других стран СНГ, обучающихся в вузах ФРГ: если в 1993 году училось только 800 человек, то через 10 лет – 5900 человек [36,153]. Привлекательность системы образования ФРГ состоит в том, что она организована настолько гибко, что в состоянии находить пути совершенствования как за счет привлечения ресурсов со стороны, так за счет мобилизации собственных возможностей [36,154]. Среди российских студентов по степени популярности на первом месте стоят гуманитарные науки – германистика, политология, история, социология, за ними идут право и экономика, инженерные и естественные науки.

Выше отмечалась деятельность Российской

экономической академии (РЭА) и образованной ее Международной школы бизнеса. На сегодняшний день вузами-партнерами РЭА являются в Германии: Высшая школа техники и экономики (г. Дрезден); университет Дуйсбург; университет Констанц; университет Гейдельберг; Высшая школа Вюрцбург. Поскольку программы Международной школы бизнеса и зарубежных вузов-партнеров полностью скоординированы, результаты обучения признаются действительными в обоих вузах, что позволяет студентам выполнить программу двойного диплома. Таким образом, преподаватели и студенты за прошедшее время накопили определенный опыт взаимодействия российской и западной модели образования [25,152]. Это только один из убедительных примеров взаимовыгодного сотрудничества российских и германских вузов.

Таким образом, сотрудничество Германии и России в области образования и науки в указанное время протекало в различных формах и действовало на благо обеих стран, давая положительные результаты. Можно с уверенностью предположить, что дальнейшее взаимодействие двух стран в этих сферах будет возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ. М., 2005. С.12.
- Савченко И.А., Овсянников В.П. Россия-Германия. Тольятти. 2005. С.61.
- Ахтамзян А.А. Германия и Россия в конце XX столетия. Очерки. М., 2000. С.3.
- Смайзер У.Р. Путин разыгрывает германскую карту // Internationale Politik. 2005, №5. С.57.
- Тиммерман Х. Внешняя политика России и политика безопасности: европейское направление//Европа. Варшава. 2003. Том 3. №2. С.91.
- Трескин А. Россия и Европа: что изменилось после 11 сентября 2001 года?//Европа. Варшава. 2002. Том 2. №4. С.64.
- Рар А. Россия в поисках Европы//Европа. Варшава. 2004. №3. С.72.
- Deutsche Aussenpolitik, 2000. Berlin. 2001. S.49.
- Максимычев И.Ф. Германский фактор в европейской политике России. М., 2004. С.159.
- Тиммерман Х. Германо-российские отношения в европейском контексте//Мировая экономика и международные отношения (далее: МЭиМО). 2006, №3. С.42.
- Россия и Германия. Контакты и взаимовлияния. XVIII-XX век. Ред. О.С. Северцова, И.А. Гутт. М., 1994. С.6.
- Deutschland. 2006, №3.
- Праль Т. Хорошие шансы на будущее// Deutschland. 2007, №3. С.32.
- Deutschland. 2006, №3.
- Гохберг Л. Национальная инновационная система России в условиях новой экономики// Вопросы экономики. 2003, №3. С.37.
- Наука России в цифрах. М., 2002. С.128.
- Оболенский В. Россия в международном разделении труда: вечный поставщик энергоресурсов?// МЭиМО. 2004, №6. С.73.
- Путин В. Особая ответственность// Высшее образование в России. 2000, №1. С.4.
- Филиппов В. Высшая школа России перед вызовами XXI века//Высшее образование в России. 2001, №1. С.6.
- Шомерус Л. Демократия права человека и свобода слова – это основа для сотрудничества с Европой// Deutschland. 2000, №3. С.33.
- Czara P., Tolksdorf M., Venal A. Wirtschafts-politik. Opladen, 1987. S.41.
- Майбуров И. Высшее образование в развитых странах//Высшее образование в России. 2003, №2. С.132.
- Энгельман А. Стипендии для будущих руководящих работников// Deutschland. 1997, №6. С.33.
- Сухарев Ю., Шулепов Н. Москва – Берлин: сотрудничество студентов-юристов// Высшее образование в России. 2000, №3. С.139.
- Пястолов С. Обучение за рубежом: опыт «включенного наблюдения»// Высшее образование в России. 2007, №4. С.152.
- Известия. 2007. 25 октября.
- Арефьев А. Зарубежные стажировки: социологический анализ// Высшее образование в России. 2004, №2. С.151.
- Новости в телеграфном стиле// Deutschland. 2000, №1. С.11.
- Хагенхоф К.Д. Software «Made in Russia»: квалификация плюс творчество//Deutschland. 2000, №3. С.33.
- Deutschland. 2006, №4.
- Виноградов Б. Живительная сила науки // Высшее образование в России. 2000, №4. С.3.
- Путин В. Дело государственной важности // Высшее образование в России. 2003, №1. С.6.
- Братчиков И., Любинский Д. Россия и Германия. // Международная жизнь. 2002, №3. С.25.
- Арапов М.В. Есть ли будущее у фундаментальной науки в России? // Общественные науки и современность. 2005, №6. С.104.
- Deutschland. 2005, №1.
- Норекян М. Все ли так плохо в системе образования? // Высшее образование в России. 2006, № 5. С.153-154.

N. Sheludchenko

GERMAN-RUSSIAN COLLABORATION IN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL FIELD AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Abstract: This article is about German-Russian collaboration in the field of science and education. A number of reasons and historical conditions, that contributed to the convergence of Russia and Germany, are highlighted in the article. It is noted that the collaboration of two states is a mutually beneficial process, as well as Germany is one of the developed world country, while Russia has managed to retain a leading position in certain sectors of science and education. The collaboration is being considered on the basis of concrete examples.

Key words: cooperation of Germany and Russia, science and education, integration.

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 316.423.3:316.323.5

Волобуев О.В.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТРАКТОВКЕ Н.А. РОЖКОВА *

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Н.А. Рожкова на процесс феодализации в России, Западной Европе и других странах, который в его историко-социологической концепции именуется феодальной революцией и предстает как самостоятельный период всемирной истории. Модель феодальной революции впервые анализируется с позиций ее научной обоснованности и возможности применения сравнительно-исторического метода для обобщений в глобальном масштабе.

Ключевые слова: историография, всемирная история, периодизация, феодальная революция, сравнительно-исторический метод.

Трудно точно определить, когда у Н.А. Рожкова сложилось представление о той периодизации всемирной истории с ее делением на критические и органические периоды, которая в 1918 г. была представлена во введении к первому тому «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». В вышедших в 1907 г. кратких очерках социологии «Основные законы общественных явлений» Рожков еще обосновывает наличие всего четырех периодов всемирно-исторического развития. Исходным критерием для такой периодизации является относительное значение отраслей хозяйственной деятельности при доминировании натурального или денежного хозяйства. Уточнение концепции социальной динамики, т. е., по определению Рожкова, науки о законах общественной жизни в ее движении или развитии [5,9], произошло в годы сибирской ссылки. В 1913 г. вышла его статья «Дворянская революция в России XVII века» [3], – и в том же году в предисловии к третьему изданию «Города и деревни в русской истории» впервые появляются заимствованные им у А. Сен-Симона понятия органических и критических эпох, под углом зрения которых он пересматривает свою периодизацию процесса исторического развития человечества. Фиксировано с 1913 г. и можно вести отсчет становления окончательного варианта периодизации мировой истории.

Идея критических периодов в развитии человечества, как и попытка выработки общей периодизации истории, связаны с революционными процессами в обществе. Периодизации Кондорсе, Сен-Симона, Конта были порождены Великой Французской революцией, марксистская модель социально-экономических формаций явилась следствием осмысления не только экономической дифференциации и социальных противоречий европейского общества, но и опытом революций. Не случайно историографическим явлением стали и поиски новой периодизации всемирно-исторического процесса, предпринятые уже в России конца 1980 – начала 1990 гг. Они шли в двух направлениях: первом – по линии увеличения количества стадий общественного развития и втором – по пути сокращения числа докапиталистических общественно-экономических формаций [1;2]. Определенные совпадения, ассоциации, возникающие при сравнении моделей всемирной истории востоковеда И.М. Дьяконова и Н.А. Рожкова, свидетельствуют о непреходящей актуальности проблемы периодизации в связи с нерешенностью ряда вопросов стадийного развития общества.

Если понятия «социальная статика» и «социальная динамика» были заимствованы Рожковым у О. Конта, то представление о чередовании «критических» и «органических» эпох пришло от Сен-Симона¹. Возникает важный для историографических исследований вопрос о том, обязательно ли заимствование тех или иных идей ведет к эклектике. Границей, отделяющей эклектические построения от новых теоретических моделей, является характер использования этих идей. Если заимствования становятся органической частью иной теоретической конструкции, оригинальной доктрины, то их роль меняется: они вписываются в другое содержание, – и это уже не имеет отношения к эклектике². Дальнейшее изложение в данной статье вопроса о критических эпохах подтверждает, на наш взгляд, оригинальность концепции социальной динамики Рожкова, которая только терминологически, а не сущностно связана с воззрениями Конта и Сен-Симона.

Периодизация Рожкова отразила размыш-

* © Волобуев О.В.

Выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 07-01-00359а

ления историка над местом революций в контексте мирового общественного развития. И это отразилось на определении критического периода, каковой трактуется им следующим образом: «Критическая эпоха – это перелом, это кризис. Конечно, перелом это тоже эволюция, развитие тех же органических перемен, только с головокружительной быстротой. Вследствие такой быстроты и получается перелом в процессе развития, известный скачок» [4, 53].

Одна и та же стадия общественного развития в разных странах и регионах в периодизации Рожкова чаще всего не совпадает хронологически. Стадиальность преимущественно асинхронна. В современной историографии это фиксируется при изучении комплекса типовых явлений общественной жизни и их стадиальной, но не временной и географической близости. И.Я. Фроянов, сравнивает на основе стадиальной близости социально-политические процессы (полисные модели) в истории Древней Руси, Шумера и гомеровской Греции [8]. В коллективном исследовании по истории полюдья сравниваются разновременные комплексы этого типа в странах Древнего мира и Средневековой Европы, Африки и Тихоокеанского региона [7]. Провести аналогии между типовым общественным явлением и его региональной хронологией по-иному невозможно, в силу неравномерности исторического развития стран и народов.

В данной работе избранная историографическая проблема рассматривается на материале одного из критических периодов, выделяемых Н.А. Рожковым в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», а именно – феодальной революции. Этого, в главном, достаточно, чтобы дать представление о методологии историка. Основное содержание феодальной революции, по Рожкову, заключается в переходе от состояния варварства, под которым подразумевается родоплеменное общество, к развитому феодальному обществу. Этот качественный скачок не сопровождается бурными потрясениями, как последующий критический период – дворянской революции. Поэтому именно на анализе модели «феодальной революции» четче выявляется, что вкладывал Рожков в понятие «революционный период» и что существенно отличало его взгляды от марксистской историографической традиции.

В главе, посвященной феодальной революции, которая занимает две трети объема первого тома «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», наибольшее внимание уделяется процессу феодализации в России. Прежде всего, на материале России Рожков формулирует свои выводы и обосновывает наличие такого критического периода в развитии общества как феодальная революция. Освещение этого периода в

истории России в отличие от изложения истории других стран основывается не только на знании Рожковым научной литературы, но и на глубоком анализе исторических источников (летописи, Русская правда и т. д.).

Период феодальной революции в истории России охватывает время с X по конец XII в. Причины всех общественных изменений он обнаруживает в экономике. В хозяйстве восточных славян к XII в. на первый план выдвигается земледелие, хотя промыслы (охота, рыболовство, бортничество) и скотоводство, характерные для периода варварства, продолжали играть важную роль в продовольственном обеспечении общества. Господствует натуральное хозяйство. Торги, как правило, были местного значения, даже в таких городах, как Киев, Курск, Новгород. По большим торговым дорогам товар свозили в приречные города только в целях внешней торговли с Византией и Западом. Монетные единицы были не чеканными, а весовыми. Быстрое увеличение удельного веса земледелия Рожков квалифицирует как «экономическую революцию», которая повлекла за собой перемены в обществе и государстве [6, 157]. К переменам в формах землевладения Рожков относит появление полной земельной собственности, а именно княжеское землевладение, «села боярские», церковное и монастырское землевладение. Новым формам землевладения соответствовали и новые формы ведения хозяйства: использование труда несвободного, рабского, холопского и полусвободного, закупнического. Что касается закупов, то личные и имущественные права их ограждались юридически, но они являлись лицами с ограниченной правоспособностью. Ни закупов, ни холопов Рожков не считает сословиями. Известный по древнерусским источникам термин «огнищанин», Рожковым, вслед за Ключевским, объясняется как рабовладелец. Верхи общества стали эксплуататорами несвободного и полусвободного земледельческого труда. Все свободное население, включая людей градских, Рожков причисляет к смердам и развернуто аргументирует свою точку зрения. Смердом, полагает он, назывался всякий свободный в противоположность, с одной стороны, несвободным и полусвободным, а с другой, княжеской дружине и духовенству [6, 166]. Но личность как субъект гражданского права в имущественных отношениях не выделилась из семьи, только в «боярском классе» личность и то в XII в. успела приобрести имущественные права. Главными обязанностями смердов были военная служба и дань князю. В соответствии со своими представлениями о классах как об имущественных социальных группах и о сословиях как правовых социальных группах, Рожков утверждал, что в период феодальной революции складываются

лишь зародыши сословного строя, поскольку отсутствуют групповые привилегии и юридические преграды для перехода смердов из одной социальной группы в другую. По его мнению, «существовали лишь экономические классы – и то в сущности неразвитые и слабо сплоченные, – но не было юридических сословий» [6, 180].

В системе государственного управления Рожков выделяет три института (политические силы): вече, княжескую власть, боярскую думу. В первую очередь его интересует судьба вече. Именно уменьшение влияния этого государственного института характерно для переходного периода. Заключение Рожкова по вопросу о роли вече таково: его участие в делах верховного управления было непостоянным и неопределенным по кругу выносимых на него вопросов («на половцев», «на татар», «на бояр», «на мир» между князьями и др.); вече вмешивалось в княжеские дела в исключительных, экстренных случаях. Очень тщательно исследуется порядок княжеского владения (наследования). Рожков высказывается за теорию «лестничного права» в занятии княжеских столов (киевского и других), но оговаривает исключения (нарушения порядка): «добывание» столов князьями, наличие договора или ряда вопреки старшинству, выделение князей-изгоев, внедрение принципа «отчины» («борьба начал отчины и старшинства»), выбор и изгнание князей на вече. Отсутствие юридических оснований для распределения княжеских столов приводило к неопределенности и неустойчивости порядка княжеского владения и межкняжеских отношений. Рожков разбирает разные стороны деятельности князей: судебную, законодательную, административную, налоговую, внешнеполитическую. Наибольшее внимание князья уделяют финансовым делам: сбору налогов и судебных штрафов. Общий вывод историка: в деятельности князей не обнаруживается строгих правил, господствует такая же неопределенность, как и в порядке занятия княжеских столов. Собственно к подобным выводам он приходит и в оценке боярской думы. По мнению Рожкова, хотя и «не было сферы деятельности князя, в которой не принимала бы того или иного участия дума», «князь советовался не только с теми, с кем хотел, но также и по тем делам, по каким ему было угодно» [6, 201]. Любой вопрос мог решаться и без участия боярской думы. Дума была органом совещательным и не имеющим постоянного состава и определенных обязанностей. Политически верховными органами, полагал Рожков, являлись только князь и вече. Местное управление базировалось на областном делении. Основной административной единицей являлся город с его волостью, или «землей». Управлял городом назначаемый князем посадник. С XII в. князья назначали

и тысяцких, которые, по словам летописи, «держали воеводство», т. е. возглавляли городское ополчение. Как определяет Рожков, «в руках князя сходились все нити власти» [6, 211]. В политическом устройстве главенствовало личностное начало: «власть принадлежала отдельным лицам над такими же отдельными лицами» [6, 216]. Неорганизованность политического строя Рожков выводил из слабой расчлененности общества, отсутствия в нем организованных общественных сил. Некому было противостоять произволу княжеской власти. Иногда это удавалось вече, иногда бояре убивали нелюбых князей. Но в целом это ничего не меняло.

Ключевыми моментами реформирования восточнославянского общества князьями Рожков считает принятие христианства и появление «Русской правды». Значение религиозной реформы он усматривает в том, что «христианство было более организуемым, общественным и нравственным средством, чем язычество» [6, 229]. Распространение христианства не было одномоментным актом, оно свершилось усилиями нескольких поколений. Так, в земле вятичей христианство утвердилось только в середине XII в. На протяжении всего времени феодальной революции на Руси сохранялось двоеверие. Рожков, как Попов, Сергеевич, Гец и Максимейко, считал «Русскую Правду» частным юридическим сборником, а не официальным законодательным актом, Вслед за В.О. Ключевским, он полагал, что этот сборник составлен духовными лицами. Но значение «Русской Правды» вне зависимости от того, каковым считать ее происхождение, в том, что она искореняла родовые традиции (кровную месть и др.) и заменяла их княжеским, т. е. государственным правом.

Период феодальной революции в Литве Рожков определяет временем с середины XIII в., с создания государства при Миндовге, по 1430 г., год смерти Витовта. По сравнению с Россией в Литве более запоздалое развитие. И это подчеркивается разделением процесса феодализации на собственно литовских и русских землях. Так, первые города на земле ятвягов были основаны волинскими князьями, а русские земли, вошедшие в состав Литовского государства, имели уже развитые феодальные отношения. В отборе материала, возможно поэтому, акцент делается не на экономической истории, а на политической. Однако следует обратить внимание на некоторые соображения историка, имеющие общезначимый характер. К их числу относятся высказывания о том, что «переход к земледелию породил иное отношение к земле, выдвинув на первый план личное усилие, личную энергию и труд, сделав семью более оседлой и упрочившей свое отношение к земле...» и что «господство земледелия призывало

человека к определенному участку, воспитывало инстинкт собственности» [6, 273-274]. Что касается государственного устройства Литовско-Русского княжества в этот переходный период, то Рожков много внимания уделяет раде, состав и компетенция которой, как и боярской думы, не отличались определенностью. Но круг лиц, с которыми по своему усмотрению советовался князь, был очерчен обычаем. Не проводя прямых аналогий с боярской думой, историк, характеризуя литовскую раду, имеет в виду эти аналогии, когда ведет речь об ограниченности влияния рады на государственные решения (распоряжение недвижимостью, судебные и финансовые дела). Литовскому княжеству, как и русской государственности, были присущи общие черты социального и политического устройства. К ним можно отнести разделение на земскую и «дворную» сферы управления. Существовали хоружий дворный, державший знамя, под которое собирались господарские дворяне, и хоружий земский, распоряжавшийся остальной военной силой, маршалки земский и дворный, ведавшие государственными и придворными церемониями. И все же, в конечном счете, великому князю как собственнику принадлежало все достояние государства, все его доходы (казна – господарский скарб). Таким образом, «идея об общем благе, как цели государственного союза, была слаба и подавлялась представлением о личной выгоде правителя» [6, 278].

С Русью и Литвой по типу процесса феодализации (стадиальная незавершенность становления феодализма) Рожков сближает Болгарию и Сербию, хотя справочная краткость материала по этим странам и отсутствие конкретной аргументации данного положения делает его позицию не убедительной. Время «феодалного перелома» в Болгарии датируется серединой IX – серединой X вв., а в Сербии – X – XI вв. В Болгарии перелом сводится к поражению родовой знати и формированию сильного, могущественного боярства и принижению сводного люда до крепостных – париков. К этой же группе Рожков «отчасти» относит и балтийское славянство. Характеризуя процесс феодализации этого общества, Рожков отвергает ту точку зрения, согласно которой феодальные порядки пришли к балтийским славянам в результате германской колонизации их земель. Опираясь на исследования российских историков (Бречкевича, Егорова, Павинского, Фортинского), Рожков связывает феодализацию с внутренними процессами в западославянском обществе (успехи земледелия, рост крупного землевладения, раздача князьями и церковью земли в условное владение, возвышение знати). Поскольку Рожков свое «отчасти» не поясняет, то можно допустить, что завершение процесса феодализации происхо-

дит уже в результате германского продвижения на Восток.

Незавершенность процесса феодализации на Руси, в Литве и южнославянских странах Рожков обнаруживает в землевладельческих отношениях, социальном и политическом развитии, а также в духовной культуре, которая в данном месте не рассматривается, за исключением двух сюжетов: религиозного и правового. Основания для этого дает и сам Рожков, который заявлял, что «в духовной культуре и психологии незаконченность феодальной революции не так заметна, как в области материальной культуры» [6, 443]. Экономической причиной отставания в темпах феодализации Рожков считал меньшие, чем в других культурах, успехи в распространении и технике земледелия, и большие, чем в других культурах, пережитки варварского хозяйства, проявляющиеся в занятиях охотой, рыболовством и скотоводством. Соответственно, наряду с новыми формами землевладения, сохраняются старые вольнозахватные отношения к земле, не трансформировавшиеся в долевое владение. В результате не успевают утвердиться формы временного и условного землевладения. Не обостряется также борьба за землю между светскими и духовными магнатами, как это было во Франкском государстве. В этих странах не сложилась коммендация, возникла только ее зачаточная форма – закупничество. Рабы не слились с полусвободными в одну крепостную массу. В социальном отношении общество осталось слабо дифференцированным, сословия еще не образовались.

Ко второй группе стран, характеризующихся «полным завершением» процесса феодализации, по мнению Рожкова, принадлежат в первую очередь культуры европейского Запада – государства франков, англосаксов, остготов и лангобардов в Италии, вестготов в Испании. Складывание феодальных отношений в них происходит в ходе синтеза варварского общества с романизированным населением и его римскими традициями (католицизм, латинский язык, римское право и др.). Характеризуя феодализацию во Франкской державе, Рожков преимущественно основывается на трудах Фюстель де Куланжа, Вайца, Допша, Рота, М. Ковалевского. Быстрое развитие новых форм землевладения и землепользования Рожков объясняет высокой плотностью населения (галло-римляне + варвары) и влиянием прежних римских форм полной собственности на землю [6, 286]. Начало складывания феодальных отношений связывается с меровингскими земельными пожалованиями за службу. При господстве натурального хозяйства земля стала единственным средством расплаты за военную, административную и хозяйственную службу. Возникают и рас-

пространяются различные формы временного и условного владения (прекарий, бенефиций). Но крупное землевладение требовало рабочих рук. Рабы, посаженные на землю, превращались в полусвободных колонов и вольноотпущенников. В положении полусвободных, т. е. с ограниченной наследственной правоспособностью, оказывались и арендаторы из числа ранее свободных людей. Большое значение Рожков придает институту коммендации – акту передачи личности под защиту (патронат) более богатого и сильного, обладающего более высоким социальным статусом человека или представителя церкви. Всякий, кто получал бенефиций, поступал в коммендацию. Наряду с системой сеньор-вассал, сложившейся на основе земельных пожалований, Рожков считает важным показателем феодализации пожалование иммунитета (судебного и податного).

Франкское государство Рожков рассматривает как «средство организации феодальной системы, сущность образования которой сводится к тому, что крупные землевладельцы стали приобретать на своих землях государственные права, как одно из проявлений права земельной собственности». Давая это определение, историк отмечает: «мы видели это на примере бенефиции, коммендации и иммунитета» [6,299]. Главной задачей государств было «закрепление политической властью, ее деятельностью новых приобретений земледельческого хозяйства и связанных с ним социальных перемен» [6, 302]. Что касается внешней (завоевательной) политики, то она зависит от конкуренции двух групп землевладельцев – светских и церковных. Эта конкуренция сказывалась и на внутренней политике государства, ею объясняется секуляризация при Карле Мартелле. Меровингские и каролингские монархи смотрели на государство как на свою вотчину: «субъектом власти являлось не общество, а личность, и целью государственного союза было не общественное, а личное господство» [6,301].

Феодальная революция в Англии происходила с середины V в. до конца XI в., т. е. завершилась позже, чем во Франкской монархии. Англосаксонские королевства, как и Франкское государство, Рожков рассматривает в экономическом аспекте под углом зрения успехов земледелия и частного землевладения, в социальном – формирования служилой аристократии и изменения в соотношении свободного и несвободного населения, в политическом – складывания системы государственного управления (центрального и местного). При характеристике социально-экономических процессов в Англии и Италии Рожков основывается на работах Виноградова «Исследования по социальной истории Англии в средние века» и «Происхождение феодальных отношений

в лангобардской Италии». Материалы по Вестготскому королевству даются в значительной мере по «Истории Испании и Португалии» Пискорского. Вслед за Пискорским, Рожков подчеркивает военный характер Вестготского государства. Но этот фактор происхождения феодализма, как для Вестготского, так и для Франкского государства (от Хлодвига до Карла Великого), Рожков недооценивает, сводя все к установлению господства земледелия и складыванию новых форм землевладения и земельной зависимости. Остается не проясненным вопрос о роли военноорганизуемого начала в генезисе феодальных отношений. Нельзя не заметить, что раннесредневековый крупный землевладелец – это прежде всего лицо, обязанное нести воинскую службу. Дружинники-воины превращаются в воинов-феодалов. Рожков отмечает раннее появление у вестготов коммендаций, а, следовательно, упрочение системы феодальной зависимости. Характерным показателем феодализации он считает возникновение особого рода зависимых людей – буцеллариев («свободных, находящихся под патронатом»), получавших «хлебный паёк», т. е. пособие или ссуду хлебом. Их историк сближает с полусвободными русскими закупками. Полное слияние вестготов с романизированными кельтиберийцами Рожков вслед за Пискорским относит к началу VIII в.

Странам и народам Центральной Европы посвящены только краткие (в отдельных случаях сверхкраткие) очерки. Это можно объяснить и недостаточностью материала, на что неоднократно ссылается Рожков, и отсутствием у него времени и возможностей для основательной разработки всех отобранных сюжетов. Остановимся преимущественно на истории западных славян. Здесь Рожков выделяет три темы: феодальные революции в Польше (X – XIII вв.), Чехии (X – XIII вв.) и у балтийских славян (сер XI – XIII вв.). В Польше, полагает Рожков, уже в начале XIII в. имелись почти все зародыши феодализма. Было подорвано значение родовой аристократии, и была сведена на нет роль вече. Из землевладельцев стали выделяться два слоя – рядовая шляхта и знать. Церковные и светские землевладельцы получили иммунитеты. Особенностью становления феодальных порядков в Чехии Рожков считал длительное сохранение рабского труда в сельском хозяйстве, именно это обстоятельство способствовало развитию крупного землевладения. Развивалось и долевое землевладение свободных крестьян. В то же время наметилась тенденция в направлении образования крепостных отношений, уничтожения рабства и слияния всех разрядов сельского населения в однородную массу крепостного крестьянства. Рожков отмечает, что общего законодательного прикрепления к земле в Чехии не было. К прояв-

лениям нарастания социальной дифференциации он относил так называемую «дань мира» деньгами или натурой, которую уплачивали за освобождение от военной службы. Военная служба становилась профессиональным занятием, переходящим по наследству.

Особый интерес представляют взгляды Рожкова на характер феодализации Византийской империи, начало которой он относит к VIII – IX вв. Византия как преемница античного общества, по его мнению, совершает «попятное движение» от дворянского самодержавия (его наиболее яркой фигурой был Юстиниан) к феодализму, который на этой территории уже существовал во времена классической Эллады. Арабские завоевания нанесли удар по восточносредиземноморским и ближневосточным торговым связям и привели к возрастанию роли земледелия и натурального хозяйства в экономической жизни. В результате идет, с одной стороны, развитие крупного землевладения (стратиотские имения – параллель западноевропейскому бенефицию), с другой стороны, расширяется крепостничество (колонат рассматривается как крепостничество). Было подорвано византийское самодержавие, и на первый план выдвинулась светская и духовная олигархия. В социально-политическом плане период феодальной революции в Византии был временем иконоборческих потрясений (726 – 842), закончившихся восстановлением иконопочитания, и насильственной смены императоров.

Хотя феодальная революция у арабов началась еще в III в. в Южной Аравии (Химьярское царство), по-настоящему феодальный переворот во всей Аравии совершен был Мухаммедом (Магомедом), первыми халифами и Омейядами и закончился в середине X в. при Аббасидах. Экономической основой процесса феодализации и в самой Аравии и на землях, завоеванных арабами, стало, по Рожкову, увеличение относительно значения земледелия (распространение этого утверждения имеет ограниченное применение: заметим, что земледелие в Двуречьи и в Египте имело древнейшие корни). Начало раздачи правоземельных земель положил еще Мухаммед (Рожков проводит аналогию с меровингскими пожалованиями), и эти раздачи нарастали при халифах. Возникает условное земельное владение – икта, которую Р. сближает с бенефицием. Так сложилась новая арабская знать. Обратной стороной концентрации землевладения было обеднение массы поселян-земледельцев. Возникновение ислама и исламизация арабов и населения завоеванных территорий, важнейшая составляющая часть феодальной революции, подобно христианизации германских племен в Европе.

Интерпретация Н.А. Рожковым периода фе-

одальной революции как всемирно-исторического явления уязвимо по ряду позиций. Рассмотрим из них только основные. Попытка охватить как можно больше стран (в общей сложности 30-ти) приводит к тому, что характеристики процессов внутреннего развития протекавших во многих странах даются поверхностно, фрагментарно, на основе узкого круга литературы. Например, раздел о феодальной революции в Армении основывается главным образом на обобщающей работе Халатьянца «Очерк истории Армении», а в Японии – исключительно на «Очерках истории Японии» Костылева. Но, заметим, историографическая база обобщающего труда Рожкова в целом, даже не беря отечественную историю, широка и охватывает не только российскую научную литературу, но и многочисленные работы на немецком, французском и английском языках.

Другим недостатком общего характера является, если так можно выразиться, стремление «выпрямить» историю, втиснуть ее в схему выбранной закономерности (выбранных закономерностей) общественного развития, что присуще всем без исключения схемам всемирной истории. При этом исторический процесс социологизируется, сводится к одному единственному пути развития. А трактовка исторического процесса в рамках жесткой детерминации пути развития (модели) приводит, как известно, к выборочности обосновываемых фактов. В какой-то мере это осознавал и сам Рожков. Не случайно, во введении к «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» он, отвечая на упреки в схематичности, писал: – «Конечно, научная модель или схема не вполне точно выражает действительные связи и отношения: мы слишком еще слабы знаниями и умом для полной точности. Но, чтобы к ней приблизиться хотя бы отчасти, возможно ближе, схема необходима» [6, 21].

Слабым местом модели феодальной революции является нерешенность вопроса о разных путях перехода к феодализму, которые нивелируются в модели феодальной революции. Переход к феодализму – в Западной Европе с дуалистичностью складывающегося общества (варвары + античность), в Византийской империи, которая при Юстиниане еще продолжала сохранять античный облик, в восточнославянском мире – не мог не идти разными путями и, соответственно, требует построения нескольких моделей. Экстраполяция исторического пути одной страны (одного крупного региона) на другие страны (регионы) всегда чревата концептуальными издержками и заблуждениями.

Нельзя признать удачной и терминологию: «критический период», «революционный период», «феодальная революции». В выборе научных

терминов, видимо, сказала революционная эпоха, в которую была вписана творческая жизнь историка. По существу-то в революционном периоде, который растягивается на долгие века, ничего особо революционного и не обнаруживается. Что-то вытесняется, отмирает, а что-то появляется, формируется, становится опорной конструкцией будущего общества. Более точным определением, на наш взгляд, может быть термин «переходный период».

Но что в модели феодальной революции, несмотря на все ее слабые места и недостатки, в свете современного исторического знания сохраняет научную значимость, так это необходимость выделения переходного периода от предшествующего стабильного состояния общества (родоплеменного или античного) к новому стабильному состоянию, в данном случае к феодализму. И, нужно отметить, что в современной историографии, в частности в учебных курсах истории средних веков, такой переходный период выделяется. Его хронологические рамки для Западной Европы и Византии в принципе совпадают с хронологией периода феодальной революции у Рожкова. Речь идет о времени от реформ Диоклетиана и Константина в Римской империи до распада империи Карла Великого.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сен-Симон обосновывал деление европейской истории на два цикла и четыре эпохи: органический и критический (кризисный, переходный) периоды и снова органический и критический периоды. Эта идея о чередовании органических (созидательных) и критических (революционных) периодов была развита С.-А. Базаром, учеником Сен-Симона. См.: Базар С.-А. Изложение учения Сен-Симона / под ред.

и с коммент. Э.А. Желубовской, вступит. ст. В.П. Волгина. – М – Л., 1947.

2. Вспомним три источника марксизма: английскую политэкономю, немецкую философию, французский утопический социализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дьяконов И.М. Пути истории. – М, 1994.
2. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации. // Вопросы истории. – 1992, № 4–5.
3. Рожков Н. Дворянская революция в России XVII века. // Современный мир. 1913, № 2.
4. Рожков Н. Методика преподавания истории и история XIX века. – Пг., 1918.
5. Рожков Н. Основные законы развития общественных явлений. – М., 1907.
6. Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 3-е изд. Т. 1. – Л. – М.: Книга. Б./ г.
7. Полюдь: всемирно-историческое явление / под ред. Ю.М. Кобищанова. – М., 2009.
8. Фроянов И.Я. Очерки социально-политической истории. – Л., 1980.

О. Volobuev

FEUDAL REVOLUTION IN N.A. ROZHKOVA'S TREATMENT

Abstract: In article N.A.Rozhkova's sights at feudalization process in Russia, the Western Europe and other countries which in its istoriko-sociological concept is called as feudal revolution are considered and appears as the independent period of a world history. The model of feudal revolution is analyzed for the first time from positions of its scientific validity and possibility of application of a comparative-historical method for generalisations on a global scale.

Key words: a historiography, a world history, a periodization, feudal revolution, a comparative-historical method.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ*

Аннотация. Статья посвящена возникновению и истории одного из двух направлений, существовавших в русской генеалогии конца XIX – начала XX в. – петербургской генеалогической школы, которую возглавлял крупнейший историк, академик Н.П. Лихачев. Исследуется деятельность ее организационного центра (Русского генеалогического общества) и вклад в развитие научной генеалогии.

Ключевые слова: генеалогия, историография, источниковедение, исторические общества, научная школа.

В конце XIX – начале XX в. русская научная генеалогия переживала период расцвета. Росло количество исследований и публикаций источников, создавалась информационно-поисковая система по родословию дворянства, формировались тематические направления, вырабатывались специфические приемы и методы анализа родословных сведений. Генеалогия была включена в процесс профессиональной подготовки историков. Родословные данные интегрировались в общую систему знаний о прошлом.

В процессе познавательного совершенствования дисциплины произошло выделение двух научных школ – петербургской и московской. Они различались по методическому инструментарию, тематике исследований, хронологическим границам интересов, персональному составу, особенностям использования и публикации источников и т.д. Формирование самостоятельных направлений явилось показателем познавательной зрелости генеалогии [49] и стало рубежным событием, которое обозначило окончательное конституирование в России научного генеалогического знания.

Важнейшую роль в стратификации дисциплины сыграли общественные организации. Генеалогические общества активно действовали по всей Европе, но в России подобная организация долгое время отсутствовала. В конце XIX в. потребность в ее создании детерминировалась не только задачами модернизации исторического знания, но и проблемами, с которыми сталкивались исследователи при обращении к родословным сюжетам. Известный генеалог В.В. Руммель писал по этому поводу: «...Лица, занимающиеся

генеалогией и сродными науками, лишены возможности обнародовать свои труды в этой области, как по неимению на то средств, так и вследствие затруднительности найти издателя, а также и потому, что исторические журналы наши, по разным причинам, не имеют возможности помещать специальные статьи о генеалогии» [48, 25]. В таком положении создание особой организации представлялось единственным способом повышения методического уровня родословных изысканий, их координации и интенсификации.

Центром петербургской школы явилось Русское генеалогическое общество, устав которого был утвержден в августе 1897 г. [15; 23; 24; 45]. Оно возникло на основе кружка любителей родословия, сложившегося вокруг известного государственного деятеля, коллекционера и историка князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Первым опытом коллективной работы этих исследователей стала подготовка второго, исправленного и дополненного издания справочника князя А.Б. Лобанова-Ростовского «Русская родословная книга» [36].

Петербургская школа организационно была выражена через деятельность Русского генеалогического общества, однако их персональные составы отождествлять полностью нельзя. К направлению принадлежали только те, кто регулярно занимался изысканиями в области родословия, а в обществе состояло значительное количество лиц, числившихся только номинально. К ним, в первую очередь, относились представители столичной аристократии, которые, как казалось руководству, придавали организации социальный престиж. Существенную долю среди членов Русского генеалогического общества составляли титулованные дворяне (23,7 % от общего состава), а также лица, занимавшие видные должности и имевшие высокие придворные чины (гофмейстеры П.Д. Ахлестышев, В.Н. Поливанов и И.А. Всеволожский, адмирал Ф.В. Дубасов, министр земледелия А.С. Ермолов, обер-церемониймейстер барон П.П. Корф, министр иностранных дел М.Н. Муравьев, шталмейстер В.Н. Охотников, посол Н.В. Чарыков и др.) [53]. Представителей провинциального дворянства, краеведов в Русском генеалогическом обществе оказалось очень немного. В научном отношении организация ориентировалась на Петербургскую академию наук, также находившуюся в Санкт-Петербурге.

* © Наумов О.Н.

Персональный состав организации оказал влияние на тематические особенности исследований петербургской школы. Ее безусловным лидером являлся выдающийся историк и генеалог, впоследствии академик Николай Петрович Лихачев, в творчестве которого проявились многие черты, свойственные этому направлению генеалогической мысли. К школе можно причислить также таких исследователей, как Г.А. Власьев, Д.Ф. Кобеко, Н.В. Мятлев, В.В. Руммель, барон М.А. Таубе, граф С.Д. Шереметев и др.

Работы петербургского направления имели четкую хронологическую и проблемную локализацию. Они касались исключительно дворянства, хотя еще в 1898 г. издатель журнала «Русский архив» П.И. Бартнев выступил с критикой социальной ориентации Русского генеалогического общества. Понимая, что такое ограничение не может быть полезным, историк заявлял: «Русскому генеалогическому обществу надлежит заниматься не дворянскими только, но и родословиями других сословий, в особенности – духовенства, когда в них встречаются люди достопамятные» [8]. Позднее он подтвердил свой призыв, дополнив перечень групп, чье родословие следует изучать, купечеством [9]. Однако обращения П.И. Бартнева были проигнорированы. В марте 1900 г. Русское генеалогическое общество отклонило предложение сотрудника Московского архива Министерства юстиции И.С. Беляева выступить на заседании с докладом о «роде купеческом» [2, 233а]. Ему было прямо заявлено, что предложенная тема не соответствует основной цели организации – изучению дворянского сословия.

Интерес к дворянству не был всеобъемлющим. Приоритет отдавался его древней, знатной, титулованной части. Имелись также хронологические ограничения, доминировало изучение допетровского периода. Однако в указанных социально-хронологических пределах задачи генеалогического анализа понимались достаточно широко. В программе деятельности Русского генеалогического общества предполагалось изучение политической, экономической и культурной истории «служилого класса».

Методологической основой деятельности петербургской школы, как и всей отечественной генеалогии XIX – начала XX в., был позитивизм. Он проявлялся как в интересе к проблемам источниковедения, так и в самом отношении к историческим фактам. В предисловии к первому выпуску «Известий Русского генеалогического общества» прямо провозглашался приоритет фактологии перед аналитикой. При этом подчеркивалась познавательная равноценность всех фактов, даже самых мелких, а особенностью издания называлось стремление печатать больше «детальных ис-

следований по таким частным вопросам, которые обегаются общими историками по мелочности и сравнительной их незначительности, нередко оказывающейся мнимой» [50]. Конкретное содержание всех выпусков свидетельствует, что этот принцип последовательно реализовывался на практике.

Совокупность методов, использовавшихся в исследованиях петербургской генеалогической школы, оказалась многообразной и способствовала достижению верифицированного знания. Особенно часто применялся компаративный, сравнительный метод, который позволял сопоставлять данные различных по хронологии и видовой принадлежности источников. Этот прием сочетался с критическим отношением к информации, постоянным стремлением выяснить степень ее достоверности, новизны и точности. Получил распространение логический смысловой анализ источников в контексте изучения конкретной исторической обстановки на момент их возникновения. Формированию специфической логики генеалогических исследований способствовало юридическое образование некоторых представителей школы, в частности – Н.В. Мятлева и барона М.А. Таубе.

Неоднократно вставала перед исследователями проблема интерпретации текста источников, уточнения антропонимических реалий и содержания терминов родства. Д.Ф. Кобеко, например, истолковал выражения «дети наши» и «племянники наши» в документах бездетного графа Ф.М. Апраксина [22, 17, 18]. Это свидетельствует о значительном месте, которое занимал в генеалогическом инструментарии герменевтический метод изучения источников.

Наиболее полно демонстрируют познавательную специфику петербургского направления «Известия Русского генеалогического общества». Они являлись непериодически выходящим сборником, который задумывался как «научный исторический орган, посвященный преимущественно изучению наименее разработанных отделов русской исторической науки» [50].

«Известия Русского генеалогического общества» стали блистательным памятником родословной мысли рубежа XIX – XX вв. и заложили основу для изучения средневековой генеалогии Руси в советской и эмигрантской историографии. Благодаря этому изданию была продемонстрирована возможность выхода в свет специализированного генеалогического органа.

Роль «Известий Русского генеалогического общества» в истории русской науки адекватно понималось уже современниками. Новгородский исследователь М.В. Муравьев, оценивая выпуски сборника, писал: «Их появление в свет есть пово-

ротный пункт в разработке русской генеалогии, собственно говоря, этим поворотным пунктом надо бы считать возникновение нашего общества, но «Известия» есть результат работы общества» [4, 323 об.].

Для «Известий Русского генеалогического общества», как и для всей петербургской исторической школы, характерно приоритетное внимание к проблемам источниковедения, к критическому изучению источников. Именно благодаря петербургским исследователям сформировалось как самостоятельное направление научного поиска генеалогическое источниковедение.

Особое значение для отечественной исторической науки имела опубликованная в «Известиях Русского генеалогического общества» работа Н.П. Лихачева, в которой было доказано существование древнейшей официальной родословной книги – Государева родословца 1555 г. [26]. Текст ее не сохранился, поэтому о составлении рукописи долгое время оставалось неизвестно. Опираясь на смутные упоминания в источниках XVII в. и на сохранившиеся выписки, Н.П. Лихачев установил состав Государева родословца, время его создания, авторство, показал взаимосвязь с другим важнейшим источником – Бархатной книгой. Таким образом, была предложена принципиально новая концепция истории родословных книг и практического генеалогического знания России в целом.

Стремление к расширению корпуса родословных источников проявилось в статье Н.П. Лихачева, посвященной вкладным записям на книгах 1625 и 1643 гг., которые хранились в личной библиотеке ученого [25]. В них содержались подробные сведения о семье К.И. Лихачева, подтвердившие сомнительные сведения других источников о ее составе. В другой работе [31] Н.П. Лихачев, хотя и причислил записи на книгах и рукописях к разряду второстепенных генеалогических источников, подчеркивал, что они могут содержать очень ценные сведения. В качестве доказательства приводилась запись на «Пандектах Никона Черногорца» XV – XVI вв. из собрания И.Л. Силина, которая позволила уточнить начальные поколения рода Воейковых. Еще более важной оказалась запись на рукописи XV в. «Творения Григория Богослова» из собрания Императорской публичной библиотеки. В ней упоминались Касьян Румянцев и Симон Картмазов, что являлось древнейшим примером употребления русских фамилий. Одновременно благодаря тексту удалось уточнить раннюю историю родов Румянцевых и Картмазовых.

Тщательный анализ и критическое осмысление русских средневековых источников, обращенность к архивным материалам способствовали выработке методов публикации исторических

документов, выявлению специфических способов введения в научный оборот генеалогических материалов. Публикация источников стала самостоятельным направлением работы членов Русского генеалогического общества. В его «Известиях» было опубликовано 75 документов XV – начала XVIII в., из них 17 относились к XVI в., а 53 – к XVII в. Большинство рукописей оказались заимствованы из московских архивов (Московского архива Министерства юстиции, Московского главного архива Министерства иностранных дел), а также из библиотек (Императорской публичной библиотеки, Синодальной библиотеки) и частных архивов (Кашкиных, Лихачевых, графов Шереметевых и других родов). Разнообразные в видовом отношении источники касались истории многих известных родов – князей Черкасских, князей Одоевских, князей Пожарских, князей Долгоруких, князей Алабышевых, князей Мезецких, князей Сицких, Васильчиковых, Осоргиных, Соковниных, Озеровых, Головкиных, Собакиных, Нагих, Лихачевых, Шереметевых, Полевых. Среди текстов имелись жалованные, ввозные, отдельные и купчие грамоты, отрывки из писцовых книг, синодики, [10, 23 – 30] рядные записи, [59] десятни, духовные грамоты (князя С.Ф. Сицкого 1549 г., старца Варлаама 1590 г., княгини М. Татевой 1596 г., князя В.Т. Долгорукова 1633 г., князя Д.И. Мезецкого 1643 г., князя Н.И. Одоевского 1689 г.) [20, 18 – 23; 29; 26, 216 – 221; 54, 72 – 84; 55; 57]. Особое внимание к последнему виду источников детерминировалось тем, что в них подробно перечислялись все родственники завещателя, как по мужской, так и по женской линии. В «Известиях Русского генеалогического общества» оказались опубликованы судебные дела (вотчинное судное дело стольника князя Ю.А. Сицкого о наследстве после князя П.В. Бахтеярова-Ростовского, местническое дело Д. Битяговского 1675 г.) [28, 222 – 352; 56] и целые комплексы семейных документов, в частности, столбцы князей Черкасских, грамоты Осоргиных и Головкиных [16; 27; 34, 117 – 133].

Накопленный петербургскими исследователями эдиционный опыт оказал влияние на московскую генеалогическую школу. Известно, что Н.П. Лихачев давал Л.М. Савелову рекомендации о методике археографической работы: «Только не забывайте при издании материалов: 1. Отмечать списки и подлинники; 2. Подлинники описывать, указывать скрепы, пометы, адреса на обороте, печати, с указанием, если таковая была, да оторвана или утратилась, раскрошилась; 3. Тщательно отмечать место нахождения документов; 4. При каждом выпуске прилагать алфавитный указатель» [14, 33].

Среди источников первостепенное внимание исследователей привлекали поколенные росписи конца XVII в., поданные в Палату родослов-

ных дел представителями служилого дворянства после отмены местничества. Их изучение и публикация стали одним из основных направлений источниковедческих изысканий петербургской школы. Инициатором этой работы выступал В.В. Руммель, который еще в 1890-е гг. начал собирать из государственных и частных архивов копии поколенных росписей, предполагая их издание [1, 12]. В марте 1899 г. В.В. Руммель подарил эти материалы Русскому генеалогическому обществу, рассчитывая на помощь в публикации [51, 13]. Однако ничего сделано не было, после кончины В.В. Руммеля в 1902 г. росписями никто не занимался. Только в марте 1908 г. было принято решение о передаче 496 росписей для подготовки публикации Н.В. Мятлеву [48, 49]. Он продолжил археографическую работу с ними и даже поместил в «Известиях Русского генеалогического общества» список необнаруженных росписей с просьбой помочь в их поиске, отметив те хранилища, где они могут находиться (например, родовой архив Кашкиных) [40]. Одновременно росписи использовались другими членами общества для исследований. В 1908 г. Н.Н. Кашкин получил от Н.В. Мятлева росписи дворян Бахметевых, которые потребовались ему для статьи [3, 173]. Работа над публикацией была практически завершена к 1914 г., но Первая мировая война, а затем революционные события, помешали изданию, что нанесло развитию русской генеалогии существенный ущерб. Росписи не опубликованы до сих пор, хотя благодаря усилиям А.В. Антонова изданы все прилагавшиеся к ним акты [7].

В «Известиях Русского генеалогического общества» было опубликовано и подвергнуто всестороннему анализу несколько росписей конца XVII в. (Лихачевых, Нагих, Собакиных, Осоргиных) [25, 152 – 161; 34, 96 – 103; 37, 71 – 79]. Н.П. Лихачев изучил роспись рода Лихачевых и сопроводившие ее документы, [25] а также дело Головкиных, составленное в Палате родословных дел [34]. После сравнения росписи Головкиных с подлинными актами XIV – XV вв. стало очевидным, что сведения о происхождении этого рода из Польши, от знатного шляхтича Яна Кучюкомовича являлись полностью вымыслом. На самом деле, их родоначальником был рядовой вотчинник Иван Головкин, который владел землями в Бежецком уезде в начале XVI в. Одновременно выяснилось, что данные о первых поколениях рода также не подтверждаются источниками. Как подчеркивал Н.П. Лихачев, «вся беда вышла из-за того, что Головкины, воспользовавшись вкладной книгой Троице-Сергиева монастыря, не догадались восполнить ее подлинными вкладными и данными грамотами; распределяя поколения по соображению, руководствуясь главным образом отчеством,

составители родословной росписи жестоко напутали и ввели в заблуждение Палату родословных дел» [34, 131].

Специальную статью посвятил Н.П. Лихачев роду Яновых [32]. Он опроверг версию П.Н. Петрова об их происхождении от князей Яновых-Ростовских. В родословце второй половины XVII в., обнаруженном в библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел, содержалось указание на то, что их родоначальником был боярин князя Василия Шемяки, а также приведены три первых поколения, существование которых подтверждалось независимыми источниками.

Н.В. Мятлев [41] выяснил эволюцию легенды о выезде родоначальника Левшиных Сувола Левенштейна к Дмитрию Донскому с конца XVII до начала XIX в. Окончательный вывод был категоричен: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Левшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не ранее конца XVII века, а потому... должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута» [41, 35 – 36].

Исследования петербургской школы в области генеалогического источниковедения оказали большое влияние на последующие изыскания, определив совокупность методов и приемов анализа родословных источников.

Генеалогия как научное знание теснейшим образом связана с биографикой, которая в современной науке часто воспринимается как самостоятельная дисциплина. В начале XX в. ситуация была иной. Изучение биографий исторических лиц рассматривалось как неотъемлемая часть родословного исследования. В «Известиях Русского генеалогического общества» было опубликовано несколько биографических очерков: [13; 17; 33] о боярине князе Н.И. Одоевском, о приехавшем на службу в Москву волошском воеводе С. Александровиче, о сыне боярском В. Чубукове, посланном Иваном Грозным с жалованной грамотой к хану Кучуму. Разновидностью биографического исследования являлись работы, посвященные уточнению фактов и дат жизни исторических деятелей. Так, Г.В. Мещеринов и граф С.Д. Шереметев выяснили время и обстоятельства смерти двух представителей рода Нагих [37; 58].

Другой проблемой, привлекавшей внимание петербургской генеалогической школы, стали матримониальные связи дворянских родов. Их установление, с одной стороны, представляло собой сложную источниковедческую задачу, требовавшую тонкой интерпретации источников, а с другой – являлось ключом к пониманию причин многих событий истории XVI – XVII вв., что прямо ассоциировалось с научной состоятельностью

генеалогии как сферы исторического познания. Генеалоги выдвинули ряд интересных гипотез – о происхождении матери царицы Е.Л. Стрешневой из рода Юшковых, [19] о первой жене видного деятеля Смутного времени князя Д.Т. Трубецкого [18] и т.п. Д.Ф. Кобеко установил наличие свойственных связей между князьями Татевыми и князьями Голицыными, Полевыми и Шереметевыми [20; 22]. Он также предположил, что причины возвышения во время Смуты «худородного» С.И. Шапкина, назначенного на видную должность постельничего, кроются в его дальнем родстве с Нагими, благодаря чему он смог уговорить царицу М.Ф. Нагую признать Лжедмитрия своим сыном. В серии статей Н.В. Мятлева и Д.Ф. Кобеко высказывались предположения о свойственных связях рода Нагих с князьями Фуниковыми, князьями Мезецкими, Свибловыми и Хлоповыми [21; 38; 39].

Большой интерес к бракам проявил Н.П. Лихачев, который целенаправленно собрал из источников XVI – начала XVII в. упоминания о женщинах, принадлежавших к княжеским родам, и подготовил справочный список [30]. В нем упомянуто 42 рода (князья Бярятинские, князья Бельские, князья Воротынские, князья Гундоровы, князья Кемские, князья Козловские, князья Кропоткины, князья Курбские, князья Мещерские, князья Ухтомские, князья Холмские, князья Хованские, князья Оболенские с их многочисленными разветвлениями). Женские имена позволили установить свойственные связи этих семей (например, князей Турениных-Оболенских с Годуновыми, князей Сицких с Морозовыми и Сабуровыми).

Логически связанной с этим исследованием оказалась статья о родстве князей и дьяческих семей, [35] возникавшем вследствие браков. Именно эти данные помогли Н.П. Лихачеву убедительно объяснить возвышение дьяческих династий Висковатовых, Щелкаловых, Грамотиных и их большую роль в политической жизни. В рамках изучения Н.П. Лихачевым свойственных связей Средневековья можно рассматривать и работу, [36] в которой получила документальное подтверждение легенда рода бояр Колычевых о браке с «новгородкой». Исследователь установил, что живший в первой половине XVI в. Иван Андреевич Колычев действительно был женат на Матрене Есиповой, которая происходила из знатного новгородского рода. Матримониальные связи новгородских и московских родов изучал также Н.В. Мятлев. Он выявил несколько подобных фактов, показав на их основе, каким образом после присоединения Новгорода к Московскому княжеству происходила генеалогическая интеграция привилегированных групп двух регионов [42]. Изучение матримониальных связей русского Средневековья понималось не только как эмпирическая за-

дача, но и как способ методологического совершенствования родословного знания.

Общей проблемой русской генеалогии второй половины XIX – начала XX в. стало введение в научный оборот точной, верифицированной информации, опирающейся на критический анализ источников. Это стремление выразилось в развитии эвристического направления, которое реализовывалось через создание генеалогических справочников. В рамках петербургской школы оно нашло отражение в творчестве В.В. Руммеля и Г.А. Власьева. Изданные ими справочники [11; 52] стали важными событиями для отечественной исторической науки. В.В. Руммель [43] предложил новое понимание точности генеалогического знания, определив его неременным условием, с одной стороны – систематическое привлечение архивных материалов, а с другой – исключение гипотетического присоединения лиц к родословным как принципа составления поколенных росписей. Для 1880-х гг. новаторским был предмет исследования, целенаправленное обращение не к аристократии, а к средним слоям древнего дворянства.

Справочник Г.А. Власьева [12] о потомстве Юрика тематически и методологически полностью соответствовал выработанной петербургской школой парадигме. Приоритет точности информации детерминировал уникальную полноту биографических справок в поколенных росписях и отсылки на источники при каждом сведении. Методическое и информационное значение справочника Г.А. Власьева адекватно понималось петербургскими генеалогами, которые приложили большие усилия для издания второго тома труда, посвященного владими́ро-волинским князьям. Это произошло после смерти автора в 1918 г. [11] и стало научным подвигом, в контексте политической обстановки в стране.

Петербургское направление выступило как субъективный фактор формирования московской родословной школы [46; 47; 49]. В начале XX в., когда, с одной стороны, в деятельности Русского генеалогического общества наблюдались кризисные явления, вызванные кадровыми проблемами, а с другой – среди любителей родословия из других регионов накапливалось недовольство, обусловленное методами работы организации, было создано альтернативное Историко-родословное общество в Москве. Оно стало научно-организационным центром московского генеалогического направления. Основатель и руководитель Историко-родословного общества Л.М. Савелов учел как положительный, так и негативный опыт, накопленный петербургскими коллегами, постарался избежать их ошибок.

Официальные контакты между петербург-

ским и московским направлениями практически отсутствовали. Только один раз, в 1906 г., Историко-родословное общество в Москве обратилось к Русскому генеалогическому обществу с письменным запросом, в котором шла речь о материалах, собранных В.В. Руммелем. Появились сведения об их передаче Императорской публичной библиотеке, и, реагируя на них, Историко-родословное общество выразило согласие принять материалы и довести поколенные росписи XVII в. до публикации. В ответе Русского генеалогического общества слухи о продаже рукописей были опровергнуты [5; 6, 5]. Отсутствие официальных контактов не мешало исследовательскому диалогу петербургских и московских генеалогов, который выразился в публикации работ в изданиях обеих организаций – «Летописи Историко-родословного общества» и «Известиях Русского генеалогического общества».

Судьба петербургского направления после 1917 г. сложилась непросто. Накопленный материал о фальсификации средневековых родословных документов был использован «историками-марксистами» против самой генеалогии как науки, оказавшись важным аргументом для обоснования ее ненужности при изучении прошлого. Несмотря на попытки расширить направления деятельности Русского генеалогического общества, отмежевываясь от дворянских приоритетов, войти в состав советских научных организаций и иные меры, сохранить центр школы не удалось. В ноябре 1922 г. общество было официально ликвидировано.

В 1920 – 1930-е гг. произошло нивелирование различий между московской и петербургской школами. Первая уцелела в большей степени, что было обусловлено широтой хронологических рамок и проблематики исследований, тесной связью с любителями, с архивами, с преподаванием. Представителям московской школы удалось лучше приспособиться к условиям советского тоталитаризма, и после 1917 г. продолжать полулегальные родословные исследования. Многие из представителей этого направления эмигрировали и при возобновлении генеалогических исследований за границей опирались, разумеется, на более им привычный теоретико-методический опыт [44].

По отношению к концу 1920-х – 1930-м гг. термин «школа» может употребляться только условно, поскольку генеалогия не пополнялась новыми поколениями исследователей, происходило свертывание научных работ, были утрачены лидеры. В СССР традиции петербургского направления нашли продолжение в работах С.Б. Веселовского, а позднее – в работах А.А. Зимина и В.Б. Кобринина.

Деятельность петербургской школы явилась для начала XX в. своеобразной научной революцией, заложившей эпистемологические и мето-

дические основы последующей генеалогической мысли. Суть произошедших модификаций состояла в создании универсальной парадигмы родословного исследования, которая была направлена на достижение верифицированного и объективного генеалогического знания, понимавшегося как специфический, но полноценный компонент изучения прошлого.

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 351. – К. 1. – Д. 28.
2. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1293. – Д. 1.
3. Там же. – Д. 2.
4. Там же. – Д. 16.
5. Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 432. – Д. 8.
6. Там же. – Д. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

7. Акты служилых земледельцев XV – начала XVII вв. – М., 1997–2008. – Т. 1–4.
8. Бартенев П.И. // Русский архив. – 1898. – № 8.
9. Бартенев П.И. [Рецензия] // Русский архив. – 1907. – № 2. – 2 л. обл.
10. Власьев Г.А. Князья Острожские и Друцкие // Известия Русского генеалогического общества (далее ИРГО). – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 1–30.
11. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. – СПб.; Пг., 1906–1918. – Т. 1–2.
12. Власьев И.Р. Русский генеалог Г.А. Власьев // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 77–87.
13. Губастов К.А. К портрету князя Никиты Ивановича Одоевского // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Предисловие.
14. Зубова Н.Л. Историко-просветительские организации в России в конце XIX – начале XX века: Дис. ... к. и. н. – М., 1990.
15. Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001.
16. Кашкин Н.Н. Столбцы князей Черкасских // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 1–16.
17. Кобеко Д.Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 31–34.
18. Кобеко Д.Ф. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 45–47.
19. Кобеко Д.Ф. Мать царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 1. – С. 61–66.
20. Кобеко Д.Ф. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 1. – С. 3–23.
21. Кобеко Д.Ф. Федор Федорович Нагой // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 18–24.
22. Кобеко Д.Ф. Шереметевы и Полевы // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 7–30.
23. Краско А.В. Из истории Русского генеалогического общества. Создание и становление общества // ИРГО. – 1994. – Вып. 1. – С. 31–36.

24. Краско А.В. Русское генеалогическое общество 1918 – 1922 гг. (страницы истории) // ИРГО. – Вып. 4. – С. 36–43.
25. Лихачев Н.П. Вкладная запись выдающегося генеалогического значения // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 149–164.
26. Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 49–61.
27. Лихачев Н.П. Грамоты Осоргиных // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 3. – С. 14–0.
28. Лихачев Н.П. Документы о князьях Сицких // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 216–352.
29. Лихачев Н.П. Духовное завещание старца Варлаама // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 100–112.
30. Лихачев Н.П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 70–113.
31. Лихачев Н.П. Летописи и записи в рукописях и книгах как генеалогический источник // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 133–149.
32. Лихачев Н.П. О происхождении Яновых // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 150–154.
33. Лихачев Н.П. Посылка в Сибирь Василия Чубукова // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 162.
34. Лихачев Н.П. Родоприсхождение дворян Головкиных // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 89–148.
35. Лихачев Н.П. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 114–119.
36. Лобанов-Ростовский А.Б. кн. Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. 1–2.
37. Мещеринов Г.В. К родословию Нагих // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 10–12.
38. Мятлев Н.В. Догадка о жене Федора Нагого // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 13–17.
39. Мятлев Н.В. К родословию Нагих // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 71–91.
40. Мятлев Н.В. О предстоящем издании «Родословных росписей, поданных в Разряд при составлении родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII в.» // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 4. – С. 515–518.
41. Мятлев Н.В. Родословная легенда Левшиных // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 35–37.
42. Мятлев Н.В. Родство Колычевых с новгородцами // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 120–123.
43. Наумов О.Н. В.В. Руммель и русская генеалогия // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 62–74.
44. Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930 – 1950-е годы) // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 7–16.
45. Наумов О.Н. «Известия Русского генеалогического общества»: указатель содержания // Историческая генеалогия. – 1994. – Вып. 3. – С. 65–79.
46. Наумов О.Н. Историко-родословное общество в Москве в контексте русской генеалогической мысли // Вестник архивиста. – 2005. – № 1. – С. 135–141.
47. Наумов О.Н. Историко-родословное общество в Москве и развитие русской генеалогии // Культурное наследие российской эмиграции, 1917 – 1940 гг. – Кн. 1. – М., 1994. – С. 429–440.
48. Наумов О.Н. Источники по истории Русского генеалогического общества // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 17–54.
49. Наумов О.Н. Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX в.: Автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1995.
50. Предисловие // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900.
51. [Протоколы общих собраний Русского генеалогического общества] // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 3. – С. 1–17.
52. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб., 1886–1887. – Т. 1–2.
53. Список членов Русского генеалогического общества к 1 мая 1914 г. – СПб., 1914.
54. Татищев Ю.В. Род князей Мезецких // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 48–84.
55. Холмогоров В.И. Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 17–25.
56. Шереметев С.Д. гр. Дело Дмитрия Битяговского // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 32–45.
57. Шереметев С.Д. гр. Духовное завещание боярина князя Никиты Ивановича Одоевского // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 3. – С. 379–391.
58. Шереметев С.Д. гр. По поводу родословия Нагих // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 3–6.
59. Шереметев С.Д. гр. Рядная запись Елены Алексеевны Зюзинной // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 97–99.

O. Naumov

PETERSBURG GENEALOGICAL SCHOOL: TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF HISTORY OF RUSSIAN GENEALOGY

Abstract: This article considers origins and history one of the two directions in Russian genealogy end of the 19th – early 20th centuries: Petersburg Genealogical School headed foremost historic authority academician Nikolay Petrovich Likhachyov. Author explores the activity of its organizer (Russian Genealogical Society) and contribution on the development of Russian scientific genealogy.

Key words: genealogy, historiography, primary source analyze, historic societies, scientific school.

ОСВЕЩЕНИЕ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Аннотация. В статье отражена позиция историков Ключевского О.В., Платонова С.Ф., Иловайского Д.И. и других в отношении правления Екатерины Второй. Также в статье затронута проблема создания школьного учебника по русской истории.

Ключевые слова: Екатерина II, Ключевский В.О., Платонов С.Ф., Иловайский Д.И., школьный учебник, история.

В последнее время в отечественной исторической науке значительно возросла роль школьного учебника истории как историографического источника. Правомерность обращения к анализу школьных учебников отечественной истории убедительно доказано в работах А.Н. Фукса [Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII начало XX). М., 2008. С. 3]. Особенность учебников заключается в том, что они зачастую являются единственными источниками по изучению целостных авторских концепций. В них реализуются основные социальные функции исторического познания, такие как: выяснения закономерности истории, прогнозирующая функция, функция социальной памяти, и что самое главное – воспитательная функция истории. Учебник истории чутко реагирует на изменение политической ситуации в стране, отношение к содержанию учебников является лакмусовой бумажкой социально-политической позиции не только историков-профессионалов, но и общественных и государственных деятелей. Об этом красноречиво свидетельствуют дискуссии по вопросам содержания школьных учебников истории, развернувшиеся в СМИ и специальной научной литературе в 90-е годы XX в. и начала XXI в. [Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографические явления. М., 2007. С. 28]. Обращение к анализу школьных учебников по отечественной истории представителей ведущих направлений отечественной историографии конца XIX – начала XX в. позволит реализовать одну из основных целей исследования – изучение интерпретации их взглядов на освещение ключевых проблем истории второй половины XIX столетия в учебной литературе. Преподавание истории впервые началось в московской гимназии пастора Глюка 1705 г., потом в школе Феофана Прокоповича 1721. Государственное обучение истории

с 1726 г. В первой половине XVIII века изучалась всеобщая история, преподавание было на иностранных языках. В привилегированных школах материал излагался в вопросно-ответной форме. Ученики должны были выучивать наизусть текст. В 1760 г. историю изучали как дополнение к филологическому курсу в духовных, коммерческих и художественных училищах.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России с нарастанием революционного движения резко обострилась идеологическая борьба, затронувшая и школьное историческое образование. Царское правительство, сознавая, каким могучим орудием социально-политического воспитания подрастающего поколения может служить изучение истории, прилагало максимум усилий для внедрения в школу учебных курсов, в которых отражалась официально-охранительная, монархическая концепция исторического прошлого. Насаждая официальные учебники, правящие круги стремились увести учащихся подальше от революционных событий современности. Появление в 1860 году «Кратких очерков русской истории» Д.И. Иловайского внесло ощутимый прогресс в дело школьного исторического образования. Однако более пятидесяти лет учебник отечественной истории Иловайского, за исключением редких дополнений и исправлений, не подвергался коренной переработке. С поразительным упорством историк отстаивал правоту своих суждений. Он говорил, что «факты русской истории», изложенные им в учебнике, устареть не могут. Сказанное свидетельствует о том, что на протяжении всего творческого пути Иловайского его исторические воззрения не претерпели эволюции [7, 43-44]. В вышедших в 1860-е гг. и издававшихся на протяжении нескольких десятилетий вплоть до 1916 г. в учебниках по русской и всеобщей истории Д.И. Иловайский последовательно проводил монархические установки в образовании и воспитании учащихся. Их содержание соответствовало официальным требованиям. В программах, принятых министерством народного просвещения в 1890, 1902 и 1913 гг., неизменно подчёркивалось, что главной задачей преподавания истории является воспитание у учащихся «любви и преданности престолу и Отечеству» [Программы и объяснительные записки по русской и всеобщей истории в мужских гимназиях//Журнал Министерства народного просвещения № 8. 1913]. Большинство

* © Смирнова С.А.

работ Д.И. Иловайского представляли собой открытую апологию самодержавия. В его знаменитом учебнике «Краткие очерки русской истории», как и в «Истории России», изложение исторических событий осуществлялось по царствованиям и княжениям. Каждая глава соответствовала периоду правления того или иного монарха. Характерные особенности разных эпох в истории России Иловайский связывал с личностями князей, царей и императоров. Например, деятельность Екатерины Великой, внутренняя и внешняя политика России в период правления Екатерины II, по мнению Д.И. Иловайского, явилась порождением просвещенного абсолютизма, «проницательностью, искусством императрицы пользоваться обстоятельствами и умением находить людей для выполнения своих планов она заслужила всеобщее удивление. С редкими дарованиями императрица соединяла также стремление к славе и внешнему блеску» [Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1993. С. 345]. Как видим, теоретическая установка Иловайского на то, что историю творят исключительные личности, находила свое конкретное воплощение в схеме русского исторического процесса. Отдавая должное тем интересам, которые проявляла либеральная среда к вопросам школьного исторического образования, и стремясь популяризировать собственную схему русского исторического процесса, В.О. Ключевский издает учебник истории. Его «Краткое пособие по русской истории» выдержало восемь изданий [Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. 1-е изд. - М., 1899; 2-е изд. С доп.-М., 1900; 3-е изд.-М-, 1903; 4-е изд. с доп.-М., 1905; 5-е изд. с доп.-М.. 1906; 6-е изд.-М-, 1908; 7-е изд.-Владимир, 1909; 8-е изд.-М., 1917]. Причём последний раз издавалось посмертно в 1917 году. «Краткое пособие по русской истории» мгновенно расходилось как среди слушателей автора, так и среди тех, кто не имел возможности слушать курс лекций по отечественной истории В.О. Ключевского. Многие учителя (главным образом в частных гимназиях) стали рекомендовать учащимся пособие В.О. Ключевского. По словам самого В.О. Ключевского «Краткое пособие по русской истории» было написано для нерадивых студентов вечернего отделения исторического факультета МГУ, однако фактически оно стало одним из популярных учебников в дореволюционной школе. В нём, как и во многих других работах В.О. Ключевского, проявились выдающиеся особенности исторического повествования автора: это и образные характеристики, и стремление к живописной краткости, к афоризмам, которые запоминаются как своего рода крылатые слова, наконец, его богатый, яркий русский язык с его непревзойденной гибкостью и выразительностью [6, 77]. В школьном учебнике Ключевс-

кий, как и в «Курсе русской истории», довольно часто обращается к жизни народа, рисуя его бедственное положение. К примеру, Ключевский осуждал и критиковал Екатерину II за то, что «она ничего не сделала, чтобы облегчить разрешение этого трудного вопроса» [Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1917. С.146-147]. Таким образом, вслед за «государственниками» он констатировал, что с объявлением дворянской вольности настала необходимость освобождения и крестьян от личной зависимости. Но в тоже время он указывал на то, что царствование Екатерины II — знаменательное явление российской истории во многих отношениях и прежде всего в том, что Россия всеми сторонами своей жизни, своей культурой, духовным миром обратилась к Новому времени. Каким бы противостоянием это ни оборачивалось, отныне обновление России станет центральным вопросом в осознании ее настоящего и восприятии будущего. Также Ключевский отмечал и исключительную роль самой правительницы, которая сумела соединить мысль с властью, принципы новой цивилизации воплотить в государственной политике, национальное самосознание русского общества сблизить с историческим сознанием эпохи. Широко применялся в дореволюционной школе учебник С.Ф. Платонова «Учебник русской истории для средней школы», в котором он последовательно излагает историю страны с Киевской Руси до конца XIX века. Следует сказать несколько слов о понимании С.Ф. Платоновым назначения учебной литературы. Проявляя консерватизм в этом вопросе, он думал, что на первом месте в учебных пособиях и других изданиях, рассчитанных на массового читателя, должна стоять не столько «научность», сколько «назидательность». Так, критикуя содержательную сторону трудов Д.И. Иловайского, он в позитивных тонах оценивает их «назидательность» [Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883-1012). – СПб.: Суворин, 1912. С.126.]. Под «назидательностью» Платонов, вероятно, подразумевал способность автора учебника «навязать» учащимся собственную точку зрения на русскую историю. Таким образом, С.Ф. Платонов, считавший, что истинный процесс исследовательской работы историка должен быть свободным от субъективного влияния [Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – Пг.: С. Блинов, 1917. С. 4-5] признаёт таковое, когда речь идет о школьном историческом образовании. Подобная методологическая рекомендация, в основе которой противопоставление исследовательской работы историка его популяризаторской деятельности (посредством написания школьных учебников), лишней раз говорит о том, какое значение представители дореволюционной академической науки придавали идейному воспитанию

подростающего поколения. Екатерину II Платонов преподносил как выдающегося государственного деятеля. Автор мастерски вскрыл противоречие, с которым столкнулась Екатерина: с одной стороны, страстное внутреннее желание покончить с крепостным правом, с другой – полная объективная невозможность этого шага, поскольку социальной опорой самодержавной власти императрицы было дворянство. В результате, при Екатерине крепостное право продолжало не только существовать, но и развиваться [3, 616-617]. Он утверждал, что окончательное оформление крепостного права как государственной системы произошло именно при Екатерине II, он пишет, что время Екатерины II было тем историческим моментом, когда крепостное право достигло полного и наибольшего своего развития [3, 616-617]. В дальнейшем автор неоднократно указывал, что крепостная зависимость являлась тормозом социально-экономического развития России, причиной народных движений. Общие выводы, которые делает последний видный предреволюционный историк С. Платонов, подводя итоги царствования Екатерины II, также противоречивы, как и сделанные им оценки итогов государственной деятельности отца Петра и самого Петра. В «Учебнике русской истории» эти выводы представляют лукавую систему недоговоренностей и легко разоблачаемых натяжек. Изложение царствования Екатерины II он начинает фразой: «Царствование Императрицы Екатерины II было одним из самых замечательных в русской истории» [3, 616-617]. Появление ряда талантливых деятелей в эпоху Екатерины Платонов объясняет не тем, что это есть результат того, что русская нация духовно начала выздоравливать после сокрушительной революции, совершенной Петром и последствий «правления» его преемников, а только тем, что Екатерина умела выбирать себе соратников.

Взойдя незаконно на престол с помощью заговора, Екатерина все свое царствование зависела от дворянской среды, которая дала ей участников заговора, убийц ее мужа и пополняла ряды ее «орлов». Поэтому Екатерина II была императрицей-философом, дворянской царицей, но не царицей, стоящей на страже интересов всей нации. Это признает Платонов, «когда личные взгляды Екатерины совпадали с взглядами дворянства, – сообщает он, – они осуществлялись, когда же совпадения не было, императрица встречала непонимание, несочувствие, даже противодействие, и обыкновенно уступала косности господствующей среды» [3, 634]. Следовательно, фактически правила не Екатерина, господствующая среда, т.е. дворянство. «В других областях своей деятельности, – указывает Платонов, – просвещенная императрица не была так связана и не встречала

вообще препятствий, кроме того, что собственные ее философские и политические правила оказывались вообще неприменимыми к практике по своей отвлеченности и полному несоответствию условиями русской жизни» [3, 636]. Все утверждения С. Платонова полностью уничтожаются следующим утверждением, что эпоха Екатерины «была завершением уклонений от старо-русского быта» которые развивались в XVIII веке и что «внутренняя деятельность Екатерины узаконила ненормальные последствия темных эпох XVIII века» [3, 641]. Признания со стороны потомства Екатерина может заслужить только тем, что при ней границы русского государства снова, как и во времена Киевской Руси были доведены до берегов Черного моря и окончательно подорвали военную мощь старинных врагов России – Турции и Польши. Но Платонов пишет о том, что присоединение Польши, древнего самобытного государства к России надо уже признать ошибкой, которая принесла в дальнейшем России тяжелые политические последствия, надолго, если, не навсегда зародив ненависть у поляков к русскому народу. Большим несчастьем для России было и то, что вместе с поляками в составе русского государства оказалось большое число евреев. Характеристика учебников по отечественной истории начала XX века была бы неполной без учёта учебных пособий, созданных историками так называемого «революционно-демократического» направления, взгляды которых формировались под заметным влиянием идей марксизма. Развитию историко-методической мысли дореволюционной России во многом способствовала учебно-историческая деятельность представителей указанного направления науки Н.А. Рожкова, М.Н. Коваленского, А.Ф. Гартвига. Н.А. Рожков, являясь крупным историком в области отечественной истории, и М.Н. Коваленский отчётливо выделялись качествами опытных методистов. Работы А.Ф. Гартвига, главным образом, были посвящены вопросам преподавания истории в средней школе [3, 645]. Методические взгляды Н.А. Рожкова, М.Н. Коваленского, А.Ф. Гартвига были направлены против существовавшей в дореволюционной России системы школьного исторического образования. Можно предположить, что порой в отказе от учебника – как средстве обучения, они видели единственную возможность избавления учащихся от принудительного изучения охранительной концепции отечественной истории. Школьные учебники по русской истории самих Н.А. Рожкова и М.Н. Коваленского были признаны царским правительством крамольными, сеющими революционные идеи, и поэтому запрещались для использования в средних учебных заведениях. Отвергнутые правительственной цензурой, учебники Н.А. Рожкова и М.Н. Ковален-

ского использовались в школах полулегально. Радикально настроенные учителя могли употреблять их только в частных учебных заведениях или в некоторых ведомственных (например, в коммерческих) училищах. Тем не менее, выход в свет учебников революционно-демократического направления явился своеобразной вехой, которая отмечала начало распространения марксистских, материалистических идей в школьном преподавании истории [6, 161, 164]. Становление советской исторической науки в 20-30-е годы прошлого столетия осуществлялось на основе принципов консолидации на единой марксистской основе. Екатерина II, как и прочие российские самодержцы, за исключением Петра I, подвергалась в ней острой критике. Великие свершения российской истории XVIII в. происходили как бы без нее. В 1930 г. все учебники по педагогическим идеям и характеру подачи материала отражали уровень методики того времени. К недостаткам можно отнести перегруженность именами, фактами, датами, при полном отсутствии документов. Не было вопросов и заданий. Рассказ учителя был на первом месте, самостоятельной работе отводилась вторая роль. Ученик был объектом, а не субъектом внимания.

В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) на первое место выдвигалась воспитательная цель. Усиление патриотизма и национального единства. При изучении Средних веков роль славянских народов, значение культурного наследия, их совместная борьба с чужеземными захватчиками. Разоблачался фашистский миф о культуре немцев среди варваров. Составлена книга подборок текста из героического прошлого нашего отечества. Факты героизма сопоставлялись с фактами ВОВ. В первой половине XX века, после свершения Октябрьской революции в школьных учебниках истории мало говорится о Екатерине Второй в основном ее образ подвергнут критике, как угнетательнице народа, как завоевательнице других стран. Сегодня мы видим, что в ее деятельности были промахи, даже крупные ошибки, но в ее жизни остаются яркие пятна. Но целые столетия легли между нами и ею. Трудно быть злопамятным на таком расстоянии, и именно при мысли о наступлении третьего столетия со дня смерти Екатерины II в памяти ярче выступает то, за что ее следует помнить, чем то, чего не хотелось бы вспоминать. «Царствование Екатерины II – это целая эпоха нашей истории, а исторические эпохи обыкновенно не замыкаются в пределы людского века, не кончаются с жизнью своих творцов. И время Екатерины II пережило ее самое, по крайней мере, после четырехлетнего перерыва было официально воскрешено манифестом второго ее преемника, объявившего, что он будет царствовать по законам и по сердцу своей бабки. Екатерину и по смерти

ее восхваляли или порицали, как восхваляют или порицают живого человека, стараясь поддержать или изменить его деятельность. И Екатерины II не миновал столь обычный и печальный вид бессмертия – тревожить и ссорить людей и по смерти. Ее имя служило мишенью для полемического прицела в противников или приверженцев ее политического направления. Живые интересы и мнения боролись на ее могиле. Уронить ее бюст или удержать на пьедестале значило тогда дать то или другое направление жизни. Столетняя давность, отделившая нас от Екатерины II, покрывает все эти споры и вражды. Наши текущие интересы не имеют прямой связи с екатерининским временем» [Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. стр. 282-283].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1993.
2. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1917.
3. Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883-1912). – СПб.: Суворин, 1912.
4. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – Пг.: С. Блинов, 1917.
5. Программы и объяснительные записки по русской и всеобщей истории в мужских гимназиях//Журнал Министерства народного просвещения № 8. 1913.
6. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII начало XX). М., 2008.
7. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографические явления. М., 2007.

S. Smirnova

LIGHTING OF EKATERINA EPOCH IN THE SCHOOL TEXTBOOKS ON RUSSIAN HISTORY OF THE END OF THE XIX CENTURY AND BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract: In the article «Lighting of Ekaterina epoch in the school textbooks on Russian history of the end of the XIX century and beginning of the XX century» positions of historicalness Klyuchevsky V. O., Platonov S. F., Ivaylovski D. I., and others are reflected in respect to the rule of Ekaterina II. The problem of formation of the school textbook on Russian history is concerned in this article.

Key words: Ekaterina II, Klyuchevsky V. O., Platonov S. F., Ivaylovski D. I., school textbook, history.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.344.42

Абрамов А.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК ВЫСШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТА ОБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ*

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к определению политической элиты и проанализированы наиболее распространенные методики выявления власти имущих. По заключению автора, определение политической элиты можно дать исключительно с позиций властного подхода, а наиболее полезным для эмпирических исследований является сочетание позиционной и функциональной исследовательских стратегий.

Ключевые слова: политическая элита, высшая политическая страта, политическая стратификация.

Вокруг политической элиты до сих пор не утихают жаркие споры. Вопрос о том, кто же те люди, которые управляют обществом и принимают судьбоносные для всех решения, всегда вызывал неподдельный интерес как рядовых граждан, так и профессионалов-политологов. Но, несмотря на обилие литературы, посвященной данной теме, единого видения указанного феномена по-прежнему не наблюдается.

Термин «элита» восходит к французскому *elite*, что обозначает «лучшее», «отборное», «избранное». Первоначально этот термин употреблялся для обозначения товаров наивысшего качества (до сих пор говорят об элитных сортах пшеницы, элитном кофе или элитных щенках), но в XVIII в. понятие стали использовать и применительно к людям – для обозначения избранных, лучших членов общества. В политической науке термин «элита» получил широкое распространение в начале XX в., благодаря трудам итальянца Вильфредо Парето.

Итак, что же такое политическая элита? В современной политологии распространено мнение, что существует **два подхода к определению политической элиты: ценностный и властный** (1, 241; 9, 168)

Суть *ценностного (аксиологического) подхода* заключается в том, что элитой называют людей,

обладающих наиболее ценными для общества качествами: профессиональным, интеллектуальным, моральным или иным превосходством. Полагая, что лишь немногие члены общества наделены «дефицитными», но нужными социуму чертами, сторонники аксиологического подхода оправдывают привилегированное положение элиты в обществе, ее господство над социумом. В этой связи адепты ценностного подхода довольно часто употребляют термин меритократия (от лат. *meritus* и греч. *kratos* – «власть достойных»).

Одним из ярких представителей данного подхода являлся Вильфредо Парето, характеризовавший элиту как людей, достигших наивысших результатов в своей области деятельности. Будучи профессором экономики, В. Парето одним из первых в политической науке применил индексный подход к исследованию феномена элитизма. «Предположим, – писал итальянский ученый, – что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам. Например, самому лучшему специалисту дается индекс 10, такому, которому не удается получить ни одного клиента – 1, наконец, кретину – 0. Тому, кто сумел нажить миллионы (неважно, честно или нечестно), – 10, зарабатывающему тысячи лир – 6. Тому, кто едва не умирает с голода, – 1, а находящемуся в приюте нищих – 0. ... Ловкому жулику, обманывающему людей и не попадающему при этом под действие уголовного кодекса, поставим 8, 9 и 10, в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети, и количества вытянутых из них денег; нищему воришке, укравшему один столовый прибор у трактирщика и к тому же позволившему карабинерам схватить себя, дадим индекс 1... И так далее, для всех сфер деятельности человека» (8, 60).

Другим, не менее известным представителем ценностного подхода, являлся испанский философ Хосе Ортега-и-Гасет. В своей известнейшей работе «Восстание масс» он определял элиту как

* © Абрамов А.В.

достойных, внутренне дисциплинированных, аскетичных и склонных к самопожертвованию людей, противостоящих массе заурядных и серых личностей (7, 120).

Сторонники второго, *властного подхода* определяют политическую элиту как верхушку общества, обладающую властью.

Один из родоначальников теории элит, итальянский политолог Гаэтано Моска, попытался доказать неизбежное деление любого общества на две неравные по социальному положению и роли группы. В своей работе «Правящий класс» он писал: «Во всех обществах, начиная с самых средне-развитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым, причем, таким образом, который обеспечивает функционирование политической организации» (6, 118).

Крупный вклад в развитие теории политических элит в начале XX в. внес немецкий политолог Роберт Михельс, сформулировавший «железный закон олигархических тенденций», который, по его мнению, действует в любом обществе. Суть этого закона состоит в том, что развитие крупных организаций (Р. Михельс изучал Социал-демократическую партию Германии, позиционировавшую себя в начале XX в. как партию рабочих) неизбежно ведет к олигархизации управления и формированию элиты, поскольку руководство такими объединениями не может осуществляться всеми их членами. Эффективность деятельности граждан требует функциональной специализации и рациональности, выделения руководящего ядра и аппарата, представители которого неизбежно выходят из-под контроля общества и стремятся подчинить политику собственным интересам. В результате, любой, даже демократической организацией всегда правит олигархическая, элитарная группа. Верхушка, заинтересованная в сохранении своего привилегированного положения, устанавливает контакты с себе подобными, спланируется, забывая об интересах масс. Таким образом, в масштабах всего общества рядовые граждане в силу недостаточной компетентности и своего равнодушия к повседневной политической деятельности, становятся «пешками» в руках элиты (5, 194-195).

Впрочем, при внимательном изучении двух вышеназванных подходов к определению элит, становится очевидным, что *выделение их как противоположных друг другу, по крайней мере, некорректно.*

Во-первых, представители двух подходов используют различные критерии для выделения элиты: сторонники властного подхода лишь констатируют верховенство элиты, связанное с обладанием властью, в то время как представители ценностного подхода пытаются отыскать причины этого верховенства, и находят их в качествах, которыми, якобы, обладают представители высших слоев общества.

Во-вторых, определение элиты с позиций ценностного подхода выводит изучаемый феномен далеко за рамки политической сферы. Из процитированного фрагмента работы В. Парето, очевидно, что исследователь говорит о множестве элит: финансовой элите, элите воровского мира и т.п. Таким образом, в работах В. Парето элита предстает как социальный (а не только политический) феномен. Когда же итальянский ученый переходит к характеристике собственно политической элиты, он использует властный подход, подразделяя политическую элиту на правящую и неправящую. В другой классификации: дифференциации элит по доминирующим личным качествам на «лисы» и «львы» (первые характеризуются хитростью, вторые – грубой силой), В. Парето, тем не менее, указывает на то, что данные доминирующие черты характера применяются этими группировками для осуществления власти (8, 77-78). Таким образом, «наивысшим индексом деятельности» для политиков становится обладание ими властью над обществом.

Отсюда следует, что единственным и универсальным критерием для выделения политической элиты выступает обладание властью, а потому *верным представляется лишь второй, властный, подход.* Здесь вполне можно согласиться с российским исследователем Оксаной Викторовной Гаман-Голутвиной, утверждающей, что «для современных политологических исследований более операциональной является трактовка элиты как категории лиц, обладающих властью, – вне зависимости от того, какие факторы обусловили их властное положение: происхождение, финансовое состояние или личные заслуги» (2, 97).

Впрочем, констатация того факта, что политической элитой следует называть группу лиц, обладающих властью над обществом и осуществляющих общественное управление, порождает новые вопросы. Главным среди них является **проблема применения властного подхода к анализу конкретного эмпирического материала.**

Здесь можно выделить две исследовательские стратегии. В соответствии с первой – *структурной или позиционной стратегией* в политическую элиту зачисляются лица, занимающих высшие должностные позиции в наиболее значимых политических институтах: министров, парламентариев,

военачальников и т.п. Сосредоточение внимания на верхушке властной пирамиды дало основание назвать позиционную стратегию *альтиметрической* (альтиметр – высотомер; пилотажно-навигационный прибор, указывающий высоту полета).

Большинство политологов, анализирующих политические элиты конкретных стран, обращаются именно к альтиметрической стратегии в силу ее простоты. Действительно, достаточно проанализировать объективные и открытые данные о составе парламента, правительства, администрации президента и т.п., чтобы прийти к определенным выводам о составе и качестве правящей элиты.

Так, известный американский политолог Райт Миллс в ставшей скандально известной в США книге «Властвующая элита» (из-за обличительного пафоса книга в 1959 г., т.е. вскоре после написания, была издана в СССР) обращает свое внимание именно на социальные институты. В результате, ученый приходит к выводу о том, что в американском обществе «первую скрипку» играют государство, крупные экономические корпорации и армия. В соответствии с этим Р. Миллс, выделяет в американском обществе три элитные группы: экономическую, политическую и военную. Их интересы и действия переплетаются, и в результате «руководящие деятели каждой из трех областей – военная знать, главари корпораций, официальные руководители государства – сплавиваются воедино, образуя тем самым властвующую элиту Соединенных Штатов» (4, 31).

Сторонниками позиционного подхода являются и американские политологи Томас Дай и Харман Зиглер. В их совместной книге говорится: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах – в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти». Таким образом, по мнению Т. Дая и Х. Зиглера, к элите в США следует причислить ведущих политиков, крупных промышленников и финансистов, владельцев средств массовой информации, то есть тех, кто распределяет ценности внутри общества или влияет на жизнь всех граждан. В общей сложности это порядка 5 тыс чел. (12, 91).

Простота применения альтиметрического критерия делает его весьма популярным в политической компаративистике. Так, профессор Мичиганского университета Сэмюэль Элдерсфельд,

провел сравнение политических элит США, Англии, Швеции, Нидерландов, ФРГ, Италии, Франции, беря 1500 высших служащих государственного аппарата и парламентариев этих стран (11, 12-27).

Позиционного подхода к выделению элит придерживается и известный исследователь российской элиты Ольга Викторовна Крыштановская. Она относит к политической элите России лиц, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения: депутатов Федерального Собрания РФ (в т.ч. и партийных лидеров), членов Правительства РФ, Президента РФ и его ближайшее окружение, региональную и бизнес-элиты (3, 51).

Сторонники *функционалистской исследовательской стратегии* относят к политической элите лиц, принимающих важные решения. При этом, как видно, значение имеет не должность, а именно политическое влияние, что позволяет включить в состав правящей верхушки людей, находящихся в «тени» и не занимающих видных общественных постов.

В отличие от структурного подхода выявить непубличных представителей элиты довольно трудно, поэтому политологи, придерживающиеся функционалистской стратегии, вынуждены использовать различные социологические приемы, такие как:

- метод самооценки (элита выявляется в ходе опроса представителей власти путем самозачисления);

- контент-анализ (состав элиты определяется, исходя из упоминаемости фамилий политиков в прессе);

- метод репутационного анализа (элита выделяется с помощью опроса экспертов);

- метод анализа принятия решений (событийный метод) – элита выделяется путем анализа механизма принятия стратегических решений.

Метод репутационного анализа (одним из первых его использовал американский политолог Ф. Хантер для изучения властных отношений в Атланте) является наиболее распространенным. Многочисленные рейтинги «наиболее влиятельных политиков», регулярно публикуемые в различных газетах и журналах, яркое тому подтверждение. На основе публикаций такого рода, американский социолог Ш. Ривера написал работу о формировании состава российской посткоммунистической элиты (10, 61-66).

Событийный метод разработал Р. Патнем, автор работы «Сравнительное исследование политических элит» (13), а сторонником его применения в России является отечественный политолог О.В. Гаман-Голутвина (2, 99).

Рассмотрев две вышеизложенные исследовательские стратегии можно заметить, что функ-

ционалистская техника выявления элиты способна дать более точные сведения о составе власти и имущих. Однако методика выявления «теневых» руководителей, к сожалению, страдает нечеткостью и субъективизмом: метод экспертного анализа зависит от квалифицированности и уровня знаний экспертов; метод анализа принятия решений сложен из-за того, что на принятие решений могут оказывать влияния множество людей – экспертов, спичрайтеров, чиновников и пр.; метод самооценки вообще крайне субъективен. В этой связи структурная (альтиметрическая) стратегия представляется инструментом, хотя и более грубым, но более строгим в научном плане.

В целом же, обе стратегии можно успешно сочетать. Например, в первом приближении использовать альтиметрический инструментарий, а уточнять и конкретизировать состав элит с помощью функционалистской техники.

Обобщение вышеизложенного позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Определение политической элиты можно дать исключительно с позиций властного подхода. Ценностный (аксеологический) подход используется при анализе элиты вообще и не вполне «работает» применительно к властному меньшинству. Само наличие двух подходов является своеобразным отголоском дискуссии позитивистов и антипозитивистов. Первые, как известно, избегали ответа на вопрос «почему», предпочитая констатацию того или иного факта. А ценностный подход как раз и заключается в ответе на вопрос «почему»: элитой становятся определенные люди, потому, что они обладают исключительно важными, ценными качествами. Властный же подход констатирует наличие особой страты (слоя) общества, обладающей властью и сосредоточившей в своих руках рычаги управления обществом. Таким образом, можно сформулировать следующее рабочее определение политической элиты: политическая элита – это высшая страта общества; совокупность лиц, принимающих важнейшие для всей страны решения, в силу занятых ими ведущих позиций во властных институтах.

2. Различные исследовательские стратегии позволяют провести дальнейшую дифференциацию властного меньшинства общества. Используя альтиметрическую методику, можно выделить лиц, занимающих ведущие посты (должности) во властных институтах: парламентариев, министров, сотрудников администрации президента и т.п.; а, применяя другие стратегии – контент-анализ материалов СМИ и/или экспертные опросы политологов и политиков и/или событийный подход, – выделить из состава политической элиты «элиты элиты», играющую решающую роль в разработке политического курса страны.

Как представляется, данные выводы могут послужить основой для дальнейшего эмпирического исследования политической элиты современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М., 2001.
2. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – № 3.
3. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1.
4. Миллс Р. Властвующая элита. – М., 1959.
5. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии// Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
6. Моска Г. Правящий класс// Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
7. Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс// Вопросы философии. 1989. – № 3.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии// Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
9. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1996.
10. Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. – 1995. – № 6.
11. Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократическая теория// Политическая наука: проблемно-тематический сборник. – М., 1998. – Вып. 4. Элиты в сравнительно-исторической перспективе.
12. Dye T. and Zeigler H. The irony of democracy. – Belmont, 1991.
13. Putnam R. The comparative study of political elites. – N.-Y., 1976.

A. Abramov

POLITICAL ELITE AS THE SUPREME POLITICAL GROUP OF SOCIETY: APPROACHES AND RESEARCH STRATEGY

Abstract: Approaches to definition of political elite are considered and the most widespread techniques of revealing of the mighty of this world are analyzed in this article. On the conclusion of the author, definition to the "political elite" can be given exclusively from positions of the imperious approach, and the most useful to empirical researches is the combination of item and functional research strategy.

Key words: political elite, the supreme political group of society, political stratification.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ*

Аннотация. На формирование нравственных ценностей общества первоочередное влияние имеют средства массовой информации (СМИ), и, прежде всего – телевидение. Являясь самой эффективной формой общения людей, СМИ, должны подходить к своей работе наиболее ответственно, заботиться о воспитании и просвещении населения и в полной мере использовать все свои ресурсы и возможности для воспитания чувства патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, средства массовой информации, телевидение, молодежь, воспитание.

После разрушения СССР, стал очевиден кризис духовно-нравственной стороны российского общества, что привело к девальвации ценностей, порой к негативному восприятию образа вооруженного защитника отечества – патриота, духовные основы службы которого были сформированы героической историей России. Разгул преступности, обесценение понятий «патриот», «защитник Отечества», не способствовали развитию патриотического воспитания. Резко снизилось воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Полное разрушение системы патриотического воспитания российских граждан, и, прежде всего, молодого поколения, пропаганда псевдодемократии в условиях разгула бездуховности и кризиса культурной жизни страны не могло долго продолжаться. В 2001 году Правительство Российской Федерации приняло программу: «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» а позднее программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы», имеющих целью совершенствование системы патриотического воспитания, обеспечивающей развитие России как свободного, демократического государства, формирование у граждан РФ высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению их конституционных обязанностей¹.

Сегодня наша страна переживает новый этап своего развития, связанный с укреплением основ российской государственности. В этих условиях государству необходимо решать вопросы о том, какие общественные ценности формировать

у молодого поколения россиян.

По моему мнению, чувство патриотизма формируется у молодежи только через осознание понятий Отечество, служение Родине, воинский долг, через знание истории своей страны, подвиги наших предков. Граждане должны быть проникнуты духом преданности Родине, защиты Отечества, служению ее интересам. Молодые люди, достигшие восемнадцатилетнего возраста должны с готовностью выполнить свой конституционный долг перед Родиной, а не искать способы «откосить» от армии. Хотя ни для кого не секрет что положение дел в российской армии оставляет желать лучшего. Как отмечал выдающийся русский философ И.А. Ильин «Армия – это сосредоточенное воплощение государственной силы, элемент государственного бытия», поэтому служение в армии должно быть «проникнуто живым вдохновением государственности»².

На формирование нравственных ценностей общества большое влияние оказывают средства массовой информации (СМИ), и, прежде всего – телевидение, в значительной степени определяющее содержание и качество современной социокультурной среды. СМИ, являясь самой эффективной формой общения людей, должны подходить к своей работе наиболее ответственно, заботиться о воспитании и просвещении населения и в полной мере использовать все свои ресурсы и возможности для воспитания чувства патриотизма.

Основной целью государственной политики в информационной сфере является духовное обновление России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма.

В процессе изучения проблемы патриотического воспитания на телевидении я провела исследование, цель которого выявить, насколько те или иные каналы ориентированы на воспитание у подрастающего поколения духа патриотизма и гордости за свое Отечество. Мною была проанализирована программа телепередач за 1 месяц (с 03.11.2008-03.12.2008). Выводы неутешительны. За данный промежуток времени было показано:

1. Зарубежных фильмов – 270;
2. Отечественных фильмов – 125 (из них 15 – сказки для маленьких);
3. Программ научно-просветительских – около 45.

* © Ахвледуани Н.Р.

Отмечу, что количество отечественных фильмов 125 было насчитано с учетом праздника 4 ноября – Дня Народного Единства. Остальное время заполнено низкопробными сериалами и ток-шоу.

Как видим, разрыв между отечественными и зарубежными фильмами составляет почти 50%. Цифры говорят сами за себя. Почему на российских общественных каналах лидируют зарубежные фильмы? Разве нет наших, достойных отечественных фильмов? Существует масса отечественных картин, воспитывающих моральные качества, дух солдата, патриотизм, гордость за Родину, героизм, самоотверженность, дружбу. Например: «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики», «Баллада о солдате», «Повесть о настоящем человеке», «Отец солдата», «Они сражались за родину», «Летят журавли», «Застава в горах». Современные фильмы «Разведчики», «Диверсант», «Звезда», «На безымянной высоте», «В августе 44-го»... все эти фильмы пропагандируют именно эти ценности.

Особое внимание привлекла сетка передач, т.е. то время, когда показаны данные фильмы. Картины отечественного производства обычно выходят в эфир рано утром 08.35 или поздно вечером 23:50, когда у большинства работающих граждан нет возможности их просмотра. Не продумано и время просмотра научно-просветительских программ. Например, передачи:

1. «Служу России!» — еженедельная телевизионная программа ЦТРС МО РФ для ТК «Звезда». Программа рассказывает о жизни Вооруженных Сил Российской Федерации, о ходе реформирования армии, о военной истории, в том числе ее «белых» пятнах, о героях Великой Отечественной войны, локальных войнах и конфликтах, о традициях армии и флота, воинских ритуалах, о военной культуре, музыке, живописи, о патриотическом воспитании подрастающего поколения, о военно-прикладных и технических видах спорта, о спортивных единоборствах, об интересных людях из мира военной науки, о том, как служили в армии известные деятели политики и культуры. Показывают сюжеты, посвященные миротворческой деятельности российских военных. Очерковые сюжеты о людях с интересной судьбой, героях войны, солдатах и офицерах, сумевших пережить тяжелые ранения и вернуться в строй, о женщинах в армии; повествует о новейших образцах боевой техники армии, авиации и флота, а также об оружии победы, благодаря которому был повержен фашизм; о малоизвестных авариях и катастрофах на флоте, в космосе, в воздухе. Программа выходит в эфир по воскресеньям в 10:00.

2. «Военная программа» ТК «Россия». Программа о тех людях, которые исполняют свой воинский долг в самых отдаленных и опасных

точках нашей страны, и для тех людей, кому не безразлична судьба русского Офицера и Солдата. Значительное внимание уделяется военному образованию, вопросам призыва и комплектования армии. В подготовке программы используются также уникальные съемки из личных архивов военнослужащих, хроника и оперативные съемки. Программа выходит в эфир каждую субботу в 08:20.

3. «Ударная сила» ТК «Первый канал». Одна из первых на российском телевидении передач, посвященных русскому оружию и выдающимся российским конструкторам, изобретения которых не раз потрясали оружейников всего мира. Никогда ранее эти необыкновенно талантливые люди не имели возможности подробно рассказать о своих творческих победах и нелегком к ним пути, ведь долгие годы их имена были известны лишь узкому кругу военных специалистов. Благодаря программе «Ударная сила» были частично рассекречены и показаны в действии многие виды потрясающего оружия. Передача выходит в эфир каждый вторник в 23:50.

4. «Улица твоей судьбы» ТК «ТВ Центр». Посвящена настоящим героям сегодняшних дней, москвичам, которые, даже оказавшись далеко от родного города, выполняя свой долг, с честью несут звание москвича. Гости программы, как правило, неизвестные герои России, которые живут рядом с нами, но о которых редко вспоминают в повседневной жизни. Хотя, именно они составляют гордость страны. Это врачи, спасающие жизнь людей, офицеры и солдаты из горячих точек, специалисты МЧС... Передача выходит раз в месяц.

5. Документальный фильм «Сталинградская битва. Непобежденные». Вышел в эфир в 08:55.

Как мы видим, существуют программы, документальные и художественные фильмы, которые заслуживают нашего внимания и которые могут внушить и разбудить в каждом из нас чувство великой гордости за наши достижения, за наши победы, за великую страну. По моему мнению, телевидение играет важную роль в воспитании чувства патриотизма через передачи, фильмы. Следует регулярно их показывать, ведь только так телевидение может выполнить ту «воспитательную миссию», которая ему под силам.

Но сетка программ и передачи свидетельствует об обратном. Государство должно платить, или же заставлять работать по заказу государственных вещателей. Ведь любой телезритель патриотичен внутри, нужно только развить у него это чувство.

Следует отметить, что за последние годы государство стало уделять внимание проблеме патриотического воспитания и духовного возрожде-

ния Отечества. Это проявляется в следующем:

Во-первых, Правительство РФ утвердило Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 годы» и «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы». Целью программ является «развитие системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, способной на основе формирования патриотических чувств и сознания обеспечить решение задач по консолидации общества, поддержанию общественной и экономической стабильности, упрочению единства и дружбы народов Российской Федерации»³.

Во-вторых, в рамках программ разработана система мероприятий, среди которых «государственное воздействие на пропаганду патриотизма в средствах массовой информации»⁴. Предусматривается система мер по поддержке СМИ, участвующих в пропаганде патриотизма, в том числе разработка программ, циклов, и конкретных рекомендаций по усилению патриотической направленности телерадиовещания.

В-третьих, 6 июня 2008 года в Государственной Думе Комитет по делам молодежи провел «круглый стол» по вопросам «Законодательного обеспечения патриотического воспитания молодежи». Обсуждались вопросы сотрудничества и взаимодействия всех комитетов для успешного внедрения программы в воспитательный процесс. Заместитель председателя Комитета по делам Федерации и региональной политике Ирина Яровая отметила, что патриотизм свойственен русскому человеку, но как движущая сила возможен только тогда, когда есть доверие к государству⁵.

В-четвертых, сформированы федеральные структуры, осуществляющие координацию деятельности органов государственной власти различных уровней, научных и образовательных учреждений, общественных организаций (объединений), творческих союзов и религиозных организаций по решению проблем патриотического воспитания на основе единой государственной политики. В большинстве субъектов Российской Федерации созданы и работают региональные межведомственные координационные советы и центры патриотического воспитания. Формируется комплекс нормативно-правового и организационно-методологического обеспечения патриотического воспитания, начиная с первичного коллектива и заканчивая высшими органами государственной власти⁶.

Проводимая органами исполнительной власти и общественными организациями (объединениями) работа позволила добиться некоторого изменения тональности ряда электронных и печатных СМИ в освещении проблем патриотического воспитания. Органы исполнительной власти

оказывают активную поддержку общественным организациям (объединениям) в их работе по патриотическому воспитанию. Деятельность ветеранских организаций (объединений) стала более конкретной и адресной.

В патриотическом воспитании полнее учитывается фактор многонационального состава Российской Федерации и связанное с ним многообразие национально-этнических культур. Растет понимание того, что многонациональность нашей страны, разнообразие национальных культур и их взаимное проникновение способствует материальному и духовному прогрессу общества. Начата работа по развитию научно-теоретических и методологических основ патриотического воспитания. В этой работе активное участие принимают представители Российской академии наук, Российской академии медицинских наук, Российской академии образования, ведущих ВУЗов страны. Организована подготовка специалистов по вопросам патриотического воспитания.⁹

Вместе с тем, для эффективного функционирования системы патриотического воспитания сделано еще не все.

В некоторых регионах не созданы координационные советы и центры патриотического воспитания. Образовательные учреждения и учреждения культуры испытывают недостаток в методическом обеспечении, особенно в части подготовки и переподготовки специалистов в области патриотического воспитания.

Одна из миссий нового поколения состоит в том, чтобы выстроить отечественное телевидение, основанное на корнях национальной культуры, будет создавать телепередачи и программы, активно внедрять в общественное сознание государственную идеологию, приоритетом которой является воспитание гордости и любви за свою страну в каждом из нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». – М., 2006.
2. И.А. Ильин О воспитании в грядущей России. В кн.: Сочинения в 10 т. Т. 2. Кн. 2. – М. 1993. С. 79.
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 годы» от 16 февраля 2001г. // Красная звезда. – 2001. – 2 марта. С. 3.
4. См: Там же.
5. www.duma.gov.ru
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». – М.-2005. С. 5.
7. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». – М., 2005. С. 5.

N. Akhvlediani

INFLUENCE OF MASS-MEDIA ON PATRIOTIC EDUCATION OF MODERN YOUTH IN RUSSIA

Abstract: Nowadays mass-media, and first of all – TV, have the prime influence on formation of societies moral values. Being the most effective form of communication, mass-media, should approach

to their work most responsibly. They should care about education of the population and fully use all resources and possibilities for education of patriotic feelings.

Key words: Patriotism, mass media, television, youth, education.

УДК 342.25

Бекбосынов М.Б.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ В СТРУКТУРЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ*

Аннотация. В статье проводится анализ проблемы политической субъектности регионов как одной из наиболее спорных и актуальных тем современной теории федеративных отношений в контексте будущего Российской Федерации. Делается попытка определения сути политической субъектности, проводится сравнительный анализ философской и политологической интерпретации понятия «субъектность», определяются уровни властных отношений, их значение в анализе проблемы субъектности регионов, а также специфика модели российского федерализма и перспективы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: субъектность, политическая субъектность, специфика модели российского федерализма.

Проблема политической субъектности регионов в структуре федеративных отношений может быть одной из наиболее спорных и актуальных тем современной теории федеративных отношений в контексте будущего Федерации как политико-территориального и политико-административного устройства России. Можно предположить, что субъектность регионов в современной политической науке по-разному трактуется с позиций теории власти и концептуальных моделей федеративных отношений. В контексте заявленной темы попытаемся изложить свое понимание этой проблемы.

Во-первых, изложим свое понимание понятия субъектность в двух версиях: философской и политологической.

Авторская трактовка смысла политической субъектности, его философская интерпретация сводится к следующему¹: политическая субъектность (П.С.) обозначает качество субъекта, т.е. систему свойств субъекта, делающую его тем, чем

он является, его системное свойство². Первичное свойство субъекта политики быть субъектом активности. Применительно к субъекту политики, “быть субъектом” — значит быть носителем политической идеи субъекта. Это, в свою очередь, означает, что субъект власти, его носители мыслят, воспринимают, переживают и осуществляют себя в качестве причины самих себя, то есть обнаруживает себя как *causa sui*. Политическая субъектность (региона) проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании как тенденция к самовоспроизводству. Из этого, прежде всего, следует, что: П.С. необходимым образом выступает в актах целеполагания (воспроизводство предполагает наличие постоянно обновляющегося “образа-эталона”, направляющего процесс воссоздания сущего); далее, что П.С. подразумевает свободу (в конечном счете, именно сам субъект, а не кто-то другой “за него”, осуществляет воспроизводство, направляет этот процесс и указывает на его завершение), наконец, что П. С. немыслима вне развития (субъекту приходится действовать в сложной, непредсказуемой, изменчивой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге способы воспроизводства). П.С. обнаруживает перед собой свою СУБЪЕКТНОСТЬ, подвергая испытаниям собственную способность быть причиной себя, что образует основу активной неадаптивности. В философской интерпретации субъектность – это потребность субъекта политики выступать перед собой, испытывать себя в своей первопричинности и сопричастности по отношению к другим субъектам, в конечном счете, обосновать перед собой тождество “Я (субъект) = Мир (субъектов)”. Политическая субъектность – это глубокий источник его надситуативной активности.

В политологическом и политическом смысле – это НЕ ТОЖДЕСТВО. «Я (Субъект) = Мир

* © Бекбосынов М.Б.

(субъектов)» превращается в «Я (Субъект) < Мира (субъектов). Субъектность – это основа активной адаптивности, строгое следование, в этом суть политического, субординации, иерархии структур, признание господства и следование ему. При этом субъектность заявляет о себе в добровольном признании своего подчинения.

Во-вторых, уровни властных отношений и их значение в анализе проблемы субъектности регионов.

Обычно и традиционно проблему политической субъектности в федеративных отношениях сводят к взаимоотношению центра и регионов, а также регионов между собой. В исследовательских схемах такого рода отношения Центра и регионов реализуются в принципе вертикального разделения властей. Подразумевается, что существует распределение прав и обязанностей не только между различными ветвями власти в центре (горизонтальное разделение властей), но и между тремя уровнями управления: центральным, региональным и локальным (местным), где также в том или ином виде можно проследить разделение властей на три ветви.

Реже, и почти не проводится исследование в другом ключе, а именно, когда теория власти политической наукой трактуется в формате четырех уровней: мега- (международные, межгосударственные объединения), макро- (государство), мезо- (субъекты государства) и микро- (муниципии)³. Правда, некоторые авторы почему-то настаивают на том, что «пространственный континуум может разделяться на: 1) локальный, 2) региональный и 3) глобальный уровни, конкретное содержание которых зависит от выбранной при анализе системы координат»⁴. Очевидно, что в этом случае будет потерян уровень государства как такового. Это одна проблема, связанная с субъектностью регионов. Другая проблема, на наш взгляд, может быть представлена в таком ключе.

В настоящее время в связи с развитием административной реформы, изменением порядка назначения глав субъектов, ведутся интенсивные споры относительно перспектив российских регионов. Квинтэссенция сути существующей здесь проблемы может быть описана и аналитически представлена как проблема политической субъектности регионов. Поскольку Россия – государство федеративное, нынешнее обсуждение проблем региональной политики постоянно переключается с дискуссиями о будущем отечественного федерализма. *В каком направлении пойдет развитие федерации?* – таков главный вопрос, вокруг которого разворачивается общественная дискуссия. С ним теснейшим образом связан целый ряд частных вопросов: какова дальнейшая судьба федеральных округов, сколько субъектов останется в

обновленной федерации, если она действительно будет реформироваться, что произойдет с национально-территориальными основами административного деления? Масштабные преобразования в сфере государственного строительства придали вопросам региональной политики *не только теоретический, но и практический интерес*, повышая актуальность научных исследований.

Таким образом, если обратиться к анализу общего состояния федеративных отношений в Российской Федерации, то можно предварительно говорить об отсутствии ясного представления как о содержании и, соответственно, специфике модели российского федерализма, так и о перспективах ее дальнейшего развития. Непоследовательный характер преобразований, осуществляемых в рассматриваемой области, проявляется, прежде всего, в неопределенности отношений федерального центра и субъектов по поводу властных полномочий, инициации проблем политического характера субъектами федерации, регламента их межсубъектного обсуждения и представления, наконец, по отношению к собственности, активам недвижимости, в противоречивости межбюджетных отношений и т.д. Однако эти факты – не причина, а следствие. Прежде всего, следствие низкого уровня теоретической проработанности модели отечественного федерализма.

В региональной сфере сохраняются довольно серьезные противоречия, которыми придется заниматься в долгосрочной перспективе. Основой потенциальных проблем выступает характер консенсуса, сложившегося на сегодняшний день между федеральным Центром и региональными элитами, который обусловлен, прежде всего, двумя факторами: во-первых, колебаниями мировых цен на энергоносители, распределение доходов от которых позволяет Центру увеличивать финансовые дотации регионам; во-вторых, недовольством региональных элит, положение которых в результате административных реформ не укрепились, как они того ожидали, но, напротив, стало более неопределенным. Избыточная, по мнению многих экспертов, централизация не только не позволяет региональным группам укреплять влияние на «подведомственных» территориях и успешно добиваться своих целей, но даже не гарантирует им минимальной независимости от федеральной власти.

Между тем, региональные лидеры, процедура легитимации которых значительно усложнилась, *по-прежнему остаются центральными политическими игроками* за пределами столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Вполне понятно, что отсюда следует: федеральному руководству необходимо представить регионам *новую программу сотрудничества*, содержащую, среди прочего,

перспективы развития региональной политики и федеративных отношений.

Не исключено также, что на следующем этапе развития федерализма могут сложиться условия для изменения базовых норм конституционного законодательства – внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Этот основной документ конституционного законодательства нуждается в более детальном прописывании принципов федерализма и разграничения полномочий Центра и регионов. Если рассматривать такой сценарий в качестве приоритетного, то в данном контексте тема настоящего научного исследования является крайне актуальной.

Экс-президент Российской Федерации В.В. Путин оставил своим последователям политическое наследие на долгосрочную перспективу, которое можно рассматривать как определенную программу приоритетных действий. Она включает выстраивание новой линии отношений Центра и регионов, и, возможно, восстановление выборности глав регионов, ликвидацию федеральных округов, укрупнение субъектов федерации, ревизию национально-территориальных основ федерации, изменение политики бюджетного федерализма, уточнение модели государственного устройства.

Обобщая, можно сказать, что при любом варианте российской политической эволюции *темы региональной политики и федеративных отношений будут находиться в ряду центральных*, что обуславливает значимость темы исследования.

Недостаток взвешенных теоретических подходов к проблеме приводит к тому, что на практике намечилось смешение вопросов формирования политических и социально-экономических составляющих российского федерализма с выработкой нормативно-правовых атрибутов федеративного государства⁵. Между тем, различия здесь носят качественный характер, а их недооценка приводит (как показывает исторический опыт) к серьезным негативным последствиям. Отсюда одна тема проблемы связана с методологическим смыслом этих различий, другая – с субъектностью региональной власти, от которой многое и зависит в трактовке приоритетов как политических и социально-экономических составляющих современного федерализма, так и политико-правовой его компоненты.

На всех этапах развития федерации ключевая роль субъектов этой формы отношений очевидна. Хотя эта роль может быть либо неясной или приниженой, а может стать самой активной политической силой. Тем не менее, если проследить самую простую логику утверждения Федерации, то она будет сводиться к процессу, в котором выгоды общества и его институтов очевидны. Так,

Федерация возникает в случае признания данной формы государства выгодной для общества, т.е. отвечающей его социально-экономическим, этнополитическим, оборонным и пр. интересам. Поэтому важнейшей предпосылкой процесса федерализации является достижение всей системой общественных отношений определенного качества, в т.ч. в социально-экономической, этнополитической, нормативно-правовой и иных сферах. Отсюда следует, что хотя внешне возникновение федерации вызвано принятием соответствующей конституции и иных законодательных актов, в исторической ретроспективе здесь присутствует иная причинно-следственная связь. Ее содержание в том, что в начале вызревают социально-экономические, политические и иные предпосылки образования федеративного государства. Субъектность региональной власти проявляется в агрегировании и артикуляции такого рода предпосылок. Затем формируется соответствующий интерес населения, где наиболее отчетливо проявляется одно из главных свойств субъекта политики – быть субъектом активности. И только потом право фиксирует факт создания основ федеративных отношений.

Можно придерживаться точки зрения, согласно которой возникновение федеративного государства главным образом связано с выработкой и конституционным закреплением нормативно-правовых инструментов и институтов регулирования федеративных отношений. В этом случае логично признать, что определяющим мотивом выбора федеративной формы государственности выступает не интерес общества (граждан), а обосновывающие политический интерес изыскания юристов. Насколько оправдана такая логика, и, еще больше, насколько оправдана такая логика по отношению к самому политическому процессу, формируемому субъектами политики, а не юристами? Федеративные отношения в своей первичной и базовой значимости для государства и его населения не могут терпеть обоснований политического интереса изысканиями лишь юристов, как и юридических логических экстраполяций по причине сугубо нормативного характера этой деятельности. Политическая и социально-экономическая потребность интересов общества может быть выражена опять же только в строгом соответствии с тем принципом, который закладывается и проводится в жизнь политической субъектностью, где субъект власти, его носители, мыслят, воспринимают, переживают и осуществляют себя в качестве причины самих себя, обнаруживает себя как *causa sui*.

Если наши рассуждения корректны, то внутренне непротиворечивыми представляются и два вывода.

Первый. Устойчивость и развитие федеративной формы государственности обеспечиваются специфической формой организации воспроизводственного процесса, в котором политическая субъектность регионов подразумевает, что не кто-то другой "за них", осуществляет воспроизводство, направляет этот процесс и указывает на его завершение.

Второй. Особая форма организации процесса воспроизводства в федеративных государствах обуславливает возникновение и специфической властной вертикали, строгое следование субординации, иерархии структур, признание господства и следование ему, в отличие от вертикали, имеющей место в унитарных государствах. И в этом суть политической субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Петровский В.А. Социальная психология. Словарь. - <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex>
2. См.: Дерябо С. Личность: от субъективности к субъектности. - <http://rl-online.ru/articles/3-02/>
3. См.: Усягин А.В., Шишков М.К. Территориальное управление в России: история, теория, современность, проблемы и перспективы. - <http://www.terruss.ru/mono/index.shtml>

ru/mono/index.shtml.

4. См.: Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. С. 80.

5. См.: Валентей С. Экономические проблемы становления российского федерализма. - <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Federalizm/>

M. Bekbosynov

POLITICAL PROBLEMS OF SUBJECTUM REGIONS IN STRUCTURE OF FEDERAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: In article the analysis of a problem political «subjectum» regions as one of the most disputable and vital topics of the modern theory of federal relations in a context of the future of the Russian Federation is carried out. Attempt of definition of an essence political «subjectum» becomes, the comparative analysis of philosophical and politological interpretation of concept «subjectum» is carried out, levels of imperious relations, their value in the problem analysis «subjectum» regions, and also specificity of model of the Russian federalism and prospect of its further development are defined.

Key words: «subjectum», political «subjectum», pecificity of model of the Russian federalism.

УДК 321

Дементьев В.Е.

УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ГОСУДАРСТВОМ*

Аннотация. В статье системно рассматриваются проблемно-полемиические вопросы взаимоотношения гражданского общества и государства. Автор подробно останавливается на формах взаимного влияния государства на гражданское общество и значение гражданского общества для становления цивилизованных государственных властно-политических институтов.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство.

Исходя из функций гражданского общества, оно по своей природе является неполитическим. Об этом свидетельствует многотысячелетняя история его развития: от догосударственного и доклассового развития до наших дней — семейные, хозяйственные, духовные и другие отношения успешно развивались вне государственного вмешательства. Но сегодня в мире активной внутренней, внешней и международной политики, про-

водимой государствами, гражданское общество вынуждено заниматься политикой в той мере, в какой его понуждает к этому объективная реальность. В недрах гражданского общества возникают политические объединения, в разной степени по мере необходимости политизируются общественные организации и движения.

В ряде стран современный этап развития гражданского общества характеризуется все большей актуализацией его национальных аспектов. Очаги национальной напряженности ныне имеются практически на всех континентах. Не является исключением и наша страна. Естественный, объективный процесс развития национального самосознания и национальной государственности народов в многонациональных государствах при выходе за рамки разумного может привести к превращению крупных, признанных миром государств в маломощные «лоскутные» государства.

На территории СНГ примерно 12 млн. граждан около ста национальностей не имеют своих национально-территориальных образований,

* © Дементьев В.Е.

75 млн. граждан живут вне «своих» территорий, некоторые государства и республики имеют коренное население в меньшинстве по отношению к общему количеству граждан. Трудно, а порой и невозможно обеспечить национальные интересы каждого гражданина по государственным каналам. Выход видится в развитии гражданского общества с его безграничными возможностями в создании различных ассоциаций. Развитое гражданское общество создает условия для любой формы национального самоопределения, в том числе и для культурно-национальной автономии, которая в современных условиях может решить многие социально-этнические проблемы.

В некоторых зарубежных научных и публицистических источниках просматривается тенденция придать понятию «гражданское общество» излишне религиозную окраску. В числе позитивных компонентов деятельности церкви есть и такие, как консолидация общества, защита интересов трудящихся и неимущих граждан, воспитание нравственности. Церковь — органическая составляющая гражданского общества. Но переоценивать ее роль в совершенствовании гражданского общества, видимо, не следует.

Исторически гражданское общество проходит в своём развитии ряд этапов, и функционирует в различных конкретно-исторических формах. В соответствии с этим неправомерно утверждать, что существуют общества (в том числе и современные), в которых отсутствует гражданское общество. Оно есть всегда, и можно констатировать лишь его развитое и неразвитое состояние.

Наличие простейших и даже неустойчивых объединений людей, способных к самостоятельным, коллективным и независимым от «центра» действиям свидетельствует о зарождении и начале функционирования гражданского общества. Поэтому первой его формой принято считать общину, которая уже на ранних стадиях человеческой цивилизации обеспечивала относительное удовлетворение потребностей и интересов людей.

На определённых исторических этапах общественного развития для защиты своих интересов гражданское общество ограничивается тем или иным социальным образованием (сословием, классом, социальной группой), использующих в этих целях такой институт как государство. Именно поэтому в авторитарных политических режимах преобладают государственные, а не гражданские отношения.

Активизирует же формирование гражданского общества:

- развитие рыночных отношений;
- углубление процесса разделения общественного труда;

— ликвидация внеэкономической зависимости от собственника.

Всё это способствует установлению юридического равенства всех членов общества, законодательному регулированию отношений общества и государства. В результате гражданское общество расширяет свои границы до масштабов всей страны и выступает в форме сообщества граждан, проживающих на её территории.

В то же время необходимо подчеркнуть, что развитое гражданское общество не может существовать без сильного демократического государства, создающего и поддерживающего прежде всего юридические, экономические, духовно-идеологические и другие основы его функционирования. Это положение подчёркивал ещё великий философ и политический мыслитель, защитник принципа народного суверенитета **Ж.-Ж. Руссо**: *«Лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам»*. Государство и гражданское общество, таким образом, — неразрывные элементы единой общественной системы.

Гражданское общество — система самоорганизующаяся и саморазвивающаяся. Вместе с тем, опыт высокоразвитых стран свидетельствует, что оно функционирует и развивается гораздо успешнее и эффективнее, когда для этого создаются определенные благоприятные условия. Эти условия в значительной мере создает само общество, через государство и вопреки нему. Через государство — созданием необходимых законов, формированием демократических структур, строгим соблюдением государством общепринятых норм и процедур. Вопреки государству — созданием в рамках Конституции противовеса государству в виде независимых общественных организаций, массовых демократических общественных движений, средств массовой информации.

К основным условиям функционирования современного развитого гражданского общества относятся следующие.

1. В политико-правовой сфере:

— функционирование правового государства, характеризующееся наличием широкой политической демократии, правами на всеобщие и равные выборы, парламентским представительством, стремлением к равноправию, равной для всех свободе, соучастию в принятии политических решений;

— максимальное удовлетворение демократическим государством интересов и потребностей своих граждан, обеспечение прав и свобод человека во всех сферах социальной, экономической, политической, муниципальной и личной жизни;

— развитость системы местного самоуправления;

— наличие соответствующего законода-

тельства и конституционных гарантий права на существование гражданского общества.

2. В экономической сфере:

— владение каждым членом гражданского общества конкретной собственностью, наличие у него права использовать и распоряжаться ею;

— функционирование свободной рыночной экономики, базирующейся на её многоукладности и способствующей развитию многообразия социальной структуры общества;

— ведение государством сильной социальной политики, обеспечивающей достойный уровень жизни людей.

3. В духовно-идеологической и культурно-нравственной сферах:— достаточно высокий интеллектуальный и нравственный уровень развития личности, её внутренняя свобода, основанная на цивилизованности общественных отношений;

— приоритет таких социальных ценностей как самостоятельность, ориентированность на социальное взаимодействие и т.п.;

— свободно формирующееся общественное мнение и идеологический плюрализм, свобода совести;

— всеобщая информированность и, прежде всего, реальное осуществление права человека на информацию и свободу слова.

Как уже отмечалось в данном исследовании, государство и гражданское общество не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы друг от друга. Причём степень развитости того или иного общества эта взаимосвязь различна. В странах с довольно развитым гражданским обществом люди практически не ощущают непосредственного влияния своего государства на их повседневную жизнь. В Англии даже ходит шутка, что они имеют дело с государством в двух случаях: когда достают почту из ящика и когда нарушают правила дорожного движения.

В странах же со слаборазвитым гражданским обществом люди не только постоянно ощущают влияние государства, но и вынуждены постоянно к нему обращаться. Государственному регулированию подлежит буквально всё — от частной жизни, включая семейные отношения, регламентацию мест работы и проживания, до экономических, социальных, духовно-нравственных отношений в масштабах всего общества.

Вместе с тем, существуют вполне определённые «рычаги» взаимодействия и взаимовлияния государства и гражданского общества. Они носят исторический характер и появляются тогда, когда определённые социальные группы, классы, являющиеся по своей сути субъектами гражданского общества, для удовлетворения и защиты своих интересов создают государство.

Именно оно, становясь неотъемлемым эле-

ментом системы общественных отношений, выполняет определённые регулирующие функции, дополняя, таким образом, гражданское общество и обеспечивая его прогрессивное развитие.

Оптимальные возможности для диалектического взаимодействия гражданского общества и государства, сбалансированности их отношений складываются в странах с демократическими режимами. В этих условиях гражданское общество является основой стабильности государства, а государство — фактором эффективного функционирования и развития гражданского общества.

Со стороны демократического государства можно выделить следующие направления влияния на гражданское общество.

1. *Ведение законотворческого процесса, реализация которого позволяет обеспечить правовую защищённость граждан, их социальных и общественных объединений. Особую значимость в этом процессе имеет выработка и практическая реализация норм предотвращения и урегулирования неизбежных конфликтов, позволяющих находить разумный компромисс между спорящими сторонами, в том числе и между государством и элементами гражданского общества.*

2. Предоставление государственных гарантий обеспечения свобод и прав человека в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. В то же время эти нормы нередко нарушаются, поэтому одной из задач гражданского общества является осуществление постоянного давления на властные органы с целью доскональной реализации общепринятых международных и конституционных прав.

3. Последовательное проведение государством в жизнь принципов политического и идеологического плюрализма, обеспечение свободы деятельности политических партий, ассоциаций и других добровольческих объединений граждан, равноправное предоставление им возможностей использовать государственные СМИ, защита прав оппозиции.

4. *Проведение мероприятий по укреплению доверия между государством и гражданским обществом, направленных на налаживание цивилизованных, конструктивных отношений, ведение будничной совместной работы. Особую роль в этом играет эффективно проводимая государством социальная политика.*

Свои рычаги влияния имеет и гражданское общество.

Во-первых, это то, что оно имеет возможность образовывать, нередко вопреки властвующим структурам, противовесы правящей элите в виде: а) оппозиционной элиты (контрэлиты), б) независимых от государства общественных орга-

низаций и массовых политических движений, в) средств массовой информации, г) групп поддержки или давления и другие.

Во-вторых, это преодоление отчуждения граждан, их социальных и политических объединений от государственного управления, от определения и осуществления политики, их активное включение в политический процесс в целом.

Таким образом, гражданское общество и государство — два цивилизационных формообразования, два социальных макроинститута, вбирающих в себя множество более мелких институтов. Взаимопроникая друг в друга, они находятся в отношениях противоречивого взаимодействия. Каждая сторона активно влияет на другую, обе способствуют развитию друг друга. Если государство обеспечивает функционирование вертикальных социальных отношений «управления—подчинения», то гражданское общество культивирует многообразие горизонтальных социальных связей равенства и солидарности. Противоречивые отношения этих двух макроинститутов составляют пульс жизни социума как целого и подразделяются, как это определяет современная политическая наука, на три типа: антагонизм, консенсус, агон.

1. **Антагонизм** — наиболее драматический вариант взаимодействия, когда сильное государство деспотического или авторитарно-тоталитарного склада преследует любые попытки граждан отстаивать свои естественные права, целеустремленно уничтожает зачаточные формы и новообразующиеся элементы гражданского общества, видя в нем своего антагониста. Такая государственная система обычно тяготеет к социальной статике и пытается достичь искомого состояния за счет сужения пространства социальной свободы и практики насильственной десубъективации, грубого обезличивания индивидов. Государство видит в идее гражданского общества и в соответствующих попытках ее актуализации фактор дестабилизации и потому стремится ликвидировать все, что напоминает об этой идее.

Другое проявление данного антагонизма выглядит как восстание гражданского общества против государства, чаще всего именуемое революцией. Здесь противоречие обретает характер открытого социального гиперконфликта, когда силы, представляющие гражданское общество, поднимаются, вооружаются и идут войной на государство. В ходе такой войны стихийно возникают разнообразные новые ассоциации граждан и многочисленные организационные структуры, предназначенные для решения конкретных практических задач. На их основе в будущем могут развиваться новые формы государственной и гражданской жизнедеятельности.

В первом случае возникает ситуация дис-

номии как системного беззакония, творимого государством. Во втором — ситуация аномии как атмосфера стихийного беззакония, насильственного слома или самопроизвольного распада большинства соционормативных структур.

В условиях перехода от неправовой государственности к государственности правовой антагонистическая парадигма социальных взаимодействий способна на протяжении некоторого времени активно и резко заявлять о себе. Внутри становящегося гражданского общества могут возникать дисфункциональные процессы, отличающиеся деструктивной направленностью, заявлять о себе превратные элементы-симулякры с явно выраженной агрессивностью национал-патриотического, религиозно-сектантского или идеологического характера.

2. **Консенсус** имеет место в тех случаях, когда государство с одной стороны, и молодое, становящееся гражданское общество с другой, соотносятся между собой не в соответствии с принципами антагонистической парадигмы «господин—слуга», а движутся по пути взаимной адаптации к нуждам и интересам друг друга. Гражданское общество набирает силу и постепенно превращается в равновеликое начало, способное уравнивать силу государства. Социодинамика его усиления, дифференциации, функционального усложнения неотрывна от процесса обретения его контрагентом статуса правового государства. То есть обнаруживаются два существенных этапа. На первом из них государство намного сильнее гражданского общества, а на втором оба макроинститута выступают уже как две паритетные силы, готовые взаимодействовать на началах равноправного партнерства и вместе решать обоюдоважные общественные проблемы.

Обе стороны активно способствуют обоюдному развитию собственных структур на договорных началах взаимоуважения и согласия. В условиях цивилизованного социума государство и гражданское общество выступают как два взаимодополняющих друг друга социальных формообразования, два макроинститута. Один из них является сугубо формальным, а второй опирается по преимуществу на неформальные общественные связи и отношения между гражданами. Антагональные противоречия, возникающие при их взаимодействиях, имеют большей частью конструктивно-продуктивный характер и оказывают живительное воздействие на всю социальную систему.

Эффект взаимодополняемости возникает в результате того, что гражданское общество обеспечивает прежде всего ценностные аспекты социального бытия граждан, а государство — нормативные. При этом гражданское общество не

позволяет нормативности трансформироваться в навязчиво-бесцеремонную властную авторитарность, а государство следит за тем, чтобы ценностные ориентации индивидуального, группового и массового сознания, а с ними и стихия самой «живой жизни» граждан не выходили за пределы политико-правового пространства основных государственных интересов, отвечающих критериям цивилизованности.

Мировой социально-исторический опыт свидетельствует о том, что государство само по себе крайне редко способно служить надежным гарантом морально-правового здоровья социальной системы. Практически всегда оказывается нужна достаточно внушительная социальная сила, которая могла бы уравнивать силу государства и с которой государство вынуждено было бы считаться. Гражданское общество, способное играть роль такой силы, заинтересовано в сильном правовом государстве, которое не могло бы быть опрокинуто политическим переворотом, перейти в диктатуру и затем повести репрессивную политику в отношении ценностей гражданского общества.

В свою очередь правовое государство заинтересовано в развитом гражданском обществе как социокультурном резервуаре, способном поставлять институтам управления талантливых администраторов, незаурядных политиков, одаренных государственных деятелей. Антагональная взаимозависимость обеих сторон данного противоречия столь очевидна, что при слабом, только еще нарождающемся гражданском обществе и государство не может быть правовым. И напротив, при зрелом гражданском обществе государство неизменно обретает способность быть правовым и неуклонно развивать в себе это свойство, таким образом, только наличие зрелого, полноценного гражданского общества сообщает государству способность быть правовым.

3. *Агон* — фаза наивысшей зрелости социальных форм и созидательных способностей и гражданского общества, и правового государства. Здесь пускает глубокие корни взаимная убежденность, что ни одна из сторон не может существовать без другой, что чем эффективнее и продуктивнее деятельность одной, тем содержательнее существование другой. В состязательной атмосфере продуктивного агона рождаются долгосрочные программы социокультурного сотворчества, еще более укрепляющие союз гражданского общества и правового государства, выступающих как две равновеликие, равноценные ипостаси цивилизованного социума. Каждая из них дополняет до необходимой ценностной, нормативной и смысловой полноты общую модель цивилизованного общежития. А вместе они придают соци-

альной системе повышенную устойчивость перед лицом возможных испытаний.

Логика агонального взаимодействия гражданского общества и правового государства дает наибольшие возможности для реализации человеком его естественных прав. А сама реализация в этих условиях имеет наиболее цивилизованные и продуктивные формы, максимально отвечающие интересам и личности, и социума. В конечном счете логика взаимопроникающего единения двух макроинститутов позволяет индивидам развивать и реализовывать их лучшие задатки.

Итак, определение отношения к понятию гражданского общества и его функциональности дает возможность перехода к рассмотрению некоторых исторических аспектов данного вопроса. Имея в своем распоряжении модель и примеры реального существования гражданского общества, есть возможность на основе сопоставления проследить эволюцию исторических форм данного понятия.

Когда же началось формирование современного гражданского общества? Существуют три точки зрения по данному вопросу. Сторонники первой позиции считают, что гражданское общество существовало всегда и первичной его формой была первобытная община, в рамках которой происходило удовлетворение потребностей людей.

По мнению другой группы ученых, первый аналог современного гражданского общества сформировался в период появления античных полисов (городов-государств) и представлял собой сообщество свободных граждан.

И, наконец, оппоненты первых двух точек зрения утверждают, что лишь крушение феодализма и последующее разделение политической и социально-экономической сфер жизнедеятельности людей, ликвидация их внеэкономической зависимости друг от друга и формальное равенство создало условия для образования нового социума, получившего в дальнейшем название гражданского общества.

Автор придерживается точки зрения, что если уже в первобытной общине существовали семейные отношения, то это уже говорит о периоде зарождения гражданского общества. Трудно говорить о том, что происходило десятки тысячелетий назад, но думается, что именно эти отношения уже в ту пору были в той или иной степени свободны от власти вождя, шамана, совета старейшин... Если же учитывать то, что гражданское общество и государство являются неразрывным диалектическим единством, то в процессе зарождения государственных образований появляются зачатки зрелого гражданского общества, развивающегося в процессе перерождения рабовладельческого

государства в феодальное, капиталистическое и т.д.

Анализ же сущности, содержания и структуры гражданского общества, его характерных признаков объективно подводит нас к признанию того факта, что в современном виде гражданское общество могло сформироваться только в условиях победившего капитализма. То есть, гражданское общество как самостоятельное системное социальное образование сформировалось в период крушения феодализма и прихода ему на смену нового капиталистического общественного строя.

Свои особенности формирования гражданского общества в современном его понимании имела российская действительность. В России необходимые социальные предпосылки для возникновения институциональных и внеинституциональных форм гражданского общества начали обнаруживаться с середины XIX в. К этому времени в социальных пределах Российской империи уже существовали локальные структуры с признаками самоорганизующихся систем. Это были уездные города с отлаженным, устоявшимся бытом и с установившейся регулярностью жизненных, витально-социальных ритмов. Одновременно активно функционировали дворянские сообщества, служившие оплотом цивилизованных отношений и существовавшие достаточно автономно и как бы наравне с государственными институтами.

На материале социально-исторической судьбы российского дворянства и, в частности, дворянской интеллигенции отчетливо просматривается логика генезиса идеи гражданского общества. Становление дворянской интеллигенции как культурного сообщества, имевшего широкие возможности по приобщению к ценностям европейской культуры, стало одним из важнейших результатов развития российской цивилизации. Российское дворянство представляло собой сословие людей, владевших землей, поместьями и крепостными крестьянами. Дворяне подразделялись на три основные категории — мелкопоместные (имевшие до сотни душ), среднепоместные (владевшие несколькими сотнями крепостных) и крупнопоместные (имевшие тысячу и более крепостных). Дворянство могло быть не только унаследовано, но и приобретено на государственной службе.

Так, в 1722 г. был издан циркуляр под названием «Табель о рангах». Он делил офицеров и чиновников на 14 классов и предусматривал, что получение армейского обер-офицерского чина прапорщика или корнета давало потомственное дворянство. Чиновнику, чтобы получить дворянство, требовалось дослужиться до восьмого класса, т. е. до коллежского асессора. При помощи «Табели о рангах» производился как бы постоянный от-

бор лучших элементов, и при правильной работе аппарата этого отбора шел непрерывный приток новых элементов в ряды правящего сословия. «Табель о рангах» представляла собой как бы прибор для предотвращения классовой революции путем приобщения к полноправному классу наиболее достойных людей из низших состояний³. В 1785 г. вышла Жалованная Грамота, внесшая ряд существенных уточнений в деление дворян на потомственных и личных. Потомственное дворянство имело шесть градаций:

- пожалованное государем;
- полученное на военной службе;
- полученное на статской службе;
- иностранные дворянские титулы, признаваемые в России;
- титулярное дворянство;
- древние дворянские роды, имеющие доказательство своей аристократической родословной за сто лет до выхода Жалованной Грамоты.

По всей Российской империи были разбросаны «дворянские гнезда», являвшиеся главными очагами воспроизводства ценностей дворянской культуры. В них практиковалось домашнее воспитание. До 16-17-летнего возраста ребенок, отрок, юноша или девушка изучали под руководством домашних учителей (чаще всего это были иностранцы) основы наук и два-три иностранных языка. В губернских центрах, наряду с практикой домашнего образования, существовали частные пансионы. Устойчивая традиция требовала готовить дворянских детей мужского пола в первую очередь к военной службе, к поступлению в кадетские корпуса. Штатская служба считалась не столь престижной, а среди тех возможностей, которые она предоставляла, наиболее предпочтительной выглядела дипломатическая карьера. Для завершения образования в распоряжении дворянской молодежи имелись университеты, которых к началу XIX в. в России было пять — в Москве, Харькове, Казани, Дерпте и Вильно. Дворяне, которые нигде не учились, не служили, не имели чинов и предпочитали существовать исключительно лишь на доходы от своих имений, являлись предметом крайне неблагоприятного отношения к ним со стороны правительства и общественного мнения.

Поскольку государственная служба являлась поприщем, предназначенным в первую очередь для дворян, и государство на них рассчитывало в первую очередь, то любые попытки избежать такой службы расценивались в качестве вредоносных для государственных устоев. Сфера светского общения, жизнь в аристократической среде были тем социально-психологическим «лоном», внутри которого складывались воззрения, заставлявшие образованного, культурного человека высоко ценить мир социальных связей, существующий за

пределами государственных институтов.

Западная идея гражданского общества, попадая в это «лоно», пускала корни и превращала отдельных представителей дворянской интеллигенции и в первую очередь тех, кто был связан с университетской профессорской средой правоведов, философов, историков, социологов, в своих активных сторонников. Во второй половине XIX в. число сторонников идеи гражданского общества возрастает за счет непрерывно растущей разночинной интеллигенции. Первым существенным результатом реализации идеи гражданского общества становятся создаваемые органы местного самоуправления — земства, стремившиеся отстаивать свои региональные интересы перед государственной бюрократией из имперского «центра».

Первая мировая война и последующие две революции застали российское гражданское общество в еще далеко неразвитой фазе своего становления. Слабость либеральных политических партий, малый опыт конструктивной парламентской деятельности, отсутствие многих необходимых для этой деятельности свойств и качеств привели к тому, что внутри гражданского общества взяли верх силы и умонастроения, которые повели развитие гражданских отношений несколько в ином направлении. Речь идет о социалистическом этапе становления российского гражданского общества (1917 г. – конец 80-х гг. XX в.). С одной стороны, были практически полностью развенчаны «буржуазные» идеи гражданского общества, уничтожена частная собственность, пресекался любой идеологический, политический плюрализм. С другой стороны, именно в это время возникает множество массовых общественных организаций, которые в той или иной мере, но противостояли государству (но не социалистической, коммуни-

стической идее). В этом плане автор опять-таки противопоставляет свою точку зрения мыслям В.А. Бачинина, отстаивающим, что в советское время гражданское общество отсутствовало, а идеи о нем фактически преследовались^b.

Таким образом, гражданское общество — это находящаяся на определенной стадии развития форма человеческой общности, с помощью труда удовлетворяющая потребности своих индивидов. Это комплекс добровольно сформировавшихся первичных объединений индивидов (семьи, кооперации и другие объединения, кроме государственных и политических структур). Это совокупность негосударственных отношений в обществе (эконом, социальные, национальные и частная жизнь людей, их обычаи, традиции, нравы). Это сфера самопроявления свободных индивидов и их объединений, огражденная законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. — СПб., 1999. — С. 74.
2. См.: Бачинин В.А. Политология. Энциклопедический словарь. — М., 2005. — С.62-63.

V. Demytyev

CONDITIONS OF FUNCTIONING OF THE CIVIL SOCIETY IN ITS INTERACTION WITH THE STATE

Abstract: The article consistently highlights polemic problems of interaction between the civil society and the state. The author considers in details forms of mutual influence of the state upon the civil society and the part of the civil society in formation of civilized state power and political institutes.

Key words: civil society, lawful state.

УДК 351

Кирсанов А.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРКОБИЗНЕСА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ*

Аннотация. В статье дана общая наркоситуация в мире и России, охарактеризованы масштабы международного наркобизнеса и показана его органическая связь с другими преступными организациями. Особо выделена роль банков и иных финансовых структур в обеспечении валютных операций транснационального наркобизнеса.

Ключевые слова: наркобизнес, наркоситуация, транснационализация наркобизнеса, организованная преступность, финансирование наркоопераций.

В характеристике наркоситуации в мире и в российском обществе исключительно значимы такие моменты незаконного оборота наркоти-

* © Кирсанов А.И.

ков, как его транснациональный характер, широкая финансовая сеть, связь с преступностью, коррупцией, терроризмом и торговлей оружием. Целевая группа по финансовым мероприятиям, созданная главами государств семи крупнейших развитых стран и Комиссией европейских сообществ, пришла к выводу, что из денежных средств, поступающих от продажи героина, кокаина и каннабиса в США и страны Европы, почти 85 млрд. долларов отмывается или используется в качестве инвестиций [1]. Денежные средства, получаемые от реализации наркотиков, нередко поступают в организации, занимающиеся другими видами организованной преступности. Это стало мощным стимулом для развития многопрофильных транснациональных преступных организаций и привело к массовым операциям по отмыванию денег.

Преступность, связанная с наркотиками, по своему характеру в 90% случаев и более является организованной и транснациональной. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, выращивание и производство наркотиков, осуществляемые в ограниченном числе стран, и их распространение по всему миру вне организованной транснациональной преступной деятельности практически невозможны. Во-вторых, незаконный оборот наркотиков – самый привлекательный вид деятельности для международной мафии, дающий сверхприбыль, которую она упустить не может. В обзорах ООН и Европейского сообщества эти деяния относительно адекватно отслеживаются. Около 100 стран, хотя и с некоторыми перерывами, представляют сведения в Организацию Объединенных Наций, начиная с Первого обзора. Во второй перечень входят в основе своей богатые демократические страны. Россия занимает в нем 15 место, но рынок наркотиков в стране интенсивно осваивается транснациональной организованной преступностью. По данным управления ООН по наркотикам и преступности, в России в 2003 г. было изъято 2203 кг героина, что в два с лишним раза превышает показатель 2001 года. В то же время для удовлетворения медицинских потребностей внутреннего рынка в России было израсходовано около 10 тонн героина. Эти данные показывают, что на закупку наркотиков российские потребители потратили порядка 360 млн. долларов США (для сравнения: американцы потратили на героин 9,6 млрд. долларов) [1].

Незаконная деятельность по производству и распространению наркотиков – один из главных источников доходов транснациональных преступных организаций. Именно индустрия наркобизнеса определила в значительной степени динамику и общие перспективы развития транснациональной организованной преступности в последней четверти XX века. В начале XXI века это

уже не индустрия, а целая подпольно-суверенная экспансионистская империя. У этой империи есть своя сетевая структура независимых компаний, обмен информацией, профессиональными навыками и методами регулирования мировых цен на наркопродукцию, открытый доступ на наркорынки и объединенные потенциалы для создания и использования новых рынков в различных регионах мира.

Еще в конце 90-х гг. (в 1997 г.) World Drug Report определил преступные группировки, контролирующие рычаги управления глобальным наркобизнесом. Наглядное представление о них дает таблица 1.

Занимающиеся наркобизнесом транснациональные организации имеют определенные рынки сбыта не только в территориальном отношении, но и нередко по видам «продукции» (героин, кокаин, марихуана и др.), в значительной степени дифференцированы функционально, по этапам производства и распространения наркотиков. Часть транснациональных преступных организаций ориентированы на многоэтапный процесс: от производства до реализации какого-то одного наркотика (например, кокаина). Контроль за всей цепочкой в индустрии наркобизнеса – от выращивания наркосодержащих растений и производства естественных или синтетических наркотиков до их сбыта и легализации выручки – позволяет таким организациям ослабить действия правоохранительных органов по пресечению незаконного оборота наркотиков (путем их коррумпирования) и многократно повысить прибыль на разнице цен между оптовой и розничной продажей. Ярким примером такого типа преступных организаций являются колумбийские наркокартели, которые, по сути, представляют собой промышленные концерны по производству кокаина из произрастающего в Южной Америке сырья. Они же контролируют экспорт произведенного кокаина на рынке США, Канады и Европы.

Другие транснациональные преступные организации (ТПО) предпочитают осуществлять деятельность лишь на отдельных стадиях незаконного оборота наркотиков. Так, нигерийские ТПО занимаются в основном транспортировкой и распространением разных видов наркотиков. (Нигерия продолжает оставаться основным звеном в структуре наркоторговли на африканском континенте, а также главным перевалочным пунктом, через который осуществляется торговля наркотиками между странами Восточного и Западного мира. Мексиканские картели, не занимаясь производством наркотиков, осуществляют лишь их транспортировку и распространение. Турецкие организации известны переработкой героина и его поставкой в страны Западной Европы.

**Преступные группировки, контролирующее управление
транснациональным наркобизнесом [3]**

	Основная деятельность	Размер группы	Международные связи
Кокаиновые картели	Штаб-квартиры расположены в основном Колумбии, Мексике. Руководят полностью всем циклом, начиная от производства и до доставки кокаина в любой угол мира	Имеют жесткую пирамидальную структуру и разделенные географически сферы влияния	Коза-Ностра Ла Коза Ностра Триады Якудза
Триады	Наркотики, предоставление денежных ссуд, игорный бизнес, рэкет, вклады в сервисный сектор, денежные вклады (инвестиции) с целью отмыwania денег, контроль системы подпольной иммиграции	Около 170 тыс. чел. Во главе структурной пирамиды стоит босс, его заместители и боссы кадрового подбора. Основной костяк составляют бойцы (солдаты). Наиболее известны гонконгские «Сун и он», «14»; тайваньские «Юнитайтед Бамбу», «Фор сиз бэнд»; «Грейт сёкл» (Китай)	Ведут активную деятельность в Азии, Европе, США. Основная сфера деятельности – Гонконг, Мьянма, Тайвань, Филиппины и США.
Якудза	Вовлечена во все сферы криминальной деятельности: рэкет, мошенничество, наркотики, проституция, порнография. В Азии специализируются на трафике метамфетамина	Состав: 60 тыс. постоянных членов и 25 тыс. вспомогательных. Весьма сложная структура, состоит из тысяч мелких групп (семей).	Связана с организованными преступными группировками США, Колумбии, Германии, Китая, стран СНГ
Коза Ностра (Италия)	Наиболее известная организованная преступная группа, занимается крупномасштабной контрабандой наркотиков, организует и разрабатывает новые маршруты доставки наркотиков. Финансирует и помогает отмыывать деньги другим мелким организованным преступным группировкам, а также занимается вымогательством	Насчитывает примерно 5 тыс. человек в региональных и временных комиссиях. Имеет вертикальную структуру организации	Базируется на о. Сицилия, но имеет свои филиалы на всех континентах. Имеет связь со всеми наркогруппировками и картелями, Ла Коза Ностра и мафией в республиках СНГ.
Ла Коза Ностра (США, Нью-Йорк)	Занимается наркобизнесом, незаконным игорным бизнесом, контрабандой оружия, проституцией, вымогательством, влияет на профсоюзы США	Состоит из 3 тыс. боевиков (солдат) и 25 семейств, пять из которых наиболее влиятельные. Базируются в Нью-Йорке.	В основном связана с наркокартелями (кокаин) и Коза Ностра, а также мафией республик СНГ
Мафиозные группировки, базирующиеся в бывшем восточном блоке	Наркобизнес, торговля оружием и ядерными материалами, контрабанда людей и товаров	Около 5 тыс. 750 банд, 200 из которых имеют сложную структуру и дилеров в 29 странах	Связаны с организованными преступными группировками США, с кокаиновыми картелями и Коза Ностра

Иными словами, транснациональный наркобизнес многоаспектен, поэтому в его характеристике нужно учитывать всю совокупность параметров от производства до распространения

и легализации прибыли. Это объективно ведет к еще одной важной глобальной проблеме современности – поляризации государств. Страны «третьего мира», где в основном сосредоточено

производство наркотиков, не могут организовать действенное внутреннее регулирование и внешнюю безопасность. Их слабость предоставляет благоприятные возможности для организованных преступных групп, вследствие чего растет организованная и «обычная» преступность, коррумпированность государственных институтов и чиновников – благодатная почва для незаконного оборота наркотиков.

Согласно ежегодно проводимой Вашингтоном сертификации деятельности иностранных государств в сфере борьбы с наркобизнесом, в списке стран, масштабно участвующих, по данным Белого Дома, в незаконном производстве и транспортировке наркотических средств, а также в отмывании наркодолларов, фигурирует 30 государств, где проживает более 2/3 всего человечества, так как в их числе Китай, Индия, а также Бразилия, Мексика, Пакистан, Нигерия, Колумбия, Перу, ряд стран СНГ и Западной Европы. Перечисленные «гранды» составляют первый эшелон, а за ним следует второй – более 100 государств, в той или иной степени втянутых в незаконный оборот наркотиками [4]. Место и роль каждой страны в транснациональном наркобизнесе зависит от ее геостратегического положения, природно-климатических условий, цивилизационных особенностей, прозрачности границ, пригодности ее инфраструктуры для наркопроизводства, отношения правящих элит к наркоугрозе и многих других обстоятельств.

Транснационализация наркобизнеса в России обусловлена повышенным спросом на наркотики, их сравнительно низкой стоимостью и высокой доходностью. У наркобизнеса есть свои хорошо выстроенные организационные структуры, своя реклама, свои агитаторы, способы и приемы воздействия, свое производство, свой рынок и сферы влияния. Наркомафия обычно или использует в своем деле готовые структуры, основанные на родоплеменных, этнических отношениях или создает новые на преступных связях. В настоящее время значительная часть группировок, занимающихся распространением наркотиков по России, строится по этническому принципу. Эффективность их деятельности весьма высока. Так, отмечавшиеся ранее отдельные факты поставок наркотиков в район Нечерноземья беженцами, переселенцами и сезонными рабочими сегодня однозначно превратили этот район в наркопотребляющий регион. По оценкам ФСКН, ежегодный объем незаконного оборота наркотиков в России составляет 7-9 млрд. долларов. Колоссальные деньги, вырученные от наркобизнеса, организованная транснациональная преступность в союзе с доморощенными криминальными сообществами успешно внедряет в экономику и политику нашей

страны, расходует в государственной и политической сфере.

Транснациональный наркобизнес невозможен без его высокодейственной финансовой составляющей, также носящей криминальный характер. Специфика международных кредитно-расчетных систем, обслуживающих наркоторговлю, заключается в ее архаичности и значительной изолированности от мировой банковской системы. Движение средств в них осуществляется вне каких бы то ни было систем контроля финансовых потоков.

Как отмечает известный специалист в области исследования наркобизнеса И.И.Хохлов [5], основой оборота нелегальных ценностей в современном криминальном мире является система, известная в арабском мире под названием *хавала*, также именуемая *фэй чьен* (Китай), *падада* (Филиппины), *худж* (Пакистан), *хун куан* (Гонконг), *ксавилад* (Сомали) и *фэй кван* (Таиланд). Она возникла в Индостане задолго до формирования банковской системы западного типа и распространения банковского дела на мусульманском Востоке. Хотя система распространена во многих, в том числе неисламских, странах, она традиционно ассоциируется с исламским банковским правом. *Хавала* (в переводе с арабского «вексель», «расписка», в современном смысле переводится как «доверие») основана на переводе денежных средств путем однократных уведомлений по электронной почте, факсу или телефонным звонкам. Значительные материальные ценности в виде денег, золота и драгоценных камней перемещаются из страны в страну без сопроводительных финансовых документов. Учитывая, что финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачета или при личных встречах (второе встречается реже), отследить эти потоки государственные органы не в состоянии.

Хавала имеет значительные преимущества перед обычными современными банковскими системами.

Во-первых, неразвитость кредитно-финансовой системы и отсутствие конкуренции между банковскими учреждениями приводят к формированию высоких комиссионных ставок. Если международные системы денег взимают комиссионные в размере 10-15%, комиссии пакистанских банков доходят до 20-25%, а в отдельных случаях и до 30%, то *хавала* берет со своих клиентов всего 1-2% (при значительных суммах процентные ставки снижаются до десятых и сотых долей).

Во-вторых, официальные банковские учреждения не в состоянии обеспечить требуемую скорость денежных переводов (денежный перевод, отправленный из Лондона, дойдет до Исламабада через семь-десять дней, а до конечного

получателя в провинции Пакистана – через две недели). Важным фактором является и то, что хавала обладает разветвленной сетью филиалов и обеспечивает перевод денег в мелкие населенные пункты, не имеющие банковских учреждений, одновременно предоставляя более выгодные обменные курсы при выдаче получателю денежного перевода в местной валюте.

В-третьих, в хавале не происходит непосредственного перемещения денег и других материальных ценностей, как в случае с легальными системами денежных переводов, – транзакции осуществляются посредством своповых сделок (swop deal – своповая сделка), представляющих обмен информацией о перемещенных ценностях и их взаимозачет, основанный на взаимном доверии. Документы, подтверждающие происхождение денег, не требуются. (Официальные системы типа Western Union также не интересуются происхождением денег, когда речь идет о мелких заработках гастербайтеров. Но провести через легальный банк крупную сумму без документального ее происхождения невозможно. В хавале же чем больше сумма, тем ниже комиссия).

В-четвертых, схема перевода денег посредством хавалы выгодна для всех участвующих сторон: отправитель экономит на комиссии и никто не знает о его источниках доходов; хаваладас-отправитель получает свой процент от сделки, не неся никаких расходов; хаваладас-партнер зарабатывает на обменном курсе при выдаче местной валюты получателю; получатель в любое время (24 часа в сутки) и в любом месте (сеть хавалы покрывает все страны и регионы, во многих из которых сеть финансово-кредитных учреждений не развита или вообще отсутствует) получает предназначенные для него деньги посредством переданного только ему и хаваладас-партнеру кода, и налоговые органы ничего не знают об этих доходах. Только из Испании более ста тысяч проживающих в стране мусульман из Южной Азии и Ближнего Востока ежегодно отправляют на родину порядка 300 млн. евро по каналам хавалы [6].

В-пятых, система хавала тесно взаимодействует с исламскими банками по всему миру, а также с торговлей основными сырьевыми товарами (прежде всего, золотом) в Южной Азии. Только в США таких банков более двухсот, всего же в мире их несколько тысяч: в Европе, Северной и Южной Африке, Саудовской Аравии и странах Персидского залива, Пакистане, Бахрейне, Малайзии, Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии. По разным данным, только официальные транзакции (то есть незначительная их часть) составляют от 150 до 250 млрд. долларов ежегодно [7]. Но все финансовые расчеты проходят так или иначе только через два неофициальных центра, находящихся в

Лондоне и Дубае, где происходят взаимозачеты (клиринговые операции) между хаваладас – погашение разницы между переведенными и полученными суммами. Наличие этих единых расчетных центров позволяет хаваладас урегулировать свои отношения наиболее традиционным для Востока способом – золотом и драгоценностями.

В-шестых, поскольку денежные средства (как переводы мигрантов, так и оплата за поставленные наркотики) движутся преимущественно в одном направлении (в основном из развитых стран в развивающиеся), клиринговые операции осуществляются несколькими способами, из которых наиболее развитым является традиционный способ – расчет золотом и драгоценными камнями, контрабандно перевозимыми специальными курьерами.

В-седьмых, хавала обладает исключительной живучестью, поскольку представляет собой не единую сеть, а сеть, состоящую из отдельных ячеек, объединенных по национальному признаку. В подавляющем большинстве случаев хаваладас действует в одиночку, а не в качестве элемента большой организации. Поэтому даже если один из пунктов закрывается, все остальные функционируют в прежнем режиме. Предполагается, что всего в мире действует около 5 тысяч брокерских пунктов хавалы. Спецслужбы и официальные банковские структуры не способны не только контролировать нелегальные методы финансовых расчетов, но и составить сколько-нибудь целостное представление о масштабах деятельности хавалы и суммах, обращающихся в этой сфере.

По данным The OECD's Financial Action Task Fors (FAFT) – Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, хавала остается важным методом перевода финансовых средств и приобретения золота для значительного числа бизнес-структур разного масштаба. Она хорошо защищена от мошенничества и недоброкачественных участников сделок (информация об этом распространяется мгновенно и хавалас выбывает из экономических отношений в рамках сети хавала навсегда).

Наряду с транснациональным характером все более четко прослеживается тесное смыкание незаконного оборота наркотиков с общеуголовной преступностью, особенно в профессиональных и организованных формах.

По данным МВД и Минздрава России, число наркопреступлений за последнее десятилетие увеличилось более чем в 15 раз. При этом особо негативные тенденции складываются среди детей, подростков и молодежи. В 2002 г. в связи с вступлением в силу «разрушительного» УПК РФ в условиях интенсивного реального роста этих деяний их регистрационный уровень снизился на 22,5%,

Мнение экспертов об изменении числа наркопреступлений (производство, поставка и продажа наркотиков) в регионе в 2002 г. по сравнению с 2000 г. [10]

	Южный федеральный округ	Северо-западный федеральный округ
Значительно увеличилось	9,8%	12,0%
Увеличилось, но в незначительной степени	31,3%	22,9%
Осталось на прежнем уровне	14,8%	13,3%
Несколько уменьшилось	31,1%	20,5%
Уменьшилось в значительной степени	0,0%	3,6%
Затрудняюсь дать оценку	13,1%	27,7%

в 2003 году – еще на 4,2%, в то время как реальное положение дел ухудшается [8].

По заявлению бывшего руководителя ФСКН России В.В. Черкесова, в последние годы удавалось ликвидировать лишь около 1% российского наркотрафика (для сравнения: в западных странах и США уничтожается от 7 до 15% выявленных наркотиков) [9]. В силу этого, до 2003 г. распространение наркотиков в России оставалось не только высокодоходным, но и относительно безопасным бизнесом. (Именно эти обстоятельства вынудили Россию образовать в июне 2003 г. Государственный комитет по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, внести

изменения и дополнения в УПК РФ, усиливающие ответственность за наркопреступления).

Согласно данным, полученным Центром социологических исследований Министерства образования Российской Федерации по результатам экспертного опроса в субъектах РФ, органам безопасности в регионах удается реально выявить в среднем до 30 процентов наркопреступлений. Наглядную картину этого дает следующая таблица.

Согласно официальной статистике, в 1988 г. в стране было выявлено 8 тыс. лиц, виновных в преступлениях на почве наркомании. В 2000 г. их стало 159,4 тыс., то есть в 19,6 раза больше. При этом очень важным является тот факт, что число

Таблица 3

Криминальная активность различных возрастных групп населения (количество лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, в расчете на 100 тыс. населения соответствующего возраста) [12]

Годы	Возраст и коэффициенты					Всего
	14-17	18-24	25-29	18-29	30 и старше	
1988	11,3	22,0	16,3	19,3	2,5	7,1
1989	10,5	21,5	14,9	18,3	2,1	6,4
1990	13,7	27,0	21,9	24,6	3,2	8,6
1991	15,7	32,8	28,7	30,9	4,0	10,6
1992	23,2	39,2	38,9	39,1	5,2	14,0
1993	41,0	79,4	62,0	72,1	9,4	24,5
1994	52,8	121,1	102,8	113,7	16,6	38,8
1995	61,0	146,3	118,3	135,2	19,6	46,1
1996	70,1	184,7	148,4	170,4	23,5	56,8
1997	109,4	318,0	218,0	278,6	30,5	87,2
1998	117,8	370,0	266,4	328,7	37,8	104,2
1999	85,4	414,2	320,9	376,9	42,7	115,5
2000	92,2	449,2	381,3	421,9	51,6	131,3
2001	69,2	363,9	352,6	359,4	52,6	123,4
2002	56,1	257,7	253,0	255,8	42,2	91,9
2003	48,7	222,8	228,3	225,0	36,5	80,4
2004	31,9	140,0	160,7	148,3	31,3	58,3

молодых преступников увеличивалось опережающими темпами и в итоге выросло в 20,1 раза. Если к этому добавить, что за 13 лет удельный вес молодежи в составе всех лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, увеличился с 64,8% до 66,4%, то станет ясным, насколько масштабна и тревожна сложившаяся в молодежной среде наркоситуация [11].

В этом отношении представляется весьма значимым сопоставительный анализ контингента преступников в возрастном разрезе.

Своеобразие ситуации, на наш взгляд, заключается в следующем. Во-первых, соотношение коэффициентов в группах молодежи и несовершеннолетних: в 1988 г. криминальная активность молодежи была всего лишь в 1,7 раза выше, чем в группе несовершеннолетних; в 2000 г. превышение составило уже 4,6 раза, то есть показатели молодежной преступности на почве наркомании росли значительно быстрее. Более того, достигнув пика в 1998 г. (117,8), коэффициент преступной активности несовершеннолетних в последующие два года уменьшился (до 92,2). В молодежной группе тенденция такого изменения не претерпела (точно также рост продолжался и в группе 30 лет и старше). В результате за 13 лет соответствующий показатель у несовершеннолетних увеличился в 8,2 раза, а у молодежи – в 21,9 раза.

Во-вторых, разрыв между индексами криминальной активности молодежи и лиц в возрасте 30 лет и старше более велик, чем в случаях с большинством других видов преступлений (в 8,2 раза). Коэффициент криминальной активности в группе 30 лет и старше вырос в 20,6 раза.

В-третьих, в течение всего исследуемого периода группа 25-29 лет имела заметно менее высокие коэффициенты криминальной активности, чем группа 18-24 гг. (в 2000 г., например, соответственно 381,3 и 449,2). Однако в старшей группе был более интенсивный рост коэффициентов: в 23,4 раза против 20,4 в младшей. При сохранении такой динамики можно ожидать выравнивания показателей в обеих возрастных группах молодежи.

В целом, если говорить о совершеннолетнем контингенте, криминальная активность населения в сфере незаконного оборота наркотиков заметно снижается по мере «взросления» людей при сохранении крайне неблагоприятной динамики явления во всех без исключения возрастных группах. Несовершеннолетние, которые имеют, на первый взгляд, некоторые показатели более «благополучные», чем у остальных, не могут в этом случае считаться исключением. С одной стороны, нельзя принимать сколько-нибудь приемлемым показатель их криминальной активности, равный 92,2 (2000 год), с другой – этот показатель существенно выше, чем в группе 30 лет и старше (51,6).

Ситуация в России, судя даже по этим (зачастую неполным и даже лукавым) данным, не может не вызывать большой озабоченности, что связано с еще одним очень важным моментом.

Согласно опросам несовершеннолетних Москвы, проведенным ВНИИ МВД России по заказу городского центра «Дети улиц», в каждом ста сорока случаях из тысячи, несовершеннолетним правонарушителям удавалось избежать правовой ответственности за незаконную деятельность, связанную с наркотиками, благодаря попустительству государственного служащего или исполнению какой-то личной просьбы чиновника. Эти данные коррелируют с ответами детей на вопрос, какова основная причина начала потребления наркотиков несовершеннолетними. Каждые 148 подростков из 1000 убеждены, что правовой ответственности в случае участия в незаконном обороте наркотиков удастся благополучно избежать [13].

На изобличение и осуждение одного мелкого сбытчика наркотиков государственный бюджет через соответствующие ведомства затрачивает около 30 тысяч рублей или, примерно, 1200 долларов США (по курсу на июнь 2007 г.). По данным правоохранительной статистики, на одно уголовное дело в среднем приходится изъятых материальных ценностей и средств на сумму 25 долларов. Разница колоссальная. Судами же конфискуется и того меньше. Так, в отношении 27 тысяч осужденных за наркопреступления, по которым предусматривалась конфискация, этот дополнительный вид наказания применялся только в 11% случаях, или в одном случае из девяти. Судьи констатируют, что конфисковать нечего, поскольку к уголовной ответственности привлекаются, главным образом, потребители наркотиков, наркоманы. К примеру, в 2000 г. к административной и уголовной ответственности были привлечены более 285 тыс. человек, из них потребителями наркотиков признаны 168 тыс. 100 человек (58,9%) [14]. Понятно, что эта категория участников незаконного оборота наркотиков не в состоянии вернуть деньги, которые организаторы наркобизнеса отняли у общества, поскольку для судопроизводства тратится бюджетных денежных средств неизмеримо больше. (Государственный бюджет как бы «инвестирует» посредством судопроизводства незаконный оборот наркотиков в России). Если учесть, что в 1988 г., согласно официальной статистике, в России было выявлено 8 тыс. лиц, виновных в преступлениях на почве наркомании, то в 2000 г. их было уже 159 тыс. 400 человек – увеличение в 19,6 раза. При этом число молодых преступников увеличивалось опережающими темпами. Удельный вес молодежи в составе лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, возрос до 66,4% (рост за указанный период в 20,1 раза) [15].

Таким образом, индустрия наркобизнеса, наиболее характерная для семидесятых годов XX века, к началу третьего тысячелетия значительно расширила свои масштабы и переросла в настоящую подпольно-суверенную наркоимперию с разветвленной по всему миру структурой независимых компаний, обладающих огромными ресурсами, позволяющими постоянно расширять рынки сбыта не только «по территориям», но и по видам «наркопродукции». Деятельность этих компаний отличается исключительной организацией по всему «рабочему» циклу – начиная от производства наркотиков и заканчивая их реализацией и «отмыванием» полученных финансовых средств. Легализация полученных незаконным путем баснословных прибылей наркомафии вовлекает в круг преступной деятельности не только коммерческие структуры (в первую очередь, банки), но и институты официальной власти – немалая часть «наркодолларов» идет на подкуп государственных служащих, которых не останавливает явная анти-социальная направленность функционирования транснационального наркобизнеса, вследствие чего наркобизнес во многих странах, в том числе в России, становится одним из наиболее прибыльных видов преступной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Financial Action Task Force on Money Laundering Report. Paris, 1990. - 7 Febr.
2. Мирелла Ф. Тенденции развития наркоситуации в России в 2003 году //Мониторинг Управления ООН по наркотикам и преступности в России и Белоруссии, 2004. - №2. – С.9.
3. Тропина Т. Наркоситуация в мире и транснациональный наркобизнес //http://crim.vl.ru/docs/books/book_8.htm.
4. Карасев А.М. Транснациональный наркобизнес // http://bank.referatoff.ru/009857-1.html.

5. Хохлов И.И. Неформальная финансово-расчетная система арабского мира //http://kreml.org/opinions/148080252?mode=print.
6. Там же.
7. Там же.
8. Актуальные проблемы наркоситуации в молодежной среде: основания, тенденции, профилактика. – М., 2004. - С.32.
9. Черкесов В. Борьба с наркобизнесом требует целостного комплекса мер //http://www.news.tipok.ru/news-21777-pagenum-1.html
10. Экспертная оценка состояния противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в субъектах Российской Федерации. Приложение 2-1. Южный федеральный округ. Приложение 2-2. Северо-западный федеральный округ. – М.: Минобразования России, Центр социологических исследований, 2002. – С.11.
11. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М.: Юристъ, 2006. – С.120.
12. Там же. – С.121.
13. Ковалев Н. Наркобизнес – терроризм – коррупция //www.odintsovo.org
14. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – С.121.
15. Там же.

A. Kirsanov

INTERRELATION OF NARCOBUSINESS WITH THE TRANSNATIONAL THE CRIMINAL ORGANIZATIONS (ARTICLE THE FIRST)

Abstract: In article the general narcosituation in the world and Russia is given, scales of the international narcobusiness are characterised and its organic communication with other criminal organisations is shown. The role of banks and other financial structures in maintenance of currency transactions of transnational narcobusiness is especially allocated.

Key words: narcobusiness, a narcosituation, narcobusiness transnationalization, the organised crime, financing of narcooperations.

УДК 351

Кирсанов А.И.

СЛИЯНИЕ НАРКОБИЗНЕСА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ*

Аннотация. В статье продолжается рассмотрение проблем тесной взаимосвязи наркобизнеса с организованной преступностью. Показано расширяющееся взаимодействие мировых «наркобаронов» с незаконной торговлей оружием и международным терроризмом. Выявлены основные каналы взаимодействия транснационального наркобизнеса с российскими наркоструктурами.

Ключевые слова: наркобизнес, наркомафия, торговля оружием, международный терроризм, уголовная преступность, организованная преступность.

Преступные организованные группировки стремятся породить в среде нравственно нечистоплотных государственных служащих цепную реакцию коррумпируемости. Замешанные на коррупции скандалы постоянно потрясают Латинскую

* © Кирсанов А.И.

Америку (если производство кокаина раньше концентрировалось в основном в Колумбии, Боливии и Перу, то сегодня – это весь Латиноамериканский континент). На Ямайке только за первые три месяца 2006 года по подозрению в связях с наркомафией вынуждены были подать в отставку 11 высокопоставленных офицеров антинаркотического ведомства. Среди наиболее коррумпированных стран – соседний с Россией Таджикистан.

К производителям и распространителям наркотиков разные страны мира применяют различные по суровости санкции. В Австрии, Франции и Швейцарии распространение и производство наркотиков карается лишением свободы сроком до 20 лет; в Дании и Германии – до 15 лет; в Швеции – до 10 лет, в Венгрии – до 8 лет, в Польше – до 7,5 лет, в Италии – от 2 до 20 лет, а в Великобритании, Греции, Австралии (Новый Южный Уэльс) – до пожизненного заключения. Законодательством ряда стран за наркобизнес предусмотрена и смертная казнь. Она введена в Индии, Бангладеш, Индонезии, Иране, Малайзии, Южной Корее, Таиланде, Турции, Египте, Саудовской Аравии.

Тем не менее, несмотря на огромный риск, колоссальная прибыльность наркобизнеса делает его весьма привлекательным для транснациональных организованных преступных групп, террористических организаций, использующих наркоденьги для финансирования своих операций. (Если в Афганистане килограмм героина можно приобрести за 500-700 американских долларов, то в самих Соединенных Штатах его порционная продажа на улицах может принести до 120 тыс. долларов). Нет необходимости доказывать, что в любой стране этот процесс подвергает коррозии экономические реформы, деформирует действующее законодательство, стопорит в органах власти ожидаемые обществом законопроекты и резко уменьшает число законопослушных граждан и способствует коррупции государственных чиновников. Так, опросы, проведенные среди 90 экспертов из 18 субъектов Российской Федерации, обнаружили значительную степень коррумпированности администрации регионов, судей, адвокатов (выступающих, как правило, посредниками во взяточничестве), милиции, таможенников и других категорий государственных служащих. Около 87% всех опрошенных прямо указали на те или иные реально существовавшие случаи коррупции в сфере незаконного оборота наркотиков [1].

Деньги от торговли наркотиками и других видов незаконной торговли являются одним из основных источников подкупа крупных государственных служащих в целях обеспечения безопасных условий преступной деятельности. В России в последнее десятилетие XX века наркобизнес стал

одним из наиболее прибыльных видов преступной деятельности, в котором задействованы многочисленные организованные группы, преступные сообщества и преступные организации, в том числе транснационального характера. По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), в 2004 г. в Российской Федерации насчитывалось около 1 тысячи преступных групп, занимающихся наркобизнесом. Более 330 из них были сформированы по этническому признаку (таджикские, цыганские, азербайджанские) и имели обширные межрегиональные и международные связи. Ими организованы стабильные каналы поставок крупных партий наркотических средств из стран-производителей в Россию и транзитом в другие государства. Наркогруппировки активно используют в своих целях пробелы в действующем законодательстве, спецтехнику и спецсредства, высококвалифицированных юристов, экономистов, банковских работников.

Одновременно широко используется практика привлечения ими для своей деятельности сотрудников правоохранительных органов, которые прикрывают каналы поставок, предоставляют упреждающую информацию, вырабатывают систему защиты. Только за три года (2002-2005 гг.), согласно материалам ФСКН, к уголовной ответственности были привлечены около 500 сотрудников силовых структур (они были уличены в причастности к незаконному обороту наркотиков) [2]. По материалам Счетной палаты РФ можно судить о четырех уровнях коррупции в правоохранительных и судебных органах на всех этапах прохождения дел о наркомании:

- 1) «прикрытие» рыночной и оптовой торговли милицией общественной безопасности и отделами борьбы с незаконным оборотом наркотиков;
- 2) развал и переквалификация уголовных дел следственными органами МВД и прокуратуры;
- 3) изменение меры пресечения, переквалификация деяний и закрытие уголовных дел судами;
- 4) распространение наркотиков корыстными сотрудниками Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ [3]. Именно благодаря продажности чиновников и сотрудников правоохранительных органов в России действует свыше 950 преступных группировок, контролирующих наркобизнес. Более 330 из них сформированы по этническому признаку, что существенно осложняет задачу проникновения в них изнутри [4].

Наркобизнес расширяет свои связи по многим направлениям, но особенно опасны его наиболее четко прослеживающиеся связи с неза-

конной торговлей оружием и терроризмом.

Наибольшее распространение и связь незаконного оборота наркотиков с незаконным оборотом оружия наблюдается в регионах вооруженных конфликтов: на Ближнем Востоке, Балканах, в Восточной и Западной Африке, Западной и Средней Азии и на постсоветском пространстве, особенно на Кавказе. В частности, огромные суммы наркодолларов были выплачены за оружие, боевую технику и вооружение после распада СССР и поспешного вывода войск из бывших социалистических стран Восточной Европы, Прибалтики, Молдавии, Украины, закавказских и среднеазиатских республик, когда учет оружия и его контроль были до предела ослаблены. Плюс ко всему, преступное отношение к хранению оружия повсеместно наблюдалось и в самой России. Так, при выводе войск с территории Чечни в начале 90-х годов было оставлено боевой техники и вооружения на сумму более 1 млрд. рублей [5]. Кроме того, вооруженные формирования Дудаева сами захватили в воинских частях России около 200 самолетов, 50 танков, 80 единиц бронетехники, 2 тысячи орудий и минометов и до 50 тыс. единиц стрелкового оружия [6]. В этом отношении поражает и другой факт: во время восстановления конституционного порядка в Чечне и проведения там антитеррористических операций у лиц из незаконных вооруженных чеченских формирований неоднократно находили новейшие виды иностранного и отечественного оружия, которого еще не было и в самих российских войсках. Это свидетельствует о преступных поставках оружия бандитам и террористам российскими организованными преступниками, оплата которых осуществлялась в том числе и отмытыми наркодолларами.

Использование наркодолларов для незаконных поставок оружия и боеприпасов оказывало существенное влияние на местные и региональные конфликты (Абхазия, Чечня, Хорватия, Босния и Герцеговина и др.), но более всего на возможности террористических групп по всему миру.

Важную роль в формировании теневой экономической системы с центром в Афганистане и в его переходе на расширенное производство опиатов в последние десятилетия XX века сыграл затяжной вооруженный конфликт на территории этой страны. Как отмечает Е.Л.Степанова, мера развития производства и торговли наркотиками в Афганистане роль наркобизнеса как ресурса вооруженного противостояния, а также как одной из стратегий выживания целых слоев сельского населения в условиях экономического кризиса, усугубленного последствиями конфликта, постоянно возрастала. Более того, по мнению Е.Л.Степановой, которое автор разделяет, наркобизнес в Афга-

нистане стал одним из «внутренних» источников финансирования «экономики войны», которую, в самом общем виде, можно определить как производство, мобилизацию и распределение экономических ресурсов, необходимых для поддержания вооруженной борьбы [7]. Об этом красноречиво говорят следующие данные.

Еще в начале 80-х гг. моджахеды стали использовать сборы с возделывания мака и торговли опиумом для частичного финансирования поставок оружия, часто на бартерной основе. При этом само по себе возделывание мака, как правило, становилось не столько результатом давления со стороны полевых командиров, сколько инициативой крестьян, искавших более рентабельную культуру для возделывания в условиях вооруженного конфликта. По некоторым данным, доходы от наркобизнеса в этот период составляли до 20 млн. долларов в год, или около 10% от общего объема их финансирования [8]. В целом возможность использования той или иной группировкой доходов от наркопроизводства и наркоторговли в качестве регулярного источника финансирования определялась не только ее военными потребностями, но и другими факторами, в том числе идеологического плана. В частности, есть указания на то, что именно умеренно исламские традиционалистские организации имели более разнородные источники финансирования и вообще не чурались доходов любого происхождения, в том числе от наркоторговли.

В начале 90-х гг. в дальнейшем размывание границ и фактическое погружение Афганистана в состояние этнополитической раздробленности дали новый импульс развитию трансграничных региональных маршрутов контрабандной торговли, в том числе наркотиками. Здесь следует учитывать действовавшее с 1965 г. афганско-пакистанское Соглашение о транзитной торговле, которое в соответствии с требованиями Конвенции Организации Объединенных Наций 1950 г. давало Афганистану как стране, не имеющей выхода к морю, право беспроцентно ввозить более половины всех импортируемых товаров [9]. В конце 90-х гг. на контролируемых талибами территориях наступил настоящий опиумный бум: здесь выращивалось (1999 г.) около 97% всего афганского мака и было произведено 79% нелегального опия в мире. А к 2002 г. Афганистан вернул себе место крупнейшего производителя опия в мире [10]. Что касается наркотрафика, то после падения режима талибов возрасла роль Пакистана как транзитной страны для перевозки афганских опиатов в Иран и Турцию по маршрутам балканского пути. Разумеется, взаимосвязь наркобизнеса с преступностью характерна не только для Афганистана, но и для всех основных районов мирового наркопроизводства,

в каждом из которых функционирует региональная теневая экономика.

Анализируя связь наркобизнеса с общеуголовной и организованной преступностью, следует остановиться на проблеме терроризма, ставшего на рубеже третьего тысячелетия в один ряд с иными глобальными угрозами человечеству. Основной точкой соприкосновения этих видов преступной деятельности являются гиперприбыли, получаемые от операций с наркотическими средствами и психотропными веществами, а в отдельных случаях эти деньги служат едва ли не основным источником финансовой подпитки террористических организаций [11]. Сегодня международный терроризм финансируется из различных активов, имеющих, в том числе, легальное происхождение. К примеру, чеченские боевики использовали средства от операций с нефтепродуктами, различных торговых сделок, а также пожертвования некоторых религиозных организаций и этнических объединений, криминальные доходы от экономических правонарушений, незаконной миграции, но чаще всего от операций с оружием и наркотиками. Кроме того, повстанцы различного толка, использующие террористические методы, рассматривают производство и торговлю наркотиками в качестве обильного источника доходов.

Активность любой террористической структуры напрямую зависит от объемов финансирования. В Афганистане, Колумбии и Мьянме (Бирме) наркотики часто напрямую связаны с террористическими акциями. Не случайно наркотеррор в последнем десятилетии XX века превратился в характерную черту общественной жизни Колумбии, где наркобизнес тесно сотрудничает с партизанами, терроризирующими некоторые провинции этой страны и оказывающими вооруженное сопротивление властям при попытках обнаружения и уничтожения плантаций кокаинового куста и опийного мака. Он использует повстанцев для охраны своих лабораторий и аэродромов, выплачивает им крупные суммы, поддерживая таким образом их движение. В государствах Центральной Америки активизируется незаконный оборот оружия, которое предназначено в основном террористическим формированиям, содействующим наркоиндустрии. В Бразилии наркодельцы официально не признают местные органы власти, что периодически приводит к столкновениям между ними. В пострадавших от военных действий районах Западной и Центральной Африки, в частности, Кот-д'Ивуара, Либерии и Центрально-Африканской Республики, оружие и боеприпасы, используемые повстанческими группировками и преступными организациями, приобретены, в том числе, на средства, полученные от незаконного оборота наркотиков. Кроме того, имеются данные

о масштабном злоупотреблении марихуаной и другими наркотиками среди молодых бойцов во время гражданских войн в этих странах. Ультралевые экстремистские группировки на Филиппинах получают финансовые поступления за счет выращивания конопли и сбыта наркотилерам получаемой из нее марихуаны. Торговлю гашишем ведут поддерживаемые Пакистаном сепаратисты индийских штатов Пенджаб, Джамму и Кашмир.

По мнению индийских дипломатов, контроль над афганским наркобизнесом является ключевым фактором в борьбе за власть в Кабуле. Правоохранительные органы европейских стран также располагают информацией о связях террористических групп с наркобизнесом. Так, в 2002 г. в результате совместной операции турецкой полиции и МВД России была вскрыта глубоко законспирированная схема контрабанды с территории Российской Федерации ангидрида уксусной кислоты – прекурсора, применяемого при производстве героина. Из 11 задержанных преступников – членов транснациональной организованной группы более половины прошли обучение в курдских лагерях и участвовали в вооруженных акциях [12]. Известны попытки некоторых чеченских полевых командиров в середине 90-х гг. создать собственную наркоиндустрию. В нескольких районах Ичкерии были созданы лаборатории по производству героина. На десятках гектаров культивировался опийный мак. И лишь в силу того, что качество полученного наркотика по ряду причин оказалось низким, и он не смог составить конкуренцию наркотическим средствам центрально-азиатского происхождения, его производство было прекращено.

Полученные денежные средства предоставляют террористическим группам широкий выбор различных возможностей, в частности, приобретение самого современного оборудования, в том числе компьютеров и телефонов спутниковой связи, а также новейшего оружия. При этом у некоторых террористических групп появляются условия для разработки или приобретения оружия массового поражения – ядерного, биологического или химического – что требует гораздо больших финансовых вложений по сравнению с традиционными видами оружия. Поскольку для создания оружия массового поражения требуются очень большие деньги и специальные знания, до недавнего времени не возникало опасений по проникновению в эту область террористов. Между тем, доступ их к огромным суммам наркотолларов позволяет лидерам террористических организаций задумываться над возможностью приобретения оружия массового поражения и/или о «покупке» технических специалистов, знания которых необходимы для создания и исполь-

зования такого оружия.

Объективно связь между наркобизнесом и терроризмом спецслужбами, отвечающими за борьбу с этими двумя глобальными угрозами человечеству, вполне осознается. И международные правоохранительные органы и контртеррористические службы вырабатывают новые методы более тщательного отслеживания влияния полученных нелегальным образом наркодолларов на деятельность террористов, чтобы своевременно принимать меры по пресечению их связей. Однако в реальности все обстоит гораздо сложнее. На легкую победу рассчитывать не приходится: ставший исключительно взаимозависимым мир одновременно стал и более взаимоуязвимым. Наркобизнес раскинул свои сети по всем континентам и странам и даже создал целые наркогосударства, для которых производство наркотических средств и психотропных веществ стало основой их экономической деятельности и основной частью получения валового внутреннего продукта. Отгораживаться от этой реальности нельзя. Если южноамериканский кокаин достигает Сибири, а найденная в Колумбии подводная лодка, предназначенная для транспортировки наркотиков, судя по документам, была собрана под руководством российских инженеров, то нетрудно представить, что незаконное производство и торговля наркотическими средствами и психотропными веществами подчиняются общим экономическим законам рынка и действуют, ориентируясь на прибыль в той же мере, что и легальные отрасли производства и торговли. Значение усиливающихся связей наркобизнеса с другими видами организованной преступности, особенно торговлей оружием и терроризмом, с точки зрения опасностей и угроз для социума, переоценить трудно.

Сделаем обобщающие выводы.

Транснационализация наркобизнеса в России непосредственно связана с повышенным спросом на наркотики и наркосодержащие вещества, высокой, несмотря на сравнительно невысокую стоимость, доходностью от их реализации, и – главное – исключительно обширным рынком сбыта. Для уже сформированной российской наркомафии все более характерными становятся общие черты транснационального наркобизнеса, нашедшего на территории постсоветской России новые значительные возможности расширения международной наркосети.

Особенностью организационной деятельности наркоструктур в России является их построение, как правило, по этническому признаку, чему во многом способствуют миграционные процессы, когда занятые проблемами трудоустройства переселенцы и беженцы (в том числе, русской национальности), поставленные условиями соци-

альной жизни перед жизненно важным выбором, зачастую изначально вынужденно идут на «сотрудничество» с представителями наркобизнеса, но впоследствии надолго связывают свою жизнь с незаконным оборотом наркотиков, что самым непосредственным образом подрывает нравственные устои общества.

Характерной чертой транснационализации наркобизнеса является его смыкание с общеуголовной преступностью. При этом исключительно опасной является тенденция усиления криминальной активности молодежи и подростков на почве незаконного оборота и потребления наркотиков. В России численность совершенных молодыми людьми общеуголовных преступлений, прямо или косвенно связанных с наркотиками, в последнее десятилетие увеличивалась возрастающими темпами. Объективно этому во многом способствует несовершенство российского законодательства, позволяющего избежать правовой ответственности за незаконную деятельность, связанную с наркотиками, но наиболее важной причиной является то, что сами наркодельцы остаются за пределами воздействия правоохранительных и юридических органов, сохраняя собственную безопасность, а, значит, и возможность дальнейшего вовлечения в незаконный оборот наркотиков все новых представителей из числа подростков, молодежи и других социальных слоев, лишая их возможности полноценной социальной жизни.

Огромные финансовые средства, получаемые от незаконной торговли наркотиками, служат основой для усиления преступных связей наркодельцов с торговцами оружием и международными террористическими организациями. Наркодоллары активно используются для незаконных поставок оружия и боеприпасов в районах политических и военных конфликтов, для оказания финансовой помощи террористическим организациям для установления марионеточных режимов, ориентированных на сепаратизм, национализм, милитаризм и лояльно относящихся к преступной деятельности транснационального наркобизнеса. Сращивание наркоторговли с торговлей оружием и терроризмом представляет собой новый феномен в социальной жизни, способствующий «попятному» процессу социального отчуждения в самых жестких его формах – формах прямого или косвенного социального насилия и антигуманизма, и являющий собой новую социальную угрозу безопасности личности, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Национальная безопасность: информационная составляющая. – М.: МОСУ, 2000. – С.230.
2. Интервью с В.В.Черкесовым <http://www.rambler.ru/news/events/drugs/9165472.html?print=1>.
3. Игнатов В.М. Коррупция – основа незаконного обо-

- рота наркотиков //Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. - 2004. - №2. – С.2.
4. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.592.
  5. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С.215.
  6. Белая книга Российских спецслужб. – М., 1996. – С.120; Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегия контроля. – Иркутск, 2001. – С.72.
  7. Степанова Е.Л. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М.: Весь мир, 2005. – С.12, 55.
  8. По данным эксперта ООН Дорис Будденберг (с 2004 г. глава афганского отделения УНП ООН). Цит. по: Степанова Е.Л. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – С.55.
  9. Подробнее см.: Goodhand J. Frontiers and Wars: A Study of the Opium Economy in Afghanistan. – L.: Univ. of London, January 2003. – P.4.
  10. International Narcotics Control Strategy Report. – Wash. D.C.: U.S. Dep. Of State Bureau for International and Law Enforcement Efforts, 2004. – P.241.
  11. Мелихов В.Г. Наркобизнес и терроризм: точки соприкосновения //Политический журнал. - 2004. - №22. – С.14.
  12. Там же. – С.19.

A. Kirsanov

MERGE OF NARCOBUSINESS TO THE ORGANIZED CRIME (ARTICLE THE SECOND)

Abstract: In article consideration of problems of close interrelation of narcobusiness with the organised crime proceeds. Extending interaction of world "drug barons" with illegal traffic in arms and the international terrorism is shown. The basic channels of interaction of transnational narcobusiness with the Russian narcostructures are revealed.

Key words: narcobusiness, a drug mafia, traffic in arms, the international terrorism, criminal criminality, the organised crime.

УДК [654.16/17+002]:316.647

Лисова С.Ю.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СМИ ИНФОРМАЦИИ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Аннотация. В статье исследуется проблема эффективности государственной политики в области этнонациональных процессов. Особое внимание уделено анализу правового инструментария регулирования этнокоммуникаций. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о высоком конфликтогенном потенциале медиаматериалов и фактическом отсутствии противодействия ксенофобским настроениям прессы со стороны государственных структур. Оценивается эффективность норм, закрепляющих ответственность за совершение «этнических» правонарушений.

Ключевые слова: этнотолерантность, средства массовой информации, этнокоммуникации, национальная этническая политика, экстремизм, правонарушения этнического характера, этнолингвистическая экспертиза.

На рубеже веков мировая цивилизация столкнулась с двумя противоборствующими явлениями. С одной стороны, происходит процесс глобализации, способствующий интеграции, унификации и взаимопроникновению различных культур. В то же

время мы являемся свидетелями так называемого «этнического ренессанса», характеризуемого взрывом движений и выступлений на национально-этнической основе, эскалацией националистических настроений и, как следствие, резким увеличением межэтнических конфликтов. Обозначенные тенденции обуславливают необходимость исследования межэтнических отношений на всех уровнях (от межличностного до международного) и в различных контекстах в целях решения задачи по стабилизации этноконтактной обстановки.

Мониторинг состояния межэтнических отношений на региональном уровне свидетельствует об отсутствии четко разработанной и концептуально обоснованной стратегии в области этнической политики. Как федеральные, так и региональные власти, не осознавая в полной мере специфики межэтнических коммуникаций, ориентированы в основном на решение тактических задач по снижению этноконфликтной напряженности в обществе, в некоторых случаях используя и силовые методы. Комплексная же система мер по превенции этноконфликтов путем создания политической обратной связи и благоприятных условий для интеграционного развития этнических

* © Лисова С.Ю.

Уровень этнической напряженности (в % от общего числа опрошенных):

Уровень этнической напряженности высокий; в регионе существуют значительные проблемы в сфере межэтнических отношений, требующие разрешения	20,8
Уровень этнической напряженности невысокий; проблемы в сфере межэтнических отношений незначительны	75
Проблемы в сфере межэтнических отношений отсутствуют	4,2

Таблица 2

**Наличие дискриминации в профессиональной среде
(в % от общего числа опрошенных):**

Имеет ли место дискриминация по национальному признаку в следующих ситуациях:	2006 ¹	2008	2006	2008
	да		нет	
Карьерный рост	24	67	66	33
Бизнес	8	42	90	58
Возможность занять должность в государственных структурах	32	42	58	58

ких процессов отсутствует. Многие исследователи отмечают [2, 99], что государственное управление в этой области оказывает скорее дестабилизирующее воздействие на этноконтактную обстановку в регионах, порождая проблему эффективности и легитимности политической власти.

Целью предлагаемого исследовательского проекта является оценка политико-правовых средств, используемых государством для противодействия ксенофобии в СМИ. Конфликтотенный потенциал масс-медиа в сфере этнических отношений изучен явно недостаточно*, и требуется более глубокое исследование вопроса влияния современных СМИ на формирование в массовом сознании образа иноэтнического представителя, а также поиск возможных путей снижения негативного потенциала информационной среды. В рамках данного исследования внимание уделяется выявлению: 1) степени толерантности населения и уровня этнической напряженности в регионах ЦФО**; 2) транслируемых СМИ этнических стереотипов***.

* Различные подходы к решению обозначенной проблемы были описаны в трудах этнологов – В. Мальковой, В. Тишкова; политологов – М. Аствацатуровой; психологов – А. Леонтьева, Е. Харитоновой; правоведов – Ю. Казакова, И. Кулиева, В. Филлипова.

** В качестве репрезентативной модели влияния СМИ на общественное мнение в сфере толерантности / интолерантности была выделена Ивановская область как регион с набором наиболее типичных для центральной части России этноконфессиональных характеристик (по данным Всероссийской переписи населения, на территории Ивановской области проживают представители 117 национальностей, из которых 93,7% составляют русские). Ивановский регион является полиэтничным с достаточно высоким уровнем организованности иноэтнических групп, при этом процессы миграции обуславливают рост этнической мозаичности населения.

*** Для реализации указанной цели автором были проведены контент-анализ и интент-анализ региональных печатных

Уровень толерантности «титულიной» нации к иноэтническим представителям исследовался автором в ходе социологического опроса, проведенного среди студентов в возрасте 20-22 лет; общее количество опрошенных составило 288 человек. Выбор студенчества в качестве объекта исследования неслучаен, поскольку оно является не только носителем сложившихся в обществе этнических стереотипов, но и их будущим ретранслятором. Согласно результатам опроса, большинство респондентов характеризуют этническую ситуацию в целом как достаточно спокойную, существующие этнические проблемы – незначительные и не требующие серьезного вмешательства со стороны государства и общества (табл. 1). Как следствие, наблюдается незначительное количество межэтнических конфликтов.

При исследовании вопроса относительно влияния национальной принадлежности на статусные характеристики лица, и в частности наличия дискриминации по национальному признаку, целесообразно проследить динамику отношений «титულიной» нации к иноэтническим представителям на основании данных опросов, проведенных в 2006 г.**** и 2008 г. (см. табл. 2). Представленные результаты свидетельствуют об эскалации межэтни-

изданий. Проведен мониторинг следующих изданий: «Рабочий край» (средний тираж около 15000 экз.), «Ивановская газета» (средний тираж около 10000 экз.). Период исследования составил июнь-сентябрь 2007 года, апрель-май, август-сентябрь 2008 года.

**** Пилотажное социологическое исследование 2006 г. было проведено по заказу Департамента общественных связей, молодежной и информационной политики студентами кафедры общей социологии и феминологии Ивановского государственного университета Н.С. Каленикиной и Е.В. Спиридоновой (результаты не были опубликованы и используются с разрешения авторов).

ческих противоречий.

В сложившихся обстоятельствах отсутствие острых межэтнических конфликтов на Европейской части территории России в настоящий период отнюдь не гарантирует неизменности существующих реалий в будущем. СМИ являются той областью социальной практики, где создаются этномифы и формируются этностереотипы, влияющие «на степень взаимного доверия представителей различных этнических групп и выстраивания определенного типа взаимодействия в коммуникативном процессе» [7, 41]. Одной из функций коммуникационных систем является инициирование социальной активности, в связи с этим исследование сферы коммуникаций невозможно без применения интенционального подхода для выявления возможных социальных последствий. В этой связи целесообразным представляется анализ содержательных интенций медиаматериалов по этнопроблематике. Предметом исследования выступили региональные периодические издания (собственные материалы редакций). Экспертиза толерантности региональных СМИ проводилась с помощью контент-анализа (перевод текстовой информации в количественные показатели с последующей статистической обработкой результатов) и интент-анализа (реконструкция интенций автора/редакции по содержанию публикации). Используемые методы помогают преодолеть субъективность личного мнения исследователя и дать адекватную оценку деятельности СМИ в области межэтнических коммуникаций.

Результатом проведенного мониторинга могут быть следующие выводы. Во-первых, обнаруживается информационный дефицит по межэтнической тематике (около 2% от общего количества распространяемой информации).

Во-вторых, настораживает общий негативный тон статей, способствующий эскалации в обществе ксенофобских и националистических настроений. Примерно в четверти публикаций присутствует уничижительный подтекст, а порой и явное пренебрежение в отношении представителей другой национальности (между тем следует отметить, что анализируемые издания являются трансляторами официальной позиции региональных органов власти). При отсутствии в текстах открытых призывов к дискриминации по национальному признаку, разжиганию расовой, национальной, этнической розни отдельные статьи завуалированно их оправдывают и поощряют нетерпимость к иноэтничным группам населения.

Следует заметить, что использование в СМИ и определения «русский» не всегда имеет положительный оттенок. Это прослеживается, прежде всего, в крылатых фразах, этнических анекдотах, где русский человек предстает в образе пьяницы,

вора и лентяя. На первый взгляд, данные интенции нельзя квалифицировать как негативные, однако подобная логика порождает у индивида комплекс этнической неполноценности и, в свою очередь, провоцирует его на поиски «врага».

В-третьих, наблюдается экстраполяция единичных фактов и событий на характеристику иноэтничной группы в целом*. Как правило, речь идет о переносе только отрицательных качеств и поступков на всех представителей другой национальности, проживающих на территории региона. При этом демонстрация социально желаемого поведения негативизируемого этноса в СМИ отсутствует. Иноэтничные представители чаще всего рассматриваются масс-медиа как социальные конкуренты либо как асоциальные элементы. Этнизация криминальной хроники, на наш взгляд, не только провоцирует формирование негативных этнических стереотипов, конструируя определенные модели публичного поведения, но и уводит от решения конкретных проблем. Неблагополучная социально-экономическая обстановка (высокий уровень преступности, нехватка рабочих мест и т.д.) связана не с фактором иноэтничной иммиграции, а с недобросовестным исполнением государством своих обязанностей перед обществом, непродуманностью государственной политики в области охраны законности и правопорядка.

Кроме интенций, явно или завуалированно утверждающих неполноценность того или иного этноса, в СМИ нередки случаи проведения параллелей между национальной принадлежностью и материальным благосостоянием отдельных групп (лиц). Педалирование в масс-медиа фактора существующей межэтнической экономической диспропорции, совпадения классовых границ с этническими создает, на наш взгляд, дополнительный импульс межнациональной ненависти.

Проводимые среди жителей г. Иванова социологические опросы** с применением различных методик шкалирования социальной дистанции этнодоминирующего большинства показали, что наиболее негативно воспринимаются чеченцы и дагестанцы. В подобных условиях остро встает и проблема патриотизма как консолидирующего фактора общества. Увеличение социальной дистанции между представителями различных наци-

* См., например: Национализм ивановского разлива // Ивановская газета. – 2007. – 15 августа; Конец цыганской коммерции // Ивановская газета. – 2007. – 29 сентября.

** См., например: Аджиева М.С. Кавказ и кавказцы в восприятии жителей малых городов // PR в современном мире: мат. науч. конф. – Иваново, 2007. – С. 14-20; Мановская А.А., Орлова А.А. Толерантность к инокультурным группам: кроссрегиональное исследование // Там же. – С. 32-45; Мутаев У.К. Социальное самочувствие переселенцев с Северного Кавказа в Центральной России // Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ «Границы». – 2007. – Вып. 1. – С. 44-56.

ональностей, являющихся гражданами одного государства, способствуют укреплению иерархии по этническому принципу и девальвации общегосударственных, общенациональных ценностей.

Следующим фактом, на который бы хотелось обратить внимание, является однонаправленность медиа-материалов применительно к межнациональной проблематике. СМИ отражают установки, ожидания и фобии своей аудитории, что объективно в условиях рыночной экономики. Однако обязанностью СМИ является не повышение спроса на собственную продукцию, а объективное и достоверное информирование (ст. 38 Закона РФ «О СМИ»). Этнический же контекст прагматично используется СМИ только в социально-экономическом или политическом аспекте. Несмотря на обилие различных конференций, круглых столов и иных мероприятий по этническим проблемам, проходящих в регионе, мнение научной общественности малодоступно для обывателя. Отсутствие в прессе «этничности» в качестве научной категории обусловлено как сознательной манипуляцией этническими образами, так и этнологической безграмотностью современных журналистов (достаточно вспомнить термин «лицо кавказкой национальности»^{*}). По мнению исследователя А.И. Элеза, в СМИ категория «этничности» используется как пустая абстракция, лишенная научного содержания, а гиперболизация идеологического аспекта провоцирует этносоциальные конфликты^{**}.

Представленные выше результаты ясно показывают, что происходящие процессы глобализации не преодолевают уровня этничности и не стирают национальных границ. Конфликтогенные медиа-материалы не вызывают противодействия со стороны воспринимающей аудитории, провоцируя нетерпимость в отношении иных этнических групп и настроения ксенофобии. В итоге восприятие «Другого» исключительно как врага становится нормой межэтнических отношений, в чем отчасти повинны и СМИ, являющиеся основными «поставщиками» продуктов массовой культуры.

В данной ситуации государственным органам следует уделять больше внимания контролю в информационной среде и своевременно пресекать попытки СМИ провоцировать национальные конфликты. Эффективность такой деятельности зависит, прежде всего, от возможности воздействия государства на редакционную политику СМИ,

^{*} Аналогичные тенденции характерны не только для российской прессы (например, частое употребление в западных СМИ термина «русская мафия»: «... в одном из итальянских городов полиция арестовала одного из отцов русской мафии в Америке *Моню Эльсона*» (*курсив мой – С.Л.*)). – Русская мафия примеряет итальянский «сапожок» // Комсомольская правда. – 1995. – 12 апреля.

^{**} См.: Элез А.И. «Этничность»: средства массовой информации и этнология // Этничность, толерантность и СМИ / под ред. И.В. Следзевского. – М., 2006. – С. 39-81.

продуцирующих ксенофобию. Безусловно, подобное воздействие предполагает апелляцию к нормативным документам и строгое лимитирование арсенала используемых средств во избежание нарушения конституционного принципа свободы массовой информации. Проанализируем некоторые правовые нормы и попытаемся дать оценку их эффективности в области профилактики межэтнических конфликтов.

На первый взгляд, российское законодательство предусматривает широкий спектр методов противодействия сознательному или неосознанному нарушению расового, национального или религиозного равноправия. В частности, Закон «О СМИ» (ст.ст. 4, 50, 51) закрепляет недопустимость злоупотребления свободой массовой информации, в том числе с целью опорочить представителей других национальностей, рас, религий и т.п., устанавливая разнообразные формы ответственности. Нарушение требований закона в области межэтнических отношений может повлечь довольно жесткую санкцию для СМИ – приостановление или прекращение их деятельности (ст. 16 Закона «О СМИ», ст. 8 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»). В реальности же данные нормы носят скорее декларативный характер, поскольку отсутствует четкий механизм их реализации. Государственные органы не активно принимают на себя контрольную функцию за деятельностью СМИ. Причиной такого положения дел является, в частности, кадровый дефицит. Например, в Ивановской области территориальное управление по контролю за деятельностью СМИ состоит из одного человека. Учитывая насыщенность регионального медиа-рынка^{***}, рассчитывать на эффективную деятельность государственных структур не приходится. К тому же процедура прекращения и приостановления деятельности СМИ является довольно сложной. Применение подобной санкции осуществляется только в судебном порядке по иску регистрирующего органа, при наличии неоднократных в течение одного года нарушений, по поводу которых соответствующими органами делались письменные предупреждения.

Кроме ответственности для органов СМИ, законом предусмотрены санкции и для недобросовестных журналистов – от дисциплинарного взыскания до уголовного преследования (ст.ст. 43, 59 Закона «О СМИ»). На наш взгляд, подобная форма воздействия является наиболее эффективной, поскольку носит персонализированный характер. Но она также не свободна от существенных недостатков. Апелляция к нормам трудового законодательства и наложение дисциплинарных санк-

^{***} В Ивановской области зарегистрировано четыре теле- и семь радиоканалов, три областных периодических издания, двадцать одна районная газета.

ций за нарушение журналистами прав отдельных лиц (групп) по национальному признаку не имеют продолжительной традиции. Напротив, редакции охотно спекулируют на этническом факторе, не заботясь о возможных последствиях. Причинами такого отношения являются как поддержание «товарного» интереса к медиа-продукции, так и уже отмеченная выше этнологическая безграмотность публицистов. В результате имплицитной приверженности журналистов примордиалистской концепции в действиях СМИ обнаруживается «нечаянный» экстремизм.

Применение норм УК России*, стимулирующих персональную ответственность публицистов, также представляется довольно проблематичным. Во-первых, существует сложность доказывания «этничности» мотивов совершенного преступления, во-вторых, в законе используются довольно размытые формулировки и термины для обозначения общественно опасных действий и последствий. Например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» не содержит четкого описания объективной стороны преступления, перечисляя лишь различные формы этнофобий.

Возможным решением существующей проблемы может быть необходимость проведения социолингвистической и психолингвистической экспертизы медиа-текстов, выработка соответствующих критериев оценки медиатекстов и подбора экспертов.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что этнофобии прочно закрепились в списке социальных проблем российского общества. Поэтому для государства неприемлема позиция декларативного невмешательства и реагирование на «горячие» ситуации постфактум. Необходимо выстраивание новой системы отношений, а именно более интенсивное влияние государственных структур на этническую ситуацию в регионах, стране в целом и расширение сферы публичной политики, предполагающее установление открытого диалога между властью и представителями этнических групп для преодоления различных форм нетерпимости. Эффективным инструментом в комплексе мер национальной этнической политики должен стать многосторонний качественный анализ этнической ситуации в стране/регионе с последующей адекватной оценкой степени ее стабильности или напряженности, на основании которых будут формироваться управленческие решения.

Безусловно, гармонизация межэтнических отношений зависит не только от оптимизации государственной политики, но и от активности структур гражданского общества. Исключительно

тесное взаимодействие институтов гражданского общества, государства и масс-медиа в сфере этнокоммуникаций, этнотолерантности обеспечит не только стабилизацию межэтнической обстановки и превенцию конфликтов между представителями разных национальностей, но и станет позитивным фактором развития российских регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ «Границы». – Вып. 1. – Иваново: ИвГУ, 2007.
2. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социс. – 2005. – №8. – С. 90-100.
3. Распределение населения Ивановской области по национальности и владению языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения на 9 октября 2002 года. – Иваново, 2005. – Т. 6.
4. Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004.
5. Соснин В.А. Социально-психологическая динамика межэтнических конфликтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/154358p.html>
6. Техника юридической безопасности для журналиста: Сб. материалов практических обучающих семинаров для работников СМИ и будущих журналистов / под ред. А.К. Симонова. – М.: Галерея, 2000.
7. Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического мигранта (взгляд социолога) // Социс. – 2003. – № 11. – С. 41-51.
8. Швидунова А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polbu.ru/shvidunova_smi/
9. Этничность, толерантность и СМИ / под ред. И.В. Следзевского. – М.: Институт Африки РАН, 2006.
10. PR в современном мире: мат. науч. конф. / под ред. А.М. Карякина. – Иваново: ИГЭУ, 2007.

Примечания

1. В исследовании, проведенном в 2006 г., одним из вариантов ответа был «Затрудняюсь ответить». Ввиду незначительности показателей данный вариант не отражен в таблице.

S. Lisova
POLITIKO-LEGAL TOOLKIT OF REGULATION IN MASS-MEDIA OF THE INFORMATION ON INTERETHNIC RELATIONS

Abstract: The article is about problem of effectiveness state politics in sphere of ethnic – national process. Special attention is done on analysis of techniques for law control of ethnic communication. The effectiveness of rules, intended to fix the responsibility for ethnical crimes is evaluated. The list of acts for stabilization ethnical atmosphere in the country/region is offered.

Key words: ethnic, tolerance, mass media, communication, national ethnic politics, extremism, law criminals of ethnical character, linguistically expertise.

* П. Е ст. 63, п. Л ст. 105, п. Е ч. 2 ст. 111, п. Е ч. 2 ст. 112, п. 3 ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 214, п. Б ч. 2 ст. 244, ст. 282, ст. 282.1, ст. 282.2, ст. 357 УК РФ.

ИСЛАМ КАК СРЕДСТВО АРТИКУЛЯЦИИ ИНТЕРЕСОВ. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ КАК ТИП ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА*

Аннотация. Оформившись в многоуровневую политико-религиозную систему, ислам стал не только религией, но и образом жизни с присущим ему менталитетом социума, стилем мышления. Уже изначально, на раннем этапе формирования, политика и религия были неразделимы в исламе. Политизация ислама в истории и сегодня тесно связана с его аккумулятивными способностями.

Дискуссия о путях развития и историческом выборе исламского мира между национальной или религиозной идеей создания общности, зародившаяся в XIX веке, остаётся актуальной и поныне. Многообразие трактовок ислама активно используется различными политическими силами во имя артикуляции собственных интересов.

2-я половина XX века сформировала демонстрационный эффект прихода к власти представителей политических движений ислама, как мирным, так и силовым путём. На фоне рутинизации авторитетов национализма и сформировавшегося в обществе неприятия крайних фундаментальных проявлений ислама, рождаются в последние десятилетия XX века – начале XXI века своеобразные симбиозные течения политического ислама с новой идеологией, пытающиеся синтезировать доктрину национализма с концепцией исламской демократии.

Ключевые слова: ислам, артикуляция, религиозный фундаментализм, лидерство, иджтихад.

Возникший среди арабов Хиджаза на северо-западе Аравии в начале VII в., ислам привел к консолидации и процессу интеграции разрозненных племенных группировок, пребывавших в состоянии джахилии. Исламоведы и мусульманские богословы по-разному трактуют понятие «джахилии». В Коране (33:33; 48:26) – джахилия – невежество [Коран, 1990, с. 291, 359]. Эту линию продолжает и богословие, называя джахилию – «временем неведения, незнания».

Крупный венгерский исламовед Игнац Гольциер полагает, что подобная трактовка не совсем верна. Анализируя антонимы «халим» – спокойный, добрый, рассудительный и «джахиль» – необузданный, жестокий дикарь, он полагает, что джахилия является обозначением периода дикости, варварских обычаев в истории арабс-

ких племен [Гольциер, 1938, с. 153–154]. Пророк Мухаммад прежде всего хотел положить конец конфликтности и соперничеству между племенами, прекратив кровавую вражду. Интегративная роль ислама на этом этапе создала всеаравийское единство. Беспощадно уничтожая джахилию в сознании аравийских племен, по мнению известного исламоведа Августа Мюллера, Мухаммад не смог побороть отзвуки джахилии в собственном сознании, «неукротимая беспощадность, какую он часто проявлял при уничтожении врагов, была древней чертой арабской суровости» [Мюллер, 1895, с. 65].

Изначально ислам являлся культурно-этическим учением монотеистического направления. Комплекс установок, выработанных пророком Мухаммадом, прежде всего служил консолидации племен Аравии. В последующие столетия, когда Аравийский полуостров выплеснул в мир воинственных и пассионарных арабов, ислам вобрал и «перемолол» ценностные установки и компоненты античной и персидской культуры, сформировав систему права, этическую концепцию, специфическое мировоззрение и политическую культуру.

Оформившись в многоуровневую политико-религиозную систему, ислам стал не только религией, но и образом жизни с присущим ему менталитетом социума, стилем мышления. Уже изначально, на раннем этапе формирования, политика и религия были неразделимы в исламе. Политизация ислама в истории и сегодня тесно связана с его аккумулятивными способностями. Ислам вбирает, впитывает в себя местные обычаи и традиции, обозначая исламский образ жизни с его этической и правовой регуляцией эталоном социального бытия.

Политизированный характер ислама создал идеальную форму исламского государства – теократию, в котором Верховным сувереном является Бог (Аллах), а его заместителем, проводником божественной воли на земле – халиф, который априори должен иметь всю полноту абсолютной власти, являясь точкой ее центра, при опоре на *улемов* (духовных лиц высших должностей).

Теория и практика организации института духовных лиц в исламе весьма противоречива. Согласно официальной точке зрения, ислам не имеет централизованной духовной организации, которая направляет и осуществляет религиозную

* © Воронин С.А.

политику, а также распределяет средства, поступающие в ее распоряжение.

В исламе отсутствует церковная иерархия (*клир*), нет посвящения в духовный сан путем рукоположения. Все духовные лица в исламе формально независимы, равны и подчиняются только воле Аллаха. А шииты еще и сокрытому имаму.

Но практика и действительность свидетельствуют о том, что среди мусульманского духовенства существует своеобразная иерархия: духовные лица высших степеней (*улемы* и *муджтахиды*) и низших степеней (*муллы*). Для духовного роста и продвижения по иерархической лестнице необходимо признание морального и научного авторитета богослова всей *уммой* и другими теологами. После этого он приобретает право *иджтихада* – интерпретации, персональной трактовки догм и законов ислама. Обладая этим правом, богослов создает духовную школу, обрастая учениками и последователями. Муджтахиды имеют внутреннюю градацию: мардже ат-таклид (источник подражания), аятолла (знак божий), аятолла ал-узма (великий аятолла,) *хужжат аль-ислам* (доказательство ислама). Эти духовные степени присваиваются на основе мнения всех верующих мусульман [Дорошенко, 1990, с. 151–152].

К XI в. религиозно-философская концепция ислама оформилась в устойчивую систему взглядов и интерпретаций. Двери *иджтихады* были закрыты, что по сути означало консервацию религиозного учения в самом себе и неприятие каких-либо нововведений. Трактовка откровений пророка Мухаммада и его действий, зафиксированных в Коране и Сунне, а также отбор и интерпретация богословско-правовых источников после формирования основных направлений ислама были практически прекращены [*Религия и секуляризация...*, 1993, с. 15].

В XIX в. набирают силу реформаторские течения в исламе, призывающие к модернизации и возрождению права *иджтихада*. Мусульманская реформация пыталась ликвидировать противоречие в разъединении объективного и субъективного, которое заключалось в отсутствии официально рукоположенных лиц в исламе и в наличии на практике – улемов, монополизировавших право *иджтихада*. На фоне развернувшейся национально-освободительной борьбы в исламском мире от колониального гнета реформаторы выдвинули требование о признании права индивидуального *иджтихада*, то есть права на индивидуальные, самостоятельные суждения по всему комплексу богословских вопросов. Между мусульманином и Богом не должно быть посредников. Верующий должен быть приближен к Аллаху, необходимо раскрепощать личность и приспособлять индивидов к новым капиталистическим отношениям [Степанянц, 1974, с. 13].

Модернизация сознания стала основной задачей реформаторов. М.Т. Степанянц отмечает: «По своему содержанию реформация ислама представляет собой новое толкование комплекса религиозно-этических, политических, экономических проблем. Нетрадиционная интерпретация онтологического и гносеологического аспектов проблемы соотношения Бога и человека характеризуется санкционированием, пусть ограниченной, свободы воли, инициативы личности» [14, 15].

Мусульманская реформация, выступая в качестве попытки обновления социума, разделилась на два течения, векторы которых были направлены вперед – Модернизм (европеизация), требующий снять запрет на *бида* (новации), и Возрожденчество, требующее возврата ко временам пуристского ислама и рассматривающее ислам в качестве божественного Абсолюта и отрицающее *бида* (вектор в прошлое). Странники модернизации отвергали концепцию теократии и выступали за признание права каждого верующего или демократически избранного органа (парламента) права на *иджтихад* [14, 17]. Апологеты Возрожденчества отстаивали идею теократии, опираясь на опыт *ханбализма* и *ваххабизма*.

Основатель ханбализма, создавший правоведческую систему взглядов – «Мазхабу», Ханбала (1263–1328), категорически отвергал и пресекал любые попытки *иджтихада*, проявлял нетерпимость к другим решениям и призывал следовать ценностям Корана и Сунны. Оживление и актуализация идей ханбализма произошло в XVIII в. Религиозная доктрина неждского богослова Мухаммада ибн Абу аль-Ваххаба (1703–1787), основателя и теоретика ваххабитского движения, призывавшего к возврату к истинной вере, основанной на авторитете Корана и Сунны, базировалась на ханбализме [Губер, Ким, Хейфец, 1982, с. 201].

Реформация вела к пробуждению самосознания покоренных исламских народов, инициировала подъем национально-освободительного движения, ставила вопрос о месте и роли индивида в космосе.

Модернистское течение Реформации стало предтечей и основой идеологии государственного национализма, а Возрожденчество оживило в сознании верующих концепцию теократии, религиозного фундаментализма. Реформация XIX в. стала основой для формирования двух основных типов легитимизации политических лидеров на Востоке в XX в. после достижения независимости. По сути, исламские модернисты выступали за секуляризацию государства, пытались, по словам З.И. Левина, «аргументировать возможность совмещения всего комплекса мировоззренческих и социальных установок ислама с требованиями нового времени...» [Левин, 1993, с. 92], стремились к созданию

национального государства. Национализм, как известно, рассматривает нацию, как высшую ступень социально-исторической организации. Такой подход неизбежно отводил религии (исламу) роль второго плана.

Сторонники Возрожденчества утверждали, что в самой природе ислама заложена концепция государственности на основе религии (ислама). Исламское государство создавалось на базе общности религиозной. Они резко негативно оценивали национализм, именно в связи с его «антирелигиозностью» и сравнивали с *ассабийя* – солидарностью микроколлективов, лояльных своему племени. Противники национализма утверждали, что как *ассабийя* приводила к межплеменным конфликтам, так и национализм, защищая прежде всего интересы нации, дезинтегрирует исламский мир, приводя к центробежным явлениям и войнам [14, 89]. Следует отметить, что несмотря на столь резкие противоречия между национализмом и фундаментализмом, они как явления социально-политического плана пребывают в дихотомии.

Как национализм прикрывается зачастую исламскими лозунгами, так и фундаменталисты нередко консолидировали этнические конгломераты, формируя нацию посредством исламских догматов.

Противоборство религии и национализма присуще всем мусульманским странам. При отсутствии видимых противоречий этнического и религиозного аспектов у арабов, поскольку ислам рожден из недр арабизма, тем не менее 2-я половина XX в. демонстрирует жесткую политическую конкуренцию, борьбу между этими доктринами и типами легитимизации политического лидерства в арабском мире.

Обозначив приоритет национальных интересов Египта в процессе урегулирования ближневосточного конфликта, выдвинув лозунг «Египет – превыше всего», «Мы – египтяне, мы – нация», Анвар Садат – президент страны стал жертвой исламской организации «Братья – мусульмане», пытавшихся повернуть политический корабль Египта в фарватер исламизма.

Подъем национально-освободительного движения во 2-й половине XIX – начале XX в. на Востоке обострил противоречия между концепциями консолидации и интеграции, между национальной и религиозной идеей – произошел окончательный разрыв между национализмом и панисламизмом. Д. аль-Афгани и М. Икбал выступали за общерелигиозное единство, оценивая национализм как угрозу раскола уже сложившегося единства.

Основоположником идеологии панисламизма являлся Сайид Джамаллудин Афгани (1839–1897). Концентром его взглядов стало зна-

менитое письмо к османскому халифу Абдул Хамиду II. Н. Кедди охарактеризовала это послание «как легитимную смесь мессианства, религии и прагматической политики» [Keddie, 1972, p. 140]. Афгани выдвигал глобальный план мобилизации мусульман, населяющих территории Британской Индии, Афганистана, Белуджистана, Бухарского и Кокандского ханств; а также регионов Кашкадарьи (Шахри сабз); Кашгара и Яркенда (Синьцзян) с целью джихада против агрессоров (Великобритании и Российской империи) и создание на этих землях «Исламского союза и союза мусульманской общины» [Сикоев, 2007, с. 6].

Концепцию исламского государства предложил в конце XIX в. крупный мусульманский деятель, фундаменталист М. Маудуди. Он заявлял: «Как по духу, так и по цели ислам и национализм прямо противоположны друг другу... Конечная цель ислама – мировое государство, в котором будут разорваны цепи расовых и национальных предрассудков, и все человечество войдет в единую культурную и политическую систему» [*Religion, Politics...*, 1971, p. 114]. Его подходы заложили основы коммунизма – идеологии и политической деятельности, исходящей из стремления отдельных социальных сил поставить интересы какой-либо религиозной общины над интересами других религиозных общностей, проживающих в данной стране [*Религия и общественная...*, 1983, с. 64]. Признаки коммунизма в отождествлении религиозной общности с национальной, противопоставлении интересов титульной религиозной общности другим конфессиям. Коммунизм отрицает возможность бесконтрольного сосуществования конфессий в рамках одного государства [Микаелян, 1990].

М. Маудуди определил правовой статус немусульман в исламском государстве. Они имели право на отправление культа, могли находиться на государственной службе. Им запрещалось распространять свои религиозные убеждения и претендовать на реальную власть [Adams, 1966, p. 375].

Обосновывая концепцию национального единства в 20-е гг. XX в., Кемаль Ататюрк, в свою очередь, с позиций национализма, решительно отвергал идею мирового исламского государства в виде халифата, охватывающего весь мусульманский мир [Васильев, 1998, с. 147–148].

В дискуссии между национальным и религиозным объединением большой прагматизм, создающий устойчивые политические модели, присущ национализму. Политические лидеры, сделавшие ставку на национальную интеграцию, добились на протяжении XX в. значительных успехов.

В религиозном принципе интеграции заложены внутренние противоречия, нарушающие мо-

политичность консолидации. Ислам распадается на два крупных течения: сунниты и шииты. Основные направления обросли многочисленными *мазхабами* (ответвлениями). Так исламский национализм был положен в основу создания государства в Пакистане. Однако это не привело к консолидации этносов. Произошел распад Пакистана, из состава которого выделилось новое государственное образование – Бангладеш. Этнические факторы вступили в противоречие с конфессиональными. Представления о религии как основном инструменте интеграции были дискредитированы.

Начавшееся в конце XIX – начале XX в. движение за социально-политическое и культурное обновление, помимо реформаторства, было представлено просветительством, которое через короткий период времени объединилось с модернистским течением Реформации, поскольку не могло решить основные задачи, стоящие перед восточным социумом – национальной консолидации и национального освобождения.

Просветительство в исламском мире было западноориентированным, испытывало влияние идей Руссо, Вольтера, Монтескье.

Мусульманские просветители выдвигали концепцию, заключающуюся в том, что основополагающим политическим принципом ислама является демократия. Ф. Марраш (1836–1883) впервые апеллировал к новому социально-политическому идеалу, критикуя деспотию и призывая к установлению просвещенной монархии [Марраш, 1974, с. 129] Аль-Кавакиби (1849–1902) в «Природе деспотизма и гибельности порабощения» изложил взгляды о народном правлении. Он критиковал деспотов и отстаивал демократические принципы ислама, отмечая, что «мусульманство основано на принципах демократического управления, то есть всенародности и совещательной аристократии, то есть совета нотаблей» [Аль-Кавакиби, 1965, с. 18]. Его политические симпатии сводятся к особому, специфическому виду демократии, отличной от западной, «стоящую между демократией и аристократией» [2, с. 17]. Направленность национально-освободительных движений против угнетения формировало вектор борьбы против деспотических режимов. Это привело к идеализации республиканской формы правления. М. Икбал отмечал, что она «не просто полностью соответствует духу ислама. Она стала необходимостью, в связи с высвобождением в исламском мире новых сил» [Iqbal, 1962, p. 157]. Актуализация республиканского правления привела к созданию реформаторами-просветителями концепции народовластия, заложенного в природу ислама. Она воплощена в выборности главы *уммы*. Парламент, по их мнению, известен исламу задолго до его появления на Западе, поскольку ислам «издавна внедрял в жизнь

социальные... виды демократии» [Choudhury, 1959, p. 75]. Под парламентом понимался совещательный орган при халифе. Однако он не был выборным.

Мусульманские просветители не могли не понимать специфику Востока, исламского мира, доминирование авторитаризма в политических системах. Видимо их политическим идеалом являлась специфическая исламская демократия, основанная на приоритете сильной власти президента, опирающегося на парламент. Маятник политических симпатий некоторых просветителей – реформаторов в итоге качнулся в сторону авторитарно-тоталитарных форм лидерства. Мухаммад Абдо, апеллируя сначала к республике, позднее трансформировал свои взгляды: «Только справедливый диктатор может привести Восток к развитию... Пятнадцать лет такого правления позволят мусульманам осуществить подготовительные шаги в сторону представительного правления» [Kerr, 1966, p. 135–136].

Дискуссия о путях развития и историческом выборе исламского мира между национальной или религиозной идеей создания общности, зародившаяся в XIX в. остается актуальной и поныне. Многообразие трактовок ислама активно используется различными политическими силами во имя артикуляции собственных интересов (например, о собственности, о порядке решения государственных дел). Возможность многосмысловых трактовок порождает Коран, положения которого весьма противоречивы. Исламские богословы насчитывают в Коране около 200 противоречивых положений [Чиркин, 1984, с. 43]. С исламской традицией связаны многие государственные институты стран исламского мира: пост руководителя государства, который в иерархической лестнице стоит над постом президента, вопрос о преемственности этого поста, контроль духовных лиц над политическим процессом, порядок обращения рядовых верующих с просьбами и жалобами напрямую к высшему должностному лицу.

2-я половина XX в. сформировала демонстрационный эффект прихода к власти представителей политических движений ислама, как мирным, так и силовым путем. На фоне рутинизации авторитетов национализма и сформировавшегося в обществе неприятия крайних фундаментальных проявлений ислама рождаются в последние десятилетия XX – начале XXI в. своеобразные симбиозные течения политического ислама с новой идеологией, пытающиеся синтезировать доктрину национализма с концепцией исламской демократии. В этой связи происходит пересмотр представлений об исламской умме как общине единоверцев вне зависимости от их национальной принадлежности. В выступлениях лидеров палестинского «Хамас», ливанской «Хезболлы»,

иракского сопротивления значительно сокращен объем исламской риторики, опирающейся на традиционные догматы. Сохраняя верность и приверженность исламским канонам, оставаясь в русле исламского движения, они выступают в защиту идей социальной справедливости и равенства, которые формируются как на секулярных, так и религиозных основах [Ахмедов, 2008, с. 91–92].

Результатом синтеза и взаимовлияния секулярных и конфессиональных концепций в исламском мире стало формирование в конце XX – начале XXI в. идеологических течений «исламонационалистов» и «националисламистов». Будущее, по-видимому, в том, как отмечает В.М. Ахмедов, «насколько успешными окажутся попытки совместить аутентичный проект развития государства с элементами западной системы ценностей и мусульманский модернизм с традиционными исламскими представлениями и идеями» [3, с. 94–95].

В концепциях «националисламистов» акцент, соответственно, делается на светский элемент, а исламу отводится роль социокультурного, интегрирующего фактора. Проводится жесткое зонирование ареалов компетенции уммы и нации.

В соответствии с подходами «исламонационалистов» ислам выступает как основа самоидентификации. В теоретическом плане конечная цель – мировая мусульманская община, в практическом – приоритет национальных интересов [3, с. 90–96].

Скорее всего, комбинированные формы идеологии явятся катализатором социально-политического и экономического развития, поскольку и госнационализм и исламский фундаментализм все более становятся реликтами ушедшего XX в. Их исторические миссии можно считать выполненными. Исламский фундаментализм от ваххабитов XVIII в. до наших дней базируется на концепции теократии, согласно которой государство распространяет свою власть на все сферы жизни общества и индивида. Осуществляет тотальный контроль всего образа жизни, всех отношений в социуме: политических, экономических и культурных. Суверенитет в исламском государстве принадлежит Богу, что означает управление на основе шариата. Фундаменталисты утверждали, что они выступают за свободные выборы не ради становления демократии или индивидуальных свобод, а во имя утверждения ислама. Когда теоретики фундаментализма поднимали проблему демократии, речь вовсе не шла о ее совместимости с исламом, а о том, что концепция западной демократии трудно сочетается с исламским правлением, основой которого является шариат – закон ислама, данный Аллахом [см. подробно: Сапронова, 2008; Ахмедов, 2008].

В этой связи рождается политический парадокс-закономерность, заключающийся во взаимобратном эффекте демократизации: чем шире демократические права и свободы в ряде исламских стран, чем свободнее и конкурентнее выборный процесс, тем выше вероятность прихода к власти исламистов. Свободные демократические выборы могут привести к победе исламистов, поскольку их риторика близка населению мусульманского мира. Вопрос в том, насколько предвыборные лозунги соответствуют истинным намерениям фундаменталистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
2. Аль-Кавакби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибель порабощения. М., 1965.
3. Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М., 2008.
4. Васильев Л.С. История Востока. М., 1998.
5. Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М., 1938.
6. Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1982.
7. Дорошенко Е.А. Шиитская традиция и революция 1978–1979 гг. в Иране // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
8. Левин З.И. Арабские вольнодумцы XX столетия // Религия и секуляризм. М., 1993.
9. Марраш Ф.Ф. «Чаша права» // Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.
10. Микаелян Н.Р. Мусульманский коммунизм как фактор формирования политического сознания в Пакистане (70 – конец 80-х гг.) // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
11. Мюллер А. История ислама от основания до новейших времен. Т. 1. СПб., 1895.
12. Религия и секуляризация на Востоке / ред. Полонская Л.Р. М., 1993.
13. Сикоев Р.Р. Афгани Дж. Письмо к османскому халифу // Ближний Восток и современность. № 32. М., 2007.
14. Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.
15. Чиркин В.Е. Традиционное мусульманское сознание и право // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984.
16. Adams Charles J. The Ideology of Maulana Maududi // South Asian Politics & Religion. Princeton, 1966.
17. Choudhury G.W. Constitutional Development in Pakistan. L., 1959.
18. Iqbal M. The Reconstruction of Religious Thought in Islam. Lahore, 1962.
19. Keddie N., Sayyid Jamal ad-Afghani. A Political Biography. L-A, 1972.
20. Kerr M.H. Islamic Reform. The Political and Legal Theories of Muhammad Abduh and Rashid Rida. Berkeley–L-A, 1966.
21. Religion, Politics and Social Changes in the Third World. N.Y.–L., 1971, p.114.

S. Voronin

ISLAM AS A MEANS OF ARTICULATION OF INTERESTS. RELIGIOUS FUNDAMENTALISM AS A KIND OF LEGITIMIZATION OF POLITICAL LEADERSHIP

Abstract: Made into a multilevel political-religious system, Islam has become not only a religion but a life style with its mentality of society, the style of thinking. Even initially, at an early stage of formation, politics and religion were inseparable in Islam. Politicization of Islam in history and today is closely linked to its accumulative abilities.

Discussion on the ways of development and the historical choice of the Islamic world between the national and religious idea of the creation of community, born in the 19-th century, remains valid today. Varieties of interpretations of Islam are actively used

by various political forces in the name of the articulation of their own interests.

The 2 nd half of the 20-th century formed the demonstrational effect of the coming to power of the political movements of Islam as peaceful, and by force. Against the background of rutinization of the nationalism authority and the emerged social rejection of the extreme fundamental manifestations of Islam a kind of symbiotic currents of political Islam with a new ideology are born in the last decades of the 20th century and the beginning of the 21st century, attempting to synthesize the doctrine of nationalism with the concept of Islamic democracy.

Key words: Islam, articulation, religious fundamentalism, leadership, jihad.

УДК 330.59

Пирогова Л.И.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социального управления в условиях информационной цивилизации. Показано, что в информационном обществе в социальном управлении действуют как традиционные принципы, сформированные в период индустриализма, так и принципы, обусловленные новыми социотехническими и социокультурными процессами, связанными с информатизацией всех сфер общественной жизни.

Ключевые слова: управление, социальное управление, информация, информатизация, информационное общество, универсальные модели управления.

Изменение роли управления в современном (информационном) обществе во многом связано с тем, что оно все больше и больше опирается на знания. Подчеркивая это, известный американский футуролог Э.Тоффлер отмечал, что в условиях информационной цивилизации «... нас ждет глобальная битва за власть, но основой ее является не насилие, не деньги, а знание... Самую высококачественную власть дает применение знаний»[1]. Утверждая, что прежняя система власти на всех уровнях человеческого общества разваливается, Тоффлер связывает это с крушением *старого стиля управления* и распространением новой экономики, основанной на информации и знании, что, в общем итоге, знаменует собой глобальный пере-

ход социума в новую стадию цивилизационного развития. «...Развитая экономика не продержалась бы и 30 секунд без компьютеров, новых сложных производств, интеграции множества разнообразных (и постоянно меняющихся) технологий, без демассификации рынков, которая продолжает идти семимильными шагами, без того количества и качества информации, которые необходимы, чтобы система производила материальные ценности... Это – ключ к пониманию грядущих метаморфоз власти, и это объясняет, почему битва за контроль над знаниями и средствами коммуникации разгорается на всем мировом пространстве» [2].

Управление «вообще», то есть применительно к любым системам, есть обобщенное целенаправленное воздействие на объект (систему), осуществляемое разнообразными способами – путем трансформации связей, введением новых элементов, коррекцией алгоритмов, варьированием параметров и т.д., которые обеспечивают данному объекту (системе) придание новых свойств или состояний. Процессы управления присущи не всем целостным системам, не всем материальным образованиям. Как отмечал в свое время академик А.И.Берг, имеется три основные области, сферы управления:

а) управление системами машин, техническими процессами и вообще процессами, имеющими место при целенаправленном воздействии человека на природу;

б) управление деятельностью человеческих

* © Пирогова Л.И.

коллективов, решающих ту или иную задачу;

в) управление процессами, происходящими в живых организмах [3].

В кибернетике любая система рассматривается как относительно замкнутая часть какой-либо среды. Внешняя среда увязана с данной системой входами, посредством которых она оказывает влияние на состояние системы, и выходами, путем которых система, в свою очередь, оказывает влияние на внешнюю среду. К примеру, в политической системе, как одной из наиболее сложных управленческих систем, входы (импульсы) преобразуются в реакции (выходы) в виде продуктов деятельности системы – различных видах регуляции поведения граждан и субъектов политики.

Управление сложными динамическими системами, поддержание динамического равновесия усложняется тем обстоятельством, что функционирование этого рода систем осуществляется в условиях непрерывных изменений внутренней и внешней среды. Отсюда *задача управления* состоит в том, чтобы возможно целесообразнее отвечать на эти изменения, что обеспечивается своевременной и эффективной перестройкой структуры системы соответственно изменившимся условиям. Иными словами, процесс управления есть не что иное, как *упорядочение системы*. При этом, поскольку одной из задач управления является сохранение качественной определенности системы посредством перевода ее из одного состояния в другое, упорядочивающее воздействие выступает как приведение системы в соответствие с присутствующими ей объективными закономерностями и тенденциями, характеризующими эту качественную определенность.

Как отмечал еще в период становления кибернетики как науки В.Г.Афанасьев, управление *социальной системой*, противодействие влияющим на нее факторам, силам дезорганизации, осуществляется внутренне присущими самой системе органами, факторами, механизмами. Процессы управления есть свойство, атрибут, имманентно присущий самоуправляемой системе [5]. Социальное управление, поэтому выступает как *самоуправление*. Сохранить свою качественную определенность и целостность самоуправляемая социальная система может в условиях лишь ограниченных воздействий, как изнутри, так и извне. Эти воздействия должны быть не столь сильными, поскольку в противном случае они могут разрушить систему, но в то же время и достаточными, чтобы процесс управления мог беспрепятственно осуществляться. Такой достаточной формой воздействия являются *информация и знания*, под которыми обычно понимаются научные сведения об окружающем мире, о внутреннем состоянии системы и внешних условиях, которые управляющая

система использует в осуществлении управленческих процессов.

Заслуга и исключительная значимость кибернетики в понимании процессов социального управления для развития их методологических основ в условиях информационного общества состоит в том, что она показала огромное значение информации в управлении, *неразрывное единство процессов управления и информации*. Как отмечал А.И.Берг, для нормального функционирования самоуправляемой системы необходимо:

а) собрать информацию о состоянии системы и окружающей ее среды;

б) передать эту информацию по каналам связи в место ее переработки;

в) осуществить переработку этой информации с целью выработки команд управления;

г) реализовать команды управления, то есть передать исполнительным органам информацию, содержащую команды;

д) осуществить соответствующие действия и контроль [5].

В универсальности этих требований нетрудно убедиться, если их трансформировать к социальным системам – они как нельзя лучше характеризуют весь процесс оптимального социального управления посредством информации, особенно в условиях становления информационного общества.

Объективный характер перечисленных требований позволяет сделать еще один важный вывод: несмотря на различную природу, течение информационных процессов имеет *количественный аспект*, поддается количественной оценке, которая весьма необходима для оптимизации информационных процессов, для повышения пропускной способности и помехоустойчивости каналов прохождения информации. Отвлекаясь от содержания информации, ее смысла, ее ценности и значения для получателя, можно перейти к ее статистической интерпретации. В этом, кстати, и сила, и слабость кибернетики. Сила потому, что только установление количества, меры информации позволяет организовать оптимальное хранение, преобразование и передачу информации. Слабость – потому, что организация процессов социального управления требует, кроме количества, знать и объективную ценность, смысл и значение информации, что особенно необходимо для управления сложнейшими социальными системами, связанными с сознательным поведением людей.

Управление невозможно без информации. Но что есть сама информация? В официальной науке конца 70-х – начала 80-х гг. как общенаучное понятие информация включала в себя обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом, обмен сигналами в живот-

ном и растительном мире, передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму [6]. Однако, не все были согласны с такой трактовкой. Кто-то, наоборот, полагал, что термин «информация» применим только в социальном мире: лишь та система способна принимать информацию, которая может отличать свое состояние до и после ее получения, и, следовательно, информация – это свойство не всякой материи, а лишь ее особой, высокоорганизованной формы, прежде всего, человека и представителей животного мира [7].

В то же время значительное число ученых считало, что информация является свойством всего сущего, то есть всех материальных объектов, а не только разумных существ. Они рассматривали ее не только как сообщение, переданное от одного человека к другому, и не только как совокупность сигналов, которыми обмениваются различные существа в животном мире. С их точки зрения, информация вообще выступает как определенная сторона взаимодействия вещей в мире, оставляющая свой след – воздействие одной системы на другую [8].

В конце 80-х – начале 90-х годов в вопросе о сущности и содержании информации (как это ни парадоксально), продолжал доминировать технократический подход. Разброс мнений был достаточно широк: от абстрактного определения информации как некоей физической сущности до ее субстанционального значения как первоосновы всей Вселенной [9].

Мы не ставим своей целью ответить на вопрос, какие из этих точек зрения наиболее верны, чтобы поставить «свою – последнюю точку» в этой научной дискуссии. Всякий ученый может ошибаться. Но наиболее ценно в этих рассуждениях то, что ошибки становятся тем плодородным словом, который стимулирует рост и развитие знания в дальнейшем, поскольку всякий новый шаг раздвигает границы непознанного. Для нас же в данном случае принципиально важным является то, что в социальном смысле информация (сведения, знания) есть необходимое условие человеческого бытия, приобретающее для социального управления в условиях информационного общества доминантное значение.

Авторская точка зрения такова, что под социальной информацией понимаются не просто сведения и знания, передаваемые от одного социального объекта к другому, а именно *новые сведения и новые знания*. Известное не несет приращения (т.е. не несет информации). Если от одного социального объекта другому передаются данные, которые не носят характер новизны, они являются собой не информацию, а процесс нулевого информационного обмена. *Только элемент новизны превращает сведения, знания в информацию.*

Использование понятия информации позволяет существенным образом конкретизировать представления о социальном управлении в информационном обществе.

Социальное управление разнообразно и имеет дело с объектами самой различной природы, непосредственно влияющими на его формы. Так, спектр воздействия на финансовую систему определяется налогами и отчислениями, таможенными правилами, механизмом лицензирования, принципами обращения с банками. Функционирование системы образования зависит от перечня специальностей, образовательных стандартов, совокупности учебных планов и программ обучения, характера взаимодействий выпускников с работодателями. В политических и государственных системах управление напрямую связано с изменением структуры организации, правовыми нормами, возможностью варьирования потоками информации, наконец, личностными характеристиками руководителей [10]. Иными словами, чем сложнее система, чем шире состав выполняемых ею функций, тем более разнообразные формы может принимать управление.

Особую роль в управленческом процессе играют ценности, которые формирует, принимает и исповедует та или иная социальная организация и которые напрямую связаны со знаниями и информационной культурой. Они оказываются зачастую решающими при выработке решения как главного акта управления. Ценности объясняют, почему в схожих условиях и ситуациях разными социальными организациями предпринимаются разные социальные действия. Ценности во многом определяют и выбор в оппозиции «сохранение идентичности – адаптация». Для практики исключительно важным является то, что обучение является одним из главных факторов смены ценностей социальной организации, а потому и ее социального развития.

Еще одной существенной стороной процессов социального управления является наличие *обратных связей*. Принцип обратной связи – один из самых важных принципов социального управления. Согласно этому принципу, успешное управление может осуществляться только в том случае, если управляющая система будет получать информацию об эффекте, достигнутом тем или иным действием объекта управления, о достижении (или не достижении) цели. Несоответствие фактического состояния социальной системы заданному и является тем корректирующим сигналом, который вызывает ее перестройку с тем, чтобы она функционировала в заданном направлении. Обратные социальные связи являются собой сложную систему причинной зависимости, которая характеризуется тем, что результат предыдущего

действия влияет на последующее течение процесса. Без наличия этих связей процесс социального управления невозможен.

Принцип обратной связи находится в единстве с другой важной особенностью социального управления – его *целенаправленностью*. Строго говоря, ставить цели и добиваться их реализации способен только человек, социальный коллектив, общество. Использование социальной информации связано с высшим типом целесообразности – осознанной целесообразности, присущей только человеку – мыслящему, целенаправленно, осознанно действующему субъекту. Первоисточником социальной информации является само общество, различные сферы и стороны общественной жизни. Однако это не означает, что субъект социального управления получает непосредственно от общества всю социальную информацию, которую он использует. Часть ее – результат собственного опыта, собственного непосредственного общения с людьми, социальными коллективами, соприкосновения с различными сторонами общественной жизни. Другую часть, гораздо большую по объему и содержанию, он получает через систему обучения, воспитания, массовых средств информации и коммуникации. В целом, информация, используемая в социальном управлении, представляет собой сложную совокупность, взаимодействие различных информационных потоков [11].

Во всех случаях изучения социального управления, связанного с движением информации, с обратными связями, неопределенностью, целеобразованием, решениями и т.п., исходят из некоторых универсальных моделей, которые хотя и могут быть модифицированы применительно к некоторому классу систем и типу задач, но, тем не менее, формулируются как общие принципы для исследования любой системы социального управления безотносительно к ее типу и уровню организации. Формирование и анализ подобных обобщенных подходов и приемов в исследовании управления составляет одну из ведущих задач исследования феномена социального управления – в ней на передний план выдвигается создание и изучение обобщенных моделей социального управления, разработка методологических и концептуальных средств их анализа. С другой стороны, появление новой методологии требует переосмысления, «перевода» всей совокупности сложившегося знания в категории и представления этой новой методологии, обновления знаний именно в этом направлении и, по существу, создания новой системы знаний в категориях, понятиях и языке новой методологии.

Методологические и даже понятийные различия и разногласия при определении и описании социального управления в условиях инфор-

мационного общества не только существенно важны, но зачастую они определяют *политику, стратегию и меры* по его совершенствованию. Как справедливо отмечает Д.Нелкин, «... выбор понятий, размышления над характером ценностей также является стратегически важным моментом, ибо языковые средства предопределяют, как будет сформулирована будущая политика. Например, если проблемы риска сформулированы в терминах, выражающих недостатки технического свойства, это означает, что такая «оценка риска», подразумевающая, в том числе, объективность и нейтральность, является надлежащим подходом к принятию решений, а принятие решений есть прерогатива экспертов. Если проблемы определены в контексте социальной и моральной ответственности или справедливости, то это требует, скорее, политического подхода к общественной стратегии. Таким образом, выбор языковых средств определяет политическую проблематику» [12].

Наконец, новая парадигма социального управления требует изменения системы знаний в области управления, формирования особого способа мышления, который может быть назван организационно-управленческим, а также междисциплинарного подхода, активного использования всех форм знаний, теоретических и рецептурных, предпосылочных и неявных [13]. И, конечно, необходим отказ от сведения социального управления лишь к совокупности технологий, то есть необходимо понимание его как социокультурного феномена, как способа деятельности, становящегося неотъемлемой компонентой бытия как субъекта, так и объекта управления.

В условиях информационного общества принципиально важным оказывается то, что понятия, методы, критерии оценки качества и эффективности в процессе формирования новой парадигмы социального управления, на роль которой сегодня претендует менеджмент, должны осмысливаться в новой «сетке координат», в новой системе управленческих знаний. Однако при этом возникает принципиальная трудность. С одной стороны, ясно, что условия рынка, иные новые социально-экономические и политические реалии требуют новых подходов в управлении, новых идей и методов. С другой стороны, *сведение всей системы управления к менеджменту, замена всей теории управления менеджментом* не могут быть признаны обоснованными. Менеджмент означает «управление производственно-коммерческой деятельностью» (П.Дракер), к которой отнюдь не сводится вся человеческая деятельность, не говоря уже о живой природе и технических системах, в которых также имеет место феномен управления. «Менеджмент, как и любая культура управления, есть порождение определенного типа систем. В

менеджменте воплощен способ существования этих систем. Превращая управление в менеджмент, мы заимствуем не только термины, приемы и технологии, мы фактически «прививаем» одной системе способ функционирования другой системы, что может привести к перерождению первой» [14].

Еще в 80-90-е гг. XX века даже в серьезных работах по менеджменту зачастую проводилась мысль о том, что его теория мало что может дать практике, что менеджмент – это «исполнительское искусство», а потому в нем необходим «отказ от знаний». Сами рассуждения о менеджменте как науке называли «нелепостью», а ситуацию, сложившуюся в нем, «настоящими джунглями». Такие суждения приводили к недооценке и даже игнорированию рациональных подходов, основанных на знаниях в их различной форме, к утверждениям о том, что теория менеджмента не только не существует, но она принципиально невозможна, поскольку теория вообще включает в себя некоторые универсальные или обобщенные принципы и установки, отсутствующие в менеджменте. Надо заметить, что и сегодня если возможность существования такой теории не отрицается, то отношение к ней достаточно сдержанное.

Тем не менее, скептицизм в отношении универсальных решений не означает отсутствия моментов общности и универсальности в управленческой деятельности, в процессе принятия решений, а потому и определенной нормативности, что и фиксируется в корпусе знаний, теоретических установок и положений, которые в своем единстве и составляют теорию менеджмента. Кроме того, менеджмент как один из элементов культуры социального управления, использует целый ряд универсальных принципов и идей, выработанных не только в других науках, но и в различных видах управления. Конечно, поскольку социальное управление – сложнейший нелинейный процесс и в то же время процесс творческий, включающий в себя субъекта в качестве основного «элемента», то его (управление) невозможно полностью формализовать, а потому и автоматизировать, особенно в случае определения и корректировки целей, при формулировке задач, выработке стратегии и принятии решений. Но это относится к любым видам человеческой деятельности.

В условиях достаточно стабильных и предсказуемых от социального управления требуется наиболее эффективно «встроить» ту или иную социальную подсистему системы в определенную среду и обеспечить ей устойчивое функционирование. В ситуациях роста хаотичности, глобальной конкуренции и нестабильности среды, неопределенности и риска, характерных для информационной стадии развития социума социальное

управление по типу «стимул-реакция» уже себя не оправдывает. В этих условиях необходимо, чтобы темпы роста знаний системы об окружающем мире были не ниже происходящих в нем изменений. Но обеспечить решение этой задачи традиционными методами, когда система в основном приспосабливается к окружению и изменениям в нем и в зависимости от этого планирует свое развитие, практически невозможно.

Все это приводит к выводу о том, что в условиях информационного общества в социальном управлении существуют и продолжают функционировать как традиционные принципы, сформированные в условиях индустриальной стадии развития человеческой цивилизации, так и принципы, обусловленные новыми социотехническими и социокультурными процессами и явлениями, связанными с информатизацией всех сфер общественной жизни современного социума. Методологической основой их изучения и практического использования была и остается философия управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти /Пер. с англ. – М.: АСТ, 2001. – С.36.
2. Там же. – С.39.
3. Берг А.И. Кибернетика, мышление, жизнь. – М.: Мысль, 1964. – С.21-22.
4. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. - М.: Политиздат, 1973. – С.27.
5. Берг А.И. Философские вопросы кибернетики. – М.: Соцгиз, 1961. – С.157.
6. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - С.489.
7. Информатика и научно-технический прогресс. - М.: Наука, 1990. - С.54.
8. Суханов А.П. Информация и прогресс. - М.: Мысль, 1989. - С.38.
9. Юзвизин И.И. Информациология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной. - М.: Радио и связь, 1996. - С.13.
10. Виноградова Т.И. «Хорошее политическое управление» (good governance): к вопросу о роли центров публичной политики //Публичная политика – 2004: Сборник статей /Под ред. А.Ю.Сунгурова. – СПб.: Норма, 2004. – С.8-19.
11. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. – С.249.
12. The Language of Risk /Ed. by D.Nelkin. – Beverly Hills, 1985. – P.21.
13. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: Россия, 1997. – С.128.
14. Дункан Дж.У. Основопологающие идеи в менеджменте. Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики. – М.: Дело, 1996. – С.209.

L. Pirogova
SOCIAL MANAGEMENT IN THE INFORMATION
SOCIETY

Abstract: In article problems of social management in the conditions of an information civilisation are considered. It is shown that in an information society in social management operate as the traditional principles generated during the period industrialism, and the principles caused new social-technical and so-

cial-cultural by processes, connected with information of all spheres of a public life.

Key words: management, social management, the information, information, an information society, universal models of management.

УДК 316.46.058

Чуркин М.Г.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Аннотация. Статья затрагивает проблему разработки перспективных научных подходов к исследованию феномена политического лидерства в политических режимах в условиях постсоветских трансформаций.

Ключевые слова: политический дискурс, политическое лидерство, политический режим, политический анализ, политическая коммуникация.

В анализе политического процесса исследование политического дискурса¹ как направления лингвистического анализа приобретает актуальность и политологическое обоснование, если он используется как эффективное средство достижения политических целей и обеспечения политического доминирования политических лидеров и элит (далее – *властных политических субъектов*). В этой связи, методы *политической лингвистики* помогают определить способы, средства, механизмы достижения политической власти. При этом, особое внимание уделяется: **во-первых**, полифакторному изучению властных политических субъектов, осуществляющих комплексный процесс политической коммуникации (и их комплексную характеристику); **во-вторых**, совокупности путей и ресурсного потенциала для эффективного осуществления (артикуляции) процесса политической коммуникации; **в-третьих**, конкретным результатам процесса политической коммуникации, которые (в зависимости от уровня политического процесса) предполагают наличие обратной связи со стороны целевой аудитории, для которой предназначен тот или иной политический дискурс.

Ввиду отсутствия единого мнения о сущности модернизационных процессов на постсоветском пространстве, данная ситуация формирует

серьезную проблемную ситуацию в политической науке. Она свидетельствует о том, что анализ политического процесса не всегда отвечает критериям: *актуальности* (в исследовании сущностных характеристик политического процесса в отрыве от условий и факторов политической среды и субъектов, осуществляющих данный процесс); *объективности* (политологических суждений, экспертных оценок, выводов специалистов, исследующих политический процесс, затрагивая лишь отдельные его стороны); *научной обоснованности* (методов, способов, путей политологического анализа, представляющих собой математические формулы, условные и детерминированные модели, искажающие политическую реальность); *практической значимости* (отражающейся в проведении политологических псевдоисследований с целью выполнения определенного политического заказа заинтересованных лиц, групп, организаций, преследующих прагматичные политические цели).

Данная проблемная ситуация свойственна политологическим исследованиям политического лидерства на постсоветском пространстве, которое должно изучаться в совокупности проблемных сторон трансформационных процессов, с одной стороны, и политических режимов, с другой. Институты политического лидерства и элиты детерминируют комплексные постсоветские трансформации в качестве субъектов политического процесса, которые ведут политическую борьбу за власть посредством *политической коммуникации*. Таким образом, особый интерес представляет анализ методов, способов, средств обеспечения эффективного доминирования властного политического субъекта², комплексно реализующего свой потенциал в *процессе политической коммуникации*. Данный процесс качественно описывает: **1)** властных поли-

* © Чуркин М.Г.

тических субъектов, детерминирующих политический процесс, их социально-политические, индивидуально-психологические, ценностно-культурные и др. характеристики; **2)** особенности политических отношений и взаимодействий участников (субъектов и акторов) политического процесса посредством определенных *моделей политической коммуникации*, которые формируются в комплексном процессе борьбы за власть; **3)** политический режим, создаваемый полифакторными особенностями среды, в которой осуществляется политическая борьба за власть, а также совокупностью методов, способов, средств и ресурсного потенциала обеспечения политической власти субъектов в континууме политического процесса.

В условиях модернизационной специфики в странах бывшего СССР, исследование процессов политических и социально-экономических трансформаций с точки зрения субъектов политической власти, их осуществляющих, является актуальным³ и приоритетным. В политическом процессе, именно властные политические субъекты – институты политического лидерства и элиты – формируют политическую повестку дня, артикулируют и реализуют политические шаги, программы, курсы, стратегии с помощью политических дискурсов и политических действий, характеризующих специфические *модели политической коммуникации*. В этой связи, целесообразным представляется проведение *дискурсивного анализа процесса политической коммуникации*, осуществляемого властными политическими субъектами. *Объективность* данного аналитического подхода будет состоять в целостном (дискурсивно-коммуникативном) анализе политического процесса, исходя из комплексного описания *моделей политической коммуникации*, которые описывают сущностные особенности взаимодействия политического лидерства, элит и последователей в условиях неоднородной среды постсоветских трансформаций.

Научная обоснованность дискурсивного (или дискурсивно-коммуникативного) анализа процесса политической коммуникации должна комплексно учитывать сущностные характеристики властных политических субъектов, реализующих свой потенциал в зависимости от: **а)** уровня политического процесса (наднационального, национального или внутринационального) и **б)** условий непосредственной реализации различных *дискурсивно-коммуникативных моделей* (в данном случае – в трансформационных процессах в странах пост-СССР). Таким образом, *практическая значимость* данного аналитического подхода будет заключаться: *во-первых*, в заполнении теоретико-методологического пробела относительно объективности анализа властных политических субъектов; *во-вторых*, практическом осмыслении

политической роли, статуса, значения институтов политического лидерства и элиты в реализации постсоветских модернизационных процессов; *в-третьих*, выявлении содержательных сторон моделей политического лидерства в постсоветских политических режимах; *в-четвертых*, в выработке практических рекомендаций формирования эффективной модели политического лидерства, которая позволит скорректировать, оптимизировать и ускорить процессы политических и социально-экономических трансформаций в пост-СССР и интегрировать постсоветское пространство.

Дискурсивный анализ процесса политической коммуникации представляет собой перспективный аналитический подход в исследовании властных отношений важных политических субъектов в условиях политических и социально-экономических трансформаций. Дальнейшая разработка теоретико-методологической базы данного аналитического направления сравнительных политологических исследований поспособствует целостному политологическому обоснованию политического лидерства в условиях комплексных изменений в процессе трансформации и поспособствует выявлению содержательных сторон постсоветских политических режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О значимости дискурсов в современном обществе см. Беглова Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Автореф. Дисс. ... докт. филолог. наук. – М., 2007; Малишевская Н.А. Игровые практики в дискурсе постмодерна: Автореф. Дисс. ... докт. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2007; Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов): Автореф. Дисс. ... докт. филолог. наук. – Нижний Тагил, 2007; Фишман Л.Г. Политические дискурсы постсоветской России: теоретико-методологический анализ: Автореф. Дисс. ... докт. полит. наук. – Екатеринбург, 2007 и др.
2. Об основах эффективности политического лидерства см., например, Ивашкин А.Г. Психологические основы профессиональной успешности личности муниципального руководителя: Автореф. Дисс. ... докт. психолог. наук. – Ставрополь, 2007; Иоголевич Н.И. Психология интегральной индивидуальности менеджеров разного уровня управления: полисистемный подход: Автореф. Дисс. ... докт. психолог. наук. – Пермь, 2007.
3. Об этом см. Горький И.Г. Трансформация постсоветской политической системы: проблемы структурной и функциональной адекватности: Автореф. Дисс. ... докт. полит. наук. – Саратов, 2007; Сельцер Д. Г. Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России (субрегиональный уровень, 1985 – 2005 гг.): Автореф. Дисс. ... докт. полит. наук. – М., 2007; Скиперских А.В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве:

Автореф. Дисс. ... докт. полит. наук. – Воронеж, 2007;
Цыбулевская Е.А. Процессы социализации политической власти в современном российском обществе: Автореф. Дисс. ... докт. полит. наук. – М., 2007.

M. Churkin

THE DISKURSIVNYJ ANALYSIS OF PROCESS
POLITICAL COMMUNICATIONS IN THE POLITOLOGICAL
SUBSTANTIATION OF POLITICAL LEADERSHIP

IN CONDITIONS POST-SOVIET TRANSFORMATIONS

Abstract: The article deals with the problem of drawing out the new scientific approaches to investigate political leadership phenomenon in the processes of post-soviet transformations.

Key words: political discourse, political leadership, political regime, political analysis, political communication.

УДК 334.7

Крылов Д.В.

НЕСФОРМИРОВАННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. Предпринимательство как общественное, социальное и политическое явление в России существует уже около 20 лет, вместе с тем, до настоящего момента оно не является в полной мере оформленным. Основная проблема формирования и реализации государственной политики по поддержке предпринимательства является не достаточная социально-политическая субъектность предпринимательства, которая выражается в том, что не существует четко очерченной социальной группы «предпринимательство», не существует политических институтов, претендующих на то, чтобы представлять или выражать корпоративные интересы предпринимателей, предпринимателям в отдельности и предпринимательству как группе не свойственны какие-либо конкретные формы политического поведения, политические традиции, ценности, нормы и образцы политического поведения предпринимателей не сформированы, не наблюдается устойчивых политических коммуникаций между предпринимателями или их группами.

Ключевые слова: коммерческая деятельность, предприниматель, политика, корпоративный, политические институты, политические коммуникации.

Если еще совсем недавно для нашего общества было характерно сдержанное и даже недоверчивое отношение к предпринимателям и предпринимательской деятельности, то в последнее десятилетие граждане и государство «вернулись лицом» к предпринимательству и бизне-

су, постепенно осознав, что представители этой группы сегодня воплощают в себе экономическую инициативу, энергичность, работоспособность, инновационную ориентированность, социальный оптимизм. Их активная деятельность является не только условием пополнения бюджетов регионов и государства, но и фактором либерализации экономики, развития рынка труда, становления структур гражданского общества, расширения среднего класса. Государственная политика в отношении предпринимательства призвана отразить заинтересованность государства и общества в развитии предпринимательства и обеспечении максимально комфортных условий для осуществления предпринимательской деятельности. Вместе с тем, в настоящее время ее формирование и реализация осложнено рядом проблем, исследование которых позволит предпринять меры по оптимизации этой деятельности государства.

Точки зрения ученых-экономистов, социологов, политологов на сущность предпринимательства и предпринимателей были очень несхожими изначально. Уже в начале XIX века в работах ученых выделяются экономические, организационные, психологические принципы предпринимательства, которые позднее трансформируются в его основные функции¹. Причем в последующие годы трактовка сущности предпринимательства во многом связана с точкой зрения, с позиций которой ученый смотрит на это явление.

Концептуально базовые вопросы предпринимательской деятельности были рассмотрены в трудах А. Смита², Д. Рикардо³, фон Тюнена⁴, М. Вебера⁵, И. Шумперта⁶, Дж. М. Кейнса⁷, Дж. Гэлбрайта⁸ и др.

---

* © Крылов Д.В.

А. Смит и Д. Рикардо одними из первых использовали понятие «предприниматель». Они рассматривают предпринимателя как носителя рациональности. По Смиуту предприниматель сам вносит капитал, планирует, организует производство и распоряжается результатами своего труда. Его прибыль - это компенсация собственника за риск.

Маккеланд также связывал предпринимательство с риском, полагая, что предприниматель – это энергичный человек, действующий в условиях умеренного риска⁹. Шапиро, обобщая взгляды на предпринимательство, подчеркивал, что практически во всех определениях предпринимателя и предпринимательства речь идет о таком поведении, которое включает в себя: 1) элемент инициативы; 2) организацию или реорганизацию социально-экономических механизмов с тем, чтобы суметь с выгодой использовать имеющиеся ресурсы и конкретную ситуацию; 3) взятие на себя ответственности за возможную неудачу, т.е. готовность рисковать¹⁰.

Однако выделение в качестве базовой сущности предпринимательства риск отнюдь не является единственным. Напротив, диапазон трактовок понятия предпринимательство и на сегодняшний день очень широк. Так, новаторство, инновационная направленность, стремление к открытию является основой предпринимательства с точки зрения фон Тюнена, который полагает, что предприниматель – изобретатель и исследователь в своей области. Шумперт¹¹ (1926) также считал, что предприниматель – это новатор, который разрабатывает новые технологии, осуществляет новые комбинации. Серван-Шрайбер и вовсе использует метафору: предприниматель – это энергия¹².

Помимо риска и новаторства в качестве основы предпринимательства рассматривается стремление к наращиванию богатства, получению прибыли. Так, еще Сэй (1803) отмечает, что «доход или капитал отличается от предпринимательского дохода. Предприниматель перемещает экономические ресурсы из области низкой производительности и низких доходов в область более высокой производительности и прибыльности». Друкер (1964) полагает, что «предприниматель – это человек, использующий любую возможность с максимальной выгодой»¹³. Кирцнер (1975) отмечает, что предпринимательство – арбитраж, или деятельность, ведущая к равновесию¹⁴.

Ряд ученых полагает, что предпринимателя отличает самостоятельность в принятии решения и личная, не разделенная ни с кем ответственность за результаты своих действий. Так, Бодо пишет, что «Предприниматель-лицо, несущее ответственность за предпринимаемое дело; тот, кто планирует, организует и владеет предприятием»

(1797).

Немецкий ученый, экономист и философ М. Вебер видел в предпринимательской деятельности воплощение рациональности и считал, что в основе предпринимательства лежит рациональная этика протестантизма. Он доказывал, что мировоззрение, нравственность оказывают важнейшее влияние на деятельность предпринимателя¹⁵.

Основы современного понимания предпринимательства заложил И. Шумперт. В книге «Теория экономического развития» он показывает ключевую роль предпринимателя в экономическом развитии общества. Он считал, что функциональной сущностью предпринимателя является выявление и использование новой комбинации факторов производства, то есть реализация нововведений¹⁶.

В 90-е годы появился ряд работ российских авторов, посвященных проблемам развития предпринимательства и малого бизнеса в России и адаптации мирового опыта в этой области к Российским условиям. Это работы Багиева Г.Л.¹⁷, Богачева В.И.¹⁸, Кабакова В.С.¹⁹, Крутика А.Б. и Пименовой А.А.²⁰, Крупанина А.А.²¹, Томилова В.В.²², Черникова В.В.²³.

В работах Багиева Г.Л. и Томилова В.В. предпринимательская деятельность рассматривается «...как процесс, осуществляемый частными лицами, предпринимателями или организациями по освоению природных ресурсов, производству, приобретению, продаже товаров, услуг в обмен на другие товары или услуги, или деньги...»²⁴.

Богачев В.Р., Кабаков В.С., Ходачек Л. рассматривают вопросы формирования стратегии предпринимательства. Они считают, что «...предпринимательскую деятельность можно понимать как инициативную самостоятельную деятельность собственника (полного или частичного), направленную на получение прибыли под свой риск и имущественную ответственность»²⁵.

Таким образом, краткий анализ существующих на сегодняшний день взглядов на предпринимательство показал, что предпринимательство можно определять с различных позиций, таких как:

- деятельность, направленную на максимизацию прибыли;
- инициативную деятельность граждан, заключающуюся в выработке товаров и услуг, направленную на получение прибыли;
- прямую функцию реализации собственности, основную ее производственную функцию;
- процесс организационной новации в целях извлечения прибыли;
- действия, направленные на возрастание капитала, развитие производства и присвоение прибыли;

• специфический вид деятельности, направленный на неустанный поиск изменений в существующих формах жизни предприятий и общества, постоянная реализация этих изменений.

Вместе с тем, в современной научной литературе четкого определения сущности предпринимательства до сих пор нет. В большинстве случаев сущность этого явления подменяется целью предпринимательской деятельности. Так, например, в «Большом экономическом словаре» под общей редакцией А.Н. Азрилияна дается следующее определение: «Предпринимательство - инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица»²⁶.

Согласно современному российскому законодательству предпринимательская деятельность (или предпринимательство) - это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества - продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке²⁷.

Мы могли бы воспользоваться или одним из определений, предложенных законодателем или ученым, однако на этом пути мы наталкиваемся на ряд проблем методологического характера. Ход наших рассуждений сводится к следующему. Объектом политики государства по поддержке предпринимательства является предпринимательство как таковое. Однако под предпринимательством можно понимать два принципиально разных содержания: а) предпринимательство как предпринимательская деятельность; б) предпринимательство как группа людей.

В рамках нашего исследования рассматривать предпринимательство как предпринимательскую деятельность методологически непродуктивно, поскольку деятельность не может являться объектом государственной политики. Соответственно, мы должны понимать предпринимательство как группу предпринимателей. Однако и в данном отношении перед автором возникает ряд проблем методологического характера.

Во-первых, практически во всех проанализированных нами концепциях рассматривается и определяется предпринимательство вообще, некий идеальный конструкт, обладающий определенными параметрами и характеристиками, атрибутивные свойства которого имеют характер экономический (прибыль), психологический (свобода, ответственность, риск), социальный (независимость), политический (средний класс,

гражданское общество и т.д.), даже метафорический (энергия). Предпринимательство как собирательное понятие ни в одном из определений не рассматривается просто как количественная сумма предпринимателей. Предпринимательство во всех рассмотренных определениях - не просто собирательное явление, а явление, обладающее свойствами, качественно несхожими с единичными составляющими. Вместе с тем, в российской действительности существует не только проблема с определением, но и с определяемым. Поясним эту мысль.

В 1991 г. российское государство легализовало существование «предпринимателей», и это обстоятельство вызвало к жизни споры российских ученых, что является собой предпринимательство. Однако, ни решение законодателя, ни воля ученых не могли в одночасье вызвать к существованию, обеспечить бытие самого предпринимательства. Начиная с 1991 года то явление, которое возникло на западе как минимум в Эпоху Возрождения, непрерывно развивается и трансформируется и соответственно, осмысливается наукой, в нашей стране конструируется отчасти искусственно²⁸. Иными словами, возникло по воле государства обозначающее понятие, но не сформировалось (в силу отсутствия условий и недостатка времени, прежде всего) означаемого явления. Какими же признаками обладает это не вполне существующее явление?

В частности, Т.И. Заславской «явление предпринимательства» определяется как «...тип деятельности, являющейся базой возникновения и развития соответствующего социального слоя. Конституирующими признаками последнего выступают деятельность, направленная на получение прибыли; свобода и автономность экономических решений; самостоятельный характер деятельности, выражающийся в личном риске и личной ответственности»²⁹. В рамках такого понимания, «явление предпринимательства» отождествляется с «социальной группой предпринимателей» и тем самым конструируется «идеальный тип» предпринимательства, отражающий лишь очень узкий круг феноменов. Однако такое понятие практически не имеет референта; «подлинные предприниматели» превращаются, по словам В.В. Радаева, в «трудноуловимую тень»³⁰.

Таким образом, остается неразрешенным вопрос: каковы атрибутивные признаки предпринимательства как единой социальной группы предпринимателей. И так, «предпринимательство» не есть некая первозданная «эмпирическая реальность», конечная инстанция социологического объяснения. Она воспринимается, оценивается и мыслится в качестве системы узнаваемых и признаваемых различий - отсылок к чему-то другому,

внешнему, противопоставленному «социальной группе предпринимателей» как предел (другие «социальные группы») или контекст («социальные отношения», «экономика», «культура»...). В отношении означаемое («социальная группа предпринимателей») /означающее (отдельные агенты и практические группы, производящие данную «социальную группу») оппозиции меняются местами, становятся неадекватными: означаемое постоянно соотносится, отсылает к означаемому, но всегда отличному от самого себя, отсутствующему»³¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что предпринимательство как группа, обладающая атрибутивными признаками, качественно отличающимися ее от других групп, в настоящее время представляет собой проект собственного присутствия. Соответственно, «предпринимательство» не может быть определено исключительно через присутствие, оно может быть определено лишь через присутствие и одновременно отсутствие означаемого явления. Однако, и в этом нам видится перспектива для нашего исследования, отсутствие означаемого информативно, исполнено значения и методологически продуктивно.

Таким образом, под предпринимательством понимается группа людей, основная деятельность которых связана с поиском и реализацией по своей инициативе новых возможностей для производства новых товаров и услуг и действующих в экономической сфере автономно, самостоятельно на свой страх и риск. В настоящее время осуществляется процесс становления этого коллективного субъекта.

История развития предпринимательства в России насчитывает уже более 20 лет, однако, до сих пор не сформировалась политическая субъектность этой группы, и эта несформированность выражается в следующем.

Во-первых, не сформированы политические интересы предпринимательства.

Если сегодня речь идет об интересах предпринимателей, то имеется в виду, по преимуществу, а порой и исключительно, финансовый интерес. Опросы общественного мнения показывают, что у предпринимателей, с одной стороны, присутствует ментальная оппозиция к власти, с другой стороны, нет корреляции понятия власти с общественным строем, путями реформирования государства, политическим режимом, даже с конкретными лицами, эту власть представляющими. Чиновник одновременно и представитель власти, и соучастник в борьбе с нею. Власть как абстракция виновна в распространении коррупции, но конкретный чиновник, берущий взятку, выступает союзником предпринимателя по игнорированию санкционированных властью норм. В этом смысле групповые социальные претензии, являющиеся

базой солидарности, выводятся за пределы отношений предпринимателя и власти»³².

Вместе с тем, интерес солидаризации с государством также не выражен и не находит реализации в конвенциональных формах политического поведения. Аналитики справедливо полагают, что солидаризации предпринимателей и формированию оформленного корпоративного интереса препятствует то обстоятельство, что сами предприниматели испытывают трудности в трудности в распознавании «своих» и «чужих».

Во-вторых, не существует политических институтов, агрегирующих и артикулирующих интересы предпринимателей. Ни одна из партий и ни одна из общественных организаций не претендуют на то, чтобы представлять или выражать корпоративные интересы предпринимателей.

В-третьих, на политическом поле нет представителей политической элиты, которых бы сами предприниматели или их референтная часть, считала бы своим политическим представителем. Если предприниматель и обращается к политической деятельности, то эта деятельность в исполнении предпринимателя лишается своего политического содержания и становится для предпринимателей определенной стратегией социального поведения компенсаторного характера, призванной примирить его с чужеродным культурным багажом для еще большей эффективности собственно экономической деятельности.

В-четвертых, предпринимателям в отдельности и предпринимательству как группе не свойственны какие-либо конкретные формы политического поведения. И в политическом процессе не присутствует деятельности, субъектом которой можно было бы назвать коллективного субъекта «предпринимательство».

В-пятых, нет политической культуры, в качестве носителя которой выступал бы коллективный субъект - предпринимательство. Политические традиции, ценности, нормы и образцы политического поведения этого пра-субъекта политической жизни не сформированы. *В-шестых, не наблюдается устойчивых политических коммуникаций между предпринимателями или их группами.* Нет ни телевизионного канала, ни газеты, ни Интернет-сайта, формирующих и выражающих буржуазное общественное мнение по ключевым вопросам развития города.

Таким образом, в настоящее время нет оснований говорить о сформированности политической субъектности предпринимательства.

Автор полагает, что политическая неформленность, отсутствие политической субъектности, неинституционализированность предпринимательства является одной из основных проблем формирования и осуществления государствен-

ной политики по поддержке предпринимательства. Политика предполагает в качестве субъекта государство, в качестве объекта – социально-политическую группу. Когда объекта не существует в субъектных рамках, сама политика не имеет и даже гипотетически не может иметь направленности. Как защитить или попытаться удовлетворить интересы коллегиального субъекта, не имеющего сформулированных интересов? Как осуществлять совместную деятельность и строить взаимовыгодную стратегию сотрудничества с субъектом, не имеющим собственной тактики действий или даже деятельностного потенциала? С кем налаживать конструктивный диалог, если нет представителей – выразителей групповых взглядов и интересов? Несформированность социально-политической субъектности предпринимательства неизбежно превращает политику государства в декларирование общих принципов, общезначимых фраз. Реализация самой политики, в силу направленности на некую практически аморфную субстанцию, так же неизбежно, «проваливается в песок». Соответственно, именно в несформированности субъектности объекта государственной политики кроется одна из основных причин ее слабой эффективности.

Что же касается факторов, препятствующих формированию субъектности предпринимательства, можно выделить несколько групп факторов:

Во-первых, факторы экономического характера, к числу которых следует отнести недостаточную развитость рыночных механизмов, отсутствие свободной конкуренции, олигополия, теневая экономика, административные барьеры, иными словами все те факторы и обстоятельства, присутствующие в поле экономики и затрудняющие реализацию частной экономической инициативы.

Во-вторых, факторы социального характера. Средний класс в России, который, в теоретическом идеализированном разрезе, должен породить и породиться предпринимателями, тоже своего рода симулякр. Каждый ученый, в зависимости от используемой методологии, видит «свой» средний класс. Для экономиста это может быть группа с доходом от 2000 долларов на человека, для Росгосстраха – это доходная группа от 500 до 3000 долларов душевого дохода, для социального исследователя это может быть группа высокообразованных интеллигентов. Таким образом, средний класс как бы постоянно ускользает от научного анализа³³.

Отсутствие среднего класса видится нам как отсутствие и порождающего и порождаемого в отношении предпринимательства.

В-третьих, факторы социокультурного характера.

Согласно теории Макса Вебера, изложенной им в труде «Протестантская этика и дух капитализма», этос предпринимательства, его социокультурное ядро базируется на догматике протестантизма³⁴. Развивая концепцию Вебера, А.И. Неусыхин предпринял попытку установить причины взаимозависимости протестантизма и предпринимательства. Объяснение родства капиталистических черт протестантской идеологии с её религиозными особенностями, считал он, следует искать именно в самом содержании протестантской набожности, причём нужно исследовать не только её религиозный идеал, но и то практическое влияние, которое этот идеал оказывал на жизненное поведение его адептов³⁵.

Многие исследователи справедливо отмечают, что в современную нам эпоху отмеченные особенности протестантского учения пришли в противоречие с менталитетом русского и других православных народов России, а также граждан нашей страны – мусульман. Насегодняшней стране сложилась следующая ситуация: индивидуальный дух предпринимательства, основными компонентами которого являются личная ответственность и личная же инициатива, если не противоречит, то, по меньшей мере, не вписывается в дух соборности и общинности – две формы православного коллективизма, десять веков культивировавшихся нашей нацией и нашим государством. Именно эта социокультурная коллизия – непримиримость сущности предпринимательства и православной системы норм социального поведения и духовных ценностей – является одним из основных факторов «не вписанности» предпринимательства в социокультурный контекст³⁶.

В-четвертых, факторы политического характера.

За 20 лет легального существования предпринимательства политика государства в отношении этой группы неоднократно менялась, вместе с тем, эта политика пока не приводит к возникновению у предпринимателей и у других групп граждан устойчивого состояния непротиворечивой включенности в социально-политическую систему России.

Предпринимательство, государство и гражданское общество не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы друг от друга. Сегодня государство не создает политических условий для развития и функционирования структур гражданского общества в целом и частной экономической инициативы и предпринимательства, в частности. Государственное гиперрегулирование гражданских отношений затормаживает развитие предпринимательства, несмотря на декларации и концепции стимулирования развития предпринимательства. В странах с довольно развитым гражданским об-

ществом люди практически не ощущают непосредственного влияния своего государства на их повседневную жизнь и предпринимательскую деятельность. В экономике действует принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом». В России же, когда государственному регулированию подлежит буквально всё — от частной жизни, включая семейные отношения, регламентацию мест работы и проживания, до экономических, социальных, духовно-нравственных отношений в масштабах всего общества, то и предприниматели чувствуют себя «на коротком поводке» и «под колпаком».

В-пятых, факторы правового характера.

На начальной стадии развития, предпринимательство находилось за пределами поля правового регулирования. Сегодня правовая база развития предпринимательства существует, однако, отличается в некоторой части неполнотой, в другой – противоречивостью и избыточностью. Большой проблемой, особенно на региональном уровне, остается проблема подзаконного регулирования предпринимательской деятельности, следствием которой являются так называемые административные барьеры развития предпринимательства.

Таким образом, основной проблемой формирования и реализации государственной политики по поддержке предпринимательства является несформированность социально-политической субъектности предпринимательства, которая выражается в том, что: во-первых, не существует четко очерченной социальной группы «предпринимательство». Во-вторых, не сформированы политические интересы предпринимательства. В-третьих, не существует политических институтов, агрегирующих и артикулирующих интересы предпринимателей. Ни одна из партий и ни одна из общественных организаций не претендуют на то, чтобы представлять или выражать корпоративные интересы предпринимателей. В-четвертых, на политическом поле нет представителей политической элиты, которых бы сами предприниматели или хотя бы некоторая, референтная часть, считала бы своим политическим представителем. В-пятых, предпринимателям в отдельности и предпринимательству как группе не свойственны какие-либо конкретные формы политического поведения. И в политическом процессе не присутствует деятельности, субъектом которой можно было бы назвать коллективного субъекта «предпринимательство». В-шестых, нет политической культуры, в качестве носителя которой выступал бы коллективный субъект - предпринимательство. Политические традиции, ценности, нормы и образцы политического поведения этого пра-субъекта политической жизни не сформированы. В-седьмых, не наблю-

дается устойчивых политических коммуникаций между предпринимателями или их группами. Причины политической аморфности предпринимательства носят системный характер и включают факторы экономического, политического, социального, социокультурного, правового характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Осоевская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: Пер. с польск. /Общ. Ед. А.А. Гусейнова. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО, 2009. – 960 с.
3. Рикардо Д. Собрание сочинений. - В 5-ти т. М.: Госполитиздат, 1955-1961.
4. Тюнен И. фон. Уединенное государство в отношении к общественной экономии. Карлсруэ: Б.Гаспер, 1857.
5. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.-850 с.
6. Шумпетер И. Теория экономического развития – М.: Прогресс, 1982.
7. Кейнс Д.М. Избранные произведения. - М.: Прогресс.-1993.
8. Гэлбрайт Д.К. Экономическая теория и цели общества. - М.: Экономика, 1988. – 760 с.
9. См.: Шедевры экономической мысли //Антология экономической мысли. – М.: Эксмо.- 750 с.
10. См.: Шедевры экономической мысли //Антология экономической мысли. – М.: Эксмо.- 750 с.
11. Шумперт И. Теория экономического развития – М.: Прогресс, 1982.
12. Цит. по: Колесникова Л.А. Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием. – М.: Новый Логос, 2000.
13. Друкер Дж. Задачи менеджмента в 21 веке. – М.: Вильямс, 2007. – 272 с.
14. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство /Пер. с англ. под ред. проф. А. Н. Романова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
15. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.-850 с.
16. См.: Шумперт И. Теория экономического развития – М.: Прогресс, 1982.
17. Багиев Г.Л., Томилов В.В., Чернышева З.А. Маркетинг и культура предпринимательства - СПб.: 1995.
18. Богачев В.Ф., Кабаков В.С., Ходачек А. Стратегия малого предпринимательства - СПб: СПбГУ, 1995.
19. Кабаков В.С., Шатрова Е.В. Стратегия предпринимательства. - СПб.: СПбГИЭА, 1996.
20. Крутик А.Б., Пименова А.А. Введение в предпринимательство. - СПб.: Изд. «Политехника», 1995.
21. Крупанин А.А. Основы предпринимательства. - СПб: СПбГИЭА, 1992.
22. Томилов В.В., Крупанин А.А. Экономико-организационные основы предпринимательства. - СПб.: СПбУМ, 1996.; Томилов В.В. Организационная культура и предпринимательство.- СПб.: СПбУМ, 1994.
23. Черников Г.П. Предприниматель - кто он? - М.: Международные отношения, 1992.
24. Багиев Г.Л., Томилов В.В., Чернышева З.А. Маркетинг и культура предпринимательства - СПб.: 1995.
25. Богачев В.Ф., Кабаков В.С., Ходачек А. Стратегия ма-

- лого предпринимательства - СПб: 1995.
26. Большой экономический словарь. М.: Институт экономики, 1994. - С. 313.
  27. Гражданский кодекс РФ
  28. См.: Качанов Ю.Л. Социология и политика: casus «социальная группа предпринимателей» //Социологические исследования. - № 9. - 1999. С. - 33-40.
  29. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация //Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1994. - №5. - С.7.
  30. Радаев В.В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей //Куда идет Россия?. Альтернативы общественного развития /Общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. - С.176.
  31. См.: Качанов Ю.Л. Социология и политика: casus «социальная группа предпринимателей» //Социологические исследования. - № 9. - 1999. С. - 33-40.
  32. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей //Социологические исследования. - 2002. - № 4. - С. 3-12. - С.5
  33. Демидов А.. Подержанная иномарка как символ преуспевания// Независимая газета. - 2008. - июнь. -17. - С. 4.
  34. Основные положения сочинения Вебера были поддержаны в нашей стране в 20-е годы (возможно, этот интерес был связан с НЭПом) молодым тогда учёным, а позднее - маститым историком, А.И. Неусыхиным (1898 - 1969) (См. его труд «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки»).
  35. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма //Избранные труды. - М., 1974. - С. 414.

36. Вместе с тем, автор считает необходимым подчеркнуть, что эта коллизия должна рассматриваться как имеющая объективную природу. Диссертант не разделяет оценочных характеристик, которые присутствуют в ряде работ посвященных анализу этой проблемы.

D. Krylov

NON-FORMATION POLITICAL SUBJECTIVITY BUSINESSES AS A PROBLEM OF FORMATION AND REALISATION OF A STATE POLICY CONCERNING BUSINESS IN MODERN RUSSIA

Abstract: Business as the public, social and political phenomenon in Russia exists about 20 years, at the same time, until now it is not to the full issued. The basic problem of formation and state policy realisation on business support is not sufficient socio-political subjects businesses which is expressed that there is no accurately outlined social group "business", there are no the political institutes applying for representing or expressing corporate interests of businessmen, to businessmen separately and to business as to group any concrete forms of political behaviour, political traditions are not peculiar, to value, norms and samples of political behaviour of businessmen are not generated, is not observed stable political communications between businessmen or their groups.

Key words: business, businessmen, policy, corporate, political institutes, political communications.

УДК 94 (47): 323

Воронкова И.Е.

КАДЕТЫ О ВНЕШНЕМ МОГУЩЕСТВЕ ГОСУДАРСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ*

Аннотация. Статья посвящена вопросу исследования идеологами конституционно-демократической партии проблемы взаимосвязи внутренней политики государства с его положением на международной арене. В интерпретации автора статьи обязательными условиями восстановления внешнеполитического могущества Российского государства кадеты называли: конституционализацию внутренней жизни, проведение либеральной национальной политики, восстановление финансово-экономической мощи России.

Ключевые слова: кадеты, внешнее могущество государства, конституционализация России, национальная политика, финансово-экономическая мощь.

При разработке внешнеполитической концепции партии конституционные демократы пришли к выводу о наличии теснейшей связи политики внешней и политики внутренней. Военные и дипломатические неудачи России в начале XX века являлись, по мнению кадетов, прямым, неизбежным результатом всей внутренней политики с её желанием воскресить «ветхого Адама абсолютизма», «насильническим национализмом», декоративной военной мощью, финансовой слабостью. Ратуя за восстановление былого престижа России, пропагандируя идею Великого российского государства, либералы сформулировали основные требования, выполнение которых способствовало бы не только обеспечению национальных ин-

* © Воронкова И.Е.

тересов и национальной безопасности России, но и вернуло ей статус великой державы мира.

Главным условием на пути к достижению желаемого кадеты называли обязательность ведения внутри страны «здоровой» государственной политики, которая включала в себя три ключевых момента: конституционализация России, на основе которой станет возможным примирение власти и общества; либеральная национальная политика; восстановление финансово-экономической мощи и на ее базе – военной и оборонной.

Незыблемым краеугольным камнем нового государственного строя России кадеты назвали акт 17 октября 1905 г., который создал «русскую свободу, русского гражданина», провозгласив отказ от самодержавного правления и переход к конституционализму. Русское общество, писала кадетская газета «Речь», почувствовало дуновение начинающегося воскресения из мёртвых – момент огромного духовного подъёма, в котором таились зачатки будущего национального возрождения. Столь же восторженно появление в России Государственной Думы встретило общественное мнение Англии и Франции, которые рассматривали данный орган народного представительства как необходимое условие культурного существования нации и видели в нём залог русского возрождения.

Революция 1905-1907 гг. обострила отношения власти и Думы – избирательное право в июне 1907 г. изменилось в пользу консервативного элемента. Власть стала активно бороться не только с крайними, но и с умеренными политическими партиями, представленными в Государственной Думе, органами местного самоуправления, вызывая тем самым озлобление против себя. Современное состояние России кадеты характеризовали как состояние открытой вражды между властью и наиболее культурными элементами общества, народом в целом. Стране, вдохнувшей глоток свободы, была не нужна и противна всякая диктатура – «ни о каком компромиссе направо от права, свободы и равенства» не могло быть речи.

Политическая жизнь страны, считали либералы, зашла в тупик, выход из которого они видели в создании нового отношения власти к новой России. Этого требовали как объективные причины – «ибо управление не может быть управлением, превращаясь в политическую борьбу власти с населением», так и субъективные – «ибо новая Россия желает, чтобы с нею, с проявлениями её независимой жизнедеятельности, перестали обращаться как с крамолой».¹ Однако в угоду реакции правительство «спустило» знамя конституции и стало проводить «всякую иную, только не конституционно-зидательную и конституционно-консервативную политику».² Кадеты утверждали, что

юридически русская конституция, как вписанная в манифест 17 октября, несомненно, существовала, но фактически, в правосознании властвующих, правящих сил России, её не было. Государственная Дума, так и не став равноправным фактором власти, превратилась в «какое-то присутственное место с особыми распорядками и особым способом пополнения своего личного состава».³ Находясь в парадоксально-бессильном положении, для власти она стала той формой народного представительства, которая должна была приспособляться к ней. В этой «неестественности» режима вновь наступил разгул того «противогосударственного духа, для которого не власть посвящает себя «служению» государству, а государство есть вотчина власти, отданная ей в «служение».⁴

Твердо и уверенно проявлять себя на международной арене может, утверждали кадеты, только то государство, правительство которого пожелает и сумеет морально опереться на нацию, воспринявшую идеал государственной мощи, дисциплины народного труда, права и прав. Внешнего могущества, указывал идеолог партии П.Б. Струве, невозможно было достичь без осуществления национальной идеи. В его понимании «национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией».⁵

Органическое единство государства и нации создаст Великую Россию, ибо охваченный духом истинной государственности русский народ «будет отстаивать её смело в борьбе со всеми её противниками, где бы они не укрывались».⁶ Выдвигая идею возрождения великодержавного величия, кадеты выступали яркими противниками тех действий власти, которые поощряли антисемитизм, национализм – эти «идеологические суррогаты былой непосредственной связи, которая существовала между властью и верившим в нее народом».⁷

Осуждая национализм, ставший лозунгом правящей бюрократической России, кадеты указывали, что в превознесении национального начала заключается целая историческая проблема русского развития. Анализируя национализм как историческое явление, П.Б. Струве выделил два его типа. Первый – «национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном и лучшем смысле завоевательный». Второй – «национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм – закрытый, или замкнутый и оборонительный».⁸ Носителями первого типа являются англосаксы, которые ничего не боятся и всё покоряют, веря в то, что угроза растворения в море чужеродных элементов им не грозит. Историческими носи-

телями второго типа национализма были евреи, отделившиеся от всего мира для спасения своего «маленького, теснимого и травимого народа». По мнению П.Б. Струве, в условиях, когда гегемония русской национальности и русской культуры очевидна, стоять на позициях замкнутого национализма для России является чрезвычайно опасным, поскольку данный тип прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. «Насильнический национализм, - подчеркивали кадеты, - увеличивает, а не уменьшает силы ... противников», являясь «либо творцом, либо пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей». Он «усыпляет и расслабляет национализм народный».⁹ Однако, противореча логике, официальная Россия продолжала навязывать русскому народу, призванному свободно шириться, способы и приёмы не сильного, а слабого, не нападения, а обороны, видя в такой политике последний психологический ресурс реакции. «Нам угрожают, говорят, зараз Турция, Япония, Австрия, Германия, поляки, евреи, финляндцы. Словом, со всех сторон Россию и русских окружают враги. Позвольте, господа, - замечал П.Б. Струве в своей работе «Тревога и безголовье», - в таком случае единственной целесообразной государственной и национальной политикой является - свести до минимума все плоскости трения, обратить своим образом действий часть врагов в друзей, концентрировать национальные усилия на самом важном и нужном. Но те самые люди, которые бьют в набат по поводу Турции, кричат о неминуемой опасности на Кавказе, указывают на козни Австрии и Германии, те же самые люди желают согнуть в бараний рог финляндцев, окрутить поляков, окончательно довести до отчаяния евреев...».¹⁰ Такая политика не может называться государственной - это какое-то «истерическое безголовье», которое неспособно разобрататься в реальной обстановке.

Указывая на два, наиболее активно используемых царизмом «инородческих» вопроса - еврейского и польского, кадеты показывали, как можно их «развернуть» во благо Великой России. В хозяйственном расширении в бассейне Чёрного моря, в экономическом завоевании Ближнего Востока евреи, преданные русской государственности и привязанные к русской культуре, были «прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников.... Ради Великой России, - подчеркивал П.Б. Струве, - нужно создавать таких евреев и широко ими пользоваться».¹¹ Необходимость либерализации польской политики была еще более очевидна. Опираясь на экономическую прикреплённость Польши к России, можно было укрепить связи со славянством вообще и западным в частности, способствуя, тем самым, подъему престижа

России в славянском мире.

Вместо этого, замечала «Речь», «наши неправдоподобные государственные люди... не нашли ничего лучшего, как бросить с высоты думской кафедры тяжёлый и обидный укор полякам, усмотрев сепаратистские стремления в законном желании видеть местный суд в руках местных людей».¹² Прямым следствием политики антисемитизма явилась денонсация торгового договора с США 1832 г., ставшая ответом американского правительства на национально-конфессиональную политику Российской империи. Вывод кадетов был очевиден - официальный национализм не только не укрепляет великодержавного положения России, а, наоборот, ослабляет его.

Военная мощь государства - наиболее очевидное, бросающееся в глаза, условие достижения высокого международного статуса. Молодые, быстро прогрессирующие державы - Германия, США и Япония, вступая на путь борьбы за передел уже поделённого мира, как нельзя лучше понимали данную аксиому, наращивая вооружения. Стремительно, на основе новых образцов военной техники, шло перевооружение сухопутной немецкой армии. «Ещё не очень давно, - писала «Речь», - ближайшие ступени за Англией были заняты Францией и Россией, но теперь эти державы оттеснены Германией и США. Если маленькая и бедная Пруссия могла упорным трудом и дисциплиной создать себе армию, поставившую её сначала в ряд великих держав, а потом вознёсшую на ту высоту политической гегемонии, которая принадлежит Германии в настоящее время, то почему бы Германии не осуществить цели, преследуемой с таким же упорством, как образование могущественной армии, и не создать флота, способного конкурировать с англичанами?».¹³

Значительный шаг вперёд сделали и «цветные» расы. Они, по замечанию П.Н. Милюкова, «заимствовали технику наций, которые на них нападали или ими владели. В интересах самообороны они выработали или вырабатывают и государственную организацию, и более или менее сильную центральную власть, которая способна вести нацию против врага. В Азии эти успехи являются наиболее чувствительными. Истёкшее 20-летие дало миру новую великую державу Японию...».¹⁴

На этом фоне российская армия выглядела как «не реальная организация вооружённой силы великой державы, а лишь декорация её. Все ждали, что эту декорацию, наконец, уберут и на её месте воздвигнут капитальное здание военного могущества России... Но недавние события на Балканском полуострове,¹⁵ - писала «Речь», - показали, что здания всё ещё нет, а та работа, которая делалась за это время военным министерством... была лишь подмалёвкой всё той же декорации...».¹⁶

Требовалось устранение недостатков сухопутных сил России, выявленных в ходе русско-японской войны, создание мощного флота, проведение серии мероприятий по организации обороны.

Действительно, говорить о черноморском флоте России не приходилось: из шести старых броненосцев нельзя было составить эскадру. Николаевский судостроительный завод не обладал большими возможностями по строительству судов на месте, а денег на размещение заказов за границей не было.¹⁷ Но, замечали кадеты, для Великой России «на настоящем уровне нашего экономического развития необходимы сильная армия и такой флот, который давал бы нам возможность десанта на любом пункте Чёрного моря и в то же время обеспечивал бы нас от вражеского десанта в этой области».¹⁸ Не лучше обстояло дело с обороной и на Дальнем Востоке, где, по признанию министра финансов В.Н. Коковцова, Россия осталась в том самом положении, как в 1905 г. «Четыре года для развития нашей обороноспособности пропали даром. – Говорил он в Особом совещании по дальневосточным делам. – Никакой обороны с Тихого океана нет. Есть несколько военных судов, из коих, однако, большинство не может ходить не только против врага, но даже против ветра. Сухопутный фронт находится пока только в проекте».¹⁹

Оборонные мероприятия, по мнению кадетов, не имели никакой руководящей идеи, планообразности, равномерного распределения государственных ресурсов в зависимости от «потребностей минуты, от переходящих или постоянных исторических задач России на тех или иных границах».²⁰ Процесс принятия решений по вопросам обороны был явно несовершенен: проекты морских или военных министров вносились первоначально на рассмотрение совета министров, но, вопрошала «Речь», - «кто же в Совете министров будет делать возражения генералу Сухомлинову или адмиралу Григоровичу по предметам их специальности: обер-прокурор Саблер или министр Кассо?».²¹ Думские комиссии по обороне также могли судить только о целесообразности того или иного отдельно взятого проекта. Правильная организация государственной обороны, подчёркивали кадеты, требовала строгого единоначалия, которое одно может служить достаточной гарантией единства взглядов в деле оценки всей совокупности внешней безопасности государства. При этом либералы были убеждены, что военное ведомство не должно скрывать от страны вопросов, касающихся её безопасности и самых жизненных интересов. В отличие от западных конституционных государств, где было принято объяснять причины необходимости усиления вооружений, русское общество, в отсутствие такой информации, находилось в бесправном и

унизительном положении. «Мы должны, - говорил видный кадет Ф.Ф. Кокошкин, - хотя бы в частных кругах разбивать это суеверное отношение к вопросам обороны».²²

Проблема национальной безопасности, напрямую связанная с наличными финансовыми ресурсами России, привлекла внимание либералов к вопросу обеспечения денежными средствами созданного правительством плана обороны. Отмечая хронический пассивный платёжный баланс страны, ради которого она вынуждена была притягивать деньги из-за границы, кадеты указывали на необходимость пересмотра финансово-экономической политики государства. Министр финансов В.Н. Коковцов, придерживавшийся строгой бюджетной экономии, на взгляд либералов, забывал, что «в процессе экономического обновления и возрождения страны экономия в государственном хозяйстве есть лишь отрицательное условие, а не какая-либо положительная творческая сила».²³ Кадетам была более близка по своей сути экономическая программа промышленников, которые подчёркивали важность подъёма производительных сил при помощи, во-первых, иностранных займов, а во-вторых, «инвестирования» их, при содействии государства, в разного рода «сооружения», где на первом месте должны стоять железные дороги и все области так называемого «производства». Соглашаясь с тем, что других способов быстрого и ощутимого воздействия на экономическую жизнедеятельность страны нет и быть не может, в своей программе кадеты делали дополнительный акцент на развитие народного образования и на разные виды содействия мелкому хозяйству, подчёркивая, что основным деятелем и решающей силой в экономической жизни является человек.

Создание «нового экономического человека» кадеты определяли первоочередной задачей, сознавая, при этом, что результаты вложения капиталов в народное образование не будут ощутимыми в сколько-нибудь обозримом будущем. Но от степени быстроты процесса хозяйственного воспитания крестьянина, подчёркивали они, зависело экономическое и культурное развитие России. Чем выше образованность мелкого хозяйственника, тем больше шансов на то, что денежные средства, направляемые, прежде всего, в земледелие не будут «съедены», поглощены потреблением, а пойдут на производительные цели. Только в этот промежуток времени – воспитания и образования русского человека в экономическом отношении – требовалось усиленное привлечение капиталов. Достижение поставленной задачи снимало вопрос об иностранных займах, ибо экономически развитая Россия более в них не нуждалась бы.

Восстановление внутренней политической и экономической крепости государства и обеспечение на этой основе национальной безопасности являлось насущной потребностью ещё и потому, что любая международная политическая комбинация для милитарно и политически слабой России не могла стать гарантом спокойствия. В условиях фатальной неизбежности столкновения Англии и Германии, следование в фарватере первой нисколько не гарантировало Россию от нападения со стороны Германии, ибо данный факт «вовсе не будет для Англии обязательным *casus foederis*.²⁴ Борьба соединённых Германии и Австро-Венгрии с Россией, несмотря на существование франко-русского союза, отнюдь не явится *casus foederis* даже для Франции, т.е. возможно, - указывал П.Б. Струве, - что России одной придется бороться с враждебными ей западными державами».²⁵ Перейти в русло германской политики означало спровоцировать «кровавое разрешение англо-германского конфликта, ибо (такой оборот – И.В.) побудил бы Англию как можно скорее нанести удар этой угрожающей её жизненным интересам комбинации».²⁶ Таким образом, делали вывод идеологи конституционно-демократической партии, «одним из главнейших факторов мировой политики, которого нельзя ни на минуту забывать, является внутренняя политическая и финансовая слабость России. Именно эта слабость... есть та чёрная точка мировой политики, которая может разрастись в грозную тучу».²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Струве П.Б. Оздоровление власти. // П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.396.
2. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство. // П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. СПб, 2000. С.83.
3. Струве П.Б. Оздоровление власти.// П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.392-393.
4. Струве П.Б. Унижение России.// П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.116.
5. Струве П.Б. Великая Россия. // П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. Указ. соч. С.48.
6. Там же. С.49.
7. Струве П.Б. Оздоровление власти.// П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.391.
8. Струве П.Б. Два национализма.// П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. Указ. соч. С.95.
9. Там же. С.94, 96.
10. Струве П.Б. Тревога и безгололье.// П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.114.
11. Струве П.Б. Великая Россия. // П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. Указ. соч. С.41.
12. Речь. 18 (31) 03. 1909 г.

13. Речь. 21.05. (3.06). 1909 г.
14. Там же. С. 79.
15. Имеется в виду Боснийский кризис 1908-1909 гг., в котором Россия, по причине военной слабости, была вынуждена уступить требованиям Германии и Австро-Венгрии в вопросе о признании аннексии Боснии Герцеговины.
16. Речь. 21 04. (4.05). 1909 г.
17. Виноградов В.Н. Двадцатый век. Россия: возвращение в Европу.// В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С.259.
18. Струве П.Б. Великая Россия.// П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. Указ. соч. С.47.
19. Архив внешней политики Российской империи, Ф. 150, Японский стол, Оп. 493, Д. 206, Л. 105-105 об.
20. Речь. 29. 07. (11.08.) 1912 г.
21. Речь. 29.07 (11.08). 1912 г.
22. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х томах. 1905-1917 гг. М., 1997-2000. Т.2. С. 516.
23. Струве П.Б. Экономические программы и «неестественный режим»././ П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.95.
24. С лат. – обстоятельство, требующее исполнения договора.
25. Струве П.Б. Современное международное положение под историческим углом зрения.// П.Б.Струве Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Указ. соч. С.86.
26. Там же. С.85.
27. Струве П.Б. Что такое государственный человек?// П.Б. Струве. Россия. Родина. Чужбина. Указ. соч. С.175.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В «пороховом погребе Европы». М., 2003.
2. Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб, 2000.
3. Струве П.Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

I.E. Voronkova

CADETS ABOUT FOREIGN POWER OF THE STATE IN THE LIGHT OF HOME POLICY

Abstract: The article is dedicated to the question of researching by some ideologists of constitutional democratic party the problems of counteraction of the inner politics of the country with its position in the international scene. Using the interpretation of the author of the article cadets called the necessary conditions of recovering the outer country political power of the Russian State: constitutionalization of inner life, persuading of liberal national politics, recovering of financial-economical power of Russia.

Key words: cadets, foreign power of the state, constitutionalization of Russia, national politics, financial-economical power.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-политических проблем развития образования в России и выявлению основных тенденций его развития в современных условиях. Процесс регионализации отечественной школы рассматривается на примере Северо-Кавказского региона. Каждая республика в данном регионе характеризуется различием социально-экономического уровня, различием культур и составом населения. Поэтому образовательное пространство Северного Кавказа предлагается формировать на основе взаимопроникновения этнокультурных ценностей, выработанных всеми народами за многовековую историю их развития.

Ключевые слова: реформа, Болонская декларация, многокультурность, система образования, социокультурные образовательные ситуации.

В современном мире глобальность выступает одним из важнейших параметров существования человеческого общества. Отражая процессы взаимообусловленности и взаимозависимости различных компонентов мирового сообщества, глобализация выражает идеи целостности всего человечества как социобиологического образования. В этом направлении Лиссабонская конвенция в соответствии с принципами Великой хартии европейских университетов (Болонской декларации 18 сентября 1988 г.) значительно расширила объем прав университетов в вопросах признания зарубежных дипломов (квалификаций). Ранее эти вопросы в большинстве европейских стран являлись исключительной компетенцией национальных правительств. Однако, происходящие в России социально-политические процессы являются своеобразным препятствием в процессе трансформации Российского образования в Европейскую систему образования [1].

Процессы децентрализации и регионализации отечественной школы в 90-е г. XX в. актуализировали задачу сравнительных исследований развития образования в регионах и субъектах Российской Федерации. Значительный интерес для исследователей-компартивистов представляет Северо-Кавказский регион, который характеризуется полиэтничным и многоязычным составом населения, многообразием культур,

различием социально-экономического уровня входящих в него республик. На состоявшихся в июне 1999 г. Парламентских слушаниях по вопросу: "Проблемы законодательного регулирования процесса сохранения единого образовательного пространства России на примере Северо-Кавказского региона" было отмечено, что стабилизация обстановки в Северо-Кавказском регионе имеет принципиальное геополитическое значение для России [2].

Система образования в республиках Северного Кавказа в конце 90-х гг. XX в. претерпевает значительные изменения: обновляются звенья системы образования, формы и методы учебно-воспитательного воздействия, средства и технологии обучения. В настоящее время система образования всего Северо-Кавказского региона стала одним из важнейших элементов национальной инфраструктуры. Значительно интенсифицировались процессы гуманитаризации, вариативности в построении содержания общего образования, которые оказались наиболее неразработанными именно в методологическом плане, потребовали научного осмысления и теоретического обоснования, как со стороны ученых, так и педагогов-практиков. Данные проблемы рассматривались в работах Г.Б. Корнетова, А.П. Лиферова, В.С. Собкина, Л.Л. Супруновой, П.И. Пидкасистого, П.С. Писарского, Х.Г. Тхагапсоева, В.К. Шаповалова, Е.Н. Шиянова и других ученых. Однако понимание важности и необходимости учета тенденции к регионализации современного образования требует не столько обращения к простому описанию специфики социокультурных образовательных ситуаций, сколько выявления особых типов социокультурных образовательных систем, сложившихся в Российской Федерации [3].

Принцип регионализации в настоящее время выступает доминирующим фактором развития образовательных систем, реализация которого обозначает новый этап в становлении вариативного образования на территории современной России, которая должна стать переходным звеном в мировую систему образования. Данный принцип позволяет этнорегиональным образовательным системам выступать субъектами стратегии развития в соответствии с присущими региону геоэкономическими и социокультурными особенностями. Как указывают Е.А. Соболева и В.И. Спирина,

* © Пещеров Г.И., Пещеров В.Г.

методологическим основанием реализации принципа регионализации служит «холистический» подход, позволяющий установить органическую либо функциональную связь между целым и составляющими его частями, выявить противоречивые тенденции регионализации и интеграции образования, его развития и целостности образовательного пространства. Регион выступает устойчивым социально-географическим понятием, которое приобретает более конкретный смысл в современном российском образовательном пространстве. Вместе с тем, возникает вопрос, а насколько правомерно сведение национально-регионального компонента содержания образования до нужд определенной республики и конкретно взятого народа в сфере воспроизводства социокультурных ценностей [4].

Образовательная ситуация на Северном Кавказе характеризуется высокой степенью неопределенности в выборе дальнейшего направления развития этнорегиональных образовательных систем, авантный вектор эволюции которых связывается с задачами закрепления национальных прав на политическую независимость, суверенизацию, этнокультурную ориентацию. Задачи организации образования решаются в большинстве случаев с позиций национально-культурной автономии и приоритетности интересов титульных наций. Подобная ситуация усугубляется тем, что введенный в 1992г. Законом РФ «Об образовании» национально-региональный компонент содержания общего образования не только по-разному трактуется в различных субъектах федерации, но и в большинстве случаев не обеспечен тем необходимым учебно-методическим минимумом, который необходим для полноценной организации учебно-воспитательного процесса в различных образовательных учреждениях [5].

Основное противоречие в развитии региональных образовательных систем современной России заключается в несоответствии этнических и поликультурных факторов построения содержания образования. С одной стороны развитие образовательной системы призвано сохранить национальные особенности, с другой - создать условия для «трансформации» в мировое культурно-образовательное пространство.

В 2000 году было проведено анкетирование по определению отношения учителей школ Республики Северная Осетия-Алания к различным аспектам реализации национально-регионального компонента (НРК) содержания общего образования. Около 71% учителей высказали опасение, что НРК может помешать «включению» ученика в российскую и мировую культуру. При этом 58,9% учителей отмечают, что НРК не способствует формированию научного мировоззрения. Вместе с

тем, наиболее опасной тенденцией реализации НРК значительным большинством респондентов (81%) отмечается воспитание любви к «малой родине», в то время как формированию уважения к ценностям других народов и культур не уделяется внимания. Таким образом, очевидна опасная тенденция, связанная с «замыканием» воспитуемых в рамках определенных этнокультурных ценностей. Образовательная ситуация в сфере реализации НРК также усугубляется недостаточной подготовкой учителей, на что указали около 38% респондентов, а также низким уровнем научно-методического обеспечения (21%). Очевидно, что процессы регионализации образования в северокавказских республиках должны учитывать национально-культурные, социально-экономические, экологические, культурные, демографические и другие особенности не только всего региона, но и России в целом. Необходимо, чтобы каждая этнорегиональная образовательная система была открыта для «проникновения» идей многокультурности, толерантности, приоритета добрососедских отношений. Именно формирование единого поликультурно-образовательного пространства Северного Кавказа должно явиться основной целью реализации национально-регионального компонента в процессе обучения и воспитания. Образовательное пространство Северного Кавказа необходимо формировать на основе взаимопроникновения этнокультурных ценностей, выработанных всеми народами за многовековую историю своего развития и перспектив развития образования в мире [6].

Для создания единого культурно-образовательного пространства России на примере Северного Кавказа целесообразно:

создать единую концепцию образования на основе реализации НРК, в рамках которой разработать и внедрить в республиканские образовательные программы комплекс различных учебных курсов, связанных с изучением истории и культуры не только северокавказских народов, но и истории и перспектив развития наиболее развитых стран мира [7];

на межреспубликанском уровне создание учебно-методической литературы, разработка гибких и вариативных механизмов подготовки педагогических кадров в системе общего образования с учетом глобалистических тенденций в культурно-образовательной сфере России.

«Глобальная регионализация» общественной жизни обусловила необходимость переосмысления роли, положения и перспектив дальнейшего развития российского образования. В основу анализа перспективной системы образования необходимо заложить следующие положения:

а) “генетическая матрица” современного российского общества может быть сохранена лишь на основе реализации в образовательной практике фактора поликультурности, являющегося составной частью философско-педагогической теории гуманитаризации образования. Только в условиях поликультурной образовательной парадигмы станет возможным обеспечить единство и преемственность отечественных и мировых культурных традиций, обосновать приоритет человеческих ориентаций;

б) концепция гуманитаризации образования позволяет осуществить переход от современного процесса регионализации в российской образовательной практике к реализации идеи “единого образования в мире”.

Так как для образовательной ситуации современной России характерно усиление этнизации и национализации содержания образования, возрастание роли национальной культуры в процессе социализации и интериоризации личности, интернациональный фактор, должен выступить основой для поликультурного образования. Ведущий принцип реализации “единого образования в мире” в поликультурном образовании - социокультурный контекст развития личности - предполагает максимальный учет конкретных национальных реалий и определение их места и значимости в интернациональном мире. На основе данной целевой установки определяется образовательная стратегия, направленная на формирование личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения национальных культур человечества.

Данная образовательная стратегия определяет следующие образовательные задачи: глубокое и всестороннее овладение основами национальной культуры, что является непременным условием интеграции в другие культуры; формирование представлений о многообразии национальных культур, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; приобщение к основам мировой культуры, раскрытие объективных причин процесса глобализации, взаимозависимости народов в современных условиях и необходимости определенного консенсуса в целях глобализации системы образования в мире.

Современное поликультурное образование должно строиться на основе учета следующих основополагающих принципов [5]:

а) принципа диалектической включенности национальной культуры в систему Российской и мировой, выражающий систему общекультурных

императивов, которые присущи в равной степени всем этнокультурным образованиям;

б) принцип историко-культурной и цивилизационной направленности национального образования, предполагающий необходимость раскрытия исторической обусловленности явлений прошлого и настоящего, изучения фольклора, национального искусства, обычаев, традиций и перспектив развития человеческой цивилизации. При этом само понятие “национальная культура” приобретает обширный, всеобъемлющий и многоаспектный смысл, как интегративная категория, объединяющая всевозможные аспекты идентификации социума в российской и мировой культуре;

в) принципа поликультурной идентификации и самоактуализации личности, основанный на включении в региональное содержание образования знаний о человеке и обществе в целом;

г) принципа глобальности культурно-образовательного процесса, отвечающий за развитие целостного поликультурного мировоззрения, коммуникативных особенностей личности в современном мире;

д) принципа поликультурной толерантности и интеробразовательной перспективы, отражающий механизм этнокультурной идентификации личности к структуре гармонизации межэтнических отношений.

Современное поликультурное образование должно не только опираться на сравнительно-сопоставительный анализ различных этнокультурных модусов, но всемерно использовать диахронический подход, позволяющий проследить этапы формирования системы духовно-нравственных ценностей, увидеть в историко-ретроспективном аспекте инвариантные и специфические явления в развитии определенного типа культуры, почувствовать “духовный стиль эпохи” и выявить артефакты в развитии данной этнокультуры. Диахронический подход в структуре поликультурного образования направлен на выявление и анализ “культурных стереотипов”, представляющих собой совокупность наиболее характерных черт культуры. Так как культурный стереотип представляет собой совокупность взаимодействующих друг с другом и взаимодополняющих элементов, то рассмотрение каждого из них неизбежно выводит на уровень изучения самой системы. Данный подход отвечает идее гуманитаризации образования, так как направлен на целостное изучение мировой культуры.

Организованное таким образом поликультурное образование опирается на междисциплинарный творческий подход и направлено на формирование культурологической рефлексии, в результате которой познающий субъект поднимается над различными этнокультурными пара-

дигмами видения мира и человека. Результатом данного образовательного процесса является формирование поликультурного мышления, выступающего отражением современных глобалистических тенденций в образовательной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Structure of the Education and Initial Training Systems in the European Union. European Commission. Belgium. 1995;
2. Образование: сокрытое сокровище. Доклад Международной комиссии для XXI века, представленный ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО. 1997;
3. Раджа Рой Сингх (Raja Roy Singh). Образование в условиях меняющегося мира // Перспективы. Вопросы образования. 1993. №1.
4. Крылова Н. Культурология образования. М.: Народное образование. 2000. С. 89.
5. Шаповалов В. Этнокультурная направленность российского образования. М., 1997. С.21.
6. Загвязинский В. Проектирование региональных образовательных систем // Педагогика. 1999. №5.
7. Об утверждении Федеральной программы развития

образования (Федеральный закон РФ от 10. 04. 2000. № 51-ФЗ) // Вестник образования, 2000. № 12.

G. Peshеров, V. Peshеров

SOCIAL AND POLITICAL PROBLEM EVOLUTION
THE REGIONAL EDUCATION SYSTEM IS CONTEXT SO-
CIAL AND CULTURAL TRANSFORM OF RUSSIA

Abstract: Article is devoted the analysis of sociopolitical problems of a development of education in Russia and to revealing of the basic tendencies of its development in modern conditions. Process regional domestic school is considered on an example of the North Caucasian region. Each republic in the given region is characterised by distinction of social and economic level, distinction of cultures and population structure. Therefore the educational space of the North Caucasus is offered to be formed on the basis of interosculation of the ethnocultural values developed by all people for centuries-old history of their development.

Key words: reform, the Bolon declaration, many cultural, education system, the social and cultural situation of education.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАМЫСЛЫ УЧАСТНИКОВ АНТИПАВЛОВСКОГО ЗАГОВОРА*

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные проекты участников заговора против Павла I, анализируется их связь с предшествовавшими конституционными проектами, в частности с проектом Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина. Особое внимание уделяется позиции Александра I по этому вопросу, а также причинам нереализации этих проектов.

Ключевые слова: конституционные проекты, Павел I, Александр I, дворцовый переворот 1801 г.

Вопрос о конституционных проектах участников заговора против Павла I является одним из наименее изученных в исторической литературе. Целью настоящей статьи является анализ этих проектов, а также выяснение причин неудачи их реализации. Особое внимание будет уделено выяснению позиции нового императора Александра I по этому вопросу.

Политика Павла I, являвшаяся *одной из модификаций «просвещенного деспотизма»*, впервые разработанного и примененного на практике Иосифом II в Австрии и представлявшая собой своеобразное консервативное соединение деспотизма и вывернутого наизнанку рабского уравнения, привела на деле к резкому осознанию дворянством своих прав, на которые посягнул император. А это привело в свою очередь к новому всплеску «верховнических» настроений, выразившихся в конституционных проектах руководителей антипавловского заговора. Интриги и заговоры против Павла I начали плестись практически сразу после его вступления на престол и не прекращались до конца его царствования, благо поводов для этого было предостаточно. В них участвовали и наследник престола Александр Павлович с «молодыми друзьями», и почти вся екатерининская аристократия, отодвинутая на второй план выдвинутыми Павлом, и множество гвардейских офицеров, недовольных ущемлением своих прав. Однако главный заговор, приведший, в конце концов, к свержению Павла, сложился окончательно лишь *весной 1800г.* Во главе его стояли, граф *Никита Петрович Панин* – племянник Никиты Ивановича Панина – бывший посланник в Берлине, а с 1799 г. вице-президент Иностранной коллегии, *О.А. Жеребцова* – сестра Платона Зубова, адмирал *Иосиф де Рибас* и граф *П.А. Пален* – петербургский военный губернатор

[4, 3-4].

В планах заговорщиков можно выделить *два главных положения:*

а) во-первых, устранение с престола Павла I (на этом сходились все);

б) во-вторых, и Панин, и Пален, считали ситуацию удобной для введения Конституции, ограничившей бы самодержавие, которое, по их мнению, в своем произволе и беззаконии перешло все мыслимые границы. Но здесь были расхождения в методах реализации этого плана.

Панин видел способ в регентстве, т.к. считал, что арестованный, но живой Павел дал бы лучший повод для Хартии, т.е. ограничения самодержавия регентским Советом, тогда как убийство Павла приведет к замене его «хорошим» царем, и оттого «не нуждающимся» в конституционном ограничении.

Пален же выступал за физическое устранение Павла I, затем предполагалось навязать растерянному и неопытному Александру конституционный акт [4, 4-5].

Что из себя конкретно представляли конституционные замыслы заговорщиков? Центральное место в планах заговорщиков занимал *Сенат*. По свидетельству генерала Беннигсена, именно этот орган должен был избрать Регентский Совет и фактически управлять всеми делами государства. О том же пишет в своих мемуарах М.А. Фонвизин: «Панин и Пален хотели заставить Александра в первую минуту утвердить конституционный акт своей подписью, при этом видимо был использован проект дяди Панина: политические права одному дворянству, выборность Сената и местных учреждений» [6, 30-45].

Присутствие в рядах заговорщиков Панина-младшего вроде бы подтверждает эту преемственность.

Интересные свидетельства об авторстве конституционного проекта дает А.С. Пушкин со слов И.И. Дмитриева – современника заговора: «План конституции и заговора начертан де Рибасом и Паниным, но первый затем отстал, раскаясь и, будучи осыпан милостями Павла» [3, 160-162]. К тому же де Рибас видимо решил вообще раскрыть все планы заговорщиков Павлу и поэтому, как считал Пушкин, был, скорее всего, отравлен своими же коллегами [3, 162].

Граф А. Коцебу, по рассказу Клингера, сообщает, что «граф Пален, без сомнения имел

* © Захаров В.Ю.

благотворное намерение ввести умеренную конституцию, то же намерение имел и князь Зубов, делавший некоторые намеки, которые не могут быть иначе истолкованы, и брал у генерала Клингера «Английскую Конституцию» Делальма для прочтения» [2, 349].

Сложно сказать, была ли «конституция Панина-Палена-Зубова» повторением панинского проекта, но общее в них то, что ограничение абсолютизма связывается с Сенатом.

Знал ли Александр о конституционных замыслах заговорщиков? Несмотря на все его попытки показать свою непричастность к заговору против отца, существует несколько подтверждений осведомленности Александра. Во-первых, С.А. Тучков, познакомившийся в 1807 г. в Смоленске с Н.П. Паниным, вспоминал, что тот сообщил ему в конфиденциальной беседе, будто «Александр дал ему честное слово, что коль скоро вступит на престол, то непременно подпишет сию Конституцию...» [5, 270-271].

Примерно о том же сообщает и И. Головин: «Пален добился у великого князя согласия навести справки, каким образом отречение производилось в других странах и каковы могут быть полномочия Регентского Совета» [1, 254].

Итак, по всей видимости, Александр знал о намерениях заговорщиков и даже одобрял их. Другое дело, искренне ли он это делал или был вынужден пойти на это под гнетом непреодолимых обстоятельств? Нам думается, что скорее верно последнее. Ведь как любой абсолютный государь, став таковым, Александр вряд ли желал поступиться своей властью. Но ведь к власти-то его привели заговорщики, и он был обязан выполнить свои обязательства перед ними. Эта-то дилемма и стала определяющей линией во внутренней политике в первый год его царствования.

Однако из этой ситуации был довольно простой выход – Александр мог просто повторить историю с «кондициями» Анны Иоанновны и, опираясь на гвардию, не подписывать ничего, благо прецедент такой уже был. Тем более тот же М.А. Фонвизин сообщает, что командир семеновцев Талызин, когда ему стало известно о намерениях Палена, Панина и их компании заставить Александра подписать конституционный акт, сообщил об этом наследнику и просил ни под каким видом не подписывать документа. В крайнем случае, гвардия, на которую Талызин имел неограниченное влияние, сохранил верность Александру [6, 49].

Но в этом случае наследнику грозила уже полная зависимость от гвардии и ее руководителей. Такое положение Александра также не устраивало.

В этой ситуации Александр избрал промежуточную позицию. Он отказался подписывать

аристократический конституционный акт, ссылаясь на возможное недовольство в гвардии, но и не воспользовался силами последней для устранения заговорщиков.

Примечательно, что практически все попытки ограничения самодержавия приходится на периоды междуцарствий – это становится своеобразной закономерностью российской истории. Исходя из этого, понятно, что и Александр I, вступив на престол, был вправе ожидать нечто подобное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1) Головин И. Записки. Лейпциг, 1859.
- 2) Коцебу А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801г. СПб., 1907.
- 3) Пушкин А.С. Собрание сочинений. М., 1948. Т. XII.
- 4) РГАДА. Ф.1274. Оп. I. Д. 2863. (Воспоминания неизвестного лица о заговоре против Павла I).
- 5) Тучков С.А. Записки. СПб., 1908.
- 6) Фонвизин М.А. Политическая жизнь в России // Библиотека декабристов. СПб., 1907. Вып. IV.

V. Zakharov

CONSTITUTIONAL PROJECTS OF THE PARTICIPATORS OF THE CONSPIRACY AGAINST PAUL I

Abstract. This article is about the constitutional projects of the participators of the conspiracy against Paul I in Russia. The author analyses its connection with preceding projects at the second part of XVIII century. The main attention is spare to position of Alexander I and reasons of the unsuccess of these projects.

Key words: The constitutional projects, Pavel I, Alexander I, palace revolution of 1801.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.*

Аннотация. В статье поднимается актуальный для истории дореволюционной журналистики вопрос о восприятии провинциальных периодических изданий читателями, журналистами и губернскими властями в России

Ключевые слова: дореволюционная Россия, провинциальные периодические издания, журналистика, граждане.

Уже современники начали изучать отечественные дореволюционные периодические издания. Исследования тех лет касались цензурных сложностей и общей характеристики газет и журналов [1]. Историки советского времени сосредоточили внимание на взаимовлиянии печати и революционного и рабочего движения, особенностях большевистской периодики, буржуазных изданий [2]. Современные исследования дореволюционной журналистики находятся в стадии становления. В этом историографическом контексте постановка вопроса о восприятии провинциальной прессы журналистами, читателями и губернскими властями в отдельном регионе России является актуальной, как наименее изученная.

В восприятии печатного слова сотрудниками ярославских изданий следует выделять несколько составляющих: коммерческую, связанную с получением прибыли, и гражданскую, связанную с необходимостью самовыражения, пониманием значения роли журналистики в развитии общества. Э.Г. Фальк, первый издатель-редактор ярославской газеты «Северный край» (1898-1905 гг.), видел в своей газете средство освещения вопросов хозяйственной жизни всего севера России, помощника в поднятии нравственного и умственного развития населения, а также наблюдателя за деятельностью общественных, городских, земских и сословных учреждений, «который будет свободно мыслить на благо народу и отечеству» [3]. В газете «Русский народ» (1906–1910 гг.), издании Ярославского союза Русского народа, напротив, печатное слово использовалось против «шарлатанов либерализма», «жидов», масонов. Шовинистические настроения газеты способствовали созданию ее дурной репутации не только у читателей, но и у остальных участников газетно-журнального рынка Ярославской губернии, поэтому деятельность «Русского народа» подвергалась критике [4, 5].

Преобладание коммерческой составляющей в выпуске изданий, а затем уже информационной и просветительской, особенно заметно на примере локальных изданий губернии, например юмористических журналов – «Ярославская колодушка», «Звонарь», «Смех», «Лихорадка», - которые существовали исключительно за счет продажи в розницу в месте своего выхода. Даже редактор-издатель достаточно крупной газеты «Ярославские отголоски» (1906–1910 гг.) В.В. Шпеер не всегда находил средства для того, чтобы платить жалование сотрудникам [5, 33]. Он не всегда мог обеспечить розничную продажу своей газеты даже в соседнем с Ярославлем Ростове.

Частная журналистика в Ярославском крае в конце XIX - начале XX в. была вынуждена приспосабливаться к складывающимся условиям. Жить сотрудникам периодических изданий исключительно за счет своего литературного труда было непросто. Помимо умения писать, нужно было быть готовым к низкому жалованию, преследованиям полиции, непониманию в обществе [6, 3]. Несмотря на это в губернии были люди, которые очень высоко ценили печатное слово, работу в газетах для читателей. Одним из них был выдающийся представитель местной журналистики Н.П. Дружинин (1858-1941), занимавшийся на страницах ярославских и столичных изданий популяризацией юридических знаний. В письме к хирургу А.А. Троянову он писал: «Печатное слово приобретает в России такое значение, что ему и стоит послужить, и необходимо к этому служению, как делу очень важному хорошо подготовляться. От журнальных статей и книг думаю перейти впоследствии к газетным статьям, - а хотя это, по-видимому, мелкая работа, - но тут приходится беседовать с массой, и думается, что такая работа наиболее, поэтому, ответственна и требует особой подготовки» [7].

Провинциальная периодика в Ярославской губернии с конца XIX в. прошла несколько этапов: от административной зависимости и цензурного контроля до интерпретации происходящих событий таким образом, что за это следовала административная и даже уголовная ответственность. Несмотря на последовавшие ограничительные правила для печати от 24 ноября 1905 г. и 18 марта 1906 г., Манифест 17 октября 1905 г. стал рубежом между полной зависимостью газет и журналов от цензуры до свободного выхода периодики в свет. Однако при всей прогрессивности Манифеста 17

* © Таточенко В.В.

октября положение печати в Ярославской губернии ухудшилось. Если до 1905 г. частная пресса выходила постоянно, но и с корректурой цензора, то после 1905 г. частная пресса стала выходить нерегулярно из-за ареста номеров по выходе их из типографий. Даже если газетный номер потом разрешался судом, то терял свою будничную актуальность, продаже он не подлежал, сохраняя ценность лишь для читальных залов библиотек.

До 17 октября 1905 г. жители Ярославской губернии были вынуждены испрашивать разрешение от местных властей не только на открытие газеты и журнала, но и на торговлю книгами, картинами и повременными изданиями. Не всегда ходатайства имели благоприятный исход. Летом 1899 г. С.А. Овсянников подал прошение о разрешении производить в г. Пошехонье торговлю книгами, картинами, газетами и журналами, но получил отказ. Ярославский губернатор Б.В. Штюмер узнал из рапорта Пошехонского уездного исправника все грехи просителя: интимные отношения с земской акушеркой-девицей Роговой в 1898 г., побои жены, мстительные корреспонденции к должностным лицам в газетах «Северный край» и «Народ», пьянство. «Приняв во внимание все сказанное выше, невольно приходишь к заключению, что Овсянников, сотрудничая в газетах, является не поборником правды, а лишь мстителем», - писал исправник П.А. Воржский губернатору. С.А. Овсянников не согласился с таким решением, подал жалобу в Сенат и получил в ответ копию рапорта исправника. Позже он стал владельцем типографии в Рыбинске и издавал газету «Рыбинский листок» (1906-1907 гг.) [8].

В период первой русской революции увеличилось количество судебных преследований, обрушившихся на ярославских редакторов-издателей. Ужесточение контроля было санкционировано Департаментом полиции Министерства внутренних дел и Главным управлением по делам печати. Распоряжениями министра внутренних дел от 18 января и 25 апреля 1907 г. местным властям было предложено отвергать, в порядке 138 ст. Устава о цензуре, всякие ложные сообщения прессы и по суду привлекать виновных к ответственности за клевету. Вице-губернаторы использовали чаще всего арест номера повременного издания, эта мера сужала информационный поток в регионе.

Более действенной мерой для ограничения свободы печати в Ярославской губернии было Постановление № 1 Ярославского губернатора, действовавшее с 4 июня 1907 г. по 3 июня 1909 г. В нем воспрещалось оглашение или публичное распространение статей, возбуждающих враждебное отношение к правительству. Запрещалось также распространять произведения печати, подверг-

нутые аресту. Не разрешалось публичное восхваление преступного деяния, распространение или «публичное выставление сочинения или изображения, восхваляющего такое деяние». Воспрещалось оглашение или публичное распространение ложных сведений о деятельности членов правительства, должностного лица, воинской части и ложных слухов о любом событии, возбуждающих общественную тревогу. За нарушение взимался штраф до 500 рублей с заменой арестом на несколько месяцев в случае несостоятельности [9].

Главная причина введения Постановления № 1 заключалась в разности восприятия газетных материалов губернской администрацией и членами суда. Ярославский окружной суд оправдывал редакторов-издателей по большинству процессов санкционированных ярославским вице-губернатором. В статьях, где вице-губернатор видел нарушение Временных правил печати от 24 ноября 1905 г. или 18 марта 1906 г., члены суда видели мирное проявление свободы слова, не стоящее вразрез с буквой закона. Члены суда точно исполняли закон, а не следовали субъективным оценкам властей.

Восприятие печатного слова читателями можно проследить благодаря их письмам в редакции газет. В конце XIX – начале XX в. периодика Ярославской губернии уделяла большое внимание вопросам благотворительности. Как правило, читатели тепло приветствовали частные пожертвования на страницах печати, рассказывали о случаях и суммах пожертвований [10, 4]. Такая отчетность имела форму приходно-расходной таблицы или статьи с включением статистических сведений [11].

Письма читателей уделяли внимание вопросам общественной самодеятельности, практике заседаний обществ. Но чаще они исправляли неточности в сообщениях прессы. Если сообщение дискредитировало читателя, он мог начать судебное разбирательство. Такие случаи стали особенно часты после отмены предварительной цензуры по Манифесту 17 Октября 1905 г. Возможностью отстаивать свои интересы в суде не пренебрегали даже представители православной церкви.

Самый яркий случай судебного разбирательства был связан с оскорблением ярославского губернатора А.П. Роговича в № 252 газеты «Северный край» от 28 октября, которое оценивалось как преступление, соответствующее статьям 1039 и 1040 Уложения о наказании. Губернатор санкционировал разбирательство 29 октября 1905 г., из-за зятяности судопроизводства его допрос в качестве потерпевшего проходил в Санкт-Петербурге 19 июня 1907 г., когда он занимал уже должность сенатора. Дело было закрыто товарищем прокурора ярославского окружного суда 28 июня

1908 г. по причине смерти редактора-издателя «Северного края» В.М. Михеева [12].

Ответами на статьи в газетах были не только письма в редакции, но и реальные столкновения, доходившие до драк. Так, 24 ноября 1905 г. крестьяне села Вятского Ярославской губернии, возмущенные ложной информацией в заметке «Северного края» о своем присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу, напали на корреспондентов-агитаторов, приехавших в село повторно: дворянина И.Ф. Ивашкевича, землевладельцев М.Н. Оловянишникова и Петрова, учителя Вятского училища В.П. Сурина [13].

Таким образом, восприятие провинциальной периодики в Ярославской губернии имело несколько сторон. Редакторы-издатели понимали свое значение, понимали то влияние, которое газеты и журналы оказывали на современников. Значение печатного слова оценивалось ими не только как средство информационного просвещения населения. Журналистская деятельность должна была приносить прибыль, отвечать законам спроса и предложения. В тоже время представители газетно-журнального мира воспринимали себя не единым целым как сообщество журналистов, о чем свидетельствовала критика деятельности друг друга. Восприятие ярославской периодики местными властями было тесно связано с пониманием ими закона. В документах правительства, обращенных к губернатору, использовалось словосочетание «вверенная губерния», которое означало необходимость обеспечить спокойствие на подведомственной территории. Губернатор и вице-губернатор (редактор ярославских временных изданий) держали ответ перед Главным управлением по делам печати, оно - перед министром внутренних дел, а он в свою очередь - перед императором. Такая ответственность перед вышестоящим должностным лицом для чиновника должна была означать ответственность перед царем, а значит перед страной и Богом. Восприятие местных газет и журналов судебной властью было более беспристрастным, но полномочия судей определялись законами о печати, которые несколько раз менялись. Читатели воспринимали печать не только как источник просвещения. Их письма в газеты свидетельствовали об интересе к происходившим в стране событиям. Русская реальность, в которой были голод и рост цен, особенно заметный в период первой русской революции, ура-патриотические настроения и критика общественных и правительственных учреждений, не позволяла жителям оставаться в неведении в империи, которая приближалась к своему закату.

СПИСОК Литературы:

1. См.: Валле-де-Барр Е.А. «Свобода» русской печати

(после 17 октября 1905 г.) – Самара, 1906. 184 с.; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем – М., 1905. 250 с.

2. См.: Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны - Л., 1975. 152 с.; Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции - Л., 1981. 192 с.
3. Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 445. Л. 3 об.-4 об.
4. Письма к дяденьке // Ярославская колотушка. 1906. № 1.
5. Автобиографический очерк С.С. Каныгина. // Ярославская старина. Исторический журнал. 2006. Выпуск 6.
6. Курбихин. Пошехонские письма. I // Северный край. 1901. 7 (20) сентября.
7. Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 266. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.
8. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 499. Л. 231, 234-234 об., 236, 237.
9. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 316. Л. 2-2 об.
10. Черенин Н. П. Письмо в редакцию // Северный Край. 1904. № 34. 6 (19) февраля.
11. ГАЯО. Ф. 79. Оп. 10. Д. 33. Л. 33.
12. ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 585. Л. 15, 32, 76 об.
13. ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 542. Л. 7 об.-8.

V. Tatochenko

PERCEPTION OF THE PROVINCIAL PERIODICAL PRESS IN THE YAROSLAVL PROVINCE IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the actual question of perception of the provincial periodicals by audience, journalists and local authorities in pre-revolutionary Russia.

Key words: pre-revolutionary Russia, provincial periodicals, journalism, citizens.

«ПОНЯТИЕ «РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА»: ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»*

Аннотация. Статья содержит теоретико-политологический анализ современной разработки понятия «российская диаспора» и проблем, возникающих в трактовке этой дефиниции.

Ключевые слова: российский народ, российская диаспора, русский мир, российское социокультурное пространство.

Несмотря на то, что с момента актуализации проблемы российской диаспоры и диаспоральной политики России, пик которой пришелся на вторую половину 90-х гг. прошлого столетия, отечественным экспертным сообществом, политологами, обществоведами пройден значительный путь, результируемый солидным багажом научных работ и полемики материала, современное состояние вопроса, как в академическом, так и в практическом контексте, далеко от завершенности.

Автор далек от мысли, что ему удастся в не большом сочинении окончательно расставить все точки над «i». Однако очередная попытка анализа точек зрения, позиций в этой теме, думается, поможет определить тупиковые и перспективные направления ее разработки.

Понятие «российская диаспора» тесно связано с другой научной, и даже цивилизационной, проблемой, выходящей на общий историко-культурный пласт национальной идеи. Речь идет, по сути, о формировании основания российского социума, важнейшей составляющей которого является верный ориентир в определении содержания фундаментальной дефиниции – «российский народ». Этот общественный феномен представляет собой необходимый гносеологический посыл в исследовании его диаспоральных производных.

Мировоззренческий вопрос социальных характеристик, качественных черт и содержания понятия «российский народ» далеко не только предмет научных дискуссий, но, прежде всего, инструмент политического противоборства. Поэтому спектр имеющихся на него ответов настолько широк, насколько широка палитра современных взглядов российского политического истеблишмента. Например, вполне предсказуемо выглядит позиция евроцентристов и «ультралибералов», которые вслед за своими западными учителями утверждают, «если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской Рос-

сии, то нет и российской нации» [1].

Общая логика политического развития страны в начале 90-х гг. прошлого столетия в сторону «местечковых суверенитетов» дала благодатную почву для представления о российском народе как конгломерате наций, входящих в состав государства, исключающее главное содержание «российскости», или, другими словами, то, что позволяет идентифицировать эту историческую общность [2].

Созвучна с идеями этнонационализма и точка зрения сторонников «доминирования» титульной русской нации.

На необходимость учета постсоветской реальности с новым «мононациональным» статусом России и «этнизацией сознания русских» указывает профессор МГУ А.С. Барсенков. Из логики его рассуждений прямо следует вывод о том, что в этих условиях рассчитывать, что «русские удовлетворятся лишь “российской идентичностью” не приходится. Игнорирование этого обстоятельства ведет к тому, что объективно возникающие в межнациональной сфере противоречия неизбежно разрешаются через конфликты, неконтролируемые и порой весьма острые» [3; 63].

Забывать о нации и расчистить пространство для признания «российской гражданской нации» призывает бывший министр по национальной политике, а ныне глава профильного академического института В.А. Тишков [4].

Еще в середине 1990-х гг. он сформулировал положение о национальном устройстве России. «Россия – это национальное государство россиян, – писал он, – в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством» [5; 1, 3].

Таким образом, понимая российский народ как «историческое целое» и как «гражданскую нацию» [6; 1], исследователь выделяет следующие признаки российской диаспоры: отсутствие этнической актуальности; «единство на основе главной культурной отличительной черты – русского языка»; социокультурная идентичность, необходимым условием генерации которой является наличие «интеллектуалов как производителей субъектных представлений» и гуманитарно-политическая связь с Россией [7].

Исходные моменты научной концепции

* © Чибисов О.В.

дают основание автору считать тождественными термины «Русский мир» и «российская диаспора», объединяемых единым культурным фундаментом с русской культурной доминантой и, наоборот, отличать понятия «российских соотечественников».

Широкое использование недавно вышедших в правое поле и официальную лексику терминов «российские соотечественники» и «Русский мир» требует специально остановиться на трактовке этих понятий.

Актуализация первого связана с тем, что российский диаспоральный процесс, несмотря на богатый исторический путь материнского государства, находится в зачаточном состоянии, а в ближнем зарубежье дополнительно ко всему испытывает трудности, связанные с несовершенством социальных систем. В связи с этим возникает вполне обоснованное противоречие между благими устремлениями принять в лоно формирующейся российской государственности всех тех, кто является или может потенциально стать субъектом диаспоризации и реальностью российской идентификации. Попытка концептуализации, пока не определенной в своих качественных чертах общности россиян за рубежом, приводит к появлению аморфных в правовом и академическом смысле дефиниций. О несовершенстве и ущербности для правового поля понятия «соотечественник» говорят непрекращающиеся дискуссии о его трактовке и правоприменении.

Еще более высокий уровень абстрагирования от политической практики предполагает другой часто употребляемый термин – «Русский мир». Его рождение и политическое звучание подкреплено официальной декларацией и организацией одноименного фонда «Русский мир».

Логично, что в рамках своего умозаключения о российском народе В.А. Тишков склонен видеть в понятии «Русский мир» ту историческую общность, которая традиционно описывается концепцией «диаспоры». Однако, как показала практика, к кругу очерченному «Русским миром», относят себя далеко не только представители российской диаспоры или соотечественников, но все приверженцы и почитатели русской истории, культуры и традиций, например, ректор Университета иностранных языков из индийского Хайдарабада Абхай Морье, казахский поэт Олжас Сулейменов, президент Информационной корпорации из США Пол Ричардсон, итальянский публицист и писатель Г. Стюарт и т.д.

Наверное, было бы опрометчивым отказывать им в этой самоидентификации.

Таким образом, введение в научный и политический оборот термина «Русский мир», прежде всего, целесообразно для продвижения положительного имиджа и международного авторитета

России и привлечения к ее цивилизаторской миссии максимально широкого круга сторонников.

В научном плане вполне продуктивной выглядит концепция «Русский мир» как «культурно-цивилизационное образование, к которому относится почти треть миллиарда человек, проживающих на разных континентах», активно продвигаемая исполнительным директором фонда «Русский мир» В.А. Никоновым [8; 26, 27].

Наиболее продуктивной, на наш взгляд, концепцией российского национального устройства и вытекающей из нее позиции относительно определения содержания понятия российской диаспоры является точка зрения А.И. Вдовина и В.А. Корецкого.

«Российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, – пишут авторы, – а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов» [9; 360].

Объединяющим, интегрирующим началом и источником российской идентичности исследователи считают универсальную систему ценностей, генерируемую русским народом.

«Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности, способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства» [10; 360, 361].

Важные характеристики «российской диаспоры» как общественного феномена прямо вытекают из его мобильного состояния. При этом направления диаспоральной эволюции обусловлены как факторами социально-политической среды страны «исхода», так и страны «пребывания».

Процесс формирования российской диаспоры в странах СНГ имеет свою специфику. В первых, ее генерация происходит на фоне рождения «новых молодых» наций, сопровождаемого проявлениями крайнего этнонационализма. Не говоря о центрально-азиатских республиках, примеров тому достаточно даже в новейшей истории Украины с родственными, историческими корнями и этнической принадлежностью, населением. Во-

вторых, переходный период социально-экономического строя бывших союзных республик обуславливает большую дистанцию в адаптационном потенциале различных групп «диаспорального материала».

Неоднородность российской диаспоры в странах СНГ позволила Н.В. Калининой сделать вывод о том, что «по социальному статусу российскую диаспору в странах СНГ сегодня условно можно разделить на три большие группы» [11; 20]. И хотя, на самом деле, социальная структура российской диаспоры значительно сложнее, принятая Н.В. Калининой генерация отражает основные страты русскоязычного населения.

«К первой, самой многочисленной, – по мнению автора, – следует отнести представителей социально уязвимых слоев населения (одиноким пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды и т.д.).

Ко второй можно отнести людей, тесно связанных с государствами нынешнего проживания (состоящие в смешанных браках, имеющие постоянные источники дохода).

Третью, весьма немногочисленную категорию составляют лица, принадлежащие к числу политического истеблишмента или интеллектуальной элиты своих стран, занимающие прочные позиции в сфере бизнеса (государственные чиновники высокого ранга, политики, руководители крупных хозяйствующих субъектов, видные деятели науки и культуры и т.д.). Но число таких людей крайне невелико, как правило, они сознательно дистанцируются от России (занимающие высокие государственные посты порой проводят даже более жесткую антироссийскую линию, чем представители титульной нации), дабы не быть обвиненными в нелояльности к государствам гражданства» [12; 20, 21].

Указанные обстоятельства, помимо всего прочего, определяют значительную вариативность сценариев социально-политического поведения русскоязычного населения, а, следовательно, и позиции в диаспоральной интеграции. Поведенческий спектр российских соотечественников в странах СНГ соответственно выглядит следующим образом: ригористическое противостояние титульному национализму; желание мигрировать на историческую Родину; спокойное отношение к ассимиляции и превращению в материал построения постсоветской нации с доминантой коренного населения; позиция за активное проявление российской субъектности в стране проживания.

Понятно, что при таком разбросе в жизненных ориентирах наших соотечественников, говорить о возможности увидеть в ближайшее время сплоченную и организованную российскую диаспору в странах СНГ не приходится.

В свете вышесказанного, определение российской диаспоры как формирующегося организма, данное И. Ивановым, представляется достаточно убедительным.

«Российская диаспора, – пишет он, – рассматривается не просто как часть народа, проживающая за пределами современной России, имеющая с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящаяся к поддержке разнообразных контактов с исторической Родиной, но как транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, пока не содержащая социокультурный, общественно-политический и экономический потенциал» [13; 32].

Социально-политическая гетерогенность российской диаспоры в странах СНГ неизбежно порождает множественность ее организационных форм с несовпадающими целевыми мотивациями и установками.

Отсутствие выраженных признаков, совпадающих с классическим определением диаспоры, дает основание исследователям отказывать российским соотечественникам в странах СНГ в диаспоральной конституционализации. «Положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с помощью концепции диаспоры, – пишет А.А. Князев. – Нельзя определять как диаспору любую группу лиц определенной этнической (и/или конфессиональной) принадлежности, если у них нет функционально выраженного внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности» [14; 12, 13].

Отказ в концептуализации российской диаспоры в ближнем зарубежье отечественными исследователями направлен в сторону положительного разрешения политической и академической проблемы. Ее полноценное диаспоральное содержание авторы связывают с нарастающим потенциалом самоидентификации русскоязычного населения СНГ и диаспоральной политики России.

Совсем иную тональность имеют суждения некоторых западных обществоведов. Введение в научный оборот самого понятия «российская диаспора» они связывают исключительно с желанием России «отодвинуть свои административные границы», «политически утвердиться в постсоветском миропорядке». Вот, что пишут по этому поводу представители западной науки Х. Пилкингтон и М. Флинн: «Запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что термином “диаспора” стали активно оперировать в политическом и публичном дискурсе, причем без предварительной четкой его спецификации, в чрезвычайно широком значении, охватывающем все и вся» [15; 11].

Одним словом, эта точка зрения сводится к

выводу о том, что проблема российской диаспоры в странах СНГ инспирирована политическими амбициями России и не имеет под собой ни практического, ни академического основания.

Таким образом, российская диаспора остается предметом научных исследований и нескончаемых дискуссий. Несмотря на то, что в направлении изучения этой общности пройден достаточно сложный путь, имеющий свои достижения и результаты, остается неясным и потенциально полемическим большое количество вопросов: механизма консолидации диаспоры, институциональных качеств коммуникативных, трансграничных и внутрдиаспоральных свойств и т.д. Отсутствие устоявшейся точки зрения на эту проблему не является следствием обнаружения исследователями непознаваемого феномена или его существования исключительно в научных абстракциях.

Такое положение дел обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К субъективным следует отнести присутствие диаспоральной проблематики не только в академическом, но, прежде всего, в политическом пространстве, включенность в общий дискурс национальной и международной политики России. Объективной доминантой, определяющей процесс научного освоения темы, является динамичное состояние самого предмета исследования, которое, в свою очередь, опосредовано процессами, происходящими как в материнском государстве, так и в «принимающих» странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Э.А.Паин. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.
2. Р.Г.Абдулатипов. Принципы национальной политики. Вариант концепции для Российской Федерации. – М., 1994. И др.
3. А.С.Барсенков. К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008.
4. В.А.Тишков. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. – С. 3–26; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.
5. В.А.Тишков. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. № 15.
6. В.А.Тишков. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень сети этнологического мониторинга. 2007. № 72.
7. В.А.Тишков. Новый и старый «русский мир» // Стратегия России. 2007. 28 мая.
8. Материалы конференции «соотечественники – потомки великих россиян (Итоговый стенографический сборник)». – М., 2008.
9. А.И.Вдовин, В.А.Корецкий. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX к. – М., 1999.
10. Там же. С. 360–361.
11. Н.В.Калинина. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы. – М., 2005.
12. Н.В.Калинина. Указ. соч.
13. Российские вести. Федеральный еженедельник. 2005. № 9(1764).
14. А.А.Князев. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии // Русские в Киргизии. – Бишкек, 2008.
15. Х.Пилкингтон, М.Флинн. Чужие на родине(Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2-3.

O. Chibisov

CONCEPT «THE RUSSIAN DIASPORA»: THE TEORETIKO-POLITOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Article contains the teoretiko-politological analysis of modern working out of concept «the Russian diaspora» and the problems arising in treatment by this difinits.

Key words: Russia people, Russian diaspora, Russian world, Russia's socio-cultural space, Russian diaspora.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: abram-off@mail.ru

Аржанов Константин Александрович, соискатель кафедры истории мировых цивилизаций Московского городского педагогического университета; e-mail: reny1984@yandex.ru

Ахвледиани Нино Резмановна, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: Ninoakhvlediani@gmail.com

Багулин Александр Вячеславович, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: bagulin@list.ru

Бекбосынов Мэлс Борамбаевич, кандидат политических наук, докторант кафедры политических наук РУДН; e-mail: kirabaev@gmail.ru

Белов Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; тел. 8 (490) 732-97-17

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: volobuevov@yandex.ru

Воронин Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант Отдела комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН; e-mail: 6771443@mail.ru

Воронкова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного института экономики и торговли; e-mail: irivoronkova@yandex.ru

Гайдин Сергей Тихонович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: gaydinsergey@rambler.ru

Дементьев Владимир Ефремович, соискатель Пограничной академии ФСБ РФ; тел. 8-916-869-92-66

Захаров Виталий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета приборостроения и информатики; тел. (495) 708-24-18

Камолов Сергей Георгиевич, кандидат экономических наук, первый заместитель главы администрации Одинцовского района Московской области; e-mail: skamolov@yahoo.ru

Кирсанов Анатолий Иванович, кандидат политических наук, проректор Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: kirsanov_ai@mail.ru

Ковылин Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, докторант кафедры Отечественной истории Московского городского педагогического университета; e-mail: dakov77@rambler.ru

Крылов Денис Валерьевич, аспирант кафедры политологии и права МГОУ; e-mail: denbigg@mail.ru

Кулешов Алексей Станиславович, кандидат исторических наук, Главное управление специальных программ Президента РФ;

Киприянова Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета;

Летуновский Пётр Васильевич, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Смоленский институт бизнеса и предпринимательства

Ломакина Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Челябинской государственной академии культуры и искусств; e-mail: ilomakina@inbox.ru

Липатова Надежда Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Ульяновского государственного университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Лисова Светлана Юрьевна, кандидат политических наук, доцент Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина;

Маркин Дмитрий Геннадьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Муканова Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры этнологии и регионоведения Удмуртского государственного университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Наумов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;

Павлов Сергей Валентинович, соискатель ученой степени кандидата исторических наук Московского государственного областного университета, полковник запаса; e-mail: pavlov-s-v@rambler.ru

Пирогова Лидия Ивановна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук и государственного правления; тел. 8-916-680-71-73

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Пучков Павел Андреевич, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

Смирнова Светлана Александровна, Московский Государственный Областной университет аспирант кафедры теории и методики преподавания истории и общественно-политических дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: sm-alla@yandex.ru

Сухова Наталия Юрьевна, кандидат исторических наук, магистр богословия, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, доцент кафедры Истории Русской Православной Церкви, заведующий Учебно-методическим отделом Богословского факультета; e-mail: suhova_n@mail.ru

Сытин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, докторант-соискатель кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (г. Москва);

Таточенко Виктор Валерьевич, аспирант кафедры Отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; e-mail: tatochenko.84@mail.ru

Трухин Михаил Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: aristei2007@yandex.ru

Хамидуллин Нурислан Ринатович, адъюнкт кафедры военно-социальной работы и морально-психологического обеспечения Военного университета (г. Москва); e-mail: nurislan77@mail.ru

Ходаковский Владислав Валериевич, аспирант кафедры отечественной истории Воронежского государственного педагогического университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Чуркин Максим Григорьевич, младший научный сотрудник Московского государственного социально-гуманитарного института; тел. 8-909-937-38-69

Шевченко Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Красноярского государственного аграрного университета (КрасГАУ); тел. 8-(3912)-2-22-16-17

Шелудченко Николай Петрович, Московский Государственный Областной Университет, 8-(985)-184-46-52

Чибисов Олег Владимирович, Московский государственный университет леса; тел. 8-906-793-24-12

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: **прикреплённый файл** на сайте www.mgou.ru).

Первый номер по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй- 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется на почте через каталог Агентства «Роспечать» или непосредственно в Издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу baska-bella@mail.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
  - фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;
  - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;
  - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
  - номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
  - номер факса с кодом города;
  - адрес электронной почты (личный или учреждения);
  - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) ключевые слова на русском и английском языках;
- г) текст статьи;
- д) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: aytor@yandex.ru, конт. тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10а, комн.98. Потапова Ирина Александровна.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	<p>НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»</p>
на английском языке	<p>НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»</p>
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	<p>Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы</p>

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков.

Все формулы должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставленном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Ответственный редактор серии «История и политические науки» – доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, факультет истории, политологии и права.

ВЕСТНИК
*Московского государственного
областного университета*

Серия
«История и политические науки»

№ 4

Подписано в печать: 05.11.2009.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «Muglad Pro». Уч.-изд. л. 21,75. Усл. п. л. 13,5.
Тираж 355 экз. Заказ № 186.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.